В·Ф·ВАСИЛЬЕВ

РАБОЧИЙ КЛАСС БИРМЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В. Ф. ВАСИЛЬЕВ

РАБОЧИЙ КЛАСС БИРМЫ

(ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОЛЕТАРИАТА. 1870—1970-е ГОДЫ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

Ответственный редактор
Г. Ф. КИМ

В книге исследуется история промышленного пролетариата Бирмы со времени его зарождения до наших дней. Этапы формирования и развития рабочего класса рассматриваются в связи с основными этапами политической борьбы в стране в колониальный период и после достижения в 1948 г. независимости. Особое внимание уделено современному периоду, начавшемуся с приходом к власти в 1962 г. Революционного совета, который выдвинул программу социалистической ориентации и осуществил ряд прогрессивных преобразований в бирманском обществе.

В $\frac{10605\text{-}041}{013(02)\text{-}8}$ 73-77

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ ВАСИЛЬЕВ

РАБОЧИЙ КЛАСС БИРМЫ

(формирование и развитие промышленного пролетариата. 1870—1970-е годы)

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор *А. Г. Лиознов*. Младший редактор *С. П. Какачикашвили*. Художник *Е. В. Бекетов*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редактор *М. В. Погоскина*. Корректор *Л. Ф. Орлова*.

ИБ 13119

Сдано в набор 12/I 1977 г. Подписано к печати 15/IX 1977 г. А 02962. Формат 60×90[1]/16. Бум. № 1. Печ. л. 19,5. Уч.-изд. л. 21,77. Тираж 1200 экз. Изд. № 3607. Заказ № 17. Цена 2 р. 30 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Полиграфическое объединение «Полиграфист» Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Мосгорисполкома. Москва, ул. Макаренко, 5/16

ВВЕДЕНИЕ

Данная книга посвящена рабочему классу Бирмы, точнее — истории формирования и развития промышленного пролетариата страны со времени появления его первых очагов в конце прошлого века до наших дней.

Ведущая роль международного рабочего класса в борьбе против эксплуатации и угнетения, за демократию и социализм неизменно подтверждается ходом истории. Рабочим классом России в союзе с беднейшим крестьянством была осуществлена Великая Октябрьская социалистическая революция, а после второй мировой войны произошли социалистические революции в ряде стран Восточной Европы, Азии, на Кубе. Возникла и развивается мировая социалистическая система. Рабочий класс капиталистических государств все более становится центром притяжения антимонополистических сил своих стран [38, 17, 194]. В этих странах, говорится в Отчете ЦК КПСС XXV съезду, «возросли сила и авторитет рабочего класса, поднялась его роль как авангарда в борьбе за интересы трудящихся, подлинные интересы нации» [39, 29]. В ходе развития и углубления национально-освободительного движения все более поднимается значение рабочего класса бывшего колониального мира. Как и повсюду, рабочий класс развивающихся стран имеет тенденцию к росту, повышается его классово-политическая и экономическая роль в обществе. «В конечном счете именно рабочее движение сыграет определяющую роль и в этом районе мира», — отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в своем выступлении на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 г. [40, 63].

Тема рабочего класса — многосторонняя и многоплановая. Политические, социальные, экономические, культурные, психологические, структурные аспекты развития рабочего класса разных стран и континентов, равно как и разных исторических периодов, — тематика в высшей степени актуальная. К числу наиболее важных общих научно-политических проблем, связанных с рабочим классом, относится и проблема рабочего класса развивающихся стран.

Хотя тема рабочего класса стран Азии и Африки всегда интересовала советское востоковедение, на рубеже 50—60-х годов произошло несомненное усиление внимания к ней. Это отразило

как общий этап творческого оживления общественных наук в СССР, так и, в особенности, возросший теоретический и практический интерес к проблеме рабочего класса в условиях углубления национально-освободительных революций на Востоке, когда чрезвычайно важна разработка правильной революционной стратегии и тактики. Рост внимания к этой проблеме в большой степени обусловлен усилением борьбы за выбор пути дальнейшего развития освободившихся стран, выдвижением программ социалистической ориентации в некоторых из них, необходимостью разоблачения всех проявлений правого и «левого» ревизионизма.

С 60-х годов в СССР заметно увеличился выпуск книг и статей, в которых исследуется тема рабочего класса на Востоке. Расширилась и углубилась их проблематика. Повысился их теоретический уровень и практическое значение. Стала более широкой «география» исследований. Они во все большей степени опирались на тщательное изучение первоисточников. С той или иной полнотой были проанализированы различные аспекты проблемы рабочего класса многих развивающихся стран, причем нередко типологически разных, что дало возможность сравнивать неодинаковые в количественном и качественном отношениях страноведческие ситуации. На этой почве было начато обобщение регионального и общевостоковедного планов.

Надо подчеркнуть, что в подходе к ряду принципиальных вопросов произошли значительные изменения. Больше стали учитываться особенности развития стран Востока и специфика их социально-классовой структуры, преодолевался прямой европоцентризм. Рассмотрение различных аспектов проблемы рабочего класса стало все более тесно увязываться с анализом конкретных внутренних факторов развития. Подход к рабочему классу «вообще», как к некоему однородному целому, в значительной мере уступал место подходу к нему как к совокупности социально различающихся слоев. Усиливалось изучение отраслевых, стадиальных, иерархических и иных подобных групп и отрядов рабочего класса. Возникла необходимость ввести в исследования категории современных и традиционных (докапиталистических) классов и слоев, в том числе групп наемного труда (поскольку это отражает реальное разделение в рамках разных производственных систем и социально-экономических структур) [см. 166; 168; 291]. Встал вопрос о более полном изучении исторических форм наемного труда в докапиталистических условиях. Вместе с тем усилилась потребность в более целенаправленном исследовании промышленного пролетариата на Востоке, условий, характеристик его формирования и перспектив его развития. Возросло понимание того, что промышленный пролетариат всюду, где он есть и формируется, составляет, как бы мал он ни был, ядро рабочего класса, современную, наиболее прочную и надежную классовую базу борьбы против колониализма и капитализма, за свободу, демократию и социализм. В изучении промышленного про-

летариата на Востоке поставлен вопрос о системе показателей, позволяющих точнее определить стадию его формирования [см. 208]. Обращается все большее внимание на комплексное исследование социально-экономических, социально-психологических и политико-идеологических предпосылок формирования рабочего класса в развивающихся странах.

Определение задач экономической и социально-политической борьбы рабочего класса на Востоке стало в большей мере опираться на изучение конкретных этапов социально-экономического и политического развития стран и регионов. Поскольку за последние десятилетия на арену общественной борьбы в развивающихся странах вышли многочисленные массы крестьянства, средних и промежуточных слоев, которые обычно количественно превосходят рабочий класс, одним из важнейших аспектов изучения стала проблема союза прогрессивных сил и места рабочего класса в этом союзе.

Помимо выпуска большего количества страноведческих исследований значительным достижением была публикация начиная с 60-х годов ряда коллективных изданий, посвященных положению и движению рабочего класса стран Азии и Африки. В основном они представлены сборниками статей [246; 255; 253; 256; 250; 269; 289; 218; 251]. В них по сравнению с прежними работами значительно расширен охват стран, регионов, источников и проблем. Например, в справочник, изданный в 1964 г. [255], были включены материалы (разделы) по 60 странам Азии и Африки, и он до сих пор является важным источником информации о рабочем классе и наемном труде в странах Востока начала 60-х годов. В написании этих коллективных работ участвовало около ста авторов, часть которых выпустила и индивидуальные монографии. Среди авторов таких монографий и разделов или статей в коллективных изданиях нельзя не назвать хотя бы некоторых, постоянно работающих по теме рабочего класса или специально исследовавших те или иные вопросы, связанные с этой темой. Это Т. Н. Акатова (Китай) [133], Ш. М. Бади (Иран) [138; 139; 255; 289], О. Г. Барышникова (Филиппины) [140; 141], М. И. Брагинский (Тропическая Африка) [289; 269; 146], В. Г. Гельбрас (Китай) [346, 1972, № 3]; Л. А. Гордон (Индия, общие вопросы) [164; 165; 166; 168; 255], В. А. Дольникова (Таиланд) [256; 173], М. Н. Егорова (Индия) [255; 253; 250; 218; 165], В. А. Жеребилов (Малайя) [255; 178], И. Ф. Жулев (Филиппины) [141; 179; 180], О. И. Забозлаева (Индонезия) [181], Е. П. Заказникова (Индонезия) [182; 183], М. С. Иванов (Иран) [185], А. И. Ионова (Индонезия) [189], А. А. Искендеров (Япония) [246; 255; 250], А. С. Кауфман (Бирма, Юго-Восточная Азия, общие вопросы) [191; 193; 197], Г. Ф. Ким (Корея, общие вопросы) [195; 196; 197], В. И. Киселев (арабские страны) [246; 255; 250], Ю. И. Комар (Заир, Конго) [255; 256; 203], С. И. Кузнецова (Тропическая Африка, общие вопросы) [255; 208], Г. И. Левинсон

(Филиппины) [212], А. П. Муранова (Бирма) [255; 233], С. А. Мхитарян (Вьетнам) [234], Т. С. Покатаева (общие вопросы) [198, т. 1; 258], А. Б. Резников (вопросы коммунистического движения) [204], Ю. Н. Розалиев (Турция, общие вопросы) [261; 246; 255; 250; 289], С. Н. Ростовский (Юго-Восточная Азия) [262], В. С. Руднев (Малайя) [263; 263а], Т. Рузиев (Пакистан) [264; 255; 250], И. А. Рябова (Малайзия) [267], И. Г. Санович (вопросы коммунистического движения) [250], П. П. Топеха (Япония) [280], Л. А. Фридман (Египет, общие вопросы) [290; 291; 166; 167; 168], Н. И. Черняховская (Афганистан) [289], Б. А. Шабаев (страны Магриба) [253; 250; 293], Ф. И. Шабшина (Корея) [294]. Мы упомянули лишь те работы перечисленных авторов, которые сочли для себя наиболее важными в фактологическом или методологическом отношении.

Надо указать также на ряд серьезных историко-экономических исследований отдельных стран Востока, в которых освещаются проблемы эволюции различных социальных сил, включая рабочий класс. Здесь в первую очередь хотелось бы назвать монографии по Индии А. И. Левковского [214], В. И. Павлова [244], В. Г. Растянникова [259], А. И. Чичерова [292], Г. К. Широкова [295] и коллективные работы по истории Индии [241; 242; 136], в написании которых приняли участие лучшие советские индологи разных поколений; это также исследования по Пакистану Ю. В. Ганковского и Л. Р. Гордон-Полонской [161], по Японии А. И. Динкевича [172], по Филиппинам Г. И. Левинсона [213].

В последние годы появляется все больше советских работ по общим вопросам освободившихся стран, углубляющих наши представления как о прошлом бывшего колониального и полуколониального мира, так и о нынешних его проблемах и перспективах развития. Эти работы особенно важны в методологическом отношении, хотя они не равноценны и подходы к различным вопросам в них не являются идентичными. Укажем на исследования К. Н. Брутенца [147], Б. Г. Гафурова [163], А. А. Искендерова [187], А. П. Колонтаева [202а], А. И. Левковского [215], Г. И. Мирского [229], Н. А. Симония [271; 272], В. Л. Тягуненко [281], Р. А. Ульяновского [287; 288].

Институты Академии наук СССР — Институт востоковедения, Институт Африки, Институт мировой экономики и международных отношений — издали фундаментальные коллективные труды. Так, в 1967 г. выпущен трехтомник «Классы и классовая борьба в развивающихся странах» [198]. Первый том этого издания впервые в нашей историографии системно проанализировал классовую структуру развивающихся стран (глава о рабочем классе написана М. В. Данилевичем и Т. С. Покатаевой). В 1967—1968 гг. вышли три книги работы «Национально-освободительное движение в Азии и Африке» [238; 239; 240]. Это издание уникально охватом огромного исторического материала и

проблем от образования колониальной системы до развития освободившихся стран на начало 1960-х годов, и в нем неоднократно затрагиваются вопросы, связанные с рабочим классом и рабочим движением на Востоке. В 1973 г. опубликовано содержательное исследование «Развивающаяся Азия» [257], в котором дан анализ развития экономики ряда освободившихся стран Востока, причем уделено внимание изменениям в отраслевой занятости экономически активного населения, в частности в промышленности. В 1974 г. примерно одновременно вышли две коллективные монографии. Одна из них написана сотрудниками Института востоковедения АН СССР. Это «Зарубежный Восток и современность. Основные закономерности и специфика развития освободившихся стран» в двух томах [184]. Работа освещает важнейшие процессы общественного развития современного Востока, в том числе социально-экономические, национальные и идеологические. Обращено внимание и на современную классовую ситуацию. Другое коллективное исследование — «Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы» [258] — выпущено Институтом мировой экономики и международных отношений АН СССР. Треть данной работы посвящена вопросам эволюции социальной структуры развивающихся стран, в том числе рабочего класса. Исследование в целом отличает новый для нашей историографии развивающихся стран теоретико-логический подход к проблемам, стремление оценить в большей мере тенденции общественного процесса, чем факты, что, естественно, в принципе может быть успешно тогда, когда уже накоплен минимум фактического материала и сделаны по меньшей мере некоторые выводы на уровне «первых этажей» обобщения.

К этим работам примыкают изданные в 1968—1974 гг. обстоятельные исследования Института Латинской Америки АН СССР по социально-классовой структуре региона: «Пролетариат Латинской Америки» [249], «Сельские трудящиеся Латинской Америки» [268], «Средние городские слои Латинской Америки» (275). Значение этих исследований не только в том, что впервые по отдельному региону мира предпринята социологическая работа такого рода, но и в том, что на обильном материале показана существенная разница между афро-азиатским миром и латиноамериканским обществом.

Несмотря на успехи, достигнутые в изучении рабочего класса Азии и Африки, нельзя не признать, что ряд проблем еще не исследован или исследован недостаточно, а в самой их постановке имеются пробелы и односторонность. Это касается как общих вопросов, так и страноведческих и региональных. На наш взгляд, требуются обобщения, более полно и надежно опирающиеся на количественный анализ различных аспектов формирования и развития рабочего класса. Нужен более разносторонний и комплексный подход к изучению этапов развития рабочего класса в условиях экономической отсталости. Ощущается недостаток также в

сравнительном изучении рабочего класса Востока и Запада (предметно-конкретном и на уровне обобщений). Жизнь выдвигает все новые проблемы. Некоторые вопросы, казавшиеся ранее простыми и решенными, неожиданно превращаются в задачу, которую еще предстоит решать в свете меняющихся условий. Является дискуссионным, например, вопрос о внутренней структуре рабочего класса, его верхних и нижних границах в условиях развивающихся стран. Возникают новые чисто теоретические проблемы, в том числе понятийно-терминологические. В частности, современное социально-классовое развитие общества усложнило вопрос об определении самого понятия «рабочий класс». Состав рабочего класса изменился, стал более сложным повсюду, где имеет место технический прогресс, особенно на уровне научно-технической революции. Это касается и стран развитого капитализма, и социалистических государств. По мере развития процессов модернизации это стало касаться и развивающихся стран.

В целом, на наш взгляд, имеется определенное методологическое отставание в изучении пролетариата современного Востока в сравнении с изучением рабочего класса стран развитого капитализма. Можно наблюдать также известный недоучет общих закономерностей и моментов развития рабочего класса на фоне преувеличения восточной специфики. На этот счет есть свои объяснения. Нужно помнить о существовании давней марксистской традиции серьезного исследования пролетариата западноевропейских стран, о наличии в них большого и систематического материала для изучения (уже в силу самого факта более высокого уровня их социально-экономического развития). Вместе с тем надо помнить, что крен в сторону подчеркивания особенностей Азии и Африки возник в свое время как реакция на излишне европоцентристский подход к Востоку в прошлом.

Вот почему важно продолжать изучение рабочего класса на Востоке в любых планах и масштабах (страноведческом, региональном, общем), исследуя своеобразие условий и черт его развития и в то же время рассматривая вопросы на фоне закономерностей мирового процесса. В связи с этим необходимо полнее учитывать современные достижения историков, экономистов, социологов, работающих по теме рабочего класса применительно к другим странам и регионам, выводы мирового коммунистического движения, все то ценное, что дает передовая общественная мысль по этой проблеме. Здесь нельзя не подчеркнуть большое теоретическое значение материалов обмена мнениями, проводимого журналом «Проблемы мира и социализма» или с его участием [см., например, 276; 247; 254].

В последние годы основная исследовательская работа по проблемам рабочего класса концентрируется в Институте международного рабочего движения Академии наук СССР. Деятельность института оказывает благотворное методологическое влияние на изучение проблем рабочего класса в целом. Принципи-

альное значение имеет обобщающий труд «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории», выполняемый под руководством данного института. Вышедший из печати первый том этого семитомного издания — «Возникновение пролетариата и его становление как революционного класса» [224] — исследует вопросы генезиса наемного труда и первые этапы формирования и борьбы рабочего класса, что важно для понимания соответствующих процессов во всех регионах и странах, и в то же время затрагивает конкретные моменты складывания пролетариата в Азии и Латинской Америке.

Кроме указанных выше научных учреждений проблемами рабочего класса занимаются также в Институте всеобщей истории, Институте истории СССР, Институте США и Канады, Институте Дальнего Востока, Институте философии, а также в Академии общественных наук при ЦК КПСС, Московском и Ленинградском государственных университетах и др.

Из многочисленных советских исследователей, которые занимались или занимаются проблемами социальной структуры общества в целом или вопросами рабочего класса стран развитого капитализма, а также России или СССР и работы которых были в той или иной мере использованы автором, хочется назвать А. А. Арзуманяна [см. 137], Л. С. Бляхмана [144], Ю. А. Васильчука [154; 344, 1976, № 10], А. Б. Вебера [155; 156], А. А. Галкина [160], Н. Д. Гаузнера [162], Г. Г. Дилигенского [171], Н. М. Дружинина [174], И. Д. Ковальченко [216], Р. И. Косолапова [205], А. Н. Мельникова [225—227], Л. Е. Минца [228], С. Н. Наделя [235—237], М. Н. Руткевича [266], В. С. Семенова [270], А. И. Соболева [273], Т. Т. Тимофеева [223, 1971, 1974; 277—279], А. С. Черняева [279], О. И. Шкаратана [144]. Использованы также некоторые работы ученых социалистических стран: Ю. Герберта (ГДР) [298], И. Грузы (ЧССР) [299], Е. Клеера (Польша) [300], Ю. Кучинского [301], Д. Митева (НРБ) [302].

Вопрос о рабочем классе Бирмы, которому непосредственно посвящена данная работа, в той или иной мере уже затрагивался в востоковедной литературе — как в советской, так и в иностранной.

Среди исследований советских авторов прежде всего надо упомянуть о первой в нашей стране монографии о рабочем классе Бирмы, опубликованной в 1961 г. А. С. Кауфманом [191]. Она дает очерк зарождения и формирования рабочего класса. Основное внимание в этой работе уделено политической роли рабочего класса и коммунистов Бирмы в национально-освободительном движении страны до провозглашения ее независимости в 1948 г. В 1956 г. была опубликована статья автора этих строк, посвященная рабочему классу и национально-освободительному движению в Бирме до второй мировой войны [149]. Особо надо отметить монографию С. М. Макаровой о развитии капитализма в про-

мышленности Бирмы, изданную в 1968 г. [219]. В ней впервые «сквозным образом» прослеживаются зарождение и эволюция капиталистических форм экономики Бирмы от предколониального периода до середины 60-х годов XX в. Работа вводит в научный оборот материалы ранее не использовавшихся источников и содержит ряд данных о формировании наемного труда в стране. В опубликованном в 1964 г. справочнике в качестве одного из его страноведческих разделов помещена статья о рабочем классе Бирмы, написанная А. П. Мурановой [232]. Статья богата различной фактологической информацией. Полезные материалы по интересующей нас проблематике имеются в книгах по истории Бирмы М. Г. Козловой [201; 202]. Были использованы работы И. П. Азовского по экономике Бирмы [130; 132]. Данные о сельскохозяйственном пролетариате приводятся в монографиях Г. Н. Климко [199] и А. Ф. Жабреева [177]. Ряд фактов и наблюдений в связи с демографическими условиями формирования пролетариата в Бирме можно найти в статье А. Р. Вяткина о миграции населения [157]. Попутно с другими проблемами вопросы, связанные с рабочим классом Бирмы, затрагивались в общих работах советских бирманистов, в частности С. С. Шнайдера [296], А. С. Кауфмана [194], Ю. Н. Гаврилова [159], И. В. Можейко и А. Н. Узянова [231], автора этих строк [150].

Обширная информация о рабочем классе Бирмы содержится в работах иностранных авторов, среди которых англичане, американцы, индийцы, а в последнее время — сами бирманцы. Укажем прежде всего на работы бирманцев.

Начало бирманским исследованиям вопроса о рабочем классе Бирмы, судя по всему, положила книга «Алоутама лока» (Мир рабочих), вышедшая в Рангуне в 1939 г. Ее автор Такин Со одно время участвовал в рабочем и коммунистическом движении в своей стране, однако с 1946 г., после раскола компартии, перешел на позиции левого экстремизма. Фактологический материал этой публикации стал нам известен из работ о труде и профсоюзном движении в Бирме У Мьо Тун Линна [321; 322; 323]. Последние написаны с позиций тред-юнионизма, но все же представляют значительный интерес, тем более что принадлежат к числу первых бирманских исследований проблемы после провозглашения страной независимости. К первым же бирманским работам независимого периода, посвященным рабочему классу, относится и книга Сая Че об истории мирового рабочего движения, изданная в Рангуне в 1957 г. [305]. В ней есть и раздел о Бирме, имеющий историко-политический характер. В 1968 г. в Рангуне вышла книга о рабочем движении в Бирме, которую написал известный прогрессивный профсоюзный деятель страны Такин Лвин [305а]. В 1972 г. она была издана в СССР в сокращенном переводе [303]. Автор давно связан с рабочим движением и является другом Советского Союза. Изложение некоторых вопросов в этой книге доведено до середины 60-х годов XX в.

Что касается исследований, которые затрагивают смежные темы экономического и демографического развития Бирмы, но имеют весьма важное значение для понимания проблемы труда, то здесь нужно выделить работы Р. М. Сундрума [329—332]. Последняя из обозначенных работ [332], посвященная анализу переписей 1950-х годов, очень ценна прежде всего тем, что содержит ряд неопубликованных данных частичной сельской переписи 1954 г. и, таким образом, приобретает характер первоисточника. Большая работа по истории экономического развития Бирмы написана У Эй Хлайном [308]. Надо упомянуть также содержательные исследования У Тун Вея [336] и У Маун Шейна [320].

Среди работ иностранных авторов небирманцев следует особо выделить работы Дж. С. Ферниволла [314; 315], Дж. Р. Эндруса [307], Э. Дж. Л. Эндру [306], П. П. Пиллаи (ред.) [324], В. Томпсон [334], О. Х. К. Спейта [327], Уши Махаджани [338], Л. Дж. Валинского [339], Чен Сиок-хуа [313].

Основные замечания об изданных до сих пор работах по интересующим нас проблемам могут быть сформулированы следующим образом.

Во-первых, почти все они содержат данные о событиях не позднее 40-х годов XX в. Лишь две-три работы как-то касаются 50-х и 60-х годов. Охват же вопросов, связанных с периодом деятельности Революционного совета и последующими событиями, вообще минимален. Следовательно, эти работы по большей части относятся к прошлому.

Во-вторых, преимущественное внимание в работах советских авторов, включая пишущего эти строки, уделялось политическим проблемам рабочего класса Бирмы, в основном в связи с национально-освободительным движением в стране. «Внутренние» же аспекты проблемы рабочего класса Бирмы (например, источники, состав, структура, динамика, численность, границы рабочего класса страны и т. п.) до сих пор тщательно не изучены.

Строго говоря, мы еще не знаем даже общей численности рабочего класса современной Бирмы. Отчасти — это результат пробелов статистики, отчасти — следствие определенной недооценки значимости количественных характеристик. Следовательно, весьма важно уделить внимание выяснению целого ряда количественных параметров рабочего класса страны. Вместе с тем целесообразно усилить критический подход к некоторым прежним представлениям и выводам, в недостаточной мере опирающимся на количественный анализ. Именно поэтому в предлагаемой работе особое внимание обращено на те процессы и явления, а также соответствующие выводы, которые можно было доказать, подтвердить, подкрепить или опровергнуть с помощью статистических данных.

Общая позиция, из которой исходит автор в своем исследовании, состоит в том, что развитие Востока со времен колониализма есть непосредственная часть единого всемирно-исторического

процесса. Это предполагает анализ различных процессов на колониальном Востоке, в том числе и процесса формирования и развития рабочего класса, как результата взаимодействия западных и восточных социально-экономических элементов в рамках возникшей единой системы «Запад — Восток» (или «метрополия — колония») [см. 272, 164, 165—169]. При этом вторгшиеся западные элементы (прежде всего политическая власть и капитал) играли роль агентов капиталистических нововведений в традиционном восточном обществе. В рамках этой системы специфика Востока заключается не в принципиальных отличиях сущности процессов развития рабочего класса и их главных закономерностей, а в отличиях стадий, форм, масштабов, иногда последовательности развития, в «пропусках», «наложениях», замедлениях, ускорениях и вообще в деформациях каких-то его этапов и граней. Эти особенности обусловлены сравнительным отставанием Востока от Запада в социально-экономическом отношении к началу колониализма, «периферийностью» афро-азиатских стран в течение всего этого периода, широчайшим ограблением Востока метрополиями, длительной слабостью и односторонностью его экономического развития в условиях насильственного включения в русло мирового капитализма и связей с Западом. Чрезвычайно важным фактором явилось заимствование (хотя бы частичное) отставшими странами от развитых стран не только исторически прогрессивных техники и социальных форм, но и общественной и классовой идеологии, в том числе — к концу эпохи колониализма — марксистско-ленинских идей.

Такая исходная позиция позволяет максимально полно учитывать как общемировое, так и специфично-восточное при анализе проблем и диалектически применять к условиям Востока, восточной страны категорию рабочего класса, сформулированную в Европе и больше всего изученную марксистской мыслью на основе опыта Европы.

При исследовании рабочего класса колониальной или освободившейся страны особенно важно с методологической точки зрения учитывать ряд моментов, неоднократно отмечавшихся в работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Остановимся на этих моментах несколько подробнее.

1. Рабочий класс, пролетариат не имеет никаких средств производства (собственного хозяйства, орудий труда и материалов) и живет исключительно продажей своей рабочей силы [см. 5, 179, 628; 10, 322, 326; 12, 213—214, 230; 18, 83, 89, 96; 24, 269].

Речь идет, конечно, не о педантичном отстаивании «стерильной чистоты» рабочего класса в социальном отношении, или об игнорировании социальных истоков пролетариата и переходных к нему социальных групп, или, тем более, о противопоставлении рабочего класса другим трудовым слоям. Главное, на наш взгляд, состоит здесь в том, чтобы в условиях многоукладности и соци-

альной многослойности колониальной и освободившейся страны на основе четкого марксистского критерия установить принципиальные границы собственно рабочего класса, теоретически обоснованно «выделить» его из народа и трудящихся вообще, в первую очередь учитывая его отличия от непролетарских и полупролетарских слоев. Именно недостаточное внимание к этому критерию способствует тому, что оценки численности рабочего класса стран Азии и Африки оказываются нередко чрезмерно завышенными в результате включения в понятие рабочего класса непролетарских и переходных социальных групп. Поскольку изучается определенный общественный класс, причем в определенной исторически меняющейся конкретности, принципиальные рамки его также должны быть логически и исторически четко определены, иначе происходит подмена объекта изучения каким-то иным социальным образованием (или совокупностью образований), а действительное положение дел искажается. Вспомним, что В. И. Ленин подчеркивал решительную критику К. Марксом и Ф. Энгельсом тех людей, «которые забывали о различии классов, говорили о производителях, о народе или о трудящихся вообще» [30, 100]. Ф. Энгельс проводил резкую грань даже между мануфактурным и фабричным рабочим [10, 326].

2. Рабочий класс, пролетариат — отдельная социальная общность, отдельный класс в общей массе неимущих, часть которых в лучшем случае является его социальными предшественниками и источником [см. 12, 230—231; 13, 193—194]. При изучении пролетариата Азии и Африки помнить об этом особенно важно.

Массовая нищета и разорение при слабом развитии промышленности создавали и создают широкую и устойчивую категорию просто неимущего населения, бедняков, пауперов, случайных работников — общность, которая может достигать больших размеров и преобладать над наемным трудом и рабочим классом как таковым (даже при отнесении к последнему значительных масс безработных). Характерная особенность данной категории состоит в том, что, являясь продуктом разложения прежних форм, она в целом не обладает свойствами какого-то одного класса, очень неоднородна. Она «имеет выход» на рабочий класс, на мелкую буржуазию, но масса ее членов остается пауперами, предпролетариями, люмпенами, хотя, очевидно, все или большинство входящих в эту категорию людей так или иначе прибегают к непостоянной и случайной работе по найму. Это классово неопределенная, но социально-взрывная категория, которую в политике игнорировать нельзя. В данном же случае необходимо подчеркнуть, что ее не следует отождествлять с рабочим классом, даже несмотря на то что в некоторых случаях (касающихся, например, безработных) разделительную линию между ними провести трудно. Иными словами, социальные границы неимущих, обездоленных на Востоке гораздо шире границ рабочего класса, и это также важно учитывать при оценке численности последнего.

3. Объединение, формирование класса пролетариата происходит постепенно, в течение сравнительно длительного времени, и требует определенных объективных и субъективных условий [см. 1, 183; 8, 431—435; 14, 535; 21, 117—118; 22, 125; 28, 14; 29, 309—310; 34, 20].

Здесь необходимо опираться на известные положения марксизма-ленинизма об эволюции форм (стадий) капитализма в промышленности (простая кооперация, мануфактура, фабрика) [см. 5, гл. 11—13; 19, гл. V—VII]. Вместе с тем важно учитывать особые черты развития этих форм на Востоке (застойность ремесла, слабость развития мануфактуры, слабость внутренних предпосылок для перехода от ручного труда к машинному [см. 202а, 62, 66, 70]), которые не могли не отражаться соответствующим образом на формировании наемного труда.

В то же время к Востоку, несомненно, полностью применимы выделенные основоположниками научного социализма основные «фазы», или «ступени», развития пролетариата [8, 435, 431] и сформулированные ими понятия «класса по отношению к капиталу» («класса в себе») и «класса для себя» [1, 183] — понятия, различающие этап объективной, так сказать, «физической», сформированности рабочего класса и этап субъективного осознания пролетариатом своих классовых интересов. В этой связи большое методологическое значение имеет учет фактора распространения промышленной революции в странах Востока, развития экономической и политической (классовой) борьбы местного пролетариата, его профессионального объединения и создания пролетарской политической партии. Очень существен для исследования рабочего класса Востока тезис В. И. Ленина о том, что объединение пролетариата в класс может происходить десятилетиями [29, 310] и что под понятие «рабочий» подпадает только тот, кто после «многих лет пребывания на фабрике» «по своему жизненному положению должен был усвоить пролетарскую психологию» [34, 20].

Исходя из этих положений, а также учитывая международный опыт, можно, например, полагать, что не во всех случаях антиимпериалистическая борьба рабочих в колониях была непосредственно политической классовой борьбой; иногда она вполне укладывалась в русло национального, антииностранного движения, содержа в себе лишь потенции классовости. Такого рода разграничения важны для правильной, адекватной оценки степени классовой зрелости пролетариата той или иной угнетенной страны или даже страны, добившейся национальной независимости.

4. Современный пролетариат — прежде всего крупнопромышленные рабочие. Как известно, подчеркивая всю важность крупнопромышленного ядра пролетариата, основоположники научного социализма не раз говорили даже о «классе фабричных рабочих» [15, 314], о «подлинном крупнопромышленном пролетариате» [14, 535], о «классе фабрично-заводских рабочих» [16,

194], о классе, занятом в крупной капиталистической или просто крупной промышленности [см. 32, 161; 33, 326]. Эти положения, обычные для развитых стран, следует в принципе применять и к условиям колониального и освободившегося Востока — хотя бы для того, чтобы убедиться, что крупнопромышленного пролетариата в большинстве стран Востока еще мало, а кое-где пока даже нет совсем. Но крупная промышленность ныне неуклонно развивается во многих странах афро-азиатского региона, и в целом здесь неизменно растет значение этого ядра современного пролетариата. Стадиальное отличие развивающегося Востока от капиталистически развитого Запада в данном смысле состоит в том, что Восток в целом находится еще на этапе (а кое-где — только на пороге этапа) той производственной системы, которая связана с промышленной революцией XIX в., тогда как Запад уже вступил в следующую производственную систему, связанную с современной научно-технической революцией. Хотя научно-техническая революция уже все более касается и развивающихся стран, развитие их промышленности, по-видимому, еще долго будет происходить главным образом в формах, созданных в результате промышленной революции, и соответственно будет развиваться крупнопромышленное ядро рабочего класса.

5. Хотя сила пролетариата как класса больше, чем его доля в населении [19, 13; 28, 23], при оценке силы и потенций пролетариата, особенно промышленного, количественный критерий играет принципиально важную и незаменимую роль [17, 6; 22, 125; 26, 384; 29, 312; 35, 391].

Тезис о том, что сила пролетариата больше, чем его доля в населении, неоднократно подтверждался историей и, несомненно, будет подтверждаться и впредь, в том числе и на материале Азии и Африки. Это объясняется особым местом рабочего класса в экономической и политической жизни общества, особыми классовыми чертами пролетариата (такими, например, как концентрация, высокая способность к организации и борьбе, к выражению интересов других групп трудящихся).

Однако не следует забывать, что В. И. Ленин, поясняя данный тезис, применял его не вообще к любым странам, а только к капиталистическим [28, 23], т. е. к условиям определенного уровня социально-экономического развития. Очевидно, конструктивное использование этого тезиса имеет свои пределы. Он более всего применим к «средним» условиям, к периоду между появлением пролетариата как класса и превращением его в массу (большинство) населения, т. е. тогда, когда численность пролетариата, с одной стороны, относительно не так мала, а с другой — не так велика. В то же время для «крайних» вариантов — когда только начинается формирование пролетариата или когда он составляет уже бóльшую часть населения — применение указанного тезиса ограничивается, теряет первоначальный смысл. Например, для крайне отсталых в социально-экономическом отношении стран,

где возникают лишь начатки промышленности, а пролетарские элементы еще не составляют классовой общности (в прошлом таковыми были большинство колоний, а ныне — самые слаборазвитые страны Африки и Азии), этот тезис об относительной силе пролетариата может быть конструктивен лишь постольку, поскольку не мешает объективно оценивать ситуацию и содействует правильному пониманию перспективы развития. В условиях же империалистических стран, где пролетариат сравнительно давно составляет массу (большинство) населения, речь идет уже не о подтверждении силы пролетариата, а о путях реализации этой силы в плане выполнения им своей исторической миссии.

Вместе с тем В. И. Ленин неизменно придавал первостепенное значение численности пролетариата как фундаментальному фактору в оценке силы, позиций и перспектив борьбы рабочего класса. «Чем больше пролетариев, тем больше их сила», — писал он в 1895 г. [17, 6]. В мае 1919 г., приветствуя венгерскую революцию, В. И. Ленин подчеркивал как особо благоприятный фактор то, что в Венгрии по сравнению с Советской Россией была «неизмеримо выше доля промышленных рабочих во всем населении» [26, 384]. В апреле 1920 г. В. И. Ленин с сожалением отмечал трудности, связанные с тем, что численность пролетариата в России за годы войны уменьшилась и ряды его стали реже [29, 312]. Особый теоретический интерес, на наш взгляд, представляют соображения В. И. Ленина в связи с книгой Бухарина «Экономика переходного периода» (май 1920 г.). Автор названной книги, говоря о силе пролетариата, совершающего переворот, писал, что она в своей величине прежде всего зависит от степени организованности этого класса. В. И. Ленин не согласился с этим высказыванием и на полях сделал следующие замечания: «Надо бы добавить: 1) от численности; 2) от роли в экономике страны; 3) от связи с массой трудящихся; 4) от его организованности» [35, 391].

То, что В. И. Ленин на первое место поставил такой основополагающий момент, как численность пролетариата, отражало ленинскую глубину проникновения в сущность вопроса, понимание неразрывной связи между количественными и качественными сторонами явления, всесторонний учет опыта нашей революции и международного развития.

Количественная определенность явления (или предмета) вообще не есть что-то второстепенное по отношению к качественной характеристике его. Обе категории составляют диалектическое единство. Хотя одно количественное описание, лишенное качественной оценки, не может дать полного представления о том или ином явлении, без количественного изучения никакое явление не может быть конкретно познанным. В то же время количественная оценка явления выступает как необходимая ступень к более глубокому пониманию явления с качественной стороны. Представляет, в частности, большой интерес количественная оценка момента

перехода пролетарских элементов из состояния еще не класса в классовую общность.

К числу новых проблем изучения рабочего класса в условиях стран развитого капитализма относятся такие, как дальнейший рост численности наемного труда, расширение рамок рабочего класса и серьезные перемены в его отраслевой, трудовой и квалификационной структуре. Особое значение представляет вопрос о расширении состава современного рабочего класса.

Как известно, рабочий класс постоянно пополняется новыми отрядами наемных работников, в том числе работников нефизического (умственного) труда. Буржуазные критики марксизма видят в этом «депролетаризацию», вытеснение рабочего класса «новым средним классом» и т. д. На самом же деле происходит реструктурализация рабочего класса, которая порождена объективными переменами в экономике, прогрессом производительных сил, научно-технической революцией и важные элементы которой предвидели основоположники научного социализма.

Вопрос этот не простой, он широко дискутируется, в том числе и среди исследователей-марксистов. Одни из них, например в США, считают, что основные новые формирования наемного труда в нематериальной сфере входят непосредственно в рабочий класс, являются не союзниками его, а составной частью. Другие, как во Франции, увязывают принадлежность к рабочему классу с производством работниками прибавочной стоимости и оставляют массу наемных работников непроизводственных отраслей (служащих, «салариат») за рамками пролетариата, хотя и рассматривают их как трудящихся и союзников рабочего класса [см. 340, 15—20].

Что же касается ревизионистов разного рода, то правые в этом вопросе смыкаются с буржуазными идеологами, а «левые» находятся во власти сектантства. В первом случае преобладает безбрежно расширительный подход к рабочему классу, в другом — тенденциозно ограничительный [см. 344, 1976, № 10, 37].

Среди советских ученых в последнее время все более утверждается тот взгляд, что одинаково ошибочны обе эти крайние трактовки понятия и состава рабочего класса [см. 223, 1974, 38; 279, 27—28; 227, 48—53]. Такой подход позволяет учитывать новые явления (тенденции к расширению состава рабочего класса за счет наемных работников новых видов труда) и в то же время критически оценивать эти явления, разделять «единый поток» (видя отличия части новых наемных работников от рабочего класса).

Очевидно, что новые явления необходимо оценивать в свете прогресса современных технических производительных сил и диктуемых им новых моментов в общественном разделении труда, которых не было в эпоху промышленной революции на Западе.

Отмеченные вопросы имеют отношение и к развивающимся странам, где, несмотря на общее преобладание прежних произ-

водственных и социальных форм, постепенно пробиваются новые тенденции развития, созвучные или аналогичные соответствующим явлениям в развитых странах, в частности сказывающиеся на составе рабочего класса. Важно всесторонне учитывать эти тенденции. При этом надо иметь в виду, что в развивающихся странах вследствие фундаментально сохраняющейся трудоемкости производства и трудностей перехода к техноемкой экономике служащие, «белые воротнички», гораздо дальше отстоят от рабочего класса, чем в развитых странах капитализма. Достаточно широкие слои «салариата» в развивающихся странах тяготеют не только к буржуазным и мелкобуржуазным элементам общества, но иногда даже к феодальным.

Есть обстоятельство, которое сейчас значительно повышает актуальность темы рабочего класса Бирмы. С 1962 г. развитие страны связано с осуществлением программы «Бирманский путь к социализму». В результате переворота 2 марта 1962 г. власть в Бирме взял в свои руки Революционный совет в лице высших офицеров бирманской армии, который провозгласил социалистическую ориентацию страны и начал проводить радикальные социально-экономические и политические преобразования. Все это по-новому поставило ряд вопросов бирманской жизни, в том числе и вопрос о рабочем классе страны, ибо, как указывает теория научного социализма и свидетельствует историческая практика, борьба за социалистическую ориентацию, за социализм невозможна без активной творческой постоянно возрастающей роли рабочего класса.

Источниками по теме рабочего класса Бирмы лучше всего обеспечен колониальный период. Здесь к услугам исследователя переписи населения, проводившиеся каждые десять лет (последняя из сохранившихся переписей относится к 1931 г.) [61—69]; данные регулярной фабричной и горнорудной статистики [49; 101]; ежегодные отчеты об управлении страной [98]; данные серийных земельно-налоговых обследований [102—110]; материалы конституционной комиссии и комиссий по труду и сельскому хозяйству [87; 111; 112]; различные доклады и обследования по конкретным вопросам, связанным с трудом, включая индийскую иммиграцию в Бирму [80; 86; 88; 99].

Для своего времени колониальные источники были довольно фундаментальными. Они отличаются регулярностью и сравнительно широким охватом учитываемого материала. По этим источникам можно в основном проследить процесс формирования промышленного труда в Бирме. Однако они далеко не безупречны. Колониальная английская статистика не вела, например, учета мелкой и домашней промышленности и занятости в ней. Довольно узкими были и критерии переписи населения. Это сразу же объясняет, почему трудно дать количественную оценку всей категории лиц наемного труда в стране даже на позднем этапе колониальной истории.

Источников по труду, промышленной занятости и рабочему классу независимой Бирмы, возможно, даже больше, чем аналогичных источников колониального периода. Это материалы частичных переписей 1953 и 1954 гг. [125—127; 78]; выходивший регулярно в течение 14 лет ежегодный экономический обзор [74]; ежегодник по обрабатывающей промышленности [50]; статистический ежеквартальник [84]; материалы различных обследований, в том числе проведенных американскими частными экспертами и специалистами Международной организации труда [70; 100; 116]; различные регулярные и иные статистические издания ООН, ее органов и входящих в ее состав организаций [117—123; 129; 73].

Особое место в источниках после установления новой власти в 1962 г. занимает ежегодный отчет о бюджете на соответствующий финансовый год или о финансовом, экономическом и социальном положении страны [89—97а; 44—48] (название менялось). Это важный официальный источник, заменивший собой ряд прежних, более узких. Он содержит обширную общенациональную экономическую, финансовую, промышленную, аграрную, социальную, демографическую, культурную и другую информацию, в том числе по труду и занятости. Среди разделов этого источника имеются и такие, которые раньше систематически не фигурировали (например, статистика структуры занятости рабочей силы, или экономически активного населения, аграрная статистика по размерам землевладения и аренды и др.).

Источники периода независимости в некоторых отношениях имеют преимущества перед прежними. Так, в ряде случаев они дают более разнообразную информацию, более современны. Частичные переписи 1953—1954 гг. проводились, например, на основе критериев и методов, сравнительно недавно введенных в международную практику (особенно в рамках ООН). Упоминавшийся ежегодник о бюджете или положении страны, как только что было отмечено, включает новые разделы. Однако в этих источниках есть и существенные недостатки. За годы независимости в стране была проведена лишь одна всеобщая перепись населения, причем это произошло только в 1973 г., но и ее материалы не публикуются. Ряд источников выходил регулярно в течение определенного срока, а затем их издание прекращалось. Недостаточно данных специальной статистики труда, по которым можно было бы подробнее судить о составе, динамике, положении, образовательном уровне рабочих и служащих.

В связи с этим автор стремился широко использовать бирманскую периодику, особенно последнего времени [363—371; 373; 352; 355].

К современным источникам и материалам политико-идеологического характера принадлежат программные документы Революционного совета, Партии бирманской социалистической программы и государства [42; 60; 59; 41а]. Они раскрывают основы

стратегии и тактики, философию режима, в том числе взгляды на проблему, ставшую темой настоящего исследования.

Важным литературным источником явился также журнал Научно-исследовательского общества Бирмы [354].

На базе изучения перечисленных выше и ряда других источников и обширной литературы, а также на основании личных впечатлений автора во время пребывания в Бирме и была написана данная книга. Автор искренне благодарит всех тех, кто своими замечаниями, критикой и добрыми советами помог в завершении этой работы.

ГЛАВА I

СТРУКТУРА И ХАРАКТЕР ТРУДА В ДОКОЛОНИАЛЬНОЙ БИРМЕ

1. НАЕМНЫЕ РАБОТНИКИ В ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Вопрос о структуре и характере труда в Бирме до английского завоевания в XIX в. имеет, несомненно, прямое отношение к проблеме формирования и развития рабочего класса в стране. Из каких элементов состоял труд в тогдашней Бирме, в каких соотношениях они были друг с другом, что в данном труде было главным — не имея хотя бы общего представления об этом, невозможно охарактеризовать исторические условия и истоки возникновения здесь пролетариата.

Прежде всего, существовал ли в доколониальной Бирме наемный труд? Есть свидетельства, позволяющие в принципе утвердительно ответить на этот вопрос. Такой ответ можно с уверенностью распространить на середину и вторую половину XIX в., когда страна еще не была полностью аннексирована. Он относится также к первой половине XIX в., когда английская колониальная экспансия в Бирме только начиналась. Наемный труд в Бирме в каких-то формах встречался, по-видимому, и в XVIII в. и даже раньше.

Вообще в отношении наличия элементов наемного труда доколониальная Бирма вряд ли принципиально отличалась от многих других стран докапиталистической Евразии. Как известно, в Европе и в Азии еще на докапиталистической основе в некоторых естественно и общественно обусловленных производствах использовалось какое-то количество свободных наемных работников. Ф. Энгельс писал, что «первые капиталисты» застали «форму наемного труда уже существующей» [13, 214].

Вопрос о существовании в историческом прошлом наемного труда можно в известной мере уподобить вопросу о товарном производстве. Сейчас уже не сомневаются в том, что товарное производство имело место даже в условиях рабовладения, не говоря уже о феодальных (особенно городских) обществах, однако вместе с тем учитывают, что, хотя капиталистическое производство товарное, отнюдь не любое товарное производство соответствует капитализму. Равным образом не следует ставить под вопрос существование элементов наемного труда (свободных работников, свободных рабочих рук) в условиях феодальной страны.

Но каков был этот наемный труд? Важно помнить, что в докапиталистическую эпоху, как подчеркивал Ф. Энгельс, «наемный труд существовал лишь в виде исключения, побочного занятия, подсобного промысла, переходного положения» и что лишь при капитализме он сделался «правилом и основной формой всего производства» [13, 214]. Конечно, количество свободных работников (или рабочих) не безразлично для существующего способа производства. К. Маркс писал, что при возрастании их числа может происходить разложение старого способа производства, однако он сразу же приводил пример того, как эти свободные работники могут появляться и опять исчезать, не изменяя при этом данного способа производства [7, 459]. К. Маркс проводил также различие между свободными работниками (рабочими) добуржуазного периода и «элементами действительного наемного труда», которые подготавливаются в ходе разложения старого способа производства [7, 457—459]. Он отметил некоторые исторические категории труда, которые в древних, средневековых и даже буржуазных условиях внешне выступают в роли наемных рабочих, но на самом деле таковыми не являются (свободные поденщики времен распада азиатской или западной общины, бродячие портные, слуги, государственные служащие и т. п.). К. Маркс, в частности, писал, что отношение крестьянина и нанятого им бродячего портного для шитья одежды из его же, крестьянина, материала не является отношением капитала и наемного труда, а акт обмена между ними (труда портного на пищу или даже деньги крестьянина) не создает стоимости; больше того, этот акт не только не создает, но потребляет богатство, и крестьянин (наниматель) в результате подобного обмена не обогащается, а беднеет, что лучше всего показал бы многократный наем крестьянином портного, неоднократное повторение ими подобного обмена [7, 454—456].

Таким образом, сам факт наличия элементов свободного наемного труда еще не говорит о существовании рабочего класса или даже его ростков. Подобные факты могут вполне лежать «вне истории рабочего класса» [382, т. 11, кол. 777]. И так оно и было в феодальной Бирме. Чтобы убедиться в этом, остановимся на ряде вопросов, связанных со структурой занятости и различными формами труда в предколониальной Бирме.

2. РЕМЕСЛА, СТРУКТУРА ЗАНЯТОСТИ И СОСЛОВИЯ В БИРМЕ НАКАНУНЕ АНГЛИЙСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Исследования, сконцентрировавшие и обобщившие различные материалы XVIII—XIX вв. [1], свидетельствуют о том, что, несмотря на преобладание натуральной экономики феодального ти-

[1] Здесь в первую очередь речь идет об уже упоминавшихся работах Дж. С. Ферниволла [314; 315], У Тун Вея [336], М. Г. Козловой [201; 202], А. С. Кауфмана [191], С. М. Макаровой [219].

па, Ава, Авское королевство, как называлась обычно Бирма того времени в европейской литературе, имела довольно развитые ремесла и промыслы, в которых была устойчиво занята большая часть населения. Из материалов о первой колониальной переписи населения, проведенной англичанами в завоеванной ими Нижней Бирме в 1872 г., еще до наступления решающих перемен в хозяйственной жизни этой части страны, видно, что в сельском хозяйстве находила применение лишь половина занятого населения [336, 51]. Некоторые исследователи считают, что сельское хозяйство и ремесло доколониальной Бирмы в целом были примерно равны по своему значению, причем ремесла могли иметь даже некоторое преобладание [336, 29; 314, 161].

Наиболее распространенными были такие ремесла и промыслы, как прядение и ткачество, рыболовство, солеварение, гончарное, кузнечное, ювелирное ремесла, изготовление изделий из лака, плетеных изделий, работы по камню, плотнично-столярный и другие строительные промыслы, добыча драгоценных камней. Были развиты также добыча сырой нефти и руд, обработка металлов, судостроение. Страна имела довольно развитой для своего времени речной и дорожный транспорт. Происходил регулярный обмен рядом товаров между различными ее областями. Традиционными были местные базары, которые проводились в той или иной округе каждые пять дней поочередно в различных пунктах.

С точки зрения целей производства одни ремесла существовали только для удовлетворения нужд семьи; другие — в основном для домашних нужд, но отчасти также для обмена, для продажи; третьи — главным образом для рынка. В плане экономической организации одни из них были сугубо индивидуальным или семейным занятием, другие — представляли нечто в роде простой кооперации (когда работники, включая труд извне, сообща выполняют однородные операции), третьи — имели черты мануфактуры (т. е. ручного производства, характеризующегося разделением труда). При этом повсюду вплоть до экспорта европейского капитала существовала только ручная техника.

Социально-сословная структура доколониальной Бирмы была весьма сложной и в то же время довольно гибкой. У Тун Вей называет семь «классов» бирманского общества на рубеже XVIII—XIX вв. Фактически имеются в виду сословные и профессионально-производственные группы: королевская семья, должностные лица государства (феодалы-чиновники), монахи, торговцы, «земледельцы и рабочие» (cultivators and labourers), рабы (долговые, храмовые) и, наконец, парии (отверженные) [336, 2]. В этом делении нет ремесленников. Но содержание книги У Тун Вея показывает, что автор полностью отдает себе отчет в существовании и очень важной роли как ремесла, так и ремесленников. В приведенной схеме он включил их в категорию «земледельцев и рабочих».

Работы о старой Бирме говорят также о возможности перемещения лиц из одной сословно-производственной категории в другую, особенно если такой переход законно оформлялся уплатой королю или феодалу-чиновнику соответствующего налога. Были возможны и территориальные перемещения лиц мужского пола (женщинам — непосредственным производителям феодальных душ — отъезд, особенно за границу, полностью запрещался). В одних случаях такие перемещения происходили по согласованию с господином (отход на заработки, если это не было формой феодального принуждения), в других — как противозаконный разрыв лица со своим господином и сословием и переход в другое сословно-производственное состояние [314, 32]. Эта социальная и территориальная мобильность должна была содействовать формированию свободных работников.

В социально-экономическом и политическом отношениях Ава представляла собой в XIX в. еще чисто феодальное общество. Экономическая деятельность в стране, предпринимательство, торговля, передвижение людей и товаров, возможность свободного приложения труда и т. п. — все это регламентировалось, сдерживалось, ограничивалось различными феодальными оковами. Широко распространены были разные запреты, штрафы, поборы, принуждения, пресечения, усугублявшиеся деспотическим характером государства, исключительными монопольными правами короны в экономической и политической жизни, а также самоуправством местных феодалов-чиновников. Сама жизнь подданного принадлежала феодальному правителю.

Хотя ремесла получили сравнительно большое развитие, целый ряд из них существовал почти на неизменной основе в течение столетий. Торговля также имела распространение, но в целом находилась на примитивном уровне, в значительной, если не преобладающей, мере имела характер товарообмена. Деньги применялись ограниченно. Собственная чеканная монета была введена в Авском королевстве только в 1861 г. До этого (вне сферы прямого товарообмена) употреблялись куски сплавов нерегулярного металлического содержания и неправильной формы. Фактически чеканные деньги так и не получили распространения до конца существования бирманской феодальной монархии. Ф. Энгельс по материалам до 1858 г. писал, что денежное обращение Авы находилось в «жалком состоянии» [11, 288]. Характерно, что даже после английского завоевания Нижней Бирмы, вплоть до 80-х годов XIX в., вне портовых городов редко можно было найти бирманца, который бы в двухнедельный срок мог мобилизовать денежный капитал на сумму 500 ф. ст. (тогда 5 тыс. рупий) [315, 86]. Внешняя торговля феодальной Бирмы находилась в еще более жалком состоянии; страна долгое время была фактически изолирована от внешних рынков.

Подданные бирманского короля должны были нести различные повинности. Одни из этих повинностей являлись военными

(обязанность поставлять воинов и кормить их), другие — гражданскими. Одни были центральными, другие — местными. Одни имели общественный, другие — личный характер. Наконец, одни осуществлялись в виде непосредственного трудового вклада подданного, другие — в виде налогов. Система феодальных повинностей находила выражение в разделении жителей страны на многочисленные большие и малые сословные и профессионально-производственные группы (принадлежность к которым нередко фиксировалась соответствующей татуировкой).

Феодальные подданные трудились в своих индивидуальных домашних хозяйствах, привлекались к принудительным общественным работам, работали в определенных случаях на основе найма. Целесообразно хотя бы вкратце охарактеризовать эти формы и приблизительно оценить их соотношение.

3. ДОМАШНИЙ ТРУД

Экономическая деятельность в Бирме до английского завоевания осуществлялась главным образом в мелких индивидуальных хозяйствах. Основным занятием в большинстве этих хозяйств было земледелие. В зависимости от условий подсобную или параллельную роль играли в них такие традиционные и почти повсеместно распространенные ремесла, как прядение и ткачество, которые еще в массовом порядке не отделились от земледелия. Труд здесь повсюду сосредоточивался в рамках домашнего хозяйства. По существу домашним был и труд, привлекавшийся извне на некоторые трудоемкие и скоротечные операции рисового хозяйства (пересадка саженцев и жатва): здесь действовала стародавняя система соседской взаимопомощи. Такие работники именовались помощниками (куньи — по-бирмански). Как домашний должен быть определен труд и в тех ремеслах и промыслах, которые уже отделились от земледелия, но еще базировались на труде членов самой семьи.

Вплоть до полной аннексии Бирмы форма домашнего труда была преобладающей, господствующей. Он входил в систему феодальных производственных отношений, и прежде всего через него осуществлялась феодальная эксплуатация непосредственных производителей в стране.

4. ФЕОДАЛЬНО-ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД

Большую роль в феодальной Бирме играл труд, который мобилизовала и использовала власть в принудительном порядке вне рамок индивидуального хозяйства, на так называемых общественных работах. Хотя бы приблизительная оценка этой формы труда важна не только сама по себе, но и в соединении с вопро-

сом о наемном труде, ибо в ряде случаев легко совершить ошибку, приняв принудительный труд за вольнонаемный или, наоборот, не разглядев за видимостью свободного труда его подневольную, принудительную сущность.

О широком применении в феодальной Бирме принудительного труда, труда несвободного, свидетельствуют материалы, в которых сообщается о принудительных миграциях населения, особенно с периферии в Центральную Бирму — центр бирманской государственности, о переселении из завоеванных районов тысяч, десятков тысяч, а иногда и сотен тысяч людей, включая военнопленных, о мобилизации гражданского населения на строительство пагод, новых королевских столиц и т. п. Феодально-прикрепленный, подневольный труд авских подданных использовался на строительстве военных судов (речных лодок или барж) [315, 33], на сооружении водоемов [336, 6], в железоделательном производстве [219, 14], в солеварении [333, 200]. Производство гашеной извести, важного строительного материала, во времена короля Бодопайи (1781—1819) и даже при Миндоне (1853—1878) обеспечивалось жителями специально выделенных деревень или особыми «работными отрядами» королевских обжигальщиков известняка. Последние поставляли двору гашеную известь вполцены, имели некоторые льготы (освобождение от налога) и в знак принадлежности к своему профессиональному разряду были соответствующим образом татуированы [108, 8]. Мы подчеркиваем наличие феодально-принудительного труда при Миндоне потому, что царствование этого предпоследнего бирманского короля окончилось за семь лет до полного захвата Бирмы англичанами и именно в его правление были сделаны определенные попытки модернизировать страну (реформы Миндона) в целях укрепления ее независимости перед лицом возросшей внешней угрозы.

5. ХАРАКТЕР ТРУДА НА «НОВОСТРОЙКАХ МИНДОНА»

По инициативе кронпринца Канауна, младшего брата Миндона, в 1858—1874 гг. в остававшейся еще независимой части страны (Верхней Бирме) с помощью приглашенных из Европы специалистов после закупки за границей оборудования были созданы некоторые производства и службы европейского типа. Они появились в районе новой столицы страны — Мандалая, основанного в 1857 г. Считается, что было построено до 50 различных предприятий. Это были, в частности, монетный двор, типография, телеграф, литейные мастерские, текстильная фабрика, стекольный завод, арсенал, судоверфь, хлопкоочистительные и лесопильные предприятия, сахарный завод и др. Все они организовывались как государственные, королевские предприятия. Кроме того, был закуплен ряд пароходов [319, 60; 373, 1.V.1968, прил.].

Сохранились отрывочные сведения о характере труда на некоторых «новостройках Миндона» (приблизительно в 60—70-х годах XIX в.). Так, бирманские ученые выяснили, что на судоверфи и в арсенале, созданных в период реформ Миндона, было занято соответственно 127 и 152 работника. Это были неквалифицированные и полуквалифицированные работники. Оплата их труда почти всегда производилась натурой: на всех в месяц выдавалось определенное количество падди — неочищенного риса. На судоверфи такая месячная коллективная «королевская зарплата» составляла 2855 корзин падди (59 570 кг, или примерно 469 кг зерна на человека) [2]. В арсенале выдавали помесячно 3470 корзин падди (72 402 кг, или около 476 кг на человека). Иностранным же специалистам платили серебром или золотом [373, 1.V.1968, прил.].

Эта, по оценке нынешних бирманских исследователей, «первая попытка индустриализации Бирмы» [373, 1.V.1968, прил.] в целом не удалась. Новостройки действовали активно, по-видимому, лишь в середине — конце 60-х годов. В 1866 г. кронпринц Канаун, один из лидеров реформаторской группировки при дворе, был убит. После его смерти эти предприятия стали забрасываться. До прихода к власти последнего бирманского короля Тибо (1878—1885) некоторые из них еще как-то работали, при Тибо же почти все они остановились (возможно, еще функционировал телеграф и использовались некоторые пароходы). Таким образом, «трансплантация» новых производительных сил и процессов на еще феодальную почву в этом виде в целом не получилась. Существовавшие условия, в том числе экономические, вызвали своеобразную «реакцию отторжения».

Многие вопросы остаются неясными. Например, были ли упомянутые работники действительно свободными наемными рабочими? Хотя иногда это считается само собой разумеющимся, на самом деле это еще отнюдь не доказано. Не исключено, что «новостройки Миндона» создавались в централизованно-принудительном порядке и представляли собой в основном государственные мануфактуры с феодально-прикрепленным трудом. Этого, по нашему мнению, требовала сама необычность и масштабность по бирманским условиям предпринимавшихся новостроек, которые должны были скорее всего насаждаться силой, принуждением, прикреплением. Ведь, как уже говорилось, прикрепляли даже обжигальщиков известняка.

В феодальную эпоху вообще широко распространено прикрепление труда к тем или иным производствам, в том числе и к промышленным. Хорошо известны, например, крепостнические и полукрепостнические мануфактуры в России XVII — начала XIX в. Сравнительно подробные данные по обрабатывающей промышленности России в 1767 г. говорят о том, что на 498 фаб-

[2] Бирманская корзина падди=46 англ. фунтам=20,865 кг.

риках и заводах того времени было занято около 45,5 тыс. работников, из них только 17,8 тыс. вольнонаемных [228, 28]. Несколько позднее, на рубеже XVIII—XIX вв., в России насчитывалось около 190 горных заводов, на которых работало 44,6 тыс. крепостных мастеровых, вспомогательные работы выполняли почти 320 тыс. приписных крестьян, а число вольнонаемных работников составляло лишь 27—28 тыс. [382, т. 9, кол. 51—52]. Материалы по соседу Авы — феодальному Вьетнаму, как показывает С. А. Мхитарян, также свидетельствуют о том, что в XVIII — начале XIX в. в горнорудных и других производствах, особенно государственных, применялся несвободный, принудительный труд вьетнамских крестьян [234, 18].

В целом можно полагать, что принудительный труд на «общественных работах» в доколониальной Бирме XIX в. по своей массе стоял на втором месте после неизменно господствовавшего домашнего труда.

6. НАЕМНЫЙ ТРУД

Что же конкретно известно о наемном труде в доколониальной Бирме? Приходится прежде всего признать, что сведений немного, они отрывочны, разрозненны по месту и времени, далеко не всегда ясны и определенны. Полнее всего они собраны в упоминавшихся работах М. Г. Козловой [201; 202] и С. М. Макаровой [219].

На основании исторических свидетельств М. Г. Козлова отмечает применение наемного труда у богатых шелкоткачей в районе Мандалая, у гончаров Пегу и Бассейна, кузнецов северных районов страны, литейщиков — мастеров по литью статуй Будды — близ Сагайна (Сикайна) [201, 170—171]. Эти данные, судя по всему, относятся к середине — второй половине XIX в. Речь идет о нескольких (от двух до шести) работниках в каждом случае. В одних ремеслах им платили деньгами, в других — продукцией (например, поковками из металла) [201, 171]. Деревенские кузнецы и гончары занимались своим ремеслом часть года, отдавая другую его часть земледелию [201, 169]. На речных судах, имевших водоизмещение от 10 до 150 т, были команды, которые в зависимости от размера судна насчитывали от трех до 20 человек [201, 159].

С. М. Макарова приводит данные по другим производствам. Сравнительно подробный материал она собрала о положении на нефтепромыслах Верхней Бирмы в районе Енанджауна, которые были наследственной собственностью 24 семей и передавались из поколения в поколение по праву первородства. Ссылаясь на Дж. Кроферда, автор сообщает, что в 30-х годах XIX в. на отдельной нефтескважине (собственно, нефтяном колодце) было занято обычно четыре наемных работника, между которыми име-

лось разделение труда [219, 20—22] [3]. Среди работавших на поверхности имелись женщины, в самый нефтяной колодец спускались мужчины. Многие из этих работников были крестьянами из окрестных деревень, которые шли в нефтедобытчики на несельскохозяйственный сезон. Заработная плата нефтяникам выплачивалась частично деньгами, частично продуктами питания.

Применение пришлого труда отмечалось на рудниках в северной части страны, где добывались драгоценные металлы и камни. Так, на серебряных копях Бодуина, арендованных у бирманского короля китайскими предпринимателями, в 1827 г. было занято около тысячи китайских рудокопов [219, 18]. На других рудниках работали и бирманцы. На разработках нефрита близ Могауна в те же годы работало около тысячи шанов, бирманцев, лао [219, 19]. Есть много свидетельств о значительном развитии в Бирме с XVIII в. строительства парусных и гребных судов [201, 159—160, 171; 219, 23—25]. Однако о характере труда в этой отрасли сообщается лишь, что на строительстве военных судов, как упоминалось выше, использовался принудительный труд.

Представляют особый интерес данные земельно-налоговых обследований, которые английские власти стали проводить в Бирме вскоре после завоевания [4]. В какой-то мере эти обследования еще снимали «посмертную маску» с доколониального общества, как, например, обследование дистрикта (округа) Мандалай (бывшей столицы), проведенное в 1892—1893 гг. (т. е. через семь-восемь лет после полной аннексии Бирмы и на третий-четвертый год после подавления основных очагов вооруженного антианглийского сопротивления). Это обследование показало, что на территории охваченных им районов проживало примерно 375 тыс. человек, из них около 100 тыс. были налогоплательщиками (см. прил. 4 и 5). В составе этих 100 тыс., по спискам старост, было примерно 25 тыс. «поденных рабочих», 19 тыс. «ремесленников и квалифицированных рабочих» и 7 тыс. торговцев разного рода.

Что же это за «поденные рабочие», как они называются в источнике? Большинство их составляли кули, т. е. случайные, непостоянные, малоквалифицированные рабочие, нанимаемые по тому или иному случаю, на день и связанные с неземледельческими занятиями, в том числе с ремеслами и услугами.

Был ли удельный вес этих кули таким же до аннексии? На наш взгляд, он должен был быть заметно меньше. Несомненно, что завоевательная война, вторжение иностранцев и движение сопротивления лишило множество людей их привычных занятий, выбило из колеи и вытолкнуло на рынок труда.

---

[3] В XVIII в. в стране насчитывалось несколько сотен нефтяных колодцев [58, 2]. Действовали они обычно не все.

[4] Эти данные автору любезно предоставил А. Ф. Жабреев в виде выписок, сделанных им в библиотеках Бирмы с микрофильмов.

Что касается категории «ремесленников и квалифицированных рабочих», то выделение из их состава наемных рабочих не представляется возможным (по характеру данных источника). Известно, что из 19 тыс. общего числа работников указанной категории 13 тыс. (или 68,5%) были ткачами, среди которых в условиях бывшей столичной зоны могло быть определенное число наемных работников (М. Г. Козлова, ссылаясь на английские источники, указывает на применение наемного труда богатыми шелкоткачами как раз в районе Мандалая [см. 201, 170]). Более 3,7 тыс. человек той же общей категории составляли рыбаки, среди которых также могли быть наемные работники.

Итак, сведения о наемном труде есть, но они определенно скудны. Ряд существенных вопросов остаются открытыми. Так, нам не известно ни абсолютное, ни относительное число наемных работников хотя бы в каком-нибудь сугубо местном ремесле (попытка определения такого рода данных в региональных или тем более в общенациональных масштабах утопична даже для европейских условий эпохи средневековья).

Сведения о наемных рабочих на нефтепромыслах, например, явно частичны, и по ним нельзя представить всю структуру труда в этом производстве. Здесь, забегая вперед, отметим, что примерно через сто (или немного меньше) лет после рассматриваемого периода, а именно в 1939 г., официальная бирманская комиссия затронет в своем отчете вопрос о положении труда на нефтеразработках 24 традиционных наследственных владельцев. Она сообщит, что на этих разработках, продолжавших оставаться ручным производством, даже в конце 30-х годов XX в. (т. е. на исходе колониального периода) в значительной мере сохранялись патриархальные отношения между хозяином (туинза) и рабочими и что работа в данном нефтяном колодце нередко оставалась наследственным занятием той или иной семьи, которая поставляла работников хозяину в течение нескольких поколений [88, 16]. Авторы отчета укажут также, что такие «узы» стали быстро разрушаться. В связи с этим уместно поставить вопрос: не являлись ли пережитки патриархальных отношений на бирманских наследственных нефтепромыслах в XX в. свидетельством существования личной зависимости работников от хозяев нефтяных колодцев в XIX в., до английского завоевания? Исчерпывающего ответа на этот вопрос мы пока не имеем, но сделанное предположение вполне закономерно.

Мы не знаем также, где больше применялся наемный труд: на рудных ли разработках, в нефтедобыче, кораблестроении, в городском ткачестве, а может быть, на транспорте. Территориальные же данные содержат информацию лишь о специфических, самых низших формах наемного труда — кули. Информация о тысяче рудокопов, сообщенная выше, конечно, впечатляет, и прежде всего своей одномоментной численностью. Но возникает вопрос: в какой мере труд, применявшийся на рудниках, был сво-

бодным, а не зависимым? Что касается серебряных рудников, то, как считает Г. Э. Харви, на них китайцы применяли труд рабов [318, 62]. Этот вопрос мы также поставили в отношении нефтепромыслов и государственных предприятий времен Миндона. Но он в полной мере касается почти всех других названных ранее ремесел и производств и приобретает общий характер. Его можно сформулировать шире: не были ли некоторые формы наемного труда в доколониальной Бирме в одних случаях видом государственной или частной барщины, в других — формой феодального найма (аналогичной, например, форме найма так называемых наймитов в России в XII—XVII вв., при которой нанимавшийся формально выступал как свободный человек, но хозяин при этом получал право и на личность «наймита»), или же, наконец, ослабленным феодальным принуждением (скажем, как форма оброка феодально обязанного лица или его семьи)? [5]. Этот вопрос безусловно важный, и на него нельзя ответить априори: требуется дополнительное более глубокое изучение доколониальной социально-экономической и политической фактуры Бирмы.

Нет пока ответа и на не менее каверзный вопрос: а не существовали ли, скажем, в XVIII в. или того раньше — в XVII или XVI вв. — формы труда, аналогичные тем, которые мы обнаруживаем в Авском королевстве к концу его существования? Ведь известно, что добыча сырой нефти, руд, драгоценных камней, судостроение имели в стране поистине вековые традиции, которые иногда восходят к XIII в. Очевидно, что ответ на этот вопрос пролил бы свет на изучение форм труда в XIX в. и поставил бы всю проблему в более ясную историческую перспективу. Так, если мы установили бы, что формы труда, сходные по характеру с формами XIX в., имелись и ранее, то у нас не было бы оснований рассматривать XIX в. в этом отношении как особый, переломный, и датировка соответствующих процессов была бы отнесена в глубь средневековья. Если мы столкнемся в основном с различными видами принуждения, то это обогатит наш подход к анализу форм труда в XIX в. и позволит лучше понять остававшиеся формы принудительного труда. В любом случае будет больше возможностей для оценки формационных процессов в Бирме перед английским завоеванием.

На данной стадии изучения вопроса можно констатировать, что наемный труд в доколониальной Бирме, несомненно, имелся. Как правило, он был разрозненным, мелким, непостоянным. Подавляющую массу его (если здесь уместно говорить о массе) составляли элементы, тесно связанные с земледелием и нанимав-

---

[5] Факты традиционных, в сущности феодальных, зависимых форм использования чужого, «наемного» труда безземельных работников в индийской общине в XIX в. до массового обезземеливания, вызванного колониализмом, устанавливает Л. Б. Алаев [см. 134, 205, 209]. О специфике форм наемного труда в условиях европейского средневековья, о моменте личного принуждения пишет в своей статье А. Каждан [см. 190, 200].

шиеся в работные люди на поденной основе. Их общий удельный вес определить, естественно, трудно. В целом, по-видимому, наемный труд уступал принудительному, во всяком случае по своей концентрации. Элементы наемного труда существовали вне капиталистического уклада (которого еще не было), на еще феодальной основе. Только часть их можно связывать с отдельными начальными элементами разложения феодальных порядков в стране. Поэтому соответствующие формы наемного труда в тот период, как и вообще наличные свободные элементы, нужно рассматривать только как предпосылки для формирования рабочего класса, как частичные элементы частичного предпролетариата.

А. С. Кауфман в одном случае пишет, что возникновение в доколониальной Бирме середины и второй половины XIX в. ряда предприятий означало «зарождение нового класса — рабочих» [191, 9]. Автор при этом имеет в виду мелкую металлургию, добычу нефти, судостроение, «новостройки Миндона» и другие производства, которые он относит к мануфактурным. В другом случае он говорит о рисоочистительных, лесопильных и судостроительных предприятиях как о «первых в Бирме механизированных капиталистических предприятиях», которые были созданы колонизаторами в завоеванных районах в середине XIX в. и на которых «впервые в стране формировались кадры постоянных промышленных рабочих» [191, 11, 12]. Автор локализует этот процесс областями Аракана (Ракхайна) и Тенассерима (Танинтайи), завоеванными англичанами еще в 1824 г. При этом он относит возникновение «механизированных рисозаводов» в Аракане даже к первой половине XIX в.

Здесь, на наш взгляд, требуются некоторые уточнения.

Так, в первом случае приходится учитывать, что ряд из названных производств существовал и до середины XIX в. и даже до XIX в. К ним, в частности, относятся и добыча нефти, и мелкая металлургия, и судостроение. Поэтому временна́я граница указанного автором процесса может быть в принципе значительно отодвинута назад, поскольку будет доказан определенный (мануфактурный) уровень экономической организации производств. Кроме того, следует помнить (этот момент справедливо подчеркивает сам автор), что в мануфактурный период формируется исторически специфический тип наемного работника. Мануфактурные рабочие еще не являются в полном смысле пролетариями и не образуют класса. Их поэтому правильнее всего рассматривать в качестве предпролетариата.

Что же касается процитированного выше положения о первых постоянных промышленных рабочих в Бирме, то имеющиеся источники и специальная литература свидетельствуют о следующем [см. 56а, 137—138; 315, 45—47; 334, 97; 313, 77—78].

Во-первых, хотя несомненно, что европейские (английские) фирмы действовали в Аракане и Тенассериме уже во второй четверти XIX в., это были, как правило, торговые, а не производст-

венные фирмы, которые занимались вывозом риса и древесины, закупавшихся у местных производителей и торговцев. Рис при этом приобретался в основном в неочищенном виде с последующим обрушиванием его в странах доставки. Затем возрастающее место стали занимать закупки очищенного риса, который обрушивался местными поставщиками ручным способом, превращаясь в «грузовой рис» (этот рис на рынках Европы требовал дополнительной очистки до нормального «белого риса»).

Во-вторых, производственная деятельность некоторых из этих фирм, когда и если она началась, была связана главным образом с распиловкой древесины тика и строительством небольших парусных судов — и то и другое в Моулмейне (Моламьяйне), в области Тенассерим. Но эти занятия, равно как и обрушивание риса в Аракане, имели все же ограниченный характер, оставаясь в указанное время ручными производствами.

В-третьих, строительство парусников в Моулмейне уже к середине XIX в. было подорвано в результате роста пароходного флота и вытеснения парусного. Соответственно пришел в упадок и труд строителей.

В-четвертых, нет подтверждений тому, что появление первых механизированных рисорушек в Аракане можно относить к первой половине XIX в.[6].

В свете вышесказанного увязывать начало эры постоянного промышленного труда в Бирме с Araканом и Тенассеримом представляется недостаточно обоснованным. В отношении этих областей самое большее можно предположить, что там примерно в середине XIX в. могли иметь место единичные и изолированные попытки иностранных предпринимателей создать машинные предприятия (технически это не исключалось) и что история просто прошла мимо этих попыток, не успев их зарегистрировать. Но и тогда, в силу неудачи названных попыток, не имеет смысла вести речь о возникновении в упомянутых районах кадров постоянного промышленного труда.

Строго говоря, «кадры постоянных промышленных рабочих» (выделим особенно слова «кадры» и «постоянные») стали впервые в Бирме формироваться как раз не в Аракане и Тенассериме, а, как будет показано ниже, в Пегу (главным образом в районе Рангуна) и в Центральной Бирме (на нефтепромыслах), причем лишь со второй половины XIX в., в основном с 70-х годов. В отношении же Тенассерима и Аракана (именно в такой последова-

[6] Вот, например, как описывает развитие рисоочистительной промышленности в округе Акьяб (Ситуэ), центре Аракана, газеттир по Акьябу от 1917 г.: «Округ не имеет сколько-нибудь значительной обрабатывающей промышленности; единственной фабричной отраслью является рисоочистительная. Торговля рисом началась около 1850 г. и в течение многих лет была ограничена экспортом риса, который обрушивался ручным путем. С течением времени по мере роста этой торговли были построены механизированные рисорушки, и в течение долгих лет в Акьябе было 11 таких рисорушек, имеющих общую мощность примерно 3,2 тыс. т риса за 12-часовой рабочий день» [56а, 137—138].

тельности) было бы точнее сказать, что в середине XIX в. там господствовало еще мелкое ручное производство и что переход к механизированным капиталистическим предприятиям на постоянной основе произошел лишь во второй половине XIX в., причем в целом не раньше, чем в Пегу. При этом следует помнить, что по различным причинам (географическое положение названных областей, сезонность работ, текучий характер рабочей силы) эти очаги труда не получили большого развития и были «перекрыты» Рангуном, а позже некоторыми другими промышленными районами. С точки зрения фабричной промышленности и труда Тенассерим и Аракан сохраняли в течение большей части колониального периода значение третьестепенных районов, причем Аракан был заметно более отсталым, чем Тенассерим.

В целом же, по нашему мнению, возникновение рабочего класса Бирмы нужно прежде всего увязывать с последствиями колониального завоевания страны в XIX в., главным образом во второй его половине. В каких бы направлениях ни развивалась и ни прогрессировала Бирма в социально-экономическом отношении до начала связей с европейцами и английского завоевания, какое бы воздействие ни оказал на феодальную независимую Бирму контакт с европейским капитализмом в ходе его экспансии в этой стране, наконец, каким бы мы ни представляли себе теоретически возможное развитие Бирмы в XIX—XX вв., если бы не было английской колонизации, — объективная реальность состояла в том, что пролетариат стал формироваться в русле развития, навязанного новыми экономическими, политическими и социальными условиями колониального периода. Основное из этих условий — развитие капиталистического уклада, насильственно перенесенного буржуазными колонизаторами извне, или, по известному выражению В. И. Ленина, «пересаживание» в колонию капиталистического производства [25, 35]. Иными словами, история рабочего класса в Бирме начинается со второй половины XIX в., со времени включения страны в мировой капиталистический рынок, введения в Бирме машин. Имея в виду датировку, данную Ф. Энгельсом началу истории рабочего класса в первой капиталистической стране — Англии [7], вышеуказанное обобщение соответствующего процесса в Бирме выглядит вполне логичным и оправданным, при этом ни в коей мере не принижающим ее действительного социально-экономического уровня.

В статье «Бирма и туземная буржуазия», помещенной в журнале Партии бирманской социалистической программы, отмечалось, что «собственно бирманская буржуазия возникает только после того, как английский империализм аннексировал Бирму» [351, 1965, № 2]. На наш взгляд, то же самое можно сказать о времени и условиях возникновения рабочего класса Бирмы.

[7] «История рабочего класса в Англии начинается со второй половины XVIII века, с изобретения паровой машины и машин для обработки хлопка» [9, 243].

ГЛАВА II

ФОРМИРОВАНИЕ И СТРУКТУРА НАЕМНОГО ТРУДА В КОЛОНИАЛЬНОЙ БИРМЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

1. КОЛОНИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ НИЖНЕЙ БИРМЫ

Аннексия Бирмы, как известно, проходила по частям, в три приема, растянувшись более чем на 60 лет. Захват Аракана (на западе Нижней Бирмы) и Тенассерима (на юго-востоке ее) в 1824—1826 гг. еще не подорвал независимого развития феодального бирманского государства. И в то же время он мало что дал колонизаторам в экономическом смысле, если не считать беспорядочной хищнической эксплуатации ими лесных богатств (тика) Тенассерима.

Более серьезные последствия имело завоевание в 1852—1853 гг. Пегу, основной части Нижней Бирмы, включавшей Рангун и соединяющей Аракан и Тенассерим. Захват Пегу изолировал от моря оставшуюся независимой часть Авского королевства (Верхнюю Бирму) и запер его в этом урезанном виде в глубине континента. Установление английского господства над всей Нижней Бирмой (Аракан, Тенассерим, Пегу) поставило Аву в чрезвычайно трудные условия в военном, экономическом и политическом отношении и одновременно создало благоприятную обстановку для организации и развертывания широкой колониальной эксплуатации страны. Аннексия же всей Бирмы в 1885 г. сняла для этой эксплуатации последние политические границы.

Уже с периода между второй и третьей англо-бирманской войнами, особенно с 70-х годов, главным растущим и все более доминирующим экономическим регионом Бирмы стала колониальная Нижняя Бирма. Это было связано с форсированием ее сельскохозяйственного развития, с появлением и утверждением там некоторых машинных отраслей промышленности (лесопильной и рисоочистительной), современного по тогдашнему уровню транспорта, с установлением тесных связей с мировым рынком. Нижняя Бирма стала обгонять Верхнюю в социально-экономическом отношении, по масштабам, характеру и темпам развития и даже по населению. Такое положение сохранялось до конца колониальной эпохи и перешло по наследству и к независимой постколониальной Бирме.

К 1800 г. население Авского королевства оценивалось (весьма приблизительно) в 4,7 млн. человек, из которых, по грубым расчетам, в Нижней Бирме проживало примерно 1,2 млн. (см. прил. 1), т. е. около четверти. К середине XIX в. население остававшейся независимой части Бирмы составляло, по оценке, около 3,6 млн., а колониальной части приближалось к 1,4 млн. Со второй половины XIX в. данные о населении Нижней Бирмы и его динамике более надежны. С 1872 г. это уже данные переписей населения, которые с 1881 г. стали проводиться каждые 10 лет и с 1891 г. превратились в переписи всей Бирмы (см. прил. 2).

По этим данным, население Нижней Бирмы во второй половине XIX в. быстро росло. Оно составляло 2,7 млн. в 1872 г., 4,4 млн. в 1891 г. и 5,4 млн. в 1901 г. (см. прил. 1). В какой-то мере такая динамика была результатом более налаженного учета. Однако главное состояло, очевидно, все же в реальном росте населения. С 1872 по 1911 г. население Нижней Бирмы увеличилось в два с четвертью раза (каждое десятилетие давало в среднем прирост на 800—900 тыс.). В 1941 г. (по последней, до 1973 г., всеобщей переписи) оно достигло почти 9 млн.

Перепись 1891 г. показала, что Нижняя Бирма по численности населения была уже впереди Верхней: 4,4 млн. против 3,3 млн. человек. Этот обгон мог иметь место, скорее всего, в 70—80-е годы, когда происходило быстрое расширение сельскохозяйственного производства, перестроенного на товарно-экспортный лад и притягивавшего массы населения из Верхней Бирмы и из Индии, административной частью (провинцией) которой колониальная Бирма стала в 1886 г. С тех пор до наших дней большинство населения страны продолжает концентрироваться в Нижней Бирме, где расположены также столица и другие наиболее населенные города.

Первоначальные экономические интересы английских колонизаторов в завоеванных районах Нижней Бирмы сосредоточивались больше всего в сфере эксплуатации тиковых лесов Тенассерима и лесопиления в районе Моулмейна. Эта отрасль получила развитие еще во второй четверти XIX в. (сначала на базе домашинной техники). Сохранив и даже расширив свое значение после аннексии всей Нижней Бирмы (а затем и всей страны), она во второй половине XIX в. уступила место отраслям, связанным с земледельческим развитием этого района.

Развитие земледелия в Нижней Бирме во второй половине XIX в., как и прежде, было связано с традиционной культурой риса. Однако теперь это было новое направление развития. Никогда раньше в Бирме не производилось столько риса, никогда раньше она не выращивала его для экспортных целей и не вывозила его на внешние рынки. Площади под рисом в Нижней Бирме с 1855 г., когда они составляли около 1 млн. акров[1], возросли

[1] Акр=0,405 га (1 га=2,471 акра).

к 1880 г. более чем в 3 раза, к 1890 г. — в 4,4 раза, к 1905 г. — в 7,3 раза [317, 40]. Это означало включение в сельскохозяйственное производство миллионов акров целинных земель и потребовало приложения гораздо более значительных, чем прежде, масс труда. Начиная с 1870 г. площади под рисом в Нижней Бирме увеличивались каждые пять лет на 600—700 тыс. акров [317, 40]. С 10-х годов XX в. средний прирост площадей под рисом несколько сократился, но продолжал оставаться на достаточно высоком уровне вплоть до начала 30-х годов, когда площади Нижней Бирмы под рисом достигли своего исторического максимума (около 10 млн. акров), пока непревзойденного. Соответствующим образом росли производство и экспорт бирманского риса. Так, вывоз риса из Бирмы в 1855 г. был на уровне 160 тыс. т[2], в 1870 г. — 375 тыс., в 1880 г. — 850 тыс. т; в 90-е годы он превысил 1 млн. т, а затем в XX в. — 2 млн. и даже 3 млн. т [317, 48]. Экспорт 3,5 млн. т бирманского риса в конце 30-х годов стал также рекордом, который с тех пор не перекрывался. По экспорту риса Бирма вплоть до второй мировой войны стояла на первом месте в мире.

2. ОСНОВНЫЕ ОТРАСЛИ И СФЕРЫ ПРИТЯЖЕНИЯ ТРУДА

Важнейшие направления экономического развития Бирмы в условиях колониализма стали складываться, как мы видели, еще до полной аннексии страны. В дальнейшем речь шла как о расширении поля хозяйственной деятельности в рамках уже принятых направлений, так и о добавлении к ним некоторых новых. Так, аннексия Верхней Бирмы позволила колонизаторам еще в конце XIX в. приступить к созданию современной нефтяной промышленности, а в XX в. — крупных рудных разработок. Соответствующим образом складывалось положение в области развития трудовых ресурсов Бирмы, наемного труда в целом и рабочего класса в частности.

Колониальная Бирма развивалась прежде всего как крупный производитель товарного риса и его экспортер. Это было и оставалось главным направлением ее развития на всем протяжении колониальной истории и вызвало цепь важных, хотя и противоречивых, социально-экономических и демографических перемен. Оно привело к относительному увеличению земледельческого населения, образовало сезонный рынок наемного труда в сельском хозяйстве, содействовало изменению соотношения разных форм труда. Оно создало машинную промышленность первичной переработки риса — рисоочистительную промышленность, в которой

---

[2] Здесь и ниже речь идет об экспорте очищенного и неочищенного риса (последнего — падди — в переводе на очищенный рис).

стало применяться наибольшее количество промышленного наемного труда. Это направление экономического развития в огромной степени подталкивало иммиграцию труда из Индии, создавая большое своеобразие в структуре и динамике местного труда, особенно в промышленности.

Другое направление развития было связано с лесным хозяйством, с балкой леса и первичной переработкой высококачественной строительной древесины (преимущественно тика), о чем уже говорилось. В лесном хозяйстве, в механизированной лесопильной промышленности страны формировался другой очаг наемного труда.

Третьим направлением хозяйственного развития была добыча минерального сырья — нефти, руд, которыми были богаты недра Верхней Бирмы. Подобно рисоводству, лесному хозяйству, добыча нефти и руд не была новостью для Бирмы. Новым были резко увеличившиеся масштабы производства, его цели и технические средства производства (в результате введения машин). Особое значение имело то, что нефтяная промышленность колониальной Бирмы стала самой крупной и передовой отраслью машинной промышленности страны, причем отраслью, в которой в XX в. возник наиболее концентрированный отряд промышленных рабочих вообще, промышленных рабочих-бирманцев в особенности.

Сельскохозяйственное и промышленное развитие сопровождалось значительным ростом современного транспорта, прежде всего пароходного и железнодорожного, а также портового хозяйства. Здесь тоже формировались группы рабочего класса.

Ясно, что эти основные направления экономического развития диктовались и навязывались Бирме колониальными хозяевами, решающим мотивом деятельности которых было извлечение наивысших прибылей. Они же, т. е. определенные круги английской буржуазии, стали и главными нанимателями труда в стране. Постепенно к ним в этом отношении все больше присоединялись определенные слои индийской и китайской буржуазии, которые, однако, фигурировали на втором плане. Объективно же все это означало резкое (хотя и неравномерное и однобокое) расширение капиталистических отношений в Бирме, отразившееся и на судьбах традиционных форм ее экономики.

3. СУДЬБЫ БИРМАНСКОГО РЕМЕСЛА

Обычно говорят об упадке и разрушении местных ремесел и промыслов под воздействием колониализма. На деле судьба разных их видов складывалась в колониальной Бирме по-разному, в зависимости от конкретных обстоятельств.

Можно выделить несколько групп ремесленного производства Бирмы по степени их отмирания, выживания или трансформации в колониальный период.

Одни ремесла и промыслы были действительно разрушены. Это прежде всего домашнее прядение, железорудный и железоплавильный промыслы. Они были вытеснены более дешевой и более высококачественной импортной продукцией, не смогли противостоять более крупному и исторически более прогрессивному производству.

Другие были подорваны, но сохранились, хотя их значение с годами постепенно падало (тоже в результате конкуренции ввозных товаров и капиталистического производства). Здесь надо назвать гончарное и лаковое ремесла, домашнее ткачество, которое перешло на импортную пряжу.

Третьи не просто в какой-то мере сохранились, но адаптировались и закрепились в новых условиях, пользуясь устойчивым спросом или известными льготами. Это произошло, например, с ручной нефтедобычей, производством зонтов, добычей соли, изготовлением предметов буддийского культа. Здесь в определенные периоды и в определенных условиях был возможен даже рост производства. Ручная добыча нефти выжила и сохранилась до конца колониальной эпохи (и даже позже) главным образом потому, что внутри Бирмы на хозяйственные нужды населения разрешалась продажа только той сырой нефти, которая добывалась ручным путем. Зонтичное производство в муссонной стране имело широкий и постоянный рынок, при этом оно перешло на металлические ребра. Изготовление скульптурных изображений Будды и других предметов культа также поддерживалось широким спросом населения, в своей массе исповедовавшего буддийскую религию. Равным образом сохранился спрос и на местную бирманскую соль, которая в большей мере, чем импортная, подходила (по вкусу) для приготовления бирманских блюд. В результате традиционное производство местной соли с конца XIX в. до первой мировой войны, согласно имеющимся данным, даже возросло (почти на 70%) [320, 142—143].

Наконец, некоторые виды ремесленных производств стали понемногу превращаться в машинные, тем самым переходя в качественно новое состояние. Следует отметить, что это имело место со значительным запозданием и прежде всего в отраслях, навязанных иностранным капиталом (в первую очередь в рисоочистительной и лесопильной). Именно в этих отраслях постепенно создавалось то бирманское капиталистическое производство, с развитием которого было связано формирование наибольшего количества наемного труда, применявшегося национальным капиталом.

Новые социально-экономические условия не могли не вести к весьма существенным переменам в положении и соотношении прежних форм труда. Эти перемены происходили на фоне своеобразного изменения удельного веса сельского и городского населения Бирмы.

4. ПОВЫШЕНИЕ ДОЛИ СЕЛЬСКОГО И ПАДЕНИЕ ДОЛИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что с 70-х годов XIX в. удельный вес сельского населения Бирмы стал расти по сравнению с доколониальным периодом. Это происходило на основе увеличения доли сельскохозяйственного населения. В самодеятельном населении Нижней Бирмы доля занятых в сельском хозяйстве в 1872 г., по сообщению У Тун Вея (перепись 1872 г. нам недоступна), составляла 50% [336, 51]. По имеющимся в нашем распоряжении частичным данным переписей 1881 и 1891 гг., доля сельскохозяйственного населения во всем населении этого региона страны была на уровне 68% [см. 61, 2]. С 1891 по 1921 г. аналогичные данные есть уже по всей Бирме — Нижней и Верхней. Согласно им, удельный вес сельскохозяйственного населения во всем населении страны был равен в 1891 г. 63,7%, в 1901 — 67,3, в 1911—70,4, в 1921 г. — 73,1% [подсчитано по: 61; 64; 67; 68]. Сравнение с 1931 г. возможно лишь при переходе вновь на категории самодеятельного населения. В этом случае картина на протяжении ряда десятилетий получается следующей: доля занятых в сельском хозяйстве по отношению ко всему самодеятельному населению Бирмы составляла в 1901 г. 61,4%, в 1911 — 70,8, в 1921 — 71,0, в 1931 г. — 69,6% [подсчитано по: 64; 67; 68; 69].

Статистика занятости редко бывает точной, а ее данные за ряд лет из-за разницы в критериях обычно не всегда сравнимы. Это нужно полностью учитывать и при оценке приведенных выше цифр. Однако в данном случае не вызывает сомнений, что занятость в сельском хозяйстве колониальной Бирмы относительно увеличилась по сравнению с доколониальным периодом, причем это увеличение было значительным и последовательным. Указанный вывод подтверждается реальными, непосредственно наблюдавшимися процессами, и в первую очередь экстенсивным расширением сельскохозяйственного производства. Таким образом, на протяжении нескольких десятилетий колониального господства (начиная со времени вскоре после завоевания Нижней Бирмы и кончая примерно 20-ми годами XX в.) в структуре занятости Бирмы наблюдалась тенденция, противоположная, так сказать, нормальной мировой [3].

Некоторые исследователи, опираясь на данные и выводы переписей, отметили, что в 1891—1911 гг. при определенном росте абсолютной численности городского населения (с 947 тыс. до 1127 тыс.) произошло сокращение его доли во всем населении с 12,3 до 9,3% [331, 8; 157, 207]. Иначе говоря, имела место деур-

---

[3] Мировая практика, даже новейшего периода, знает случаи временного повышения удельного веса сельскохозяйственного населения. Это бывало при разного рода особых обстоятельствах, как вторжение иностранного капитала, навязывавшего одностороннее сельскохозяйственное развитие, или послевоенная разруха [см. 143, 179; 183, 13; 257, 270; 243, 67].

банизация — процесс, на первый взгляд совершенно неожиданный в условиях развивающейся экономики.

В чем же причина такого парадокса? Объяснение сводится к тому, что в рассматриваемый период основной силой, осуществлявшей перераспределение населения между городом и деревней, была сила притяжения населения в сельские районы Нижней Бирмы, охваченные «рисовой лихорадкой». Именно этот мощный фактор продиктовал изменение соотношения между городским и сельским населением колониальной Бирмы в пользу последнего. Как только сила притяжения к земле со второго десятилетия XX в. ослабела и «нормализовалась», удельный вес городского населения стал возрастать.

5. УПАДОК ФЕОДАЛЬНО-ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА И НЕУКЛОННЫЙ РОСТ СПРОСА НА НАЕМНЫЙ ТРУД

С учетом демографической ситуации в Бирме можно лучше понять и вопрос об изменении соотношения различных форм труда по сравнению с доколониальным периодом.

Сначала отметим, что домашний труд в разных его видах сохранился и даже возрос в первые десятилетия колониального периода. Эта форма труда продолжала относительно господствовать, вероятно, до самого разгара «рисовой лихорадки», что объяснялось главным образом увеличением числа мелких земледельческих хозяйств в условиях форсирования рисового производства и притока населения в деревню. Однако происходило изменение структуры домашнего труда и некоторых его характеристик. Так, возросла доля земледелия и сократилась роль ремесла. Домашний труд, труд членов семьи все больше делался трудом, ориентированным на рынок. Наряду с этим он во все большей степени терял свою традиционную «чистоту»: в него чаще и чаще включался наемный труд. В целом же в XX в. проявлялась тенденция все большего сокращения доли домашнего труда.

Относительному сохранению и временному увеличению доли домашнего труда способствовало, несомненно, то, что феодально-принудительный труд (особенно в государственной форме) был теперь вытеснен из основных сфер его распространения в собственно бирманских районах. Это было связано с разрушением колонизаторами прежних сословий, феодальной монархии, традиционной администрации, основ старого правопорядка и с насаждением капиталистических отношений, предполагающих, как правило, не принудительный, а вольнонаемный труд. Правда, на первых порах английские колонизаторы кое-где пытались восполнить нехватку вольнонаемного труда трудом принудительным, как, например, в Тенассериме при строительстве дорог [315, 33]. Но из этого практически ничего не получилось. Феодально-принудительный труд в различных видах сохранился в XIX и XX вв.

лишь на периферии бывшей Бирманской империи, особенно в Шанских княжествах и других районах окраин, населенных национальными меньшинствами. Английские колонизаторы мало вмешивались во внутреннюю жизнь этих районов, поскольку их правители проявляли лояльность британской короне.

Наиболее же существенной и важной тенденцией колониального периода с точки зрения соотношения разных форм труда было абсолютное и относительное увеличение наемного труда. Это объяснялось главным образом все более широким втягиванием Бирмы в товарное производство, в рыночную экономику, особенно в рисовом хозяйстве, подрывом некоторых ремесленных производств, резким возрастанием спроса на наемную рабочую силу в связи с развитием сельского хозяйства, некоторых отраслей современной промышленности, строительства, транспорта, сферы управления и услуг. Сыграло свою роль также исчезновение в собственно Бирме феодально-принудительного труда. Правда, здесь сразу же надо оговориться, что в колониальных условиях в общих рамках вольнонаемного труда практиковались такие азиатско-архаичные виды найма, которые делали наемного рабочего кабальным работником, прикрепленным денежной задолженностью к своему непосредственному нанимателю, как, например, индийская система найма через подрядчика-майстри.

6. ИММИГРАЦИЯ ИНДИЙСКОГО ТРУДА

Первоначально, до «рисовой лихорадки» и связанных с ней социально-экономических последствий, английские колонизаторы и экономика страны обычно вполне обходились наличным или приходящим из Верхней Бирмы на заработки бирманским трудом. Исследователи отмечают, что бирманский труд применялся в лесном хозяйстве, на строительстве деревянных парусных судов в Моулмейне, на постройке бараков для английской армии в Рангуне, при погрузочно-разгрузочных работах на пристанях, в речных перевозках, при ручном обрушивании риса и т. д. [315, 45, 53, 90, 118]. Правда, уже тогда сказывалась определенная узость рынка местного наемного труда, непривычность бирманцев к работе по найму (особенно систематической) в некоторых сферах. Играли свою роль также складывавшиеся под влиянием условий колониальной Индии низкие для бирманцев цены на труд (хотя и высокие по сравнению с индийским уровнем). Сравнительно квалифицированный труд рекрутировался из среды ремесленников (например, лесников, плотников). Труд неквалифицированный поставлялся теми полупролетаризированными или пролетаризированными элементами общества, о которых говорилось выше (в связи с данными о кули и поденных рабочих в земельно-налоговом обследовании Мандалайского округа).

С 70-х годов «рисовая лихорадка» и развитие новых произ-

водств и транспорта поставили вопрос о наемном труде в совершенно иных, больших масштабах. Заинтересованные прежде всего в максимально возможных и быстроизвлекаемых прибылях, английские колонизаторы не стали ломать себе голову над тем, как обеспечить этот труд из местных источников и как учесть нужды самой Бирмы. Они встали на путь поощрения ввоза готового труда из Индии. В результате уже в конце XIX в. в некоторых отраслях, производствах, профессиях и занятиях преобладали индийцы. Эта тенденция сохранялась до 30-х годов XX в. Она касалась как сферы материального производства, так и сферы управления, услуг. Индийские кули вытеснили бирманский труд с пристаней, со строительства по государственным заказам, из городского коммунального хозяйства. Индийские рабочие стали составлять большинство на паровых рисорушках, железных дорогах. Неквалифицированный труд уборщиков и носильщиков в Нижней Бирме был почти полностью индийским. Кроме того, индийцы преобладали в армии, полиции, в центральных учреждениях колониальной гражданской администрации (они занимали здесь большинство вторых мест, идя вслед за европейцами).

Эти процессы происходили на основе широкой иммиграции индийцев в Бирму, началом которой послужила аннексия англичанами Нижней Бирмы (точнее, Пегу) в 1852 г.[4]. Иммиграция индийцев в Бирму с нескольких сотен человек в год поднялась через несколько лет до тысяч, затем — до десятков тысяч, в конце XIX в. превысила 100 тыс., а в XX в. составляла сначала более 200 тыс., потом — свыше 300 тыс., а в некоторые годы — даже более 400 тыс. человек в год (в 1926—1929 гг.) [99, 121][5]. Ежегодно же происходил и широкий отъезд индийцев обратно на родину. Это подчеркивало, что их иммиграция в Бирму имела в основном характер сезонной или временной поездки на заработки. Однако ежегодно число прибывших обычно превышало число отбывших на несколько десятков тысяч человек, что вплоть до 30-х годов XX в. неизменно приводило к увеличению индийского населения Бирмы. В 1861 г. в Нижней Бирме насчитывалось 73,5 тыс. индийцев [315, 53]. В 1872 г. их было там 136,5 тыс., в 1891 г. во всей Бирме их стало около 421 тыс., а в 1931 г. — почти 1018 тыс. [99, 5]. В 1931 г. это составляло 6,9% всего населения (всего иностранцев, включая китайцев, европейцев и др., было 9,7%) [330, 40]. В Нижней Бирме доля индийцев поднималась

---

[4] Речь идет именно о широкой иммиграции. Вообще же индийцы (например, торговцы) были в Бирме и до колониального захвата ее, особенно в Аракане. После аннексии англичанами Аракана и Тенассерима в 1824—1826 гг. приток индийцев в эти области усилился. В Тенассерим для разных работ ввозились, в частности, каторжники из Индии. Наибольшее число индийцев в этот период селилось в Моулмейне, главном городе Тенассерима. По ориентировочным данным, ко второй англо-бирманской войне (1852) из 40 тыс. жителей Моулмейна треть составляли индийцы [315, 44].

[5] Учитывается основной путь иммиграции — морем в порты Бирмы.

в 20—30-е годы до 11%, а в городах этой части страны, особенно в портовых, — еще выше. В 1931 г. в городском населении всей Бирмы удельный вес индийцев был равен 30,5%, а в Рангуне — 53,4% [69, ч. I, 50, 53]. При этом основную часть индийцев составляли те, которые родились в Индии. В 1921 г. таких индийцев в стране из общего их числа было 66%, а в 1931 г. — 62% [см. 99, 15].

Данные королевской комиссии по труду, работавшей в Бирме в 1929 и 1930 гг. и обратившей серьезное внимание на индийскую иммиграцию, позволяют представить не только конкретные размеры, но и элементы социальной структуры ее на рубеже 20—30-х годов XX в. По этим данным, из ежегодной иммиграции индийцев в Бирму, оценивавшейся тогда максимум в 350 тыс. человек, 200 тыс. принадлежали к трудящимся, или, как указывает источник, к рабочим (labourers), остальные 150 тыс. представляли другие социальные слои. Среди указанных 200 тыс. трудящихся примерно 30 тыс. были контрактовыми рабочими, завербованными через подрядчиков-майстри [112, ч. II, 187].

Ввоз больших количеств индийского труда поставил серьезные преграды на пути дальнейшего формирования бирманского наемного труда [6], особенно в промышленных и городских сферах занятости. Получился как бы заколдованный круг: нехватка местного наемного труда провоцировала иммиграцию иностранного труда, а последняя ограничивала дальнейшее формирование местного труда. Этот круг, конечно, разрывался. Главным полем применения бирманского наемного труда стало земледелие, прежде всего рисовое хозяйство. Кроме того, постоянно, в течение десятилетий, особенно в XX в., шло накопление скромных количеств бирманского наемного труда в промышленной и городской сфере вообще. Это вызывалось втягиванием все большего числа людей в отношения найма.

Следует особо подчеркнуть, что те из традиционных ремесел и производств доколониальной Бирмы, которые выжили и как-то модернизировались в колониальный период, не стали в этот период сколько-нибудь значительным очагом наемного труда. Основной сферой его выступали колониальные отрасли хозяйства, олицетворявшиеся по преимуществу иностранным капиталом. Что касается национального капитала, то наиболее заметные позиции по размерам применявшегося наемного труда он приобрел также в этих отраслях (главным образом в рисоочистительной и лесопильной промышленности). Это, правда, стало происходить уже в XX в., во второй половине колониальной эпохи. Своеобразие

---

[6] Здесь и ниже термины «бирманский наемный труд», «рабочие-бирманцы» или «бирманские рабочие» применяются, если не оговорено иное толкование, расширительно и включают рабочих, наемный труд коренных этнических групп Бирмы (в противоположность рабочим, наемному труду иммигрантов). При этом большинство рабочих коренных этнических групп, как правило, составляли собственно бирманцы, национальное большинство страны.

здесь заключалось в том, что национальный капитал в данном случае также предпочитал иметь дело с рабочими-иммигрантами, труд которых, как правило, оценивался дешевле и которые уже имели опыт работы на колониальных предприятиях, в том числе на механизированных.

7. ПОЯВЛЕНИЕ ПЕРВЫХ МЕХАНИЗИРОВАННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И ЗАЧАТКОВ СОВРЕМЕННОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ТРУДА

Возникновение механизированных промышленных предприятий в Бирме относят чаще всего к 1859 г., когда в г. Бассейне (Нижняя Бирма) была пущена паровая рисоочистительная мельница, принадлежавшая иностранному капиталу [311, 14]. По-видимому, тогда же, а может быть, даже чуть раньше, появились и первые паровые лесопилки. Однако вплоть до конца 60-х годов прошлого века машинные предприятия исчислялись единицами [314, 249]. Соответственно незначительной была и рабочая сила, занятая на них.

На рубеже 70-х годов наступает ускорение процесса: число рисоочистительных предприятий становится двузначным, а общее количество фабричных предприятий перешагивает за полсотни (здесь и ниже систематические данные о фабричной промышленности Бирмы в 1870—1947 гг., включая имеющиеся сведения разных лет по рисорушкам и лесопилкам, см. прил. 7). По приблизительным данным, в 1870 г. на 19 рисорушках Нижней Бирмы было занято 4—5 тыс. рабочих, а на всех 62 фабричных предприятиях — примерно 8 тыс. человек. Все эти предприятия находились в Рангуне (в основном) и двух-трех других портовых городах.

В дальнейшем темп роста фабричной промышленности увеличился. Так, в 1880 г. в Нижней Бирме имелось 74 предприятия обрабатывающей прмышленности, на которых работало примерно 12 тыс. человек. В числе этих предприятий было 49 рисорушек с 9,5 тыс. рабочих. Среди 49 рисорушек 41 предприятие принадлежало европейскому капиталу (преимущественно английскому), по три — индийским и китайским предпринимателям, два — бирманцам [308, 97].

После аннексии Верхней Бирмы данные фабричной статистики вплоть до 1911 г. продолжали охватывать только Нижнюю Бирму. В 1892 г. структура фабричной промышленности Нижней Бирмы и ее рабочей силы была следующей.

Всего здесь зарегистрировано 106 фабричных предприятий (т. е., согласно фабричному закону 1881 г., таких, на которых работало, как правило, 50 человек и более и применялись двигатели). За исключением одного, все эти предприятия работали на энергии пара. Из 106 предприятий 93 были расположены в районах портов Рангуна (46 предприятий), Моулмейна, Бассейна и

Акьяба. В числе этих 106 предприятий было 52 рисорушки, 41 лесопилка, пять металлообрабатывающих предприятий[7], три предприятия по производству льда, две типографии, один нефтеперегонный завод, одна маслобойка, одно хлопкоочистительное предприятие.

Общее число рабочих на указанных предприятиях составляло 21 136 (20 335 мужчин, 588 женщин, 213 детей), из них в Рангуне — 13 677. Большая часть этих рабочих, включая почти всех женщин, были кули, занятые преимущественно переноской риса; имелись также упаковщики риса. Кули нанимались не прямо, а через подрядчиков, которые и платили им. Почти весь труд на рисорушках «монополизировали» приезжие рабочие из Индии. Некоторые предприятия иностранного капитала были уже довольно крупными. На ряде рисорушек работало по нескольку сот человек, а на трех — даже более тысячи (самым крупным предприятием тогда была рисорушка германской фирмы «Мор Бразерс» с 1284 рабочими) [72, 179—215; 98, 1893/94, 52].

В дальнейшем учет рабочей силы в фабричной промышленности несколько изменился. В частности, перестали учитываться женщины и дети, занимавшиеся переноской риса. В результате этого общая численность регистрируемых рабочих упала временно на несколько тысяч человек. В 1894/95 г. их было всего около 14,4 тыс. В начале XX в. (1901/02 г.) в стране насчитывалось 172 фабричных предприятия (с 50 и более рабочими), на которых работало 25,3 тыс. человек. Среди этих предприятий было 97 рисорушек и 58 лесопилок, т. е. 90% общего числа. В 1896/97 г. рабочие рисорушек и лесопилок составляли более 78% всей фабричной рабочей силы [98, 1894/95, 47; 1896/97, 47; 1901/02, 150; 1902/03, 29].

Первая железнодорожная линия в Бирме была проведена в конце 70-х годов XIX в. В 1881 г. в стране было около 1,7 тыс. железнодорожных рабочих и служащих, в 1901 г. — 7 тыс. Из них подавляющее большинство были индийцы. В дальнейшем число железнодорожников продолжало возрастать [320, 256; 64, табл. 15; 67, ч. II, 158].

На пароходах, в портах работали сотни матросов, грузчиков. В 1882 г. у главной английской речной компании в Бирме «Иравади Флотилла» уже был флот, состоявший из 29 пароходов и 45 барж общим водоизмещением более 23 тыс. т. В самом конце 80-х годов ее пароходы делали вверх по Иравади 285 основных рейсов в год, а вниз по реке — 262 рейса. Флот компании и его роль во внутренних перевозках постоянно увеличивались [320, 31; 310, 27].

---

[7] Здесь и ниже, если не оговаривается иное толкование, под металлообрабатывающими предприятиями (фабричного типа) подразумеваются предприятия, где в той или иной форме подвергается обработке металл, ремонтируются или производятся машины или механизмы (т. е. engineering works, metal works, iron works, foundries и т. д.).

В конце XIX в. наемный труд формировался также на рудниках, каменоломнях, в строительстве разного рода.

Перепись населения Бирмы 1901 г. показала, что на различных предприятиях, в тех или иных размерах применявших наемный труд, было занято уже несколько десятков тысяч наемных работников (подробно о данных этой переписи см. ниже, в параграфе 9 настоящей главы и в прил. 9 и 10).

8. ФОРМИРОВАНИЕ РЫНКА НАЕМНОГО ТРУДА В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ

Сельскохозяйственное развитие Нижней Бирмы и другие новые моменты в экономической жизни страны усилили формирование полупролетарских и пролетарских элементов в сельских районах, особенно в густонаселенных местностях рисоводческого Юга. Отчасти они рекрутировались из крестьян, в том числе переселенцев из Верхней Бирмы, переместившихся в Нижнюю Бирму в пору «рисовой лихорадки»: некоторые из таких переселенцев получили землю, а затем постепенно сгонялись с нее колониальной и ростовщической эксплуатацией; этот источник пролетаризации со временем стал главным. Отчасти же это были лишившиеся прежних занятий полупролетарские элементы старой Бирмы, которые притягивались заработками на сезонные сельскохозяйственные работы Нижней Бирмы и превращались в рабочих-мигрантов. Наконец, частично ряды сельского пролетариата пополняли индийские иммигранты. Рабочие-индийцы не занимали большого места во всей массе труда, применявшегося в земледелии колониальной Бирмы. Даже в 1931 г. они составляли лишь несколько более 5% всех сельскохозяйственных рабочих в стране [см. 69, ч. II, 190—191]. Однако при всей своей незначительной численности сельскохозяйственные рабочие-индийцы были более «чистыми» пролетариями, чем аналогичные рабочие-бирманцы, ибо были полностью лишены собственности и переходили от одной работы по найму к другой в течение всего срока своего пребывания в Бирме. Основная масса таких рабочих-индийцев находила применение на жатве урожая риса. Весьма высок был удельный вес индийских рабочих на немногочисленных крупных плантациях. Так, они составляли большинство на каучуковых плантациях в начале 20-х годов [см. 68, ч. II, 450—451].

О распространении наемного труда в бирманской деревне и его характере дают представление упоминавшиеся ранее земельно-налоговые обследования. В ряде из них фигурируют данные о составе занятого населения, в том числе кули, в различных районах страны (см. ниже текст и прил. 4 и 5). Эти данные составлены на основе списков налогоплательщиков, представленных деревенскими старостами. Поэтому их нужно считать не столько точными и полными, сколько показательными. Из прил. 4 видно, что в не-

которых рисопроизводящих районах Нижней Бирмы в 80-х годах прошлого века кули составляли от одной пятой до трети налогоплательщиков (т. е. приближенно — самодеятельного населения). В 90-х годах в ряде районов незадолго до того завоеванной Верхней Бирмы удельный вес кули был столь же высоким (от четверти налогоплательщиков в районе Мандалая, бывшей королевской столицы, до трети в районе соседнего с Мандалаем Сагайна). По другим данным, в приморском округе Сириам (Танхльин), рядом с округом Рангун, число наемных рабочих без кули в период между 1881 и 1900 гг. увеличилось в шесть раз, а вместе с кули — более чем в три раза [56, 104].

Данные прил. 4 нужно рассматривать с учетом характера тогдашнего общества, которое вне нескольких городских (пригородных) районов еще не приобрело капиталистической основы, хотя движение шло в этом направлении. Несомненно, что среди кули большинство составляли традиционные наемные работники, в особенности поденные, временные, прибегавшие к работе по найму от случая к случаю, и основная масса их была связана с земледелием.

Приведем некоторые более детальные сведения о занятом налогооблагаемом населении двух-трех округов Нижней и Верхней Бирмы. Несмотря на свой локальный характер, эти сведения весьма ценны. Их можно назвать данными о структуре занятости сельского населения Бирмы или о социально-сословно-профессиональном составе этого населения.

Так, в 17 районах нижнебирманских округов Бассейн и Хензада (Хинтада) в 1883/84 г. проживало 49 662 семьи. По данным старост, среди этого населения было 26 939 семей налогоплательщиков, которые по занятиям в соответствии с источником распределялись следующим образом [103, 3] [8]:

Земледельцы	12 246
Садоводы	1 766
Лица, занимающиеся подсечно-огневым земледелием	804
Торговцы	1 755
Мелкие торговцы	546
Кули	8 692
Рыбаки	402
Кузнецы	98
Лекари	130
Плотники	113
Брокеры (посредники) и др.	43

Из самого состава занятий можно предположить, что основное применение кули имели в сельском хозяйстве, в котором было занято большинство населения.

---

[8] В имевшихся у автора материалах явная неточность. Сумма оказывается на 344 единицы меньше указанного общего числа семей налогоплательщиков.

По обследованию верхнебирманского округа Сагайн в 1897/98 г., общее число семей налогоплательщиков составляло 51 099. Источник дает такую структуру их по занятиям [107, 6] [9]:

Земледельцы	29 125
Садоводы	118
Сборщики плодов с пальм «тодди»	966
Дровосеки	21
Работники, занимающиеся плетением корзин и циновок	166
Кули	15 080
Рыбаки	478
Лодочники	58
Тележники	90
Выпариватели соли	25
Обжигальщики известняка	12
Торговцы	1 553
Базарные торговцы	1 908
Уличные торговцы-разносчики	15
Ткачи	280
Портные и сапожники	45
Пильщики	27
Плотники	130
Кузнецы	107
Золотых и серебряных дел мастера	166
Мастера по дереву	71
Скульпторы	63
Каменщики	84
Художники, музыканты и актеры	90
Лекари и массажисты	189
Ходатаи по делам (юристы)	14
Монастырские писцы	55
Разные	103

Кроме того, здесь имелось более 7 тыс. семей, не облагавшихся налогом. Они состояли из следующих категорий [107, 6]:

Домашняя прислуга	105
Старосты и десятники	699
Деревенские писцы и глашатаи	424
Монахи	1 214
Пауперы и другие категории, включая государственных служащих	4 768

По-видимому, в Сагайне применение кули было более широким, хотя и здесь многие из них (а возможно, и большинство) были связаны с земледельческими работами.

В целом состав населения этого верхнебирманского округа, несмотря на значительное количество кули, свидетельствовал о существовании еще довольно традиционного, мало затронутого капитализмом общества. Это и неудивительно, ибо со времени захвата Верхней Бирмы до обследования прошло едва 12 лет.

Развернутые, подробные сведения о составе населения другого верхнебирманского округа — Мандалай, относящиеся к

[9] Здесь сумма также несколько расходится с названным общим числом семей (на 60 единиц).

1892/93 г., помещены в прил. 5. При их рассмотрении нужно учитывать, что в недалеком прошлом г. Мандалай был столицей Бирмы и центром различных ремесленных производств страны. Это и видно из структуры занятого населения бывшего столичного округа, где земледельцы составляли меньше половины его, свыше 19 тыс. были ремесленниками и квалифицированными рабочими, а более 25 тыс. — поденными работниками, кули. Вероятно, что в Мандалайском округе большинство кули в указанное время находили применение как раз в ремесленно-промышленной сфере, хотя и здесь немалая их часть могла быть занята на сельскохозяйственных работах.

Как уже упоминалось, наемный труд развивался также в лесном хозяйстве, на плантациях. Довольно емкий рынок наемного труда существовал в лесном хозяйстве, самой старой отрасли из тех, которые привлекли иностранный капитал. Здесь уже в конце XIX в. имелись тысячи рубщиков, пильщиков и сплавщиков леса. В плантационном хозяйстве перепись 1901 г. зафиксировала примерно 12 тыс. рабочих, причем почти все они тогда были заняты на чайных плантациях [64, табл. 15].

9. НАЕМНЫЙ ТРУД В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Можно утверждать, что к концу XIX — началу XX в. на основе развития некоторых современных отраслей в Бирме происходило регулярное формирование отдельных очагов промышленного рабочего класса. В 1901 г., как уже отмечалось, в стране было зарегистрировано уже 172 фабричных предприятия с 25,3 тыс. рабочих. В числе этих предприятий имелось 97 рисорушек и 58 лесопилок (см. прил. 7).

Авторы уже упоминавшейся переписи населения Бирмы 1901 г., проявив практический или академический интерес, провели по ряду отраслей и производств раздельный учет «собственников, управляющих и высшего персонала» и «рабочих и других подчиненных» (см. прил. 9 и 10). На основании этих данных можно в общем оценить исторический этап эволюции различных производств Бирмы в конце XIX — начале XX в. и классовый характер труда на них. Но перепись 1901 г. не содержит сведений о числе предприятий (это была «чистая» перепись населения), и поэтому рассматривать данные об указанных двух группах на них приходится либо суммарно, либо в среднем.

Как и следовало ожидать, лишь в относительно крупных и преимущественно иностранных по капиталу отраслях (рисоочистительной, лесопильной, нефтяной, металлообрабатывающей, полиграфической, судоремонтной, на железнодорожном транспорте и др.) в 1901 г. уже установилось прочное количественное преобладание «рабочих и других подчиненных» над «собственниками, управляющими и высшим персоналом» (первых мы для

краткости будем ниже называть рабочими, а вторых — хозяевами) (далее подробнее см. прил. 10). В различных металлообрабатывающих мастерских, например, на 10 хозяев приходилось 1406 рабочих, в доках (на судоверфях) при 45 хозяевах было 1302 рабочих, в нефтяной промышленности на 100 хозяев имелось 1825 рабочих, в типографиях при 101 хозяине числилось 880 рабочих. Это были в основном примеры уже капиталистических пропорций занятых, причем главным образом на предприятиях современного (нетрадиционного) сектора. Большинство таких предприятий должны были принадлежать именно к фабричным предприятиям. (Здесь мы рассматриваем суммарные данные. Естественно поэтому, что на каких-то предприятиях указанных отраслей доля хозяйского или семейного труда могла быть гораздо выше, а в каких-то случаях — даже превосходить долю наемных работников.)

Но были непосредственно отрасли и производства мануфактурного и ремесленно-кустарного типа, где еще очень большую, а нередко преобладающую роль играл труд самих хозяев (включая труд членов семьи владельца). Так, по переписи 1901 г., на маслобойках числилось 230 работников-хозяев при 807 рабочих (меньше четырех рабочих на хозяина). На предприятиях по производству зонтов на 363 хозяина приходилось 552 рабочих (в среднем по 1,5 рабочего на хозяина). На тех предприятиях, где хозяев вообще было больше, чем рабочих, число хозяев и рабочих составляло соответственно: 283 и 220 — в производстве газированной воды, 83 и 61 — в сахароварении, 48 и 25 — в пивоварении, 66 и 14 — в производстве керамики, и т. д. Из материалов переписи видно, однако, что общее количество занятых на таких предприятиях было незначительным. Разумеется, мелкими были и сами эти нефабричные производства.

Есть отдельные конкретные, но более поздние данные о мелких предприятиях Верхней Бирмы. Так, на солеварнях округа Верхний Чиндуин в 1908 г. было занято 589 человек, из них собственников (хозяев) — 189, членов их семей — 150, наемных рабочих — 250 [55, 118]. Последние составляли, следовательно, только 42%. В округе Таемьо в конце первого десятилетия XX в. велась ручная добыча нефти, в которой регулярно было занято примерно 18 человек (какая часть из них была наемными работниками, не указывается) и которая в 1907 г. дала 627 галл. сырой нефти [54, 37] [10].

Заслуживает отдельного упоминания тенденция к росту мелких механизированных предприятий, прослеживаемая с конца XIX в. Часть из них регистрировалась фабричной статистикой, часть не учитывалась ею. Прямых сведений о таких предприятиях в указанный период нет. Но косвенные данные свидетельствуют, что некоторые из них возникали в новых отраслях, другие эволю-

---

[10] Имперский галлон = 3,82 кг бирманской нефти.

ционировали в старых. В целом в рассматриваемое время их было еще немного. Что касается мелких паровых рисорушек, например, то считается, что они стали возникать в основном на рубеже XIX—XX вв. Так, в 1900 г. в Нижней Бирме вне портов было зарегистрировано 27 мелких рисорушек (с 10 рабочими и более) [317, 26—27]. Можно предположить, что мелкие предприятия в других отраслях развивались не более интенсивно, чем в самой динамичной — рисоочистительной промышленности. Общее количество наемного труда на таких предприятиях было также небольшим.

Согласно подсчетам, сделанным по переписи населения Бирмы 1901 г. и приведенным в прил. 9 и 10, в обрабатывающей и добывающей промышленности, на плантациях, железнодорожном транспорте и предприятиях связи было занято около 80 тыс. работников, из них 74 тыс. рабочих и служащих. В обрабатывающей промышленности сосредоточивалось большинство этих работников — 56 тыс., в том числе более 51 тыс. рабочих и служащих.

Подчеркнем, что эти данные касались предприятий (производств), по которым авторы переписи провели раздельный учет хозяев и рабочих и которые тем самым были как бы отделены от категории чисто домашних предприятий. Указанные данные, развернутые в прил. 9 и 10, являются, по-видимому, первой попыткой определения численности производственных наемных работников всей Бирмы, причем попыткой, относящейся хронологически к рубежу XIX—XX вв., т. е. к еще весьма раннему периоду колониальной истории страны.

Приходится, однако, признать, что по не зависящим от автора причинам количественная характеристика рабочих как класса оказывается в этих подсчетах преувеличенной. Дело прежде всего в том, что перепись 1901 г., будучи переписью населения, как уже отмечалось, не учитывала численность предприятий, их размеры и ряд других их данных. Поэтому в число занятых работников были включены и работники мелких и мельчайших производств, являвшихся фактически полудомашними-полукустарными и притом еще нередко сезонными производствами. В результате в состав наемных рабочих попала немалая часть переходных социальных типов, которые в лучшем случае находились только на пути превращения в наемных рабочих.

Имея в виду, что фабричных рабочих в 1901 г. насчитывалось примерно 25 тыс., общее количество рабочих в современных и полусовременных отраслях экономики к началу XX в. в самом общем виде можно оценить не более чем в 30—40 тыс. Основную их массу составляли неквалифицированные рабочие. Зарождающийся рабочий класс концентрировался в Рангуне и (в значительно меньшей мере) в трех-четырех других городах приморского пояса. В Верхней Бирме были два-три разрозненных очага складывавшегося рабочего класса (Мандалай; район нефтепро-

мыслов в Енанджауне, которые только начали разрабатываться современными методами).

Термин «регулярное», примененный в начале данного параграфа в отношении формирования очагов рабочего класса Бирмы в указанное время, казалось бы, предполагает, что речь идет о постоянных отрядах рабочих. Однако такая интерпретация была бы неточной. Как уже говорилось, большинство рабочих в промышленности и на транспорте были индийцы, приезжавшие (иногда не один раз) в бирманскую провинцию на заработки, чтобы через определенное время покинуть ее и вернуться на родину. Лишь небольшая часть индийских рабочих оседала в Бирме. Происходил, следовательно, процесс одновременного притока и оттока рабочих, в результате которого состав тех, кто находился в Бирме, из года в год или из сезона в сезон менялся. Поэтому постоянными были не столько рабочие (в формировавшихся очагах современного промышленного труда), сколько сами отрасли и спрос на наемный труд в этих отраслях, который удовлетворялся главным образом за счет временных рабочих-иммигрантов. Основная масса рабочих в современной промышленности реально существовала как объект эксплуатации и как источник прибылей, но она в силу своего характера не составляла интегральной и постоянной части рабочего класса страны. Иными словами, хотя человеческий субстрат класса уже был, устойчивой социально-классовой общности рабочих, предполагающей относительную цельность состава, еще не было. Это немаловажное обстоятельство нужно иметь в виду при рассмотрении количественных данных о рабочем классе колониальной Бирмы на всех этапах его формирования, особенно на ранних.

10. ПЕРВАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ ПЕРЕПИСЬ (1911 г.)

Статистические материалы колониальной Бирмы, относящиеся к XX в., как оригинальные источники, так и воспроизводимые в исследованиях разных ученых, в целом дают возможность полнее и детальнее, чем в отношении XIX в., рассматривать процесс формирования и развития рабочего класса в этой стране, тесно увязывая его с конкретными явлениями в ее экономике вообще и в промышленности в особенности.

По ежегодным материалам фабричной статистики можно проследить на протяжении нескольких десятилетий динамику фабричных предприятий Бирмы и занятости на них (см. прил. 6 и 7). Они четко свидетельствуют о специфически колониальном промышленном развитии Бирмы с конца XIX в. до конца 40-х годов XX в. Такое развитие соответствующим образом определяло и отраслевую структуру фабричного пролетариата Бирмы, в котором с начала и до конца колониальной эпохи преобладали рабочие рисорушек и лесопилок. К данным упомянутых приложений

придется неоднократно обращаться позже. Здесь подчеркнем только следующее. По 1911 г. включительно фабричным считалось предприятие с 50 рабочими и более. После 1911 г. к фабричным стали относить предприятия с 20 рабочими и более, а после 1934 г. к ним причислили и рисорушки (наиболее многочисленные в стране предприятия) с числом рабочих от 10, если применялся механический двигатель. Таким образом, динамика предприятий, как она показана в прил. 6 и 7, несколько преувеличена, поскольку рост числа предприятий был в значительной мере результатом изменения критериев.

Статистика горнодобывающей промышленности выявляет динамику занятости в XX в. на рудниках, в каменоломнях и в нефтяной промышленности (см. прил. 8).

Особую роль в статистических материалах колониальной Бирмы играют специальные промышленные переписи и обследования. Первой такого рода переписью была промышленная перепись 1911 г. Эта перепись позволяет бросить наиболее широкий взгляд на развитие промышленного труда в стране. Она охватила предприятия обрабатывающей и добывающей промышленности плюс плантации и при этом расширила учет: ввела только что упомянутую нижнюю границу числа рабочих на предприятие — 20 вместо прежних 50. Подсчеты по переписи показывают, что в 1911 г. в стране имелось 350 предприятий с 20 рабочими и более и на них было занято 78 677 человек [67, ч. I, 403—404; ч. II, 246—249]. В прил. 11 приведены основные данные этой переписи, суммированные и несколько перегруппированные автором.

Перепись показала уже заметное развитие нефтяной промышленности (добывающей и перерабатывающей), в которой было занято свыше 16 тыс. человек. Добыча и переработка бирманской нефти особенно расширилась в первое десятилетие XX в.: по переписи населения 1901 г., в нефтяной отрасли было занято всего 1,9 тыс. человек. Появилась металлорудная промышленность. Наблюдался также рост металлообрабатывающих предприятий. В железнодорожных мастерских, в доках (на судоверфях) и на других металлообрабатывающих предприятиях в 1911 г. было занято почти 7,5 тыс. человек. Однако, как легко убедиться, главными нанимателями рабочей силы оставались рисоочистительные и лесопильные предприятия. Из 288 всех фабричных предприятий обрабатывающей промышленности их было 234 (более 81% общего числа), а из 61,5 тыс. всех занятых в этой промышленности на них работало почти 40 тыс. (около 65%).

Среди 78,7 тыс. всех занятых по промышленной переписи 1911 г. к руководящим кадрам и конторским работникам принадлежало около 4,9 тыс., к квалифицированным рабочим — 17,3 тыс., к неквалифицированным рабочим, включая 7 тыс. подростков, — 56,5 тыс. Следовательно, рабочие составляли 73,8 тыс. человек. В составе занятых в обрабатывающей промышленности (61,5 тыс.) руководящие и конторские работники насчитывали

4,4 тыс., квалифицированные рабочие — 14,3 тыс., неквалифицированные — 42,8 тыс. человек. Здесь, следовательно, собственно рабочих было 57,1 тыс. В обоих случаях доля служащих составляла 6—8% общего числа занятых.

Подсчеты по данным указанной переписи позволяют судить о структуре предприятий по числу занятых (табл. 1).

Таблица 1

Число занятых на предприятии	Вся промышленность		Обрабатывающая промышленность	
	Предприятия	Занятые, тыс.	Предприятия	Занятые, тыс.
20—49	101	3,5	82	2,8
50—99	103	7,4	87	6,3
100—199	55	8,0	49	7,2
200—399	48	13,4	38	10,5
400 и более	43	46,4	32	34,7
Всего . . .	350	78,7	288	61,5

III. НАЧАЛО ПЕРЕХОДА ОТ «НЕКЛАССА» К КЛАССУ

Рассмотрев данные о развитии промышленности и наемного труда в Бирме в конце XIX — начале XX в., включая материалы первой промышленной переписи, можно попытаться оценить и этап формирования рабочего класса в стране в тот период.

Как уже отмечалось во введении и гл. I данной работы, марксизм-ленинизм устанавливает определенные моменты в эволюции наемного труда (свободных работников), этапы формирования пролетариата в класс, ступени развития самого класса. Эти моменты, этапы и стадии определяются социально-экономическим состоянием общества, становлением и развитием капиталистических отношений, эволюцией форм капиталистической промышленности, количественными и качественными характеристиками самого пролетариата.

В отношении доколониальной Бирмы XIX в. ни о рабочем классе, ни даже, пользуясь выражением К. Маркса, об «элементах действительного наемного труда» говорить еще нельзя.

К концу XIX в., уже в колониальный период, эти «элементы действительного наемного труда», и потому элементы, зачатки рабочего класса, стали уже формироваться. Однако классом их считать еще также нельзя, прежде всего ввиду их малочисленности, ограниченности распространения. Наемные рабочие были

сравнительно редки, особенно постоянные, не «сложены» в более или менее значительные коллективы, рассредоточены.

В самом конце XIX — начале XX в. (в период, в данном случае наиболее отчетливо зафиксированный переписью населения 1901 г. и промышленной переписью 1911 г.) стал происходить процесс, который, на наш взгляд, следует назвать переходом от «некласса» к классу. Это было началом подлинного классового развития рабочих, этапом становления более или менее значительной в количественном отношении социальной общности их. На данном этапе уже отмечались различные городские, региональные, отраслевые или производственные концентрации наемных рабочих, в том числе постоянных. Очаги промышленного труда теперь уже не сосредоточивались в одном пункте, а «вышли» в другие районы, на периферию, создавались в нескольких пунктах. Характерной чертой становления пролетариата в Бирме как класса было его формирование на базе фабричного производства, преимущественно иностранного, и вокруг него, а не на базе ручного, национального производства. При переходе от «некласса» к классу, а точнее — к «классу в себе» двоякую роль играло то обстоятельство, что основную часть промышленных рабочих Бирмы составляли «текучие» иммигранты. С одной стороны, иммигрантский труд до поры до времени оставался главным источником промышленного рабочего класса страны (в целом). С другой же стороны, именно этот момент осложнял процесс вовлечения бирманцев в сферу промышленного труда. (Забегая вперед, отметим, что и на следующем этапе развития рабочего класса Бирмы — этапе постепенного превращения «класса в себе» в «класс для себя» — фактор иммигрантского труда в составе рабочего класса страны будет продолжать действовать двояким образом. В одних случаях этот фактор будет способствовать общему подъему борьбы рабочих, в других — определенным образом ослаблять потенциальное единство рабочих рядов.)

Подчеркивая количественный аспект становления рабочего класса, следует иметь в виду, что определить, каково должно быть число рабочих для того, чтобы их общность можно было считать социальным классом, конечно, трудно. Более того, такое определение в универсальном виде в принципе вряд ли возможно. Однако при оценке конкретной ситуации и конкретного этапа социально-классового развития возникает потребность в категории (хотя бы сугубо теоретической и условной) «критической массы» рабочих, в проведении некоей (пусть воображаемой) «критической черты» в процессе их формирования, после которой идет собственно классовый период их развития. Не случайно К. Маркс писал о превращении в рабочих «массы народонаселения», о создании для нее «одинакового положения и общих интересов», прежде чем она становится «классом по отношению к капиталу» [1, 183]. Не случайно В. И. Ленин в своем классическом определении социальных классов прежде всего (по порядку) назвал ко-

личественный момент дела, то, что классы — это «большие группы людей» [27, 15].

С учетом этих характеристик очевидно, что общность наемных рабочих как класс не может быть мелкой группой, количественно незначительной величиной. Малое число рабочих, скажем несколько сот или даже тысяч человек на страну с населением в десяток миллионов, вряд ли может составлять класс. Ведь в этом случае рабочие представляли бы собой лишь нечто редчайшее и исключительное во всей общественной структуре. Наличие нескольких десятков тысяч рабочих в тех же условиях, несомненно, уже меняет положение, особенно если рабочие сосредоточиваются уже в нескольких отраслях и пунктах и их численность продолжает неуклонно расти. Здесь мы уже начинаем сталкиваться с определенной массой рабочих, со сравнительно заметными их концентрациями, с ощутимой степенью распространения общественных отношений «труд — капитал». В этом случае в ходе развития как бы пересекается невидимая «критическая черта» от «некласса» к классу, создается определенная «критическая масса» рабочих, превращающая их совокупность в социальный класс. В экономике это непременно находит свое выражение в том, что в валовом продукте становится значительной доля капиталистического производства (причем с тенденцией к постоянному повышению).

Данные переписи населения 1901 г. и промышленной переписи 1911 г., на наш взгляд, как раз и зафиксировали то, что наемный труд в промышленных отраслях Бирмы впервые достиг некоей относительной массовидности и стал представлять собой более или менее значительную величину. Наличие 40—70 тыс. рабочих современной промышленности при общем населении 10—12 млн. человек свидетельствовало о том, что в Бирме сформировалась определенная масса рабочих, количественная характеристика которых при одинаковости их положения и общности интересов делала их в совокупности социальным классом. Подчеркнем снова, что на том уровне речь могла идти только о классе по отношению к капиталу, о «классе в себе». Этап развития рабочего класса как «класса для себя», т. е. этап осознания им своих коренных классовых интересов и ведения им классовой борьбы, должен был наступить позже.

В конце XIX — начале XX в. рабочие Бирмы мирились с эксплуатацией и еще не возвышали своего голоса против нее. Есть, правда, смутные сведения о том, что в 1895 г. произошел конфликт в нефтяной промышленности между рабочими и предпринимателями (в рамках «Бирма Ойл Компани») [323, 6]. Это был, по-видимому, первый трудовой конфликт в истории Бирмы, но о нем, кроме общего упоминания, ничего не известно. Первой организацией профсоюзного типа в Бирме был созданный индийцами в 1897 г. Союз железнодорожных служащих Бирмы, ставший в том же году отделением Всеиндийского объединенного союза же-

лезнодорожных служащих [303, 80]. В 1908 г. произошла двухнедельная забастовка работников телеграфа, организованная Ассоциацией телеграфистов. Она началась в Бомбее, распространилась на Калькутту и затем частично на другие города колониальной Индии, в том числе и на столицу ее бирманской провинции — Рангун [241, 576]. Это была забастовка служащих-индийцев. Она была единичным, специфически узкопрофессиональным явлением в Бирме и также не оказала заметного влияния на отношения труда и капитала в этой провинции. Нельзя забывать, что в те годы в Бирме еще не было никакой организованной политической оппозиции колониализму даже в более просвещенных слоях. Тогда только начало формироваться патриотическое движение во главе с Буддистской ассоциацией молодых людей (БАМЛ), возникшей в 1906 г. как организация еще внеполитическая.

Процесс превращения «класса в себе» в «класс для себя» происходил позже на основе расширения капиталистической эксплуатации Бирмы и, следовательно, вовлечения в нее новых групп рабочих. Он развивался в условиях становления бирманского патриотического освободительного политического движения, пробуждавшего массы, а также под большим влиянием международного опыта — развития мирового революционного движения вообще и национально-освободительного и рабочего движения в Индии в частности.

ГЛАВА III

РАБОЧИЙ КЛАСС КОЛОНИАЛЬНОЙ БИРМЫ В 20—40-х ГОДАХ

Условия, сложившиеся после окончания первой мировой войны, особенно рост мирового спроса на бирманский рис и расширение внутреннего рынка, вызвали в Бирме промышленный бум. В стране происходил подъем возникших ранее промышленных отраслей и ускорилось развитие капитализма (см. прил. 6, 7, 8). 20-е и 30-е годы явились десятилетиями наивысшего количественного роста промышленного рабочего класса Бирмы и вместе с тем периодом, когда началась его экономическая и политическая борьба. Самый канун и годы второй мировой войны, а также несколько лет, непосредственно предшествовавших достижению Бирмой государственной независимости (1948), стали временем консолидации передовых политических представителей рабочего класса страны, появления Коммунистической партии Бирмы и первых успехов в ее деятельности, особенно в организации движения сопротивления японским оккупантам, а также в формировании первых общенациональных профсоюзных центров. Тогда же, а фактически после отделения Бирмы от Индии (1937) и особенно в годы второй мировой войны, затронувшей Бирму непосредственно, началась большая перестройка структуры рабочего класса Бирмы. Отделение от Индии, не вызвав немедленно массового оттока индийцев из Бирмы, сразу поставило под вопрос перспективу (в особенности масштабы) применения в Бирме труда индийских иммигрантов. Война же и уничтожение большей части производительных сил привели к разрушению сложившейся структуры промышленного рабочего класса, ощутимому сокращению его численности, заметному деклассированию его (как переходу части рабочих в иные социальные категории), что оказало вполне реальное воздействие на последующее социально-политическое развитие страны.

Остановимся подробнее на указанных процессах.

1. ДИНАМИКА ЧИСЛА ПРОМЫШЛЕННО-ЗАНЯТЫХ ПО ПЕРЕПИСЯМ НАСЕЛЕНИЯ 1921 И 1931 гг.

В 20—40-е годы в Бирме были проведены три всеобщие переписи населения — в 1921, 1931 и 1941 гг. Материалы переписи 1941 г. были почти полностью утрачены в ходе японского вторже-

ния [1]. Поэтому мы пользуемся здесь данными только первых двух переписей.

Эти данные свидетельствуют об абсолютном увеличении числа занятых в промышленности. В обрабатывающей промышленности в 1921 и 1931 гг. было зарегистрировано соответственно 483,9 тыс. и 664,4 тыс. работников (включая в 1931 г. работающих иждивенцев) [69, ч. I, 146—147]. Рост, в частности, показали металлообрабатывающая, химическая, пищевая, строительная отрасли, энергетика, транспортное машиностроение. Правда, в некоторых отраслях обработки (деревообрабатывающей, керамической) отмечалось падение занятости, но это могло быть конъюнктурным моментом и не меняло общей тенденции. Возросла занятость и во всех отраслях горнодобывающей промышленности.

Расчет по итоговым данным показывает увеличение и удельного веса промышленно-занятых в общей массе занятого населения. Доля занятых в обрабатывающей промышленности при таком расчете поднялась с 7,1% в 1921 г. до 10,7% в 1931 г. Однако реальный рост был меньше. Дело в том, что из-за разницы в критериях двух переписей, приведшей к недоучету женщин в 1931 г., в этом году было зафиксировано меньшее количество всего занятого населения, чем в 1921 г. Проведенное Р. М. Сундрумом исследование занятости в 1921 и 1931 гг. по одним мужчинам вносит соответствующие коррективы. Согласно этому исследованию, в обрабатывающей промышленности Бирмы в 1921 г. было занято 271 885 мужчин, а в 1931 г. — 289 493 [329, 3]. Можно подсчитать, что доля этих работников среди всех занятых мужчин составляла в 1921 г. 7,58%, в 1931 г. — 7,68%. Разумеется, эти данные частичные, но они показательны в том отношении, что подчеркивают как незначительность общего прироста работников-мужчин, являющихся главными работниками основных промышленных отраслей, так и незначительность их долевого прироста за десятилетие. В этом сказалось, несомненно, воздействие на Бирму мирового экономического кризиса конца 20-х— начала 30-х годов.

Утрата данных уже упоминавшейся последней колониальной переписи населения, проведенной в 1941 г., конечно, не дает возможности статистически точно обрисовать отраслевую структуру самодеятельного населения Бирмы в самом начале 40-х годов, как это возможно для начала 30-х годов по переписи 1931 г. (см. прил. 16). Однако с учетом тенденций некоторого послекризисного оживления хозяйства и восстановления ряда отраслей можно предположить, что между 1931 и 1941 гг. рост промышленно-занятого населения был, скорее всего, не меньшим, чем между 1921 и 1931 гг.

---

[1] Сохранились лишь общие предварительные сведения о численности населения страны, округов и ряда городов.

2. ПРОМЫШЛЕННАЯ ПЕРЕПИСЬ 1921 г.: ЧИСЛЕННОСТЬ ЗАНЯТЫХ, ИХ ОТРАСЛЕВАЯ СТРУКТУРА И РАЗМЕРЫ ПРЕДПРИЯТИЙ ПО ЧИСЛУ РАБОЧИХ

Для промышленного подъема после первой мировой войны было характерно заметное усиление среднего и мелкого национального производства, особенно в рисоочистительной и лесопильной промышленности. Это побудило власти во время очередной переписи населения в 1921 г. провести новую промышленную перепись. В ней учет был расширен: стали регистрироваться предприятия, на которых было занято не менее 10 рабочих. Эта промышленная перепись — единственный источник, который позволяет делать более или менее точные сравнения тогдашнего положения с ситуацией после достижения Бирмой независимости (в 50-е годы), когда фабричное законодательство, регистрировавшее в 1911—1951 гг. предприятия от 20 рабочих, также перешло к учету предприятий от 10 рабочих.

Промышленная перепись 1921 г. зафиксировала 1198 предприятий со 118443 занятыми на них (см. прил. 12).

Как легко убедиться, расширение учета дало большое увеличение цифр в сравнении с 1911 г.: по предприятиям — в 3,4 раза, по занятым — на 50% (ср. прил. 11). Таблица 2, составленная по материалам указанной переписи 1921 г. и отображающая разбивку предприятий на группы в зависимости от числа рабочих, позволяет сопоставить данные 1921 и 1911 гг. (см. табл. 1) на вполне сравнимой основе.

Таблица 2

Число занятых на предприятии	Вся промышленность		Обрабатывающая промышленность	
	Предприятия	Занятые, тыс.	Предприятия	Занятые, тыс.
10—19	331	4,8	308	4,4
20—49	534	16,4	483	14,7
50—99	138	9,3	122	8,3
100—199	96	13,0	76	10,1
200—399	58	15,9	46	12,6
400 и более	41	59,0	34	50,4
Всего . . .	1 198	118,4	1 069	100,6

Составлено по: [68, ч. II, 449—467].

Исключение данных по предприятиям с 10—19 рабочими (для обеспечения сравнимости) показывает, что и в этом случае изменения произошли очень значительные: число предприятий в

1911—1921 гг. возросло почти в 2,5 раза, а число занятых—на 44%. Основной прирост (более 500 единиц) дали средние предприятия (с числом рабочих 20—199), они же обеспечили и примерно половину всего прироста рабочих. Численный рост крупных предприятий (от 200 рабочих) был небольшим: он выражался всего восемью единицами, но увеличение рабочих в этих группах предприятий было значительным (более 38%). Что касается новой, самой мелкой группы предприятий, включенной в промышленную перепись 1921 г., то, хотя их число было сравнительно велико (331 предприятие, или свыше 27% всех предприятий), число занятых на них было незначительно (4,8 тыс., или только 4% всех занятых).

Расширение учета в 1921 г. по сравнению с 1911 г. привело к увеличению цифр и в обрабатывающей промышленности (ср. табл. 2 и 1). Безотносительно к критериям общее число предприятий этой отрасли хозяйства за 1911—1921 гг. возросло с 288 до 1069 (в 3,7 раза), а число занятых — с 61,5 тыс. до 100,6 тыс. (на 63%). Сопоставление на сравнимой основе (т. е. по предприятиям с 20 рабочими и более) дает меньшие, но, несмотря на это, достаточно высокие темпы роста: число предприятий здесь увеличилось с 288 до 761 (в 2,6 раза), а число занятых — с 61,5 тыс. до 96,2 тыс. (на 56%). Обращает на себя внимание рост как раз числа сравнительно мелких предприятий. В группе предприятий с 20—49 рабочими это увеличение было почти шестикратным — с 82 до 483 единиц. Очень значительным был прирост и числа рабочих за счет предприятий всех средних групп (с 20 — 199 рабочими). Характерно, что количество крупных предприятий (с 200 рабочих и более) увеличилось всего на 10 единиц, но основной прирост рабочих (более 51%) был именно за счет крупных предприятий.

Общее число работников добывающей промышленности в 1911—1921 гг. сократилось, по данным переписей, с 13,1 до 12,0 тыс. (см. прил. 11 и 12). Но здесь нужно учитывать, что основная масса нефтяников по промышленной переписи 1921 г. стала проходить по графе «обрабатывающая промышленность» (см. прил. 13). Поэтому если сравнивать всех нефтяников по переписям 1911 и 1921 гг., то окажется, что общее увеличение их численности было более чем двукратным. Что касается рабочих рудников, то промышленная перепись 1921 г. также показала большой их количественный рост (с 3,7 тыс. до 8,4 тыс.) (см. прил. 11 и 12).

Среди 118,4 тыс. занятых по промышленной переписи 1921 г. 10,6 тыс. принадлежали к руководящему и конторскому составу, а собственно рабочих было 107,8 тыс. (5,6 тыс. — на плантациях, 11,2 тыс. — на предприятиях горнодобывающей и около 91,0 тыс. — обрабатывающей промышленности). Из 118,4 тыс. всех занятых почти 113 тыс. были мужчины и 5,5 тыс. — женщины (см. 68, ч. II, 450—467).

Из промышленной переписи 1921 г. следует, что наиболее крупным отрядом рабочих стали нефтяники (более 34 тыс., если считать все отрасли нефтяной промышленности) и что рабочие рисоочистительной промышленности отодвинулись на второе место (21,7 тыс.) (см. прил. 12 и 13). Фактически дело обстояло не так. Во-первых, регулярная фабричная статистика показывает, что в 1921 г. на рисорушках было занято 42 тыс. рабочих (см. прил. 7). Это означало, что был достигнут почти максимальный годовой уровень занятости в фабричной рисоочистительной промышленности страны (в последующие годы занятость эпизодически увеличивалась или уменьшалась самое большее на 2—3 тыс.; расчет по источникам прил. 7 свидетельствует о том, что в 1921—1938 гг. среднегодовое число занятых в этой отрасли составляло 39,8 тыс. человек). Во-вторых, в число нефтяников в 1921 г. были, вероятно, включены такие категории занятых, которые позже в составе нефтяников не фигурировали. Кроме того, происходило снижение трудоемкости работ благодаря расширению механизации процессов добычи, обработки и т. д. В результате данные о нефтяниках в последующие годы показывали падение в сравнении с цифрами промышленной переписи 1921 г.

Следовательно, в 1921 г., как и ранее, по численности продолжали лидировать рабочие рисоочистительной промышленности, составлявшей основу пищевой отрасли (см. прил. 13). За ними шли нефтяники. На третьем месте были рабочие лесопильной промышленности (13,7 тыс.). Четвертое место занимали рабочие металлообрабатывающей промышленности, включая транспортное машиностроение (ремонт). Их общее число достигало 13—14 тыс. Здесь наиболее многочисленными были рабочие судоверфей и доков (5,7 тыс.) и железнодорожных мастерских (3 тыс.).

Наиболее существенным из того, что отметила промышленная перепись 1921 г., был общий рост числа промышленных рабочих и увеличение в них доли рабочих, связанных с машинными отраслями, особенно с нефтяной, металлообрабатывающей, а также с горнорудной. Из 118,4 тыс. занятых в 1921 г. примерно 56—57 тыс. было занято в нефтяной промышленности, на рудниках, в металлообработке, машиностроении (ремонте).

3. НАЦИОНАЛЬНАЯ И КВАЛИФИКАЦИОННАЯ СТРУКТУРА РАБОЧИХ ПО ПРОМЫШЛЕННОЙ ПЕРЕПИСИ 1921 г. И ЕЕ ИЗМЕНЕНИЕ В ПОСЛЕДУЮЩИЕ ГОДЫ

Данные прил. 14 свидетельствуют о том, что рабочие-индийцы продолжали составлять большинство промышленных рабочих (почти 70%), а представители национальностей Бирмы (по преимуществу сами бирманцы) едва превышали четверть (26%). Преобладали индийцы и в обеих квалификационных группах:

среди квалифицированных рабочих их было 55,5 против 35,7% бирманцев, а неквалифицированных (которые составляли 79% всех промышленных рабочих страны) — 72,7 против 23,4%. Согласно материалам промышленной переписи 1921 г. о преобладающей части собственно рабочих (90,1 тыс. человек), 75,1% этой массы рабочих родились вне Бирмы, 15,8 — в округе нахождения предприятия и 9,1% — в других округах Бирмы [рассчитано по: 68, ч. I, 275].

Данные по отраслям (см. прил. 15) лишь подчеркивают картину громадного количественного преобладания рабочих-индийцев. Лишь в очень немногих отраслях и производствах большинство составляли бирманцы.

Наивысшая доля бирманских рабочих была на сахарных заводах (100%), рубиновых копях (76,1%), в текстильной (61,3%) и маслобойной (56,4%) промышленности. Но в этих отраслях было занято незначительное количество рабочих (менее 5 тыс.). В то же время в ряде других отраслей промышленности с большими концентрациями труда наблюдалось совсем иное положение. Доля бирманских рабочих в них редко превышала 30%. В рисоочистительной промышленности бирманцев было меньше 17%, в лесопильной — меньше 25%.

К сожалению, по промышленной переписи 1921 г. нельзя получить надежных данных об удельном весе рабочих-бирманцев на нефтепромыслах (из-за перегруппировки данных по всей нефтяной промышленности) [2]. Здесь возможно оперировать лишь общими данными по нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности вместе. По материалам прил. 15, из 31,6 тыс. рабочих всей тогдашней нефтяной промышленности 9 тыс. были бирманцами, а подавляющее большинство последних, как можно утверждать, сосредоточивалось именно на нефтепромыслах. Новая техническая и социальная основа добычи нефти в колониальный период не стала препятствием для притока в эту отрасль бирманцев. Для них труд добытчиков нефти был знаком издавна. К тому же район нефтепромыслов в Центральной Бирме слабее охватывался индийской иммиграцией. Нефтедобыча в Бирме явилась редким в условиях колониализма примером развития традиционной для страны отрасли в современную на основе преимущественно местного (национального) наемного труда.

Тот факт, что в нефтяной промышленности в 1921 г. работало 9 тыс. бирманских рабочих, был важным моментом в становлении промышленного пролетариата страны. Уже тогда они составляли наиболее концентрированный и современный отряд бирманских рабочих. Вместе с бирманцами — рабочими транспортного машиностроения они насчитывали свыше 11 тыс. человек. Однако

---

[2] Получается, что на нефтепромыслах было занято всего 1,1 тыс. человек, из которых почти 75% составляли бирманцы. Но, как уже отмечалось выше, эти абсолютные данные неполны.

нельзя упускать из виду, что упомянутые 11 тыс. бирманцев были примерно лишь четвертью всех рабочих, занятых в этих двух наиболее передовых и современных отраслях Бирмы, связанных с добычей важнейшего сырья и производством (ремонтом) средств производства. Это соотношение подчеркивает еще весьма малое и подчиненное место, которое занимали в структуре промышленного труда бирманские рабочие.

Промышленная перепись 1921 г. раскрывает и место китайских рабочих в тогдашней структуре труда. Будучи численно незначительной группой (4,7 тыс. из 107,8 тыс., или всего около 4,4%), они концентрировались на оловянно-вольфрамовых рудниках в Тенассериме и отчасти на серебряно-свинцовых рудниках в Северной Бирме. На тех и других рудниках работали более 55% всех промышленных китайских рабочих. При этом на оловянно-вольфрамовых рудниках китайский труд даже преобладал (52,3% всех рабочих).

Основная масса труда в промышленности Бирмы была представлена индийскими рабочими и до 20-х годов, но промышленная перепись 1921 г. впервые на детальном статистическом материале раскрыла этот факт во всей его полноте и широте (в промышленной переписи 1911 г. индийцы не отделялись от бирманцев).

Преобладание индийского труда продолжалось и позже, сохраняясь в ряде отраслей и компаний на чрезвычайно высоком уровне.

Так, до 1930 г. индийцы почти полностью преобладали среди портовых грузчиков Рангуна[3]. Они были организованы подрядчиками-майстри в прочные национально-кастовые бригады (gangs), «пробить» которые бирманским претендентам на погрузочно-разгрузочные работы в районе порта было практически невозможно. Эта система очень устраивала различные производственные, торговые и транспортные фирмы иностранного капитала в Бирме. Только после кровавых индо-бирманских столкновений в Рангунском порту на этой почве (в мае 1930 г.) часть портовых работ была закреплена за бирманскими грузчиками. (В 1934 г. общее число портовых грузчиков в Рангуне официально оценивалось в 12—15 тыс. человек [99, 52].)

В конце 20-х годов на основном нефтеперегонном заводе Бирмы в Сириаме из 7,5 тыс. рабочих (главным образом индийцев) бирманцев было всего 673. Этот завод принадлежал самой крупной английской фирме в стране — «Бирма Ойл Компани» (БОК).

---

[3] В их число включались следующие категории рабочих: 1) грузчики, которые непосредственно загружают или разгружают корабли, стоящие в порту на якоре или пришвартовавшиеся к причалам; 2) грузчики, переносящие грузы в районе причалов; 3) грузчики, переносящие грузы в портовые склады; 4) рабочие, отправляющие грузы из портовых складов за пределы порта. Первые именуются обычно «стивидорами» (stevedores), другие — «береговыми» (foreshore) грузчиками [99,52—53].

На более мелком заводе той же компании в г. Данидо, также под Рангуном, из 1584 всех работников в 1928 г. лишь 52 были бирманцы [112, ч. I, 52, 67].

Практически не было бирманских квалифицированных рабочих в пароходных командах «Иравади Флотилла Компани». Последние, как правило, комплектовались из индийцев [99, 89]. Такое положение сохранялось вплоть до второй мировой войны (хотя в конце 30-х годов в этой компании насчитывалось примерно 270 пароходов и 380 барж [310, 27]). Иностранные капиталисты оправдывали его тем, что бирманские речники не прошли соответствующего обучения.

Среди железнодорожников Бирмы собственно бирманцы и представители других местных национальностей составляли в 1921 г. 12—13% общего числа рабочих и служащих (равного 20,4 тыс.), в 1931 г. — около 17% (из 27,7 тыс.). Соответственно более 83 и около 80% были индийцы [69, ч. I, 139]. В 1938/39 г. из 21,9 тыс. железнодорожников (без руководящих кадров) бирманцев было 21,1%, индийцев — 74,8% [307, 243].

Имеются также данные по английской фирме «Бирма Корпорейшн», созданной в 1919 г. и владевшей свинцово-цинково-серебряными рудниками и металлургическими предприятиями на северо-востоке Бирмы (в районе Бодуина-Намту, в Северных Шанских княжествах). «Бирма Корпорейшн» была одной из большой пятерки английских компаний, владевших ключевыми экономическими позициями в Бирме (наряду с БОК, «Иравади Флотилла», «Стил Бразерс» и «Бомбей-Бирма Трейдинг Корпорейшн»). В этой компании в 1925 г. работало около 12,2 тыс. человек, в 1930 г. — 16,1 тыс. По национальному признаку они разбивались, как показано в табл. 3.

Таблица 3

Национальность	1925 г.		1930 г. (сентябрь)	
	число	%	число	%
Бирманцы	826	6,8	1 171	7,3
Шаны	1 763	14,5	1 164	7,25
Индийцы (включая гурков)	7 384	60,6	10 798	67,2
Китайцы	1 538	12,6	2 322	14,45
Другие	672	5,5	609	3,8
Всего	12 183	100,0	16 064	100,0

Источник: [112, ч. I, 119].

Из данных таблицы видно, что бирманцы вместе с шанами составляли в 1925 г. примерно 21% рабочих компании, а в 1930 г. — даже менее 15%, и доля иностранных рабочих здесь обнаруживала тенденцию к повышению.

4. ЭВОЛЮЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ТРУДА И ЕГО СОСТАВА В СОВРЕМЕННОМ СЕКТОРЕ ХОЗЯЙСТВА В 20—30-х ГОДАХ И РАЗМЕРЫ ПРЕДПРИЯТИЙ ПО ЧИСЛУ ЗАНЯТЫХ (1936 г.)

Согласно данным фабричной статистики (см. прил. 7), число промышленных рабочих в 20-е годы в целом возросло. Рекордными по росту были 1926, 1927 и 1928 гг., когда численность работающих на фабричных предприятиях превышала 100 тыс. При этом годом наивысшей занятости в фабричной промышленности колонии стал 1928-й: число рабочих тогда составило 101,6 тыс. Ни до, ни после этого за всю колониальную историю Бирмы такое количество занятых на предприятиях с 20 и более рабочими не регистрировалось. В 30-е же годы численность фабричных рабочих стала несколько меньше, чем в предыдущие десять лет. Как показывает расчет, среднегодовая занятость на фабричных предприятиях в 1920—1929 гг. была 95,1 тыс. человек, а в 1930—1939 гг. — 89,3 тыс. Разница небольшая, но характерная. Она отражала воздействие на Бирму мирового экономического кризиса.

Специальное обследование, проведенное в 1927 г., снова показало, что кроме учитывавшихся фабричной статистикой имелись мелкие «дофабричные» предприятия с числом рабочих от 10 до 20. Их было обнаружено около 300 [98, 1927/28, 64; 356, 1928, декабрь, 385], что вполне соответствует данным промышленной переписи 1921 г. по предприятиям такого размера. Число занятых на них, судя по исходным данным, можно оценить в 3,0—5,7 тыс. человек. Следовательно, с учетом фабричных и «дофабричных» предприятий количество рабочих в обрабатывающей промышленности страны в 1927 г. составляло примерно 104—107 тыс. Это уже превышало на несколько тысяч то количество рабочих, которое зарегистрировала промышленная перепись 1921 г., охватившая предприятия с 10 и более рабочими. Надо принять в расчет также и несколько предприятий обрабатывающей промышленности в Северных Шанских княжествах, которые не учитывались фабричной статистикой (они принадлежали упоминавшейся уже «Бирма Корпорейшн»). По данным, например, на 1935 г., здесь имелось 4 предприятия с 2,8 тыс. рабочих [49, 1935, 5].

Занятость в горнодобывающей промышленности до начала мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. поднималась, затем упала, а во второй половине 30-х годов вновь возросла, причем значительно (см. прил. 8). Кроме нефтяной компании «Бирма Ойл» в 20-е годы развернула операции «Бирма Корпорейшн». В Тенассериме возникали все новые и новые оловянно-

вольфрамовые рудники, которые составляли подавляющее большинство всех горнодобывающих предприятий страны, хотя и были, как правило, мелкими. В 1925 г. в Бирме было зарегистрировано 232 горнодобывающих предприятия (рудников, шахт, карьеров) [98, 1925/26, 56]. В 1928 г. их стало 371 [98, 1928/29, 61]. На 239 из них, преимущественно металлорудных предприятиях, было занято около 17,9 тыс. рабочих, распределявшихся по группам предприятий следующим образом [112, ч. I, 96; 356, 1930, март, 711]:

	Число рабочих
Железные рудники	1 048
Свинцово-серебряные рудники	5 384
Оловянно-вольфрамовые рудники	7 648
Медные рудники	8
Разработки драгоценных камней	507
Разработки известняка	358
Разработки вулканических пород	2 604
Разработки латеритов	312
Всего	17 869

В годы мирового экономического кризиса произошло сокращение количества как горнодобывающих предприятий, так и самих горняков. Но со второй половины 30-х годов положение меняется. Количество рудников, шахт, карьеров, а также занятых на них вновь возрастает и в год начала второй мировой войны достигает рекордного уровня. В 1939 г. в стране было зарегистрировано 601 горное предприятие (в том числе более 560 рудников), на котором работало 40 348 человек [101, 1946, 1, 6]. Имелось еще более 300 мелких рудников с тремя-четырьмя рабочими на каждом [99, 60]. Следовательно, общее число горняков превышало 41 тыс. человек.

В 20-е годы выросла численность рабочих нефтепромыслов. Это показали переписи населения 1921 и 1931 гг., зарегистрировавшие рост числа лиц, занятых в нефтедобыче, с 9,8 тыс. до 17,6 тыс. [68, ч. II, 248; 69, ч. I, 144]. Почти все они принадлежали к наемным работникам. Отраслевые сведения от августа 1929 г. дают численность постоянного труда на нефтепромыслах в 17 254 человека [112, ч. I, 38]. Дальнейшие отраслевые данные, вплоть до середины 30-х годов, отмечают падение занятости в добыче нефти, а затем колебания ее при сохранении общей тенденции к сокращению (см. прил. 8). Это было вызвано отчасти экономическим кризисом, отчасти техническим прогрессом, а в конце срока и острыми трудовыми конфликтами (забастовками) на нефтепромыслах. На 1 января 1942 г. всех нефтяников (рабочих нефтепромыслов и нефтеперегонных заводов) в Бирме было 17,7 тыс. против 28 тыс. в 1929 г.

Общая тенденция изменения численности основных отрасле-

вых групп фабричных рабочих и горняков в 1911—1940 гг. может быть отражена с помощью данных табл. 4, составленной по материалам прил. 7, 8, 11, 13, 25 (в тыс. человек).

Таблица 4

Год	Рисоочистительная и лесопильная промышленность	Горнодобывающая промышленность (включая нефтедобычу)	Металлургия, металлообработка, машиностроение, нефтепереработка, производство электроэнергии
1911	39,7	13,1	18,1
1923	48,0	20,6 (1921 г.)	28,3
1929	53,8	35,1 (1928 г.)	30,4
1935	56,0	36,9	21,4
1940	53,2	55,2 (1939 г.)	21,0

Таблица показывает, что занятость в рисоочистительной и лесопильной промышленности к концу 20-х годов возросла, а затем после некоторого роста в середине 30-х годов возвратилась примерно на предкризисный уровень. Занятость в добывающей промышленности в целом увеличилась. Данные 1939 г. (55,2 тыс. рабочих), по-видимому, не были наивысшими, поскольку начавшаяся вторая мировая война могла способствовать новому, хотя бы кратковременному (из-за начавшегося японского вторжения) росту занятости в стратегических отраслях. В тяжелых отраслях обрабатывающей промышленности занятость росла до мирового экономического кризиса, а потом в них отмечалось сокращение числа занятых.

Среди главных нанимателей труда в Бирме на первом месте в 20-е годы находилась компания железных дорог, перешедшая в 1929 г. в ведение колониального государства. В системе железных дорог в 1929/30 финансовом году работало 28 979 человек [112, ч. I, 99].

Второе и третье место по занятости к концу 20-х — началу 30-х годов оспаривали «Бирма Ойл К°» и «Бирма Корпорейшн». В четвертом квартале 1928 г. в БОК работало 19 122 человека [112, ч. I, 49][4]. В январе 1930 г. в «Бирма Корпорейшн» числилось 19 844 человека, в сентябре — 16 064 [112, ч. I, 119]. Несомненно, что по численности работников к ним была близка также «Бомбей-Бирма Трейдинг Корпорейшн». Во второй половине 30-х годов в ее лесном хозяйстве и на лесопилках было занято более 19 тыс. человек [372, 20.IV.1937, прил.]. Общие сведения о рабочей

[4] Не все они были собственно рабочими-нефтяниками. Среди них было более 1 тыс. конторских работников, 1,1 тыс. сторожей и охранников, 0,6 тыс. домашней прислуги, свыше 150 поваров (для кули), несколько десятков школьных учителей и т. д. При этом число неквалифицированных рабочих (кули, или general labour) составляло 6,3 тыс, [112, ч. I, 49].

силе другой крупной английской фирмы — «Стил Бразерс энд К°» — отсутствуют. Однако многочисленность (как ни у какой другой компании) сфер интересов «Стил Бразерс» (лесное хозяйство, лесопиление, рисоочистка, добыча нефти, хлопкоочистка, текстильное производство, производство цемента, масла, муки, каучука, страховые операции, судоходство, импортная торговля) свидетельствовала о том, что на предприятиях этой компании в целом было занято не меньше рабочих, чем в названных выше других английских монополиях.

Данные о фабричных предприятиях и рабочих по национальной принадлежности (гражданству) владельцев (см. прил. 17) показывают, что в колониальный период более 60% предприятий принадлежали иностранцам и на этих предприятиях работало свыше 80% всех фабричных рабочих. Бирманские же предприятия до второй мировой войны составляли 38—39%, и на них было занято лишь 16—17% рабочих. Иностранная группа предприятий в 1940 г. (637 предприятий при 73—74 тыс. занятых) имела такую структуру [334, 29]:

	Европейская группа[5]	Индийская группа	Китайская группа	Японская группа
Предприятия	143	283	208	3
Занятые, тыс.	39,0	20,6	13—14	0,5

Следовательно, больше половины рабочих иностранных предприятий работали на заводах и фабриках европейского (главным образом английского) капитала. Средняя концентрация рабочих на последних была в несколько раз более высокой, чем на других предприятиях (например, в 4 раза большей, чем на индийских, в 7 раз большей, чем на бирманских).

О структуре промышленности по размерам предприятий в зависимости от числа рабочих можно получить представление из официального статистического «Списка промышленных предприятий в Бирме в 1936 г.» [80]. Он охватывал 1479 предприятий, на которых, как можно подсчитать, работало примерно 138,2 тыс. рабочих (см. прил. 18). Группировка предприятий по числу рабочих дала результаты, показанные в табл. 5 (подробно см. прил. 19)[6].

В сравнении с аналогичной группировкой 1921 г. группировка 1936 г. не показывает сколько-нибудь существенных отличий. Достойно упоминания увеличение примерно на треть числа самых крупных предприятий (с 400 и более рабочих). Таких предприятий в Бирме в 1936 г. было 61, причем на 20 из них работало по 1 тыс. человек и более.

[5] Включая предприятия и рабочих государственного и муниципального фонда (см. прим. 2 к прил. 17).

[6] Эти результаты несколько расходятся с подсчетами С. М. Макаровой [219, 78], видимо, из-за различного метода группировки данных.

Таблица 5

Число рабочих на предприятии	Число предприятий	
	всего	фабричных
Менее 10	60	6
10—19	303	150
20—49	591	450
50—99	261	204
100—199	112	77
200—399	65	42
400—999	41	28
1000 и более	20	14
Всего (распределенных)	1 453	971

В перечне наиболее крупных промышленных предприятий Бирмы в 1936 г. (см. прил. 20), составленном по упомянутому выше «Списку», обращает на себя внимание фактическое отсутствие предприятий бирманских владельцев. Среди 20 первых в перечне, на которых работало по 1 тыс. человек и более (это были нефтяные, горнодобывающие, металлургические предприятия, железнодорожные мастерские, судоверфь, рисорушки, лесопилки, текстильная и спичечная фабрики), 19 принадлежали английскому капиталу, одно — индийскому. На нефтепромыслах «Бирма Ойл» в Енанджауне было занято более 6 тыс. рабочих, а по соседству — в Чау — еще около 3 тыс. Вторым по размерам был нефтеперерабатывающий завод этой же компании в Сириаме: на нем работало около 5,4 тыс. рабочих. Крупную, хотя и текучую и разноплеменную концентрацию рабочих, в основном иммигрантов, представляли предприятия «Бирма Корпорейшн» в северо-восточной Бирме. На рудниках этой корпорации было занято более 3,5 тыс. рабочих, а на металлургическом заводе — свыше 1,7 тыс. Кроме того, корпорации в том же районе принадлежали другие, более мелкие, но довольно значительные предприятия — рудообогатительные, транспортные, энергетические, сосредоточивавшие не менее 2 тыс. рабочих.

5. ПРОМЫШЛЕННЫЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ 1933/34 И 1938/39 гг.

В 1939 г. в Бирме была создана комиссия по изучению вопроса об индийской иммиграции в страну и ее последствиях в сфере занятости. Комиссия, во главе с Дж. Бэкстером опубликовала в 1941 г. «Доклад об индийской иммиграции» (доклад Бэкстера) [99]. Он содержал полученные в ходе обследований 1933/34 и

1938/39 гг. данные о численности промышленных рабочих в Бирме, их отраслевой, квалификационной и национальной структуре и о соответствующей динамике между 1933/34 и 1938/39 гг.[7]. Эти данные касались взрослых рабочих-мужчин[8] и не затрагивали руководящих кадров промышленности и конторских служащих.

Доклад Бэкстера фактически слабо изучен. Он увидел свет как раз перед японским вторжением, которое отодвинуло на задний план все проблемы, кроме военных. После второй мировой войны тоже было не до него, так как на первое место вышли вопросы борьбы против английских колонизаторов, за достижение Бирмой государственной независимости. Годы шли, факты, содержавшиеся в докладе, устаревали, уходили в прошлое. Материалы доклада так и не нашли должного места в исследованиях (если не считать использования его наиболее общих данных). Однако для освещения процесса формирования рабочего класса Бирмы и изменения его структуры в ходе исторического развития эти материалы имеют большое значение, в связи с чем мы и попытаемся их проанализировать.

Начнем с данных о числе промышленных предприятий в 1933/34 и 1938/39 гг. (см. прил. 21). Они отражают некоторый экономический рост после мирового кризиса в конце 20-х — начале 30-х годов. Некоторые колебания цифр внутри каждого года обусловлены сезонными различиями (февраль — ежегодный сезонный производственный пик, ноябрь — сезонный спад производственной деятельности). Нетрудно убедиться, что общее число предприятий (примерно 1100 в 1933/34 г. и свыше 1300 в 1938/39 г.) значительно превышает соответствующие данные фабричной статистики. Это произошло вследствие включения в учет предприятий горнодобывающей промышленности, некоторых плантаций и плантационного производства (каучука) и коекаких других предприятий, находящихся за рамками обрабатывающей промышленности. Однако, судя по некоторым абсолютным данным доклада Бэкстера, не было особого расширения учета по предприятиям с числом рабочих ниже фабричного ценза.

Примерно то же нужно сказать и о численности промышленных рабочих в 1933/34 и 1938/39 гг. (см. прил. 22). По каждому из обследований, например 1938/39 г., число рабочих в 2 раза превосходило данные фабричной статистики. В период пика (февраль 1939 г.) число зарегистрированных рабочих достигло 206 тыс. Это была рекордная цифра, отмеченная во время сезон-

[7] Обследования промышленного труда в указанные годы проводились посезонно (4 раза в течение 12 месяцев): в 1933/34 г. — на департаментской основе, в 1938/39 г. — в порядке специального задания.

[8] Комиссия, видимо, исходила из того, что, поскольку большинство рабочих-индийцев приезжало в Бирму на заработки без семьи, наилучшие условия для сравнения рабочих индийцев и неиндийцев должен был дать учет тех и других только по мужской линии.

ного подъема. В период спада (ноябрь 1938 г.) число рабочих было на 36 тыс. меньше — около 170 тыс. В основе этого лежали колебания в рабочей силе на самом сезонном из производств Бирмы — в рисоочистке. Здесь разница между ноябрем и февралем составляла 28 тыс. — более $^3/_4$ сезонных изменений в численности всех охваченных рабочих.

Нужно, однако, помнить, что, поскольку речь шла только о рабочих мужского пола, подлинное число рабочих было выше, чем обозначено в прил. 22, и выше прежде всего на число женщин-работниц, не учтенных в ходе обследований.

Обратимся теперь к внутренней структуре и распределению промышленного рабочего класса Бирмы согласно данным комиссии Бэкстера.

Отраслевая структура рабочих, как это следует из прил. 22, имела на февраль 1939 г. такой общий вид:

	Тыс. рабочих	%
Рисоочистительная и лесопильная промышленность	73,0	35,4
Инфраструктурные отрасли (железные дороги, порты, доки, морской транспорт, строительство, почта и телеграф и др.)	54,5	26,4
Горнодобывающая промышленность (рудники, нефтепромыслы) . . .	41,8	20,3
Различные мелкие местные отрасли обрабатывающей промышленности, включая хлопкоочистительную	19,3	9,4
Нефтеперерабатывающая, металлургическая и металлообрабатывающая промышленность, машиностроение (ремонт)	16,4	8,0
Прочие	1,0	0,5
Всего	206,0	100,0

Преобладание рабочих, занятых на рисорушках, лесопилках и в инфраструктуре (вместе они составляли в феврале 1939 г. 62% всех рабочих), оставалось неизменной особенностью структуры рабочего класса Бирмы. Новым был рост численности рабочих горнодобывающей промышленности, особенно горнорудной (в основном за счет увеличения числа мелких разработок). Обращает на себя внимание и тот факт, что рабочие мелких местных отраслей обработки не насчитывали и 20 тыс. человек. В то же время в тяжелых отраслях обрабатывающей промышленности числилось, по данным Бэкстера, примерно 16 тыс. рабочих. Последнее является результатом неудачной статистической группировки. Как было подсчитано на основании данных фабричной статистики (см. табл. 4), в 1940 г. на металлургических, металлообрабатывающих, машиностроительных и нефтеперегонных за-

водах и в электроэнергетике было занято, с учетом плавильных заводов Шанских княжеств, примерно 21 тыс. человек.

Из 206 тыс. учтенных в феврале 1939 г. рабочих 57,4 тыс. (28%) оценивались комиссией Бэкстера как квалифицированные, 142,3 тыс. (69%) — как неквалифицированные и 6,3 тыс. (3%) — как мусорщики (они учитывались отдельно) (см. прил. 23).

Даже безотносительное к критериям сравнение с 1921 г. (ср. прил. 14) свидетельствует о росте не только общей массы труда, но и числа и доли квалифицированных рабочих, что для нас представляет особый интерес. Число квалифицированных рабочих при таком сопоставлении увеличилось в 2,5 раза — с 22,5 тыс. до 57,4 тыс., при этом бирманцев — с 8,1 тыс. до 18,5 тыс., индийцев — с 12,5 тыс. до 32,2 тыс., китайцев — с 1,5 тыс. до 5,9 тыс. Еще большим был рост, если считать только по взрослым рабочим-мужчинам.

Рост числа квалифицированных рабочих несомненно указывал на важный прогрессивный процесс складывания ядра постоянных кадровых рабочих. Однако этот процесс шел медленнее, чем следует из приведенных общих цифр, и в то же время само названное ядро, как ни парадоксально, было меньше, чем показывали те же цифры. И причина этого несоответствия заключалась в специфике национального состава и источников формирования рабочего класса колониальной Бирмы (см. об этом следующий параграф).

Численность и доля квалифицированного труда в основных отраслях производства были в феврале 1939 г. следующими [вычислено по 99, 168]:

	Тыс. квалифицированных рабочих	Процент от всех рабочих в отрасли
Всего	57,4	27,9
В том числе:		
в металлургии	1,3	65,7
в нефтедобыче	4,5	48,7
в горнорудной промышленности	13,3	41,0
в мелких местных отраслях обработки	6,1	38,6
в нефтепереработке	2,3	33,4
в лесопилении	3,7	31,6
в инфраструктуре	11,0	20,1
в рисоочистительной промышленности	9,8	16,1

Нетрудно убедиться, что доля квалифицированного труда была ниже всего в отраслях с наибольшей концентрацией труда.

Географическое распределение промышленного рабочего класса в феврале 1939 г. представляло собой такую картину [99, 172]:

Всего рабочих (в тыс.)	206,0
В том числе:	
в Шанских княжествах и Каренни (Кая)	19,0
на Севере	1,3
в Центре	22,0
на Побережье	33,5
в Дельте	50,2
в Рангуне	80,0

Рангун (как административно-статистический район) сосредоточивал около 39% всех промышленных рабочих. Вместе с прилегающей к нему областью Дельты (р. Иравади), с которой Рангун был экономически теснейшим образом связан, это составляло более 63%[9]. В других областях страны концентрация рабочих была гораздо меньше, и сами эти области были слабо связаны между собой. Но особого упоминания заслуживает Центр. Здесь общее число рабочих было невелико. Однако значительную их часть составляли рабочие нефтепромыслов, т. е. наиболее концентрированный отряд рабочих страны, состоящий преимущественно из бирманцев (при этом 3/4 всех квалифицированных рабочих нефтепромыслов также были бирманцы). Что касается Побережья, которое охватывало юго-западный район страны (Аракан) и юго-восточный (Тенассерим), географически и экономически оторванные друг от друга, то здесь было примерно 16% всех учтенных рабочих. Меньше всего рабочих было на Севере — этой слабонаселенной и неразвитой окраине страны. В отношении Шанских княжеств и Каренни отметим, что 19 тыс. рабочих на огромную территорию (от 1/4 до 1/3 всей территории Бирмы) при населении примерно 1,5 млн. — явно малая цифра. Но рабочие сосредоточивались здесь на рудниках и заводах Бодуина-Намту и рудниках Мочи, и в этом, локальном, смысле их концентрация была большой.

Таким образом, и в конце 30-х годов XX в. промышленный труд в Бирме, как это сложилось еще в XIX в., концентрировался прежде всего в одном главном районе — Рангуне с примыкавшими к нему местностями. Поэтому промышленные рабочие Бирмы были по преимуществу рабочими столичного района, абсолютное число которых заметно выросло. Наряду с этим наблюдалась тенденция очагового распространения промышленного труда по периферии. Периферийных очагов было немного, и количество рабочих в них — небольшим. Сравнительно новыми и наиболее динамичными среди таких очагов были районы нефтепромыслов Центральной Бирмы и серебряно-свинцовых рудников в Шанских княжествах и вольфрамовых в Мочи. Характер-

[9] Фабричная статистика 1935 г. показала, что из 965 предприятий страны с 90,3 тыс. рабочих в Рангуне было 132 предприятия с 28,9 тыс. Но при этом отдельно учитывались соседние округа Инсейн и Хантавади, являвшиеся фактически предместьями столицы. Вместе с ними число фабричных рабочих в широком столичном районе превышало 46,6 тыс. (51,6%) (см. прил. 32 с учетом прим. 4).

ной была резкая изоляция периферийных очагов друг от друга и даже от главного района. Из них с Рангуном были более или менее связаны только районы нефтепромыслов.

6. НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ПРОМЫШЛЕННОГО РАБОЧЕГО КЛАССА (основные тенденции динамики в 30-е годы)

Общая картина эволюции национального состава промышленного рабочего класса Бирмы в 20-е и 30-е годы вырисовывается из табл. 6, обобщающей сведения по взрослым рабочим-мужчинам из промышленной переписи 1921 г. и промышленных обследований 1934 и 1939 гг.

Таблица 6

Национальная группа	1921 г.		1934 г. февраль		1939 г. февраль	
	Тыс.	%	Тыс.	%	Тыс.	%
Всего	97,9	100,0	167,6	100,0	206,0	100,0
Индекс	100		171		210	
Бирманцы	22,3	22,7	43,9	26,2	60,6	29,4
Индекс	100		197		272	
Индийцы	70,5	72,0	116,5	69,5	135,2	65,6
Индекс	100		165		192	
Китайцы	4,6	4,7	6,5	3,9	9,2	4,5
Индекс	100		141		200	
Европейцы и др.	0,5	0,6	0,7	0,4	1,0	0,5
Индекс	100		140		200	

Составлено по: [68, ч. I, 269, ч. II, 450—451; 99, 168—169, 184—185].

Данные этой таблицы позволяют не только оценить примерные абсолютные количества рабочих разных национальных групп, но и заметить основные тенденции их динамики на протяжении почти двух десятилетий.

Цифры табл. 6 свидетельствуют о том, что, несмотря на продолжавшееся преобладание индийского труда в промышленности, его доля падала (с 72,0% в 1921 г. до 65,6% в 1939 г.). В то же время удельный вес рабочих-бирманцев возрастал (с 22,7% в 1921 г. до 29,4% в 1939 г.). Китайский и европейский (включающий всех белых и метисов) труд был в общей массе очень незначителен. Бросается в глаза тот важный момент, что, продолжая оставаться в меньшинстве, бирманские промышленные рабочие имели в указанное время наивысшие темпы роста. В 1921—1939 гг. их число возросло более чем в 2,7 раза, а число

индийцев — только в 1,9 раза. Это говорило об активном процессе бирманизации труда в стране.

Что касается национальных изменений в структуре квалифицированного труда, то здесь в целом складывалось довольно противоречивое положение. Так, снизилась доля индийцев (с 57,3 до 56,1%, считая также по одним взрослым рабочим-мужчинам), но одновременно она незначительно снизилась и у бирманцев (с 34,0 до 32,3%) (см. прил. 14 и 23). Доля же китайцев поднялась (с 7,0 до 10,2%), несмотря на то что абсолютное их число оставалось очень малым.

Произошли изменения и в составе неквалифицированного труда. Он показал абсолютный рост во всех азиатских группах. Но доля индийцев и китайцев в нем сократилась (соответственно с 76,3 до 68,3% и с 4,0 до 2,4%), а пропорции бирманцев — возросли (с 19,5 до 29,2%).

Материалы доклада Бэкстера дают возможность конкретно проследить изменения в национальной структуре промышленного труда и проявления процесса его бирманизации на последнем отрезке колониальной истории Бирмы до второй мировой войны — в 1934—1939 гг. Эти материалы показывают, например, (см. прил. 24), что в 1934—1939 гг. удельный вес рабочих-индийцев уменьшался в большинстве отраслей, а рабочих-бирманцев возрастал. Особенно нужно отметить рост доли бирманского труда на машиностроительных (ремонтных) предприятиях (с 33,2 до 50%), на нефтепромыслах (с 54,8 до 61,6%). Увеличилась она и на рисорушках и лесопилках. В сфере квалифицированного труда увеличение доли бирманских рабочих и уменьшение ее у индийских рабочих происходило реже, в меньшем числе отраслей и производств. Но здесь надо подчеркнуть этот процесс прежде всего на машиностроительных (ремонтных) предприятиях, на нефтепромыслах, на рисорушках. Доля квалифицированного бирманского труда выросла на первых с 36 почти до 47%, на вторых — с 68,7 до 74,6 и на третьих — с 22,6 до 33,4%. Что касается рабочих-китайцев, то в 1934—1939 гг. при увеличении их общего числа и доли особенно возросли число и доля квалифицированных рабочих (см. прил. 24). Их основная масса по-прежнему концентрировалась на рудниках, металлургических предприятиях и в инфраструктуре. В 1939 г. удельный вес китайцев в квалифицированном труде на рудниках превысил 35%, на металлургических заводах приближался к 22%, однако это были исключительные случаи столь высокой их концентрации в отраслях.

Имеются отдельные более широкие сведения по центру нефтедобычи в Бирме — нефтепромыслам районов Енанджауна и Чау. В 1930 г. бирманские рабочие составляли 48% работавших там нефтяников (4,4 тыс. из 9,2 тыс.), в 1938 г. — уже 60% (3,4 тыс. из 5,7 тыс.). Соответственно, доля рабочих-индийцев упала с 52 до 40% [здесь и ниже см. 76, 112]. Если взять профессиональные

группы рабочих нефтепромыслов, то окажется, что в 1938 г. все буровики и строители буровых вышек в этих районах были бирманцы; производственные бригады состояли из бирманцев на 75%; 60% механиков, сварщиков, мастеровых были также бирманцы. Однако земляные работы на нефтепромыслах выполняли только индийцы. Индийские рабочие оставались на нефтепромыслах в среднем три года и затем уезжали (часто на время) на родину. Их состав, следовательно, регулярно менялся, тогда как состав бирманских рабочих был гораздо более постоянным. Бирманцы, как отмечалось, составляли в 1939 г. $^3/_4$ квалифицированных рабочих, занятых на нефтепромыслах.

Говоря об определенном прогрессе бирманизации труда, мы не можем упускать из виду ряд фундаментальных фактов противоположного характера. В целом еще $^2/_3$ промышленного труда к концу 30-х годов поставляла иммиграция. Были отрасли промышленности, где роль иммигрантского труда за долгие годы почти не уменьшилась, были и такие, где она даже увеличилась. Так, в 1934—1939 гг. доля индийского труда возросла, а доля бирманского сократилась на водном транспорте, на металлургических заводах, на мелких предприятиях обработки (см. прил. 24). Увеличился удельный вес рабочих-индийцев на рудниках. В то же время и в сфере квалифицированного труда в некоторых случаях происходило сокращение доли бирманских рабочих за счет увеличения доли иммигрантов (на нефтеперерабатывающих и металлургических заводах, на лесопилках, на мелких предприятиях обработки и др.). Такой состав труда давно уже вызывал проблемы, связанные с межнациональными отношениями.

Наиболее «индианизированной» частью Бирмы оставалась Рангунская область. Здесь в феврале 1939 г., т. е. уже после снижения индийской иммиграции и занятости в результате отделения Бирмы от Индии в 1937 г. и индо-бирманских столкновений 1938 г., рабочие-индийцы составляли 73,6% всех рабочих (58,8 тыс. из 80,0 тыс.), а рабочие-бирманцы и другие местные — 25% (20,0 тыс.). Среди квалифицированных рабочих доля первых и вторых была равна соответственно 73,2 и 21,8%, среди неквалифицированных — 71,8 и 27,8% [см. 99, 172—173]. (Для сравнения укажем, что в 1928 г. среди квалифицированных фабричных рабочих Рангуна доля рабочих-индийцев равнялась 70%, среди неквалифицированных — 90% [86, 3].)

Причиной массовой иммиграции индийцев в Бирму, как уже упоминалось, была политика колониализма в Бирме и Индии. На поиски работы вне своей страны индийских тружеников усиленно толкали социально-экономические условия колониальной Индии. Власти колониальной Бирмы содействовали притоку дешевого индийского труда. Рабочие-индийцы были объектом жестокой эксплуатации как у себя на родине, так и в Бирме.

Индийские трудящиеся были заняты созидательной деятельностью во многих отраслях хозяйства Бирмы. У некоторых кате-

горий индийских рабочих был уже немалый производственный опыт, им было свойственно более зрелое классовое и политическое сознание. Передовые рабочие-индийцы содействовали открытию в Бирме эпохи рабочего движения, которое этой стране ранее не было известно. Такого рода положительные моменты уже отмечались ранее в советских исследованиях [191, 36—37].

В то же время наличие большой трудовой иммигрантской общины, масштабы, движение и распределение которой регулировались в основном законами капиталистического рынка, создавало определенные трудности в Бирме, в конечном счете угрожавшие перейти в плоскость национального вопроса. Иммиграция индийских рабочих обостряла конкуренцию на рынке труда, снижала внутрибирманский уровень заработной платы, усиливала проблему безработицы и неполной занятости, особенно в кризисные годы, а также объективно способствовала финансовому истощению Бирмы (поскольку значительная часть зарплаты индийских иммигрантов потреблялась не в Бирме, а за ее пределами — переводилась семьям на родину).

Традиционно Бирма была страной национально-религиозной терпимости. Вплоть до конца 20-х годов нашего столетия она не знала явных межнациональных столкновений. Но в мае 1930 г. такие столкновения произошли. Ареной их стал Рангунский порт, а непосредственными участниками-противниками — бирманские и индийские рабочие. Эти столкновения явились прямым следствием провокационной политики английских компаний, которые наняли бирманских грузчиков во время забастовки индийских, а затем устроили манипуляции с зарплатой тех и других. В результате возникших беспорядков было около 3 тыс. убитых и раненых [303, 137]. В 1938 г. в Бирме произошли еще более серьезные индо-бирманские столкновения, к развязыванию которых также приложили руку реакционные силы.

Таким образом, картина взаимоотношений бирманского и индийского труда в Бирме в 30-е годы усложнилась.

Теоретически можно было бы предположить, что со временем, в ходе внутреннего развития, через преодоление противоречий, произойдет выравнивание национальной структуры рабочего класса Бирмы, узконациональный момент в нем ослабнет, а интернациональный возрастет, масса рабочих-индийцев станет постоянной и неотъемлемой частью рабочего класса страны, который, продолжая последовательно увеличиваться и укрепляться, в основном уже за счет бирманцев, будет становиться все более единым и интегрированным классом. Определенная тенденция движения в этом направлении действительно имела место в период между двумя мировыми войнами. Однако так не получилось. Вмешались такие чрезвычайные факторы, как война и японская оккупация Бирмы. Это вызвало массовый исход индийцев из страны: ее покинули несколько сотен тысяч человек, включая большую часть индийских рабочих. В результате рабочий класс

Бирмы резко сократился, в количественном отношении был отброшен на несколько десятилетий назад, распалась его прежняя, причем не только национальная, структура. В то же время со всей ясностью проявилась искусственность навязанных колониализмом методов формирования армии промышленного труда в Бирме.

Если в этой связи вернуться к вопросу о формировании постоянного кадрового ядра промышленного пролетариата Бирмы на базе увеличения численности и удельного веса квалифицированных рабочих, то, по-видимому, целесообразно подчеркнуть следующее. Хотя индийские рабочие составляли в 30-е годы большинство квалифицированного наемного труда Бирмы, значительные массы этих рабочих, регулярно отбывавшие из Бирмы на родину, осознавшие себя в Бирме иммигрантами, иностранцами, не могли быть частью постоянного кадрового состава пролетариата этой страны. Подлинное ядро постоянных кадровых рабочих Бирмы могло складываться по преимуществу из рабочих местных национальностей и тех индийцев, для которых Бирма уже стала родиной. Значит, в количественном отношении постоянное ядро пролетариата было гораздо меньше, чем это вытекало из общих данных о квалифицированном промышленном труде. Приведенные здесь и выше данные о национальной структуре промышленного рабочего класса Бирмы (в 1921, 1934 и 1939 гг.) следует, таким образом, воспринимать не только как свидетельство своеобразия этой структуры, но и как показатель внутренней слабости формировавшегося рабочего класса, которая в определенных условиях должна была неминуемо сказаться.

7. ОБЩАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОЛЕТАРИАТА БИРМЫ НАКАНУНЕ ЯПОНСКОГО ВТОРЖЕНИЯ

Данные последнего перед второй мировой войной промышленного обследования (1938/39 г.) могут быть положены в основу оценки общей численности рабочих, занятых в современном секторе экономики Бирмы, накануне японского вторжения.

Цифра 170—206 тыс. рабочих в период спада — подъема производственной деятельности в 1938—1939 гг., как упоминалось, неполная: она касалась только взрослых рабочих-мужчин. Расчет на основе сведений фабричной статистики [10] показывает, что

---

[10] В 1940 г., согласно фабричной статистике, число взрослых женщин-работниц составляло 15,4% от числа взрослых рабочих-мужчин. Мы применяем «спокойный» коэффициент в рамках 10—15% к данным обследования 1938/39 г., причем только в отношении отраслей, где использовался женский труд, т. е. исключая нефтепромыслы, рудники и металлургические предприятия. Труд подростков и детей для этого подсчета практически можно опустить (1,2% всех фабричных рабочих в 1940 г.) [49, 1946, 12].

к этой цифре надо добавить примерно 13—24 тыс.— число работниц. В результате численность всех промышленных рабочих Бирмы — мужчин и женщин — поднимется примерно до уровня 190—230 тыс. человек. Это, по-видимому, и была наивысшая численность рабочих в современном секторе экономики колониальной Бирмы.

Достижение отметки в 190—230 тыс. человек означало новый шаг вперед в процессе формирования рабочего класса страны. По сравнению с 1921 г. можно, следовательно, говорить примерно об удвоении числа промышленных рабочих. И это в условиях, когда процесс формирования промышленного пролетариата в Бирме был заторможен односторонней своекорыстной политикой английского капитала и в особенности мировым экономическим кризисом 1929—1933 гг., последствия которого ощущались еще многие годы.

Названная цифра охватывала собственно рабочих имевшихся в Бирме промышленных отраслей (включая также рабочих ряда мелких предприятий обрабатывающей, горнодобывающей промышленности и рабочих сравнительно крупных плантаций). Правда, здесь оказалось учтенным определенное число торговых работников, но оно незначительно. В общей сумме отсутствовали такие работники, как рикши, тележники, периферийные группы грузчиков, определенные категории занятых в лесном хозяйстве и т. п. Но это было вполне оправданно, так как эти работники в целом находились вне рамок индустриального труда и не всегда имели определенный классовый статус.

Указанное число рабочих промышленных отраслей составляло, как легко убедиться, менее 1,5% всего населения Бирмы (по данным переписи 1941 г., равного 16,8 млн. человек).

Оценить численность рабочих промышленных отраслей в конце 30-х — начале 40-х годов можно и другими путями, например следующим. В фабричной промышленности было занято 89,4 тыс. человек (1940 г.), в горнодобывающей — 40,3 тыс. (1939 г.), на нефтепромыслах — 14,8 тыс. (1940 г.) [см. прил. 7 и 8]. Вместе это дает около 145 тыс. Сюда надо добавить транспортных, строительных и плантационных рабочих. Число рабочих инфраструктуры (его приходится брать по материалам комиссии Бэкстера) составляло 55 тыс. (см. прил. 22). Постоянных рабочих каучуковых плантаций в 1935 г. было примерно 15 тыс. [210, 120]. Добавим сюда максимум 5—10 тыс. других плантационных рабочих.

После этого общая сумма достигнет примерно 220—225 тыс. Последнее добавление — рабочие мелких капиталистических предприятий обрабатывающей промышленности (до 20 рабочих на каждом), поскольку они не учитывались фабричной статистикой. В 1936 г. таких предприятий насчитывалось 156 (см. прил. 19). На них могло быть занято около 3 тыс. рабочих (не учитывая мелких хозяев и неоплачиваемых работников семьи).

Таким образом, общий итог при этом подсчете составит приблизительно 225 тыс. человек, что соответствует расчетам, произведенным выше по данным комиссии Бэкстера.

Сразу же подчеркнем, что указанные 190—230 тыс. рабочих колониальной Бирмы на рубеже 30—40-х годов, конечно, не покрывали всей массы наемного труда в стране. Мы оставили вне рамок приведенных выше расчетов значительные группы людей в городе, прибегавших к продаже своей рабочей силы не на регулярной основе; наемных работников, заведомо не входивших в рабочий класс (конторские и торговые служащие, прислуга и т. п.), а также основную массу сельскохозяйственных рабочих, о которых требуется сказать отдельно.

8. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РАБОЧИЕ

Подсчет по соответствующим переписям населения [67; 68; 69] дает следующую структуру и численность сельскохозяйственных рабочих Бирмы (в тыс. человек)[11].

	1911 г.	1921 г.	1931 г.
Занятые в «обычном земледелии» .	912,3	1027,6	1488,3
В том числе мужчины . . .	516,4	622,8	1007,4
Занятые на плантациях (каучука, чая, кофе, индиго)	4,0	28,2	14,4
В том числе мужчины	3,8	16,0	9,1

Приведенные данные, как видим, весьма внушительны. Численность сельскохозяйственных рабочих в стране в несколько раз превышала массу рабочих промышленности. Впечатляюща и динамика первой из десятилетия в десятилетие. Не вызывает сомнений, что все это — результат процесса разложения прежнего, ведшего натуральное хозяйство, бирманского крестьянства и пролетаризации его, развития в Бирме широкого товарного земледелия экспортной ориентации, роста спроса на чужой, наемный труд. (Кстати, указанные данные ярко свидетельствуют и о слабости плантационного хозяйства в колониальной Бирме.)

Однако, как и в отношении других колониальных, особенно — «неплантационных», стран, встает вопрос о социально-классовой принадлежности этих сельскохозяйственных рабочих. И первое, что здесь надо отметить, — их многослойность.

---

[11] Данные сравнимы, особенно по мужчинам. В 1911 г. речь идет о «действительных работниках» (actual workers), в 1921 г. — «работниках» (workers) в отличие от иждивенцев, в 1931 г. — о «кормильцах» (earners), имеющих занятие сельскохозяйственного рабочего в качестве главного занятия, и о «работающих иждивенцах» (working dependents). При этом в «обычном земледелии» (термин переписи, означающий земледелие без выращивания плантационных и технических культур) учитываются только сами сельскохозяйственные рабочие, а на плантациях — все занятые, включая некоторое число владельцев плантаций и управляющих.

Часть из них уже безусловно были «чистыми» рабочими, т. е. работниками, полностью лишенными средств производства и постоянно живущими за счет продажи своей рабочей силы (неважно кому — только сельскому хозяину или ему и промышленнику в городе по соседству либо вдалеке). Но таких сельскохозяйственных рабочих было, судя по всему, незначительное меньшинство. С некоторыми из них мы уже встречались при анализе промышленных переписей: последние включали в себя известное количество рабочих-мигрантов, кочующих между деревней и городом в поисках сезонной работы.

Большинство же так называемых сельскохозяйственных рабочих представляло собой работников переходного типа. Это большинство находилось где-то между крестьянами и рабочими или же было одновременно и крестьянами и рабочими. Часть из них еще владела какой-то землей и вела жалкое собственное хозяйство. Кто-то имел пару голов собственного тяглового скота, с которым нанимался на работу. Некоторые после сельскохозяйственного сезона могли заниматься и занимались извозом. Часть возвращалась к положению арендатора земли. Другие же (со временем все более ничтожное количество) осуществляли свою «золотую мечту» и путем неимоверных усилий обзаводились собственной землей, которую могли очень скоро вновь потерять. Наконец, нельзя не учитывать и тех мелких собственников или арендаторов земли, которые, оставаясь крестьянами, были вынуждены временно, в межсезонье, работать по найму и тем самым, хотя бы частично, попадали в статистические сельскохозяйственные рабочие.

Сельскохозяйственные рабочие Бирмы делились на две основные категории: сезонников и поденщиков. Пропорции их установить трудно, но известно, что большинство женщин-работниц были как раз поденщицами, занятыми в особенности на пересадке рассады риса. Женщин-работниц было несколько сотен тысяч на каждую из названных выше дат. По-видимому, и большинство мужчин составляли поденщики, хотя, строго говоря, это можно только предположить. Поденная работа была, как правило, подсобным занятием. Что касается сезонников, то они были заняты в основном на пахоте (три-четыре месяца), а затем после большого перерыва — на уборке урожая (еще четыре месяца). Жатва требовала особенно крупного приложения рабочих рук, и как раз в это время возникал наиболее емкий рынок труда в земледелии Бирмы, хотя и на короткий срок. На уборке урожая, как уже отмечалось, сосредоточивалось наибольшее количество сельскохозяйственных рабочих-индийцев. Нужно учитывать, что в бирманском земледелии не было крупных капиталистических хозяйств, за исключением небольшого числа плантаций, и это делало сельскохозяйственных рабочих даже в разгар их производственной деятельности в качестве наемных рабочих чрезвычайно распыленной и рассеянной массой.

Изложенное позволяет утверждать, что сельскохозяйственные рабочие колониальной Бирмы не могут быть механически отнесены к рабочему классу. Сложение их числа с числом промышленных рабочих в одну общую сумму не составляет, естественно, никаких трудностей, но такая сумма была бы социально-фиктивной величиной. Громадное большинство сельскохозяйственных рабочих колониальной Бирмы еще не образовывали с промышленными рабочими одного класса ни в политэкономическом, ни в социально-политическом смысле, ни тем более в плане субъективного осознания своей общности. Только сравнительно узкая прослойка сельскохозяйственных рабочих примыкала к рабочему классу страны и объективно вливалась в его состав. Целесообразнее всего было бы рассматривать сельскохозяйственных рабочих колониальной Бирмы, в том числе и конца 30-х — начала 40-х годов XX в., как отдельную, особую, переходную общность, состоящую из полукрестьян-полупролетариев, или предпролетариев, и только частично как собственно «чистых» рабочих. Последние, т. е. сформировавшиеся группы сельскохозяйственных рабочих, сосредоточенные главным образом на немногочисленных крупных плантациях, и были включены нами при подсчетах в рабочий класс колониальной Бирмы.

9. НАЧАЛО ПРЕВРАЩЕНИЯ «КЛАССА В СЕБЕ» В «КЛАСС ДЛЯ СЕБЯ»

В рассматриваемый период рабочий класс Бирмы впервые громко заявил о себе. Его экономическая борьба и общественно-политическая роль в это время сравнительно подробно освещены в ряде советских и бирманских работ [191, 40—74; 323, 19—33; 150, гл. III—VI; 303, 129—154]. Поэтому выделим лишь наиболее важные, на наш взгляд, моменты.

Начало забастовочной борьбы в Бирме относится к 1916 или 1917 г. (более точно дату пока установить не удалось), когда забастовали 500 американских бурильщиков на нефтепромыслах «Бирма Ойл» в Енанджауне. Американские нефтяники были первыми специалистами промышленной нефтедобычи, и БОК многие годы использовала их. Забастовка была недолгой, но результативной. Она показала бирманцам, занятым на предприятиях компании, и не только на них, силу солидарности труда перед лицом капиталистических предпринимателей. Этот момент, например, единодушно подчеркивают бирманские авторы [323, 6—7; 303, 130].

12 августа 1918 г. произошла забастовка портовых грузчиков Рангуна — индийцев [98, 1918/19, 39]. Эта забастовка, объявленная еще до окончания мировой войны, открыла период, можно сказать, регулярной забастовочной борьбы рабочих и служащих Бирмы. В этом смысле она имеет историческое значение.

В 1919 г. состоялась первая забастовка с участием бирманцев. Это была забастовка 200 конторских служащих нефтепромыслов БОК в Енанджауне. Они потребовали увеличения заработной платы и решения других связанных с оплатой труда вопросов. Забастовка была безуспешной, но она подчеркнула необходимость создания профсоюза для руководства борьбой. В дальнейшем появилась организация рабочих и служащих нефтепромыслов, существовавшая нелегально и, по-видимому, включавшая бирманцев и индийцев. Это был Рабочий союз Бирмы, образованный в 1922 г. левыми деятелями Генерального совета бирманских ассоциаций, ведущей патриотической организации страны в те годы, которая возникла в 1920 г. как восприемник Буддистской ассоциации молодых людей [см. 112, ч. II, 34, 37; 303, 131].

За период между 1919 и 1922 гг. произошло уже несколько забастовок. Например, в 1920 г. бастовали рабочие рисорушек, транспортной компании «Иравади Флотилла», трамвайщики, портовые грузчики, рабочие нефтеперегонного завода в Сириаме [98, 1920/21, 49]. Самой крупной стачкой — с 8 тыс. участников — была забастовка нефтяников Сириама [323, 19]. Все эти забастовки фактически относились к району Рангуна. В них участвовали главным образом рабочие-индийцы. Это отражало не только количественное преобладание последних в большинстве отраслей, но и их более развитое классово-политическое сознание. Ведь в самой Индии забастовочная борьба, как и политическое движение, находилась на гораздо более высоком уровне. Революционный подъем там наблюдался уже в начале XX в. Постепенно, однако, опытом забастовок овладевали и бирманские рабочие. Это могло происходить и происходило в особенности там, где отмечалась высокая концентрация рабочих, где силы их были достаточно крупными.

Забастовочное движение в Бирме после первой мировой войны было непосредственно вызвано ухудшением жизненных условий, ростом стоимости жизни, отставанием уровня зарплаты от возросших цен на потребительские товары. Но забастовкам способствовал также общий социально-политический климат Бирмы 20-х годов, когда впервые развернулось и организовалось под знаменем уже упомянутого выше Генерального совета бирманских ассоциаций патриотическое национально-освободительное движение [см. подробнее 150, 75—92]. Оно-то и втягивало массы в борьбу.

Нельзя не подчеркнуть, что забастовочная борьба, как и все антиимпериалистическое движение в Бирме в то время, начала развиваться в новых, особых международных условиях — после происшедшей социалистической революции в России и на фоне подъема революционного и освободительного движения во всем мире. Воздействие этих событий и процессов на бирманскую провинцию Индии не было прямым и непосредственным, но

оно неминуемо сказывалось на пробуждении и активизации антиколониальных сил страны. Роль агента этого пробуждения и активизации непосредственно играла собственно Индия, переживавшая большой подъем массового освободительного движения.

Исторической была забастовка нефтяников на нефтепромыслах БОК в 1923 г. На сей раз это была забастовка именно рабочих, а не конторских служащих, и именно бирманских рабочих, а не индийских. В ней приняло участие более 6,5 тыс. человек. Забастовка длилась 5 месяцев. В результате было потеряно свыше 252 тыс. человеко-дней [356, 1923, июль, 17, август, 5; 112, ч. I, 48; ч. II, 22]. Это было первое большое выступление бирманских рабочих против иностранного капитала. По своим требованиям забастовка была экономической, но в ней отчетливо проявлялась политическая подоплека — мотивы борьбы с иностранными угнетателями. Во время этой забастовки БОК набирала в Рангуне штрейкбрехеров из числа рабочих-небирманцев. Забастовка бирманских нефтяников закончилась неустойчивым компромиссом.

В 1926 г. рабочие нефтепромыслов вновь провели забастовку, продолжавшуюся 3 недели и сопровождавшуюся насильственными действиями — поджогами имущества БОК и расправами со штрейкбрехерами. По одним данным, в ней участвовало 4 тыс., по другим — более 10 тыс. рабочих [303, 133; 356, 1927, апрель, 694]. Стачка была подавлена. После нее крупных выступлений рабочих на нефтепромыслах не было до конца 30-х годов.

Тот факт, что первая забастовка бирманских рабочих (как прежде первая забастовка с участием бирманских конторских служащих) произошла на нефтепромыслах, был совершенно закономерен. С точки зрения объективных основ и потенциала бирманского рабочего движения здесь имелся наиболее готовый материал: на нефтепромыслах колониальной Бирмы неуклонно формировался самый концентрированный и современный отряд бирманского рабочего класса. Он же был и самым квалифицированным. Поэтому он и смог стать пионером бирманского рабочего движения. В таком отряде было легче вести политическую и организационную работу; такой отряд имел больше сил, чтобы смелее выступить на борьбу; наконец, в таком отряде более эффективным было влияние боевого опыта иностранных рабочих.

Между бирманскими и индийскими рабочими на нефтепромыслах реже, чем в других местах, возникали трения. Отношения между ними обычно характеризовались взаимопониманием и солидарностью, на что обращали внимание даже колониальные власти [см. 76, 112]. Этому способствовало, например, отсутствие в районе нефтепромыслов значительной конкуренции между бирманскими и индийскими рабочими на рынке труда. Спрос на квалифицированный труд здесь удовлетворялся, как уже говорилось, в основном бирманцами, неквалифицированный же

труд обеспечивался индийскими рабочими-иммигрантами, и на эту сферу бирманцы здесь особенно не претендовали.

В прил. 26 приводятся сведения о трудовых конфликтах в Бирме в 1918—1939 гг. Они, к сожалению, не всегда полны (в частности, не хватает данных по нескольким начальным годам), однако все же дают общее представление о динамике и масштабах выступлений рабочих.

Так, они показывают, что с 20-х годов в Бирме стало возникать рабочее движение. В 1920—1922 гг. в забастовках приняло участие, по самым минимальным подсчетам, около 35 тыс. человек. Ничего подобного Бирма ранее не знала. За весь период с 1921 по 1936 г. (16 лет) в стране было зарегистрировано 108 трудовых конфликтов примерно со 120 тыс. бастующих. При этом на первые 8 лет (1921—1928) пришлось 58 конфликтов и 95 тыс. участников, на вторые 8 лет (1929—1936) — соответственно 50 и 25 тыс. Число же потерянных человеко-дней за 13 лет (1922, 1925—1936 гг.) составило по меньшей мере около 800 тыс. В 1921—1936 гг. в среднем происходило 6,7 конфликта в год при 7,5 тыс. участников и 61,4 тыс. потерянных человеко-дней (последнее из расчета 13 лет) (см. прил. 47).

Указанная статистика в подавляющем большинстве случаев относится к выступлениям рабочих-индийцев, причем обычно на предприятиях английского капитала. Что касается рабочих-бирманцев, то их выступлений было немного и они бастовали исключительно на предприятиях иностранных капиталистов. Вплоть до 1939 г. не известно ни одного случая, когда бы они начали забастовку против «своего» хозяина-бирманца. Насколько удалось установить, лишь в 1939 г. эта «традиция» была нарушена забастовавшими крутильщицами бирманских сигар на сигарной фабрике, владелицей которой была Ма Сейн Ньюн [323, 23]. Это показывало еще слабое обособление бирманских рабочих от исторически запоздавшего с формированием класса бирманских капиталистов.

Тем не менее в целом рабочий класс Бирмы, особенно со второй половины 30-х годов, становился все более заметной и важной общественной силой [см. 150, гл. VI, VII]. Повышение его роли происходило в рамках развития общего антиимпериалистического движения в стране под руководством «Добама асиайоун», организации, созданной в начале 30-х годов как радикальная демократическая общественная сила, вовлекавшая в борьбу трудящиеся массы. Имела значение возросшая численность самого рабочего класса, в особенности рабочих-бирманцев. Усилилась тяга рабочих к организации своих рядов. Был создан ряд профсоюзов (индийских, бирманских, объединенных), в том числе отраслевых (например, Объединенный профсоюз рабочих нефтепромыслов в 1938 г.). В 1940 г. возник общебирманский профсоюзный центр — Всебирманский конгресс профсоюзов, годом позже появилось объединение столичных индийских и бир-

манских профсоюзов — Рангунская федерация труда. По данным на март 1942 г. (перед самым захватом Рангуна японскими войсками), в стране числился 51 зарегистрированный профсоюз с 40 292 членами [322, 28].

В развитии рабочего движения особую роль играли левые, марксистские элементы «Добама асиайоун», которые в августе 1939 г. создали подпольную Коммунистическую партию Бирмы. Молодые левые силы еще внутри «Добама» стремились внести в рабочий класс политическое классовое сознание и добились в этом определенного успеха. Об этом свидетельствовала «революция 1300 г.» (по бирманскому летосчислению) — широкое антиимпериалистическое движение 1938—1939 гг. Главным событием тогда явилась многомесячная забастовка нефтяников Центральной Бирмы, совершивших «голодный поход» на Рангун и вдохновивших своим примером на борьбу многие слои и группы населения. В забастовке приняли участие рабочие бирманцы и индийцы, но ядро бастующих здесь составляли уже бирманцы, удельный вес которых на нефтепромыслах в то время приближался к 60% [88, 13]. Этой забастовкой, как и всем движением, руководила «Добама асиайоун», в особенности ее левые силы.

Одних забастовок рабочих в 1938—1939 гг., не говоря о выступлениях другого рода, было больше 25 с общим числом участников свыше 30 тыс. (см. прил. 26). Бастовали нефтяники, судоремонтники, портовые грузчики, трамвайщики, водители автобусов, рабочие каучуковых плантаций, табачницы, рабочие спичечных заводов, текстильщицы, рабочие лесопилок и рисорушек и др. [303, 148—149; 323, 28; 322, 63].

Можно сказать, что процесс формирования и развития рабочего класса Бирмы между двумя мировыми войнами шел классическим путем. Возникала современная промышленность, появлялся и увеличивался рабочий класс. По мере своего численного роста, в обстановке национального угнетения, неограниченной эксплуатации труда капиталом и обострения общественных противоречий появлялось и укреплялось классовое сознание рабочих, особенно в крупных коллективах. Об этом говорили первые бои рабочих с капиталистами. Постепенно росли понимание необходимости классовой организации и тяга рабочих к ней. В 30-х годах возникли легальные и сравнительно массовые профсоюзы рабочих. В конце 30-х годов на почве роста и укрепления рабочего класса Бирмы и воздействия международного коммунистического движения (воздействия, непосредственно шедшего через Индию, ее левые организации) в стране, как уже отмечалось, была создана коммунистическая партия. Этим временем и следует датировать начало процесса соединения рабочего движения Бирмы с социалистической идеологией, привносимой в рабочий класс, как известно, извне. Неудивительно, например, что при создании Всебирманского конгресса профсоюзов в начале 1940 г. конечной целью его программы было построение в

стране социалистического государства (эта же цель фигурировала и при образовании за год до того Всебирманской крестьянской организации).

Однако классический путь формирования рабочего класса в Бирме 20—30-х годов, связанный с постепенностью, протяженностью во времени и большим или меньшим соответствием политических и социально-экономических процессов, не получил дальнейшей реализации. Началась вторая мировая война, Бирма была оккупирована Японией. Эти события прервали или исказили господствовавшие до того тенденции и формы развития и в особенности ускорили политические процессы. Об этом речь пойдет ниже. Здесь же попытаемся ответить на вопрос, какой этап в целом переживал рабочий класс Бирмы между двумя мировыми войнами с точки зрения степени своей зрелости и можно ли считать этот этап периодом превращения рабочего класса как «класса в себе» в «класс для себя» в связи с теми явлениями, которые были обрисованы выше.

Напомним, что речь шла о продолжавшемся количественном росте рядов промышленного рабочего класса, распространении его за рамки одного столичного района, определенной бирманизации пролетариата, проявлениях известной его активности, начале забастовочной борьбы как более или менее регулярной формы борьбы рабочих, появлении и развитии профессионально-классовой организации (от отдельных местных, отраслевых и региональных союзов до зачатков общебирманского и столичного центров), начале участия рабочих помимо борьбы за экономические интересы в некоторых общенациональных политических кампаниях антиколониального характера, распространении социалистических идей в передовых политических группах Бирмы, создании Компартии Бирмы и значении этого факта для национального и рабочего движения.

Все эти явления и процессы, если брать их в целом, не могли не свидетельствовать о том, что в период между двумя мировыми войнами рабочий класс Бирмы стал вступать в новый этап своего развития. Этот этап характеризовался чертами субъективного формирования рабочего класса, ростом внутренней зрелости его, началом его превращения из «класса в себе» в «класс для себя». Но это было именно начало, «точка отсчета» данного процесса, который накануне второй мировой войны еще далеко не достиг развитой формы.

В связи с процессом превращения рабочего класса как «класса в себе» в «класс для себя» в условиях колониальной страны важно, на наш взгляд, подчеркнуть один специфический момент. Он вытекает из господства в колониях иностранного капитала и связан с соотношением национального и классового в субъективном сознании рабочих колонии. Дело в том, что, формируясь преимущественно на предприятиях иностранного капитала, местные колониальные рабочие получали тип мышления, ориентиро-

ванный главным образом или даже исключительно (в зависимости от конкретной страны) против иностранного капитала, иностранного капиталиста. Иными словами, классовое самосознание обретало сугубо национальную форму, во всяком случае на первых порах. Нет оснований ставить под вопрос ни объективную обусловленность такого положения вещей, ни прогрессивность осознания рабочими самих себя и своих интересов даже в этой, национальной форме, поскольку развитие по-другому в конкретных условиях колонии идти не могло. Однако вместе с тем нельзя не видеть, что это самосознание было в сущности смешанным — национально-классовым и потому ограниченным с классовой точки зрения. Практически эта ограниченность выходила наружу и становилась явной тогда, когда вставал вопрос о взаимоотношениях местных (национальных) рабочих с местной (национальной) буржуазией. Здесь нередко собственно классовый антагонизм отношений еще не проявлялся, что в Бирме было хорошо заметно в 20-е и 30-е годы, когда, кстати, и национальная буржуазия там была еще очень слаба. Естественно, что данный момент обязывает вносить коррективы в оценку степени зрелости классового самосознания рабочего класса на рассматриваемом этапе.

В не меньшей мере коррективы необходимы и из-за специфики состава рабочего класса колониальной Бирмы, в особенности из-за наличия в нем больших групп иностранцев-иммигрантов, работавших в Бирме главным образом на временной основе. Очевидно, что степень классово-политического сознания и общественной активности, свойственную отдельным передовым группам индийских рабочих в тогдашней Бирме, нельзя переносить на всех местных рабочих, включая рабочих-бирманцев. Это не вопрос соотношения уровней авангарда и арьергарда и воздействия прогрессивного иностранного примера на местных рабочих. В колониальной Бирме в данном случае вопрос стоял несколько иначе, а именно в том плане, что реальными носителями более развитого классового сознания среди рабочих в силу исторических причин были нередко иностранные рабочие-иммигранты. Уровень забастовочной борьбы в Бирме в 20—30-е годы, например, определялся по преимуществу забастовками рабочих-индийцев, их боевитостью. Забастовки же бирманских рабочих имели место лишь в самом начале — середине 20-х годов, а потом, после большого перерыва, в конце 30-х годов. Поэтому важно учитывать, что классовое и политическое сознание рабочего класса Бирмы в рассматриваемый период вызревало по-разному в разных национальных группах и что уровень этого сознания у передовых иностранных рабочих нельзя было отождествлять с уровнем классового сознания рабочего класса страны в целом.

Что касается такого момента, как появление Компартии Бирмы, то нет нужды подчеркивать все его принципиальное значение для перспективы развития рабочего и национально-освободи-

тельного движения страны. Создание коммунистической партии образует одно из наиболее благоприятных условий для классового, политического и идеологического просвещения и поднятия уровня борьбы рабочего класса любой страны, ускоряя процесс превращения «класса в себе» в «класс для себя». Однако создание компартии автоматически, самим своим фактом, не превращает рабочий класс из «класса в себе» в «класс для себя». Для этого нужны большие и длительные усилия партии по созданию и укреплению своего реального влияния в рабочем классе, по политическому и организационному овладению им или по меньшей мере важными его отрядами. В Бирме, напомним, создание компартии произошло в самом конце рассматриваемого периода, как раз накануне второй мировой войны, и практическое значение этого события в истории рабочего класса страны могло сказаться лишь на последующих этапах его развития.

Вторая мировая война, японская оккупация Бирмы существенно исказили развивавшиеся до того социально-политические и экономические процессы. Некоторые из них были временно полностью остановлены, другие приторможены, третьи — в особых условиях ускорены. В целом это создало новизну положения и большие проблемы как для самого рабочего класса, так и для политического развития Бирмы.

10. ПОСЛЕДСТВИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДЛЯ ЧИСЛЕННОСТИ И СТРУКТУРЫ РАБОЧЕГО КЛАССА БИРМЫ

Вторая мировая война была очень разрушительна для Бирмы. С точки зрения материального ущерба, взятого по отношению к национальному достоянию, Бирма явилась одной из стран мира, наиболее пострадавших от этой войны. Бирманские оценки ущерба, причиненного войной, варьируют от 12,7 до 50,5 млрд. джа, а иностранные эксперты определяют его в сумме от 9,5—11 до 14—19 млрд. [339, 57]. В 1946/47 г. валовой национальный продукт Бирмы составлял в текущих ценах 3,5 млрд. джа [81, 1964, 1]. Военные разрушения (линия фронта дважды прошла почти по всей территории страны) сопровождались уничтожением английскими колонизаторами всех важных экономических объектов перед своим отступлением из Бирмы в 1942 г. (политика «выжженной земли») и ограблением страны японскими оккупантами в период с 1942 до середины 1945 г.

Валовой внутренний продукт Бирмы составлял в 1946/47 финансовом году 61%, а в 1947/48 — 72% довоенного 1938/39 г. Сильнее всего пострадали такие отрасли и производства, как добыча и переработка нефти и руд, электростанции, речной и железнодорожный транспорт, большинство крупных и средних ма-

шинных производств. Добыча сырой нефти с предвоенного уровня в 275,7 млн. галл. упала до 514 тыс. галл. в 1946 г. и составляла лишь 2 млн. галл. в 1947 г. и 12,7 млн. галл. в 1948 г. Примерно в 10—15 раз сократилась добыча руд, добыча некоторых из них прекратилась. Были уничтожены основные транспортные средства (большинство паровозов, вагонов, пароходов и барж). Сельскохозяйственное производство от среднего предвоенного уровня составляло в 1946/47 г. 56%, в 1947/48 г. — 77% [74, 1953, 1, 13, 17].

Японское вторжение, как уже отмечалось, привело к массовой эвакуации из Бирмы индийцев, которая протекала нередко в исключительно тяжелых условиях: тысячи людей вынуждены были уходить пешком через пустынные горные местности Западной Бирмы, без достаточного продовольствия, воды и лекарств, в результате чего многие погибли в пути. По официальным бирманским оценкам, из Бирмы эвакуировалось примерно 400 тыс. индийцев [373, 24.IV.1964]. Иногда называют и цифру 500 тыс. [338, 173]. Среди покинувших Бирму была и основная масса рабочих-индийцев. Нетрудно себе представить, как сильно это изменило структуру рабочего класса страны (в дополнение к изменениям, вызванным разрушениями промышленности и транспорта). После окончания войны индийцы стали частично возвращаться в Бирму. Считается, что на протяжении ряда лет их вернулось до 300 тыс. [373, 24.IV.1964]. Но это уже не было восстановлением предвоенной обстановки.

Естественно, что параллельно с указанными переменами произошло и резкое сокращение занятости в современном секторе хозяйства. В два первых послевоенных года занятость в фабричной промышленности лишь незначительно превысила соответственно треть и половину довоенного уровня, составив 31,5 тыс. человек в 1946 г. и 46,5 тыс. — в 1947 г. против 89,4 тыс. — в 1940 г. (см. прил. 25). Упала и численность рабочих горнодобывающей промышленности, прежде всего нефтепромыслов (последние, как и нефтяная отрасль в целом, были разрушены особенно сильно).

Из материалов прил. 7, 8 и 25 (ср. также табл. 4) вырисовывается общая картина динамики занятости по группам основных промышленных отраслей в 1940—1947 гг., представленная в табл. 7 (в тыс. человек).

Если взять цензовую обрабатывающую и горнодобывающую промышленность вместе, то получится, что в 1939 (1940) г. в ней было занято около 145 тыс., в 1946 г. — 40—45 тыс., в 1947 г. — 75—80 тыс. человек (см. прил. 7, 8, 25) (из-за отсутствия данных о рабочих нефтепромыслов сведения о 1946 и 1947 гг. сугубо приблизительные). С учетом транспортных рабочих, по которым послевоенных данных также нет, но численность которых несомненно сократилась, можно, по-видимому, говорить о том, что ко времени провозглашения независимости Бирмы в 1948 г.

Таблица 7

Год	Рисоочистительная и лесопильная промышленность	Горнодобывающая промышленность (включая нефтедобычу)	Металлургия, металлообработка, машиностроение, нефтеперегонка, производство электроэнергии
1940	53,2	55,2 (1939 г.)	21,0
1946	16,5	12,0 (оценка)	10,7
1947	24,0	30,0 (оценка)	14,1

рабочий класс современного сектора хозяйства (промышленных отраслей) страны поредел наполовину, если не больше, как следствие разрушений в промышленности и отъезда рабочих-индийцев. На смену иммигрантскому труду в ряде случаев пришел местный наемный труд. Постепенная замена иностранного труда местным сама по себе является неизбежным и в основе своей прогрессивным процессом. Но в данном случае такая перестройка оказалась сопряженной с конкретными издержками, в частности с разбавлением рабочего класса новыми, полупролетарскими элементами. Нельзя также не подчеркнуть, что рабочий класс Бирмы, испытав сокращение своих рядов и деклассирование в результате разрушения всех более или менее крупных промышленных предприятий, стал также значительно более «мелкопромышленным», чем до войны.

Надо учесть и другие обстоятельства. Вернувшись в Бирму, английские колонизаторы сначала энергично взялись за восстановление разрушенных отраслей, имея в виду быстрее вернуть к жизни довоенную систему эксплуатации. При этом они пытались переложить всю тяжесть восстановления на плечи самих бирманцев. Однако национально-освободительное движение в стране, охватившее широкие слои населения, подорвало планы колонизаторов. С 1947 г., когда уже стало совершенно ясно, что Англия утрачивает политическую власть в Бирме и оказывается перед необходимостью передать эту власть в ближайшее же время представителям национальных сил, процесс восстановления хозяйства, особенно отраслей промышленности, находившихся в руках английского капитала, замедлился. Это не могло не сказаться на перспективе воссоздания рядов рабочего класса Бирмы, которая дополнительно осложнилась начавшейся вскоре после провозглашения независимости страны гражданской войной.

В самом факте промышленной разрухи и сокращения численности промышленных рабочих в послевоенной Бирме не было ничего исключительного. Такие последствия большой войны вполне естественны. С подобной ситуацией, как известно, столкнулась Страна Советов в результате первой мировой войны, гражданской войны и иностранной военной интервенции. Количество рабочих в Советской России в 1922 г. (не говоря уже о

предыдущих нескольких годах) составляло примерно 42% уровня 1913 г.; даже в 1928 г. оно было восстановлено только до 79% [см. 43, 345].

«Численность пролетариата сейчас в России не так велика, — говорил в апреле 1920 г. В. И. Ленин. — Ряды его за время войны стали реже» [29, 312]. На X съезде партии в 1921 г. Ленин вновь подчеркнул: «...ясно, что наш пролетариат в большей части своей деклассирован, что неслыханные кризисы, закрытие фабрик привели к тому, что от голода люди бежали, рабочие просто бросали фабрики, должны были устраиваться в деревне и переставали быть рабочими» [30, 42].

Конечно, в Советской России конца 10-х — начала 20-х годов деклассирование произошло на ином, более высоком этапе социально-экономического и политического развития, чем это было в Бирме 40-х годов. Несмотря на большие абсолютные масштабы деклассирования, залогом преодоления его в Советской России было наличие костяка промышленного пролетариата, опытной партии рабочего класса с ее революционной программой социалистических преобразований. Но и в этих условиях проблемы были решены отнюдь не за три—пять лет.

Что касается Бирмы, то трудности здесь состояли прежде всего в низком изначальном уровне промышленного развития и незначительной абсолютной величине промышленного рабочего класса. Возможности послевоенного прогресса ограничивались колониальной зависимостью и унаследованной от нее после провозглашения независимости колониальной структурой хозяйства. Поэтому преодоление деклассирования было более трудной для страны задачей.

В целом получилось так, что после войны процесс формирования промышленного пролетариата в Бирме в известном смысле возвратился к точке, существовавшей лет за 25—30 до того. Но только в известном смысле — скорее количественном, чем качественном, а если и качественном, то уже на иной, так сказать, более собственно бирманской основе.

В годы японской оккупации и в первые два послевоенных года в Бирме произошел подъем национально-освободительного движения. Он-то в конце концов и вынудил английский империализм объявить о предоставлении ей государственной независимости. Это движение имело широкую национальную базу и отличалось организованностью. Его сильными сторонами были участие в нем масс и наличие в его руководстве левых сил, в том числе коммунистов. За несколько лет после своего образования Компартия Бирмы добилась серьезного политического влияния в стране, чему способствовали огромный рост авторитета Советского Союза и мирового коммунистического движения и принципиальная линия бирманских коммунистов в борьбе против японских и английских колонизаторов. Компартия Бирмы сразу же после своего создания восприняла тактику единого фронта,

сформулированную VII Конгрессом Коминтерна, широко опиралась на народ. Она была одной из решающих сил единого национального антиимпериалистического фронта — созданной в 1944 г. в Бирме Антифашистской лиги народной свободы (АЛНС). В 1945 г. КПБ вышла из подполья и принялась за воссоздание массовых организаций — рабочих и крестьянских союзов — и добилась в этом серьезных успехов. Коммунисты явились активными организаторами нового подъема рабочего движения. Выступления компартии в составе АЛНС и отдельно от нее (после раскола АЛНС в 1946 г.) способствовали мобилизации масс в антиимпериалистической борьбе и непосредственно содействовали делу национального освобождения Бирмы.

Этот период борьбы Бирмы, пожалуй, наиболее подробно освещен в советских исследованиях, и на нем здесь вряд ли стоит специально останавливаться [191, 94—137; 150, 315—395]. Однако в связи с ним может возникнуть вопрос: не противоречит ли тезис о деклассировании рабочего класса, об известном возврате его формирования на более ранний этап факту подъема национально-освободительного и рабочего движения в рассматриваемые годы? Можно сформулировать вопрос и по-другому, а именно: стоит ли обращать внимание на деклассирование в условиях всеобщего национального подъема, приведшего к долгожданной независимости? На первую постановку вопроса, думается, следует ответить отрицательно (не противоречит), на вторую — утвердительно (сто́ит).

Очевидно, что нет обязательно прямой и пропорциональной связи между данной количественной характеристикой класса (слоя) и данной степенью его общественно-политической активности. Нельзя, например, сказать, что, поскольку произошло численное увеличение (или уменьшение) данного класса, сразу же произошло усиление (или ослабление) его борьбы. Разумеется, между этими моментами нет и обратно пропорциональной связи. Но зависимость между ними, конечно, есть. Она сложнее и диалектичнее. Лучше всего она обнаруживается, если судить о данном классе не изолированно, а в сравнении с другими классами, на фоне их общественно-политического бытия и в контексте обстановки в национальных масштабах, притом не одномоментно, а на протяжении более или менее длительного времени.

Забастовки рабочих в Бирме были неотъемлемой и важной чертой борьбы в стране в 1946—1947 гг. Будучи более организованной силой, при наличии компартии, профсоюзов, организации единого фронта, рабочие выступали против своих национальных и классовых угнетателей более организованно и в ряде случаев были сознательными застрельщиками или катализаторами общей антиимпериалистической борьбы в стране. Антиимпериалистический характер борьбы рабочих проявлялся особенно непосредственно потому, что они бастовали, как правило, на предприятиях иностранного капитала, которые в условиях послевоен-

ной разрухи были единственными мало-мальски крупными предприятиями (см. прил. 17). События в Бирме в 1946—1947 гг., несомненно, подтверждали известный марксистский тезис о том, что сила пролетариата как класса больше, чем его доля в населении, особенно если он выступает организованно. По активности выступлений в 1946—1947 гг. рабочие даже превзошли предвоенные годы. Например, в течение 1946 г. бастовало не менее 16 тыс. рабочих и 30 тыс. служащих. В январе—феврале 1947 г. произошла всеобщая забастовка, в которой приняли участие более 50 тыс. человек [303, 156—158, 160, 164] (см. также прил. 27). По имеющимся, скорее всего официальным, данным, в 1947 г. в районе Рангуна было более 120 забастовок почти с 26 тыс. участников (см. прил. 46). Это были несомненные сдвиги.

Но наряду с этим необходимо признать, что при том национально-политическом подъеме, который наблюдался в Бирме в 1945—1947 гг., и при тех материальных тяготах, которые испытывали массы в результате войны, разрухи и финансовых манипуляций колонизаторов и которые вызывали в этих массах особенно резкие антиимпериалистические настроения, общественно-политическая роль борьбы рабочего класса была бы, несомненно, выше, если бы за годы войны и разрухи не произошло значительного сокращения его рядов, на что было указано ранее. Сокращение численности рабочего класса выступало в целом как ограничительный фактор. Разумеется, это было не виной рабочего класса, а его бедой — моментом его объективно обусловленной слабости.

ГЛАВА IV

РАБОЧИЙ КЛАСС БИРМЫ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД НЕЗАВИСИМОСТИ (1948 — НАЧАЛО 1962 г.)

Период независимости Бирмы от прихода к власти национального правительства 4 января 1948 г. до взятия власти Революционным советом 2 марта 1962 г. характеризовался сохранением в основном прежней, колониальной экономической и социальной структуры. Хозяйственный механизм продолжал действовать в тех главных направлениях, которые сложились под влиянием иностранного капитала и мирового капиталистического рынка еще в конце XIX в. и утвердились в начале XX в. Конечно, с течением времени воздействие колониальной эпохи постепенно ослаблялось. Относительно сокращалась роль иностранного капитала. Все большее значение получал национальный капитал — государственный и частный. Появилось значительное количество мелких предприятий — «подлесок» национального капитализма. Предпринимались усилия по перестройке прежней экономической структуры, планированию экономического и социального развития, созданию новых хозяйственных секторов. Однако решающих изменений в этот период не произошло.

Проблемы развития независимой Бирмы были одновременно и политико-идеологическими, и социальными, и национально-этническими, и финансово-экономическими проблемами, ибо речь шла о характере развития, его социально-классовых основах, его материальных источниках и условиях. По этим проблемам еще до провозглашения независимости страны разгорелась острая борьба, вызвавшая цепь политических расколов, возникновение левого и правого антиправительственного повстанческого движения, которое укоренилось в жизни страны как некий постоянный институт. Для Бирмы стала характерна обстановка общей политической неустойчивости режима и государства. Она усугублялась тем, что независимая Бирма, возникшая по конституции 1947 г. как Бирманский Союз, объединяла национально-этнические элементы, весьма разнородные по уровню своего социально-экономического и политического развития.

В этот, первый период своей независимости страна продолжала остро ощущать последствия хозяйственной разрухи периода второй мировой войны. Несмотря на создание государственного сектора и некоторых новых хозяйственных отраслей, основ-

ной экономический процесс и прогресс в Бирме конца 40-х — начала 60-х годов имел характер восстановления того, что было ранее разрушено. Уровень довоенного валового продукта (1938/39 г.) был впервые превзойден только в 1958/59 г., т. е. на 14-й год после окончания мировой войны. Но по ряду отраслей (сельскому хозяйству, горнорудной, нефтяной, рисоочистительной промышленности, отчасти лесному хозяйству и др.) сохранялось отставание, перешедшее и в 60-е годы [см. 81, 1963, 14].

Темпы хозяйственного восстановления и развития были неровными. В 1948—1953 гг. среднегодовые темпы прироста валового продукта составляли 1,9%, в 1951—1953 гг. — 6,6, в 1951—1960 гг. — 5,4% (см. прил. 28). Расчет по 1948/1949—1960/61 гг. показывает, что валовой продукт увеличивался ежегодно в среднем на 5,55%, причем в энергетике, начавшей с крайне низкого исходного уровня, — на 26,65%, в сильно пострадавших в годы войны добывающей и обрабатывающей промышленности — соответственно на 12,4 и 12,55%; земледелие же давало прирост лишь на 1,7% (см. прил. 55).

Трудности восстановления и развития экономики Бирмы усугублялись гражданской войной, начавшейся вскоре после провозглашения независимости.

1. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, ЭКОНОМИКА И ДЕМОГРАФИЯ

Вооруженная борьба в независимой Бирме, повстанческая деятельность, принявшая широкий размах первоначально в 1948—1951 гг., вызвала новые разрушения и помехи, которые опустили Бирму экономически даже ниже уровня, достигнутого к моменту провозглашения независимости, и затянули процесс восстановления. Валовой продукт, составлявший в первом полном послевоенном финансовом году (1946/47) 61% довоенного и поднявшийся в 1947/48 г. до 72%, в последующие три года был равен соответственно 65, 61 и 69% довоенного. Только в 1951/52 г. валовой продукт несколько превысил уровень кануна независимости (74% довоенного) [81, 1963, 14]. С этого времени он стал в целом регулярно увеличиваться, хотя в отдельные годы иногда снижался под влиянием в основном конъюнктурных факторов.

Гражданская война сказалась и на некоторых демографических процессах. Напомним, что между 1891 и 1911 гг. в Бирме имела место относительная деурбанизация (см. гл. II). В 1921 г. перепись отметила прекращение этого процесса и восстановление нормальной тенденции к абсолютному и относительному росту городского населения. Эта тенденция была подтверждена как переписью 1931 г., так и переписью 1941 г.[1]. В годы японской окку-

[1] Данные о населении 28 крупных городов Бирмы в 1941 г. (в сравнении с 1931 и 1953 гг.) см. [70, т. I, 17].

пации население временно вновь отлило в деревню (подальше от репрессий и поближе к источнику продовольствия — рису). В послевоенный период, особенно в разгар гражданской войны, урбанизация ускорилась. С 1,52 млн. человек в 1931 г. городское население (на сравнимой основе) увеличилось до 2,58 млн. в 1953 г. Особенно выделялся Рангун, население которого в 1931 г. составляло 400 тыс., в 1941 г. — 501 тыс., а в 1953 г. — 737 тыс. [331, 10, 11].

Урбанизация в независимой Бирме конца 40-х — начала 50-х годов объяснялась в большой мере бегством в города части сельского населения из беспокойных районов. Она обгоняла по темпам экономическое развитие страны и привела к искусственному раздуванию рынка рабочей силы в городах. Неудивительно, что по городской переписи населения 1953 г. в отраслевой графе «деятельность, недостаточно обозначенная» числилось от 8,7 до 11,6% экономически активного (самодеятельного) населения городов [см. 125, 173].

Поскольку в города перемещалось в своей массе коренное население, происходила бирманизация городов в абсолютном и относительном смысле. Роль иностранного населения в городах резко упала (отчасти и вследствие выезда иностранцев). Следовательно, резервы рабочей силы городов, годной для промышленности, также бирманизировались.

Процесс урбанизации шел на всем протяжении 50-х годов и позже, при этом по мере нормализации положения в стране роль повстанческого фактора в нем уменьшалась, а социально-экономического возрастала. Население пяти главных бирманских городов между 1953 и 1964 гг. выросло в целом почти на 90% (см. прил. 42). В Рангуне оно более чем удвоилось (правда, одной из главных причин такого увеличения было расширение административных границ города — создание Большого Рангуна). Без учета Рангуна оно возросло примерно на 57%.

Отмеченные выше условия и факторы следует иметь в виду, рассматривая вопросы, связанные с рабочим классом Бирмы первого периода ее независимости, и, в частности, анализируя соответствующую статистику.

2. ИЗМЕНЕНИЕ ФАБРИЧНОЙ СТАТИСТИКИ В 1951 г.

В первые годы независимости бирманская статистика, включая промышленную, находилась в плачевном состоянии. Сведения о рабочем классе даже в главных отраслях и производствах были неполны и отрывочны, иногда даже вовсе отсутствовали.

Такин Лвин приводит данные по фабричным предприятиям и занятости на них в 1948—1953 гг. (см. прил. 29). Число предприятий за те годы увеличилось с 537 до 1468, а рабочих — с

52,7 тыс. до 82,9 тыс. Казалось, дело шло к достижению довоенного уровня фабричного рабочего класса (ср. прил. 7). Однако здесь требуется немедленное разъяснение.

С 1951 г. в соответствии с новым фабричным законодательством изменился учет фабричных предприятий. К ним стали относить предприятия обрабатывающей промышленности с числом рабочих от 10, если применялась энергия (электричества, пара и т. д.), и от 20, если энергия не применялась [75, 2]. Следовательно, критерии причисления к фабричному предприятию были расширены по сравнению с прежними и в категорию фабричных стали включать многие предприятия, ранее к таковым не относившиеся.

Новое фабричное законодательство было лучше прежнего и в большей мере отвечало интересам рабочих. Оно ставило некоторые дополнительные ограничения произволу предпринимателей, распространяло применение законов и положений о труде на большее число рабочих и усиливало государственную инспекцию предприятий, вообще полнее отражало реальное положение в стране, в том числе момент преобладания мелкой промышленности. Но это же законодательство в какой-то мере «смазывало» картину фабричной промышленности и фабричного пролетариата.

С введением нового фабричного законодательства в категорию фабричных предприятий было включено большое количество мелких предприятий, мануфактур, безмашинных, ручных производств. Это, естественно, резко «понизило» статус фабричного предприятия, в обычном понимании неизменно связываемого с машинным производством (хотя, разумеется, Бирма отнюдь не единственная страна, которая причисляет к разряду фабрик предприятия полностью ручного труда). Одновременно это означало «разбавление» действительно фабричных рабочих предпролетариатом — мануфактурным пролетариатом. Тем самым численность фабричного рабочего класса завышалась, а сама категория в значительной мере «становилась» не классовой, а статистической.

Мы подчеркиваем здесь кавычками, что речь идет не об оценке самого процесса стадиального роста капитализма или вовлечения в производство все большего числа наемных работников. Эти явления были объективны, закономерны и прогрессивны, и на этот счет двух мнений быть не может. Речь идет о другом — о более или менее точном сопоставлении и исчислении в создавшихся условиях промышленного ядра наемного труда — фабрично-заводских рабочих.

Приведем для конкретизации данные о структуре фабричных предприятий по использованию энергии. Такие данные в развернутом виде публиковались лишь однажды — в материалах городской промышленной переписи 1953 г. Согласно им, из 1982 фабричных предприятий бирманских городов применяли

энергию, т. е. имели двигатель, машину, только 848 предприятий (150 работали на электричестве, 476 — на паре, 221 — на нефти, 1 — на смешанных источниках энергии), а 1134 предприятия энергию не применяли, т. е. были ручными производствами [126, 92]. То, что эти сведения касаются только городов, в данном случае особенно показательно: 57% предприятий не имели машин; в рамках же всей страны процент таких предприятий должен был быть еще выше.

Конечно, данные 1953 г. — это данные первых лет независимой Бирмы, унаследовавшей разрушения мировой войны и сотрясаемой внутренними вооруженными конфликтами. Позже, по мере восстановления и развития экономики, пропорции механизированных и ручных предприятий, надо полагать, несколько изменились в пользу первых. Но ручных предприятий, фиксировавшихся как фабричные, оставалось достаточно много. В 1955 г., например, сообщалось, что из 1856 фабричных предприятий 1477 с 10 рабочими и более применяли энергию, а на 379 предприятиях, где было занято по 20 и более рабочих, энергия не применялась [51, апрель 1955, 83].

В начале 1957 г. автор побывал на предприятии по производству бирманских сигар (черутов) в г. Пегу, неподалеку от Рангуна. Оно принадлежало китайскому капиталу и появилось в годы японской оккупации. На предприятии не было никаких машин. На нем работало 2 тыс. работниц, которые сидели на полу в сравнительно больших помещениях и вручную свертывали черуты. Можно ли подобный труд, даже при, так сказать, фабричном числе занятых, отнести к фабрично-заводскому? Сомнительно. Но игнорировать этот труд в плане оценки социально-экономических процессов в стране, конечно, нельзя.

Таким образом, изменение фабричной статистики в 1951 г. также необходимо иметь в виду, оперируя статистическими данными о рабочем классе Бирмы.

3. ЧИСЛЕННОСТЬ И СТРУКТУРА ФАБРИЧНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ПО НОВОЙ СИСТЕМЕ УЧЕТА

Систематические данные о фабричной промышленности Бирмы по новой системе учета стали публиковаться во второй половине 50-х годов. Общее число предприятий, согласно этим данным, сильно возросло по сравнению с довоенным временем. В 1959/60 и 1961/62 гг., например, их число было соответственно 2468 и 2887, или в 2,4—2,8 раза больше, чем в 1940 г. (ср. прил. 29 и 7). Структура фабричной промышленности по размерам предприятий в рассматриваемое время (с включением сведений городской промышленной переписи 1953 г.) отображена в табл. 8.

Таблица 8

Число занятых на предприятии	Число предприятий			
	1953 г.	1957/58 г.	1959/60 г.	1961/62 г.
10—14	543	674	537	671
15—19	367	442	467	470
20—49	636	992	888	1 121
50 и более	436	651	576	625
Всего . . .	1 982	2 759	2 468	2 887

Составлено по: [126, 76; 50, 1957/58—1959/60; 115, 196].

По сравнению с 1936 г. (последним предвоенным годом, по которому есть сведения о структуре промышленности по размерам предприятий в зависимости от числа рабочих) число предприятий с 10—19 рабочими увеличилось в 2,5—3,0 раза, а с 20 рабочими и более — примерно в 1,5 раза (ср. табл. 5). В целом, следовательно, произошло измельчение предприятий, вынудившее составителей послевоенной статистики ввести одну-единственную группу относительно крупных предприятий — с 50 рабочими и более. Значительная часть предприятий с 20 рабочими и более представляла ручное производство.

О примерном количестве наиболее крупных предприятий приходится судить по косвенным сведениям — данным статистики социального страхования, которая к началу 60-х годов охватывала большинство наиболее крупных предприятий и учреждений. Так, из 1519 предприятий и учреждений, объединенных понятием «фирмы» и зарегистрированных ею в 1958/59 г., имелось только 22 с числом работников 501 и более, в 1959/60 г. из 2284 таких фирм — 27 и в 1962/63 г. из 3132 — 31 (см. прил. 74). В те же годы было 13—16 предприятий и учреждений с числом работников 1001 и более. Собственно производственных единиц (без учреждений) с указанным числом работников было, естественно, еще меньше.

Следовательно, фабричные рабочие Бирмы в эти годы стали более «мелкопромышленными» не только в статистике — из-за расширения учета мелких предприятий, но и в реальной действительности — потому что сократилось число относительно крупных предприятий.

В административной области Пегу в 1959/60 г. (тогда во главе с Рангуном) сосредоточивалось более 46% всех (2468) фабричных предприятий, причем на столицу с пригородами приходилось не менее трети (см. прил. 32).

Отраслевая структура предприятий в это время подробно представлена в прил. 13 (где дается сравнение с положением в 1921 г., о чем речь пойдет ниже). Отдельно приводятся сведения 1953 г. по структуре городской обрабатывающей промышленности (см. прил. 41).

По сравнению с довоенным временем и даже кануном независимости значительные перемены произошли в составе собственников фабричных предприятий или, говоря точнее, в гражданстве этих собственников. Уже само включение в фабричную статистику мелких и мануфактурных предприятий резко повысило удельный вес бирманских владельцев.

Во второй половине 50-х — начале 60-х годов бирманским гражданам принадлежало 85,0—90,9% всех предприятий, соответственно иностранным владельцам — 7,2—3,5, а смешанным — 7,8—5,6% (см. подробнее прил. 33). Известно, что часть бирманских предприятий были таковыми лишь по лицензии и вывеске, а на деле принадлежали иностранному, чаще всего индийскому капиталу, стремившемуся приспособиться к новым условиям. Характерна и сравнительно заметная доля смешанных фирм как форма выживания иностранного капитала. И все же в фабричной промышленности независимой Бирмы была очевидна тенденция бирманизации, которая проявлялась не только в росте предприятий собственно бирманцев, но и в увеличении числа иностранных владельцев, приобретавших бирманское гражданство.

В фабричной промышленности страны, как и в хозяйстве в целом, возник государственный сектор. Он появился в результате унаследования объектов прежнего колониального государства, национализации иностранных частных предприятий, совместного с частным капиталом государственного предпринимательства и нового государственного промышленного строительства. Этой теме в советской бирманистике посвящены специальные исследования [153; 130; 220]. Здесь подчеркнем только, что государство обычно создавало либо совсем новые для страны промышленные производства, либо крупные (чаще всего самые крупные) предприятия в существующих отраслях. Среди таких предприятий были прядильно-ткацкая и джутовая фабрики, фармацевтический и сталепрокатный заводы (все в районе Рангуна), сахарные и цементные заводы и лесопилки в Рангуне и других районах. Прядильно-ткацкая фабрика (в пригороде Рангуна — Тамайне) первоначально стала давать продукцию в 1951 г. В 1958 г. она была расширена (фактически построена вторая фабрика). Другие крупные государственные новостройки сооружались и вводились в действие во второй половине 50-х годов, уже после спада повстанческого движения. В 1959 г. в Бирме имелось примерно 30 государственных предприятий обрабатывающей промышленности, составлявших менее 1% численности всех фабричных предприятий, но дававших 20% ее валовой про-

дукции [153, 46]. Госсектор развивался также в других современных сферах экономики, особенно на транспорте, в энергетике, связи, банковской системе и т. п.

4. ФАБРИЧНАЯ ЗАНЯТОСТЬ И ЕЕ НОВАЯ СТРУКТУРА

Общее число занятых в фабричной промышленности Бирмы в конце 50-х — начале 60-х годов, по данным статистики, было примерно на 30—60 тыс. больше, чем в конце 30-х годов (см. прил. 29 и 7). С учетом прошедшей войны и разрухи само по себе это представляется движением вперед, хотя и скромным. Но, как отмечалось, прямо сравнивать цифры середины века с предвоенными годами фактически нельзя из-за перемены фабричных критериев и отсутствия детализированных данных. Здесь на помощь приходят более отдаленные сведения — данные промышленной переписи 1921 г., которая, напомним, была первой переписью промышленности Бирмы, применившей учет предприятий с числом рабочих начиная от 10. Эта-то перепись и позволяет прийти к интересным и важным выводам относительно фабричной занятости в рассматриваемый период, и особенно ее динамики почти за 40 лет.

Сравнимые данные 1921 и 1959/60 гг. (см. прил. 13) показывают, что число предприятий за 1921—1959/60 гг. выросло в 2,3 раза — с 1069 до 2468, тогда как численность занятых на них поднялась только на 22% — с 100,6 тыс. до 122,9 тыс. (Это неудивительно, если учесть, что в 1921 г. предприятий с 10—19 рабочими было 308, а в 1959/60 г. — 1004. См. табл. 2 и 8.) Следовательно, среднегодовой прирост занятых в фабричной промышленности Бирмы составлял 500—600 человек, или примерно 0,5%, что в 3—4 раза ниже темпов прироста населения страны в указанный период.

Есть ряд причин, объясняющих такую замедленность. Ясно, например, что 1921 год был еще годом промышленного подъема и поэтому дал довольно высокий начальный уровень для сравнения. Прошла разрушительная вторая мировая война. Затем началась гражданская война, различные внутренние восстания. Имел место какой-то прогресс техники, в результате которого какая-то, пусть незначительная, часть живого труда была вытеснена машинами. Но все это, как и некоторое увеличение фабричной занятости в самом начале 60-х годов (см. прил. 29), не меняет факта, что прогресс ее за длительное время был крайне слабым, что за десятки лет сколько-нибудь существенного сдвига в численности фабричных рабочих не произошло. При этом, как уже отмечалось, фабричный рабочий класс стал «мелкопромышленнее» и включал большее число рабочих ручных производств.

Увеличение числа и доли мелких предприятий и уменьшение крупных, а также определенный прогресс техники привели к тому, что если в 1936 и 1940 гг. на одно фабричное предприятие в Бирме приходилось в среднем 91 и 87 рабочих, то в 1959/60 г. — лишь около 50 (см. прил. 18, 7 и 29). Особый случай представляло положение с нефтеперерабатывающими заводами: в 1936 г. на одном таком заводе было занято в среднем 915, в 1959/60 г. — 211 рабочих[2].

Анализ изменений в отраслевом составе занятых в фабричной промышленности почти за 40 лет свидетельствует, что рост числа рабочих происходил, как правило, в тех отраслях, которые поставляют основные потребительские товары населению (здесь и ниже см. прил. 13). Иначе говоря, увеличение занятости здесь лишь сопровождало рост населения. В абсолютных цифрах особенно поднялась занятость в текстильной, пищевой и табачной отраслях. В одних этих отраслях абсолютный прирост за сорокалетие составил более 50 тыс. человек. В относительном выражении больше всего увеличилось число рабочих в табачной промышленности (в 19 раз), в химической промышленности — спичечной, мыловаренной и фармацевтической (в 16 раз), в текстильной промышленности (почти в 10 раз), на сахарных заводах (более чем в 5 раз), на предприятиях по изготовлению одежды и обуви (в 5 с лишним раз).

Наряду с этим, однако, сократились численность и удельный вес рабочих в отраслях тяжелой промышленности, особенно нефтеперерабатывающей и машиностроительной (машиноремонт). Число занятых в названных двух отраслях упало почти в 9 раз — с 46,3 тыс. до 5,3 тыс. Даже если принять во внимание неполную сравнимость данных по нефтеперерабатывающей промышленности, то и тогда происшедшее сокращение пришлось бы оценить как серьезное. Здесь явно сказались последствия разрушений второй мировой войны.

Произошли и другие изменения: например, в численности и удельном весе женского труда. В 1921 г. среди фабричных рабочих было 4 тыс. женщин [68, ч. I, 273], в 1940 г. — около 12 тыс. [49, 1946, 2], в 1959/60 г. — 37,5 тыс. [50, 1959/60, 34]. В последнем случае женщины составляли 30% всех фабричных рабочих. Такая тенденция развития вполне соответствовала общемировой. Бирманские данные 50-х годов в отношении фабричной занятости женщин явились прямым результатом расширения учета мелких предприятий, среди которых было много сезонных, использующих по преимуществу женский труд. Большинство работниц сосредоточивалось в пищевой (10,2 тыс. в 1959/60 г.), табачной (9,1 тыс.) и текстильной (9,1 тыс.) промышленности [50, 1959/60, 39—47].

---

[2] В 1936 г. в стране имелось 9 нефтеперерабатывающих заводов с 8233 рабочими, в 1959/60 г. — 4 с 844 рабочими [см. 80, 41; 50, 1959/60, 12].

Наиболее полные сведения по внутренней структуре занятых в фабричной промышленности можно получить из городской промышленной переписи 1953 г. Эти данные являются единственными в своем роде. То, что они принадлежат к первой половине рассматриваемого периода, делает их несколько устаревшими для оценки состояния дел в конце периода, но то, что они относятся к городам, в какой-то мере «модернизирует» их в применении к положению во всей Бирме (как городской, так и сельской). В прил. 41 помещены сведения 1953 г. по отраслевой структуре занятых в фабричной промышленности городов параллельно с данными по городской мелкой («домашней») промышленности.

Наиболее интересна основная структура занятых в городской фабричной промышленности Бирмы в 1953 г. Она была следующей (речь здесь идет о 85,3 тыс. из 90,9 тыс. всех занятых мужчин и женщин на 1982 фабричных предприятиях городов) [126, 86] (в тыс. человек):

По полу и отношению к производственному труду	
Мужчины	52,3
В том числе:	
Работающие собственники и партнеры	0,8
Производственные рабочие	42,1
Непроизводственные работники	9,4
Женщины	33,0
В том числе:	
Работающие собственники и партнеры	0,4
Производственные рабочие	28,6
Непроизводственные работники	4,0
По кадровому составу	
Постоянные рабочие (работники)	66,6
Временные рабочие (работники)	18,7
По гражданству	
Граждане Бирмы	75,1
Иностранцы	10,2

Таким образом, в условиях городской фабричной промышленности 1953 г. 17% занятых не являлись собственно рабочими и почти 22% всех занятых были временными работниками.

Косвенное представление о стаже работников можно получить на основании данных городской промышленной переписи 1953 г. о возрасте предприятий. Оказывается, из 1982 фабричных предприятий городов 54% существовали на момент переписи самое большее 5 лет, 17% — от 6 до 8 лет и т. д. [126, 25]. Уже из этого следует, что более 70% всех предприятий возникли после второй мировой войны, и о большом числе кадровых рабочих в этих условиях вряд ли приходится говорить.

Новым аспектом положения являлась возросшая занятость в государственном секторе фабричной промышленности. Как уже отмечалось, предприятия госсектора относились к числу наибо-

лее крупных предприятий страны. В 1959 г. примерно на 30 предприятиях госсектора было занято 19—21 тыс. рабочих, или 13—14% всех фабричных рабочих [153, 46]. По числу рабочих в конце 50-х — начале 60-х годов первое место занимала джутовая фабрика — 2 тыс. человек в одну смену, 3,5 тыс.— в две смены. В начале 1962 г. на ней работало 3,8 тыс. человек. На втором месте находилась текстильная фабрика (после расширения в 1958 г.). До 1962 г. там в две смены работало 2,7 тыс. человек. На сталепрокатном заводе в 1960 г. было занято 1038 человек, в том числе 763 рабочих. На сахарных заводах работало: более 1600 человек — в Зеявади, 1500 — в Пьинмане, 950 человек — в Намти. Но это было сезонное производство. Не в сезон на заводах Зеявади, например, работало лишь 450 человек [130, 98, 100; 57, 37, 46; 373, 18.IV.1964].

Что касается территориально-административного распределения фабричных рабочих, то о нем дает представление прил. 32. В столичной области Пегу в 1959/60 г. сосредоточивалось до 53% этих рабочих, причем около 40% — в округе Рангун и соседнем с ним округе Инсейн. Однако удельный вес Рангуна явно понизился по сравнению с довоенным периодом. В сущности, это произошло из-за включения в статистику мелких предприятий, которых на периферии было относительно больше.

Произошли изменения и в национальном составе рабочих фабричной промышленности. Правда, показать их на конкретных данных довоенного типа невозможно, ибо публикация таких данных в независимой Бирме прекратилась. Но можно утверждать, что главная тенденция после 1948 г. состояла здесь в увеличении общей численности и доли рабочих бирманской и других местных национальностей. Это было результатом целого ряда факторов.

Сохранилось воздействие отлива индийцев, происшедшего в период мировой войны. Больше того, этот отлив продолжался и в 50-е годы. Так, статистика движения населения морским путем между Бирмой, с одной стороны, и Индией и Пакистаном—с другой, показывает, что с 1954 г. число отбывающих из Бирмы в Индию и Пакистан начало превышать число прибывающих из этих стран в Бирму. С 1956 г. вообще вся эмиграция из Бирмы стала больше всей регистрируемой (законной) иммиграции в нее [84, 1957, IV кв., 1, 2; 115, 29].

Изменение в динамике иммигрантского населения обусловливалось рядом причин. Усилилось давление на рынке труда со стороны работников-бирманцев (особенно в связи с урбанизацией), в том числе в отношении лиц иммигрантского происхождения, непропорционально представленных в управленческом аппарате, бизнесе и т. д. Въезд иностранцев, их пребывание в Бирме, суммы их денежных переводов на родину после 1948 г. все сильнее ограничивались и контролировались, причем эти меры были направлены прежде всего против иммигрантов из Индии.

Вообще иммигранты, проживавшие в Бирме, в большинстве случаев юридически оказались иностранцами. Перед иммигрантами-индийцами особенно остро встал вопрос о гражданстве. Некоторые из родившихся в Бирме или сроднившихся с ней индийцев приняли бирманское гражданство или начали процедуру натурализации. Поэтому часть рабочих-индийцев, перестав быть юридически иностранцами, при учете на работе уже не отделялась от рабочих-бирманцев. Тем самым национальный вопрос в сфере труда в какой-то степени стал вопросом гражданства. Однако в бирманское гражданство в целом перешла лишь небольшая часть иммигрантов.

Городская промышленная перепись 1953 г. показала, что из 85,3 тыс. фабричных рабочих только 12% были иностранцами. Хотя подход с точки зрения гражданства не раскрывал национальной структуры труда, приведенные данные вместе с тем свидетельствовали о развитии процесса бирманизации труда в стране.

Восполнение рядов рабочего класса Бирмы происходило, следовательно, прежде всего на пути бирманизации его, включения в его состав все большего числа рабочих-бирманцев. Частично оно также шло за счет оставшихся в Бирме рабочих-индийцев, хотя перспективы применения их труда все более сужались. В целом процесс восполнения и роста рядов рабочего класса Бирмы после провозглашения независимости был поставлен на национально-государственную почву, а иммигрантские источники труда все более сокращались.

5. ЗАНЯТОСТЬ В ГОРНОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ДРУГИХ ОТРАСЛЯХ СОВРЕМЕННОГО СЕКТОРА

Горнодобывающая промышленность Бирмы к первому году независимости была отчасти восстановлена. Число рудников приближалось к 400, количество занятых на них превысило 30 тыс. (см. прил. 30). Около 1948 г. на одних вольфрамовых рудниках Мочи работало уже примерно 10 тыс. рабочих [368, 20.IV.1952]. На нефтепромыслах Центральной Бирмы было занято 5,5 тыс. рабочих [85, 14]. Восстанавливались шахты в Бодуине, где также работало уже несколько тысяч рабочих. Но вскоре в результате повстанческого движения, задевшего особенно сильно как раз центры добычи минерального сырья, наступил спад. Главные рудники и нефтепромыслы оказались в зоне военных действий и были заняты повстанцами или контролировались ими. Рудники Мочи находились в руках каренских повстанцев целых пять лет. Преодолению спада после ослабления повстанческого движения в 1951 г. способствовала экономическая конъюнктура в период войны в Корее. В 1953 г. число предприятий горнодобывающей промышленности (без нефтедобычи) составляло уже более 530, а

занятость на них достигла предвоенного уровня — 41 тыс. человек (ср. прил. 8). В течение многих последующих лет, вплоть до 70-х годов, это было наивысшей точкой для Бирмы. С 1954 г. начался новый, на этот раз длительный спад, после которого лишь в 1961—1962 гг. отмечалось некоторое оживление (см. прил. 30). Положение в горнодобывающей промышленности (без нефтедобычи) определяли рудники, они составляли подавляющее большинство ее предприятий, на них было занято более 95% ее рабочей силы (см. прил. 31).

Сложным было положение на нефтепромыслах. В условиях гражданской войны и неопределенности политических перспектив в Бирме иностранный капитал стал фактически саботировать восстановление и развитие нефтяной промышленности страны. Занятость на нефтепромыслах, составившая в 1948 г. 5,5 тыс. человек, резко сократилась в начале 50-х годов. Большинство рабочих было уволено [335, 289—290]. Создание совместной (смешанной) англо-бирманской нефтяной компании в 1954 г. не помогло двинуть дело быстро вперед. В 1956—1957 гг. на нефтепромыслах Енанджауна работало только около 2 тыс. человек [74, 1957, 76]. К началу 60-х годов во всей нефтяной промышленности Бирмы, т. е. в нефтедобыче и нефтепереработке, было занято примерно 5 тыс. человек [367, 5.X.1964].

Следовательно, к концу 50-х — началу 60-х годов в горнодобывающей промышленности Бирмы, включая нефтепромыслы, работало примерно 25—30 тыс. человек. Это было почти в два раза меньше, чем перед второй мировой войной.

Что касается других современных отраслей хозяйства, то быстрее всего была восстановлена численность труда на железных дорогах. Уже в начале 50-х годов она достигла довоенного уровня, а на рубеже 60-х годов в стране было более 26 тыс. железнодорожных рабочих и служащих (см. прил. 34). Примерно в это же время численность работников электростанций приближалась к 8 тыс. [100, 15].

Несколько тысяч постоянных рабочих было занято на каучуковых плантациях[3].

Хуже обстоит дело с исчислением работников крупного строительства, речного, дорожного, воздушного транспорта, портов, связи, по которым нет надежных послевоенных данных. Здесь в ряде случаев приходится довольствоваться очень грубыми оценками, ориентированными по докладу Бэкстера, согласно которому численность рабочих-мужчин в этих отраслях (в основном на предприятиях инфраструктуры) превышала в 1939 г. 60 тыс. (см. прил. 22).

---

[3] Согласно некоторым оценкам, на каучуковых плантациях Бирмы начала 50-х годов в период сбора латекса было занято до 35 тыс. рабочих [326, 440]. Даже если это так, то подавляющее их большинство составляли сезонники, возвращавшиеся в свои деревни для других занятий. До войны на каучуковых плантациях число постоянных и сезонных рабочих было меньше [см. 210].

Можно предположить (с учетом происшедших с тех пор изменений — разрушений войны, оттока иностранного капитала, сокращения числа крупных предприятий и т. п.), что в конце 50-х— начале 60-х годов в современном транспорте, в портах, на электростанциях, в крупном строительстве и на плантациях было занято 60—80 тыс. рабочих.

6. ОБЩАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОЛЕТАРИАТА В КОНЦЕ 50-х — НАЧАЛЕ 60-х ГОДОВ

С учетом сделанных выше выкладок и оценок можно примерно определить и численность рабочих во всех современных отраслях Бирмы на рубеже 50—60-х годов.

120—140 тыс. занятых в фабричной промышленности, 25—30 тыс. — в горнодобывающей промышленности, 60—80 тыс. — в современной инфраструктуре — все вместе это составляет 200—250 тыс. человек. Как видно, эти цифры очень близки к соответствующим довоенным данным (190—230 тыс.). Во всяком случае, значительного количественного сдвига за 20 лет не произошло. Доля же рабочих во всем населении несколько уменьшилась: накануне второй мировой войны она была между 1,0 и 1,5%, в рассматриваемый же период — на уровне около 1% или немногим более, считая население Бирмы в этот период 20—22 млн. человек.

Изменения в составе рабочего класса имели различный характер. О некоторых из них уже говорилось. Подытоживая, здесь прежде всего необходимо отметить усилившийся «мелкопромышленный» характер рабочего класса, что объективно было связано с разрушением крупной промышленности во время военных действий и ростом мелкого предпринимательства в период независимости, а субъективно (вернее, в смысле зафиксированной численности) — с расширением статистического учета промышленных предприятий. Поэтому приведенные выше оценки численности промышленного пролетариата Бирмы являются преувеличением как раз на столько, сколько в его состав было статистически включено предпролетариев — мануфактурных рабочих и т. п.

Уместно напомнить также о значительном росте женского труда (см. параграф 4 данной главы).

Важно подчеркнуть определенное увеличение количества временных, сезонных рабочих. Статистика перестала выделять их из общей массы рабочих. В связи с этим дать численную оценку всей категории затруднительно. Неполные сведения относятся к самому началу рассматриваемого периода. По данным Директората труда Бирмы, в первой половине 1951 г. в стране на примерно 700 средних и крупных предприятиях обрабатывающей, горнорудной и нефтяной промышленности, а также на транспорте,

в банках и кинопромышленности[4] насчитывалось только 55 тыс. постоянных рабочих. Половина их концентрировалась на транспорте и в связанных с ним отраслях и 30% — в рисоочистительной, нефтяной и лесопильной промышленности [70, т. I, 18].

Тогда же, в 1951 г., численность постоянных рабочих фабричной промышленности оценивалась в 43 тыс. человек [83, 84]. Между тем всего в ней было зарегистрировано около 78 тыс. рабочих (см. прил. 29). Следовательно, в данном случае 45% рабочих фабричной промышленности были непостоянными, временными рабочими, а иначе — сезонниками, поденщиками. К 60-м годам пропорции стали, вероятно, несколько более благоприятными для постоянных рабочих. Однако не вызывает сомнений, что непостоянные, временные рабочие продолжали составлять существенную часть фабричной рабочей силы. Сведения, приводимые в прил. 35, дают возможность ознакомиться с месячными колебаниями постоянных и временных рабочих на рисорушках Бирмы в 1953 г. и тем самым конкретно убедиться в сезонной текучести рабочей силы в самой трудоемкой из отраслей обрабатывающей промышленности страны.

Наконец, в отношении национального состава следует отметить, что в рамках всей структуры рабочего класса современного сектора произошли те изменения, о которых говорилось выше в связи с фабричными рабочими. Главное здесь состояло в увеличении доли бирманского, местного наемного труда и в сокращении доли иностранного, иммигрантского. В разных отраслях и районах страны этот процесс шел с разной степенью интенсивности и на него оказывали влияние различные факторы. В своей основе он был неизбежен и прогрессивен как своего рода коррекция деформаций, навязанных Бирме в условиях колониализма.

7. УДЕЛЬНЫЙ ВЕС И СТРУКТУРА НАЕМНОГО ТРУДА К СЕРЕДИНЕ 50-х ГОДОВ

Сделанные выше оценки численности современного рабочего класса Бирмы, разумеется, никак не исчерпывают всей массы наемного труда в стране. Об этом говорилось и раньше, и это очевидно без доказательств. Но в 50-х годах появились материалы, которые, хотя и неполны, но сравнительно точно и конкретно показывают это.

Имеются в виду материалы частичных переписей населения Бирмы 1953 и 1954 гг. Одна из них относилась к населению 252 городов страны (практически почти всех); другая — к населению сельских районов поблизости от этих городов, где условия

[4] Источник говорит о 700 larger establishments. Возможно, что предприятия обрабатывающей промышленности в данном случае регистрировались еще по довоенному фабричному законодательству.

безопасности (в связи с повстанческим движением) позволяли провести перепись; третья — к небольшому населению одной из национальных окраин Бирмы — Чинской особой области[5]. Главными по материалам были первые две. Каждая из них затронула примерно $^1/_6$ всего населения страны.

Отраслевая структура занятого населения (см. прил. 36) отразила специфику объектов всех трех переписей. В городских условиях Бирмы в 1953 г. занятых в обрабатывающей промышленности было 18,5%, в сельских — 6,3%, в отсталых чинских районах соответствующий показатель был менее 0,5%.

В прил. 37 и 38 приводится общая и отраслевая структура рабочей силы (экономически активного населения) бирманских городов (1953 г.) и некоторых сельских районов (1954 г.) по статусу занятых, т. е. по доле наемных работников, самостоятельных работников, включая предпринимателей, и неоплачиваемых семейных работников. Эти данные (часть их пересчитана автором) ранее в нашей литературе о Бирме не публиковались и представляют, несомненно, интерес в социологическом и экономическом планах.

Согласно этим данным, работники наемного труда составляли 55% занятого населения городов и более 40% — пригородных сельских районов Бирмы. В городах это было свыше 590 тыс. из примерно 1076 тыс. экономически активного населения, в сельских же районах — 446 тыс. из 1113 тыс. Цифры выглядят довольно внушительно. Но надо помнить, что данные — частичные. Ведь осталась неохваченной основная масса сельского населения страны, среди которого были наиболее удаленные от городов и отсталые в социально-экономическом отношении районы. Так, перепись населения в Чинской особой области (1953 г.) показала, что лица наемного труда составляли здесь всего 2,5% занятого населения (2,7 тыс. из 107,4 тыс.) [127, 60]. Но таких районов было немало. Весьма отсталыми являлись, например, север Бирмы (Качинское союзное государство) и восточная часть ее (Шанское союзное государство). Хотя большинство этих районов были редконаселенными, все же положение дел в них должно было понизить общий показатель наемного труда в стране в 1953—1954 гг. Очевидно, что он должен был быть ниже не только городской отметки 1953 г., но и сельской отметки 1954 г., т. е. быть в целом менее 40% занятого населения и, вероятнее всего, находиться примерно на уровне 30%. Для сравнения укажем, что армия наемного труда насчитывала в Пакистане (1951 г.) 16% занятого населения, в Шри Ланке (1953 г.) — 61, на Кубе (1953 г.) — 72, в Таиланде (1954 г.) — 6—7, в Сингапуре

---

[5] Итоги городской переписи и переписи Чинской особой области опубликованы [125; 127], но по частичной сельской переписи таких публикаций нет. Об общих результатах ее и городской переписи краткое, но наиболее четкое представление дает одна из работ Сундрума [332]. Ряд данных сельской переписи 1954 г. взят именно из этой работы.

(1957 г.) — около 73, на Филиппинах (1960 г.) — 27% [вычислено по: 129, 1960, 1966.].

В советских публикациях было две попытки оценить армию наемного труда в Бирме. Одна оценка относится к 1955—1960 гг. Согласно ей, лица наемного труда составляли тогда в Бирме 23—24% самодеятельного населения [256, вклейка между стр. 106 и 107]. Другая оценка распространяется, судя по всему, на 60-е годы. По ней, доля наемных работников в самодеятельном населении Бирмы была равна 20% [345, 1970, № 12, 142; 279а, прил. 1]. Обе оценки представляются нам заниженными, причем первая — в меньшей, а вторая — в большей степени, особенно поскольку более поздняя имеет в виду более поздний период.

При оценке массы наемного труда необходимо учитывать: а) весь состав рабочей силы, включая наемный труд, самостоятельных и семейных работников, в соответствующих отраслях (горизонтальный подход), б) отраслевую структуру самого наемного труда (вертикальный подход) и в) соотношение различных стадиальных групп наемного труда (иерархический подход).

Обратим внимание прежде всего на то, что в составе рабочей силы перечисленных в прил. 37 и 38 отраслей хозяйства Бирмы первой половины 50-х годов значительная часть работников еще не принадлежала к лицам наемного труда. Так, в обрабатывающей промышленности городов наемный труд составлял около $^3/_4$ всех занятых в отрасли, сельских районов — чуть больше $^1/_2$. Более 80% была доля наемных работников в горнодобывающей промышленности и строительстве, свыше 50% — на транспорте. Лишь в энергетике больше 95% занятых являлись лицами наемного труда. Кто же были остальные? Примерно 26 и 48% занятых — в обрабатывающей промышленности соответственно городов и сельских районов, 29 и 46% — на транспорте и связи и 19—15% — в строительстве принадлежали к категориям самостоятельных работников (включая предпринимателей) и неоплачиваемых семейных работников.

Эти данные важны не сами по себе. Ясно, что ремесленники, мелкие хозяева никогда не входили в состав рабочего класса. Да и неоплачиваемые семейные работники — это рабочая сила прежде всего допромышленной стадии развития. Однако при рассмотрении промышленного рабочего класса необходимо иметь в виду все эти структурные особенности общего состава занятых в промышленных отраслях, ибо они указывают не только на «социальных соседей» промышленных рабочих по отрасли, но и на тот источник, из которого эти рабочие нередко рекрутировались.

Еще больший интерес представляют данные об отраслевой структуре самого наемного труда в Бирме по переписям 1953—1954 гг. (см. прил. 39). Так, обнаруживается, что в городах Бирмы в 1953 г. только четверть всех лиц наемного труда были заняты в обрабатывающей промышленности. Это значит, что наемные работники данной отрасли составляли менее 14% всего

занятого городского населения. Если взять наемных работников всех промышленных отраслей, включая энергетику, строительство, транспорт и связь, то их доля составляла примерно 40% всех лиц наемного труда в городах и 13% — в пригородных сельских районах. В то же время доля наемных работников в сфере городских торговли и услуг была около 36%[6]. Больше того, почти 16% лиц наемного труда в городах и более 24% в деревнях относились к категории работников с недостаточно обозначенной деятельностью, т. е. к случайным, поденным рабочим, к полубезработным.

Частичные переписи 1953—1954 гг. снова указали на большой удельный вес в наемном труде сельскохозяйственных рабочих — свыше 57% в пригородных сельских районах. Проф. Сундрум даже оценил в общебирманских масштабах их число в 1,6 млн. [332, 16]. Очевидно, однако, что в связи с происшедшими изменениями (ликвидацией крупных земельных владений, ростом мелких хозяйств, абсолютным и относительным увеличением сельского населения и др.) данная категория людей в еще меньшей степени, чем до войны, были сельскохозяйственными рабочими, как таковыми. Их массу составляли безземельные и малоземельные крестьяне, поденщики, сезонники и другие подобные категории, готовые выполнять любую подвернувшуюся работу, при этом не обязательно земледельческую. Как отмечалось в одном официальном бирманском обследовании 1955 г., «поскольку большинство хозяйств мелкие и большинство крестьян-собственников и арендаторов обрабатывают землю с помощью членов своих семей, места для постоянных сельскохозяйственных рабочих мало» [124].

Сельскохозяйственные рабочие Бирмы в рассматриваемый период оставались большим резервуаром рабочей силы для земледелия и промышленности, которые, однако, мало нуждались в них как постоянных рабочих. И это задерживало их переход в ряды собственно рабочего класса.

8. ЗАНЯТОСТЬ В МЕЛКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Одновременно с промышленной переписью 1953—1954 гг. (имеются в виду городская 1953 г. и сельская 1954 г.) была проведена и перепись так называемой домашней промышленности (соответственно городская и сельская переписи). Обе проводи-

[6] Столь большая доля наемного труда в этом случае лишь внешне напоминает современное положение в высокоразвитых странах капитализма, где перелив наемного труда в сферу услуг происходит в основном на почве промышленной зрелости, органической перестройки отраслевой структуры, роста техноемкости и падения трудоемкости промышленных отраслей. В условиях же развивающихся стран, особенно наименее развитых, разбухание сферы услуг является прежде всего показателем их промышленной отсталости, стихийной формой ослабления безработицы и полубезработицы.

лись на одной и той же территории. Обе имели дело с предприятиями (хозяйственными единицами), занимающимися переработкой или обработкой материалов с целью продажи. Разница состояла только в том, что первая охватывала предприятия с 10 и более наемными рабочими, а вторая — предприятия (хозяйственные единицы) с 9 и менее наемными рабочими и даже без них. Переписи, подобной второй, Бирма до этого еще не знала.

Уже из сказанного видно, что данная перепись была более широкой, чем перепись только домашней промышленности. Переписывались мелкие промышленные предприятия, применяющие наемный труд (от 9 до 1 рабочего), и единицы собственно домашней промышленности, которая держится в основном на труде (неоплачиваемом) членов семьи[7]. Интерес для исследования вопроса о рабочем классе эта перепись представляет как раз потому, что включает данные о мелких промышленных предприятиях, которые в ряде случаев (например, предприятия с 7—9 рабочими) лишь ненамного отличаются от фабричных промышленных предприятий (в частности, с 10—14 рабочими).

По переписи 1953 г. (городской) было выявлено 31 146 предприятий мелкой («домашней») промышленности, по переписи 1954 г. (частичной сельской) — 31 755 [332, 23]. Всего, следовательно, было учтено 62,9 тыс. такого рода предприятий. На них было занято 174 тыс. человек [339, 344]. Так как материалы сельской переписи не были опубликованы и имеются лишь в виде отдельных сведений, познакомиться со структурой самой мелкой части обрабатывающей промышленности Бирмы можно лишь по данным городской переписи. Тот недостаток, что последние касаются только городов, в известной степени компенсируется тем, что наиболее существенная часть мелкой промышленности была сконцентрирована именно в городах.

Отраслевое распределение предприятий и занятых в городской мелкой («домашней») промышленности показано в прил. 41, где одновременно для сравнения приводятся сведения и по городской фабричной промышленности. Обращает на себя внимание близость, принципиальное сходство отраслевой структуры занятости в том и другом случае. Главными по числу занятых в фабричной промышленности городов были пищевая, табачная, текстильная и деревообрабатывающая отрасли, а в мелкой («домашней») — производство обуви и одежды, текстильная, деревообрабатывающая и табачная отрасли. Возможно, только наличие охватывающего большое число занятых производства обуви и одежды в мелкой промышленности свидетельствовало об особой специализации последней.

---

[7] В целях удобства мы сохраним в определенных случаях термин «домашняя промышленность», но будем употреблять его в кавычках, когда подразумевается официальная его трактовка (расширительная), и без кавычек — когда ему придается обычный, точный смысл (семейное производство, ремесло).

По числу использовавшихся наемных рабочих предприятия городской мелкой промышленности в 1953 г. распределялись следующим образом [126, 76]:

	Число предприятий	%
Без наемных рабочих	17 747	57,0
С 1—3 рабочими . .	8 818	28,3
С 4—6 » . .	3 297	10,6
С 7—9 » . .	1 284	4,1
Всего . . .	31 146	100,0

Отсюда следует, что больше половины предприятий были действительно домашним, семейным, ремесленным производством. К нему в качестве ближайшей переходной формы надо добавить предприятия с минимумом наемных рабочих (1—3). Вместе это дает примерно 85% всех предприятий. За рамками собственно домашнего хозяйства или ремесла находилось, следовательно, около 15% предприятий. На них-то и сосредоточивалась основная масса наемных рабочих «домашней промышленности». Соответствующую социально-экономическую характеристику этой промышленности придавал тот факт, что из 31 146 всех ее предприятий использовали энергию, а значит, и машины только 1002 (3,2%) [78, № 16, табл. I].

Все это, понятно, отличало (суммарно) «домашнюю промышленность» от фабричной.

Качественные особенности «домашней промышленности» еще более подчеркиваются анализом состава занятых в ней. Соответствующая картина по городской переписи 1953 г. была таковой (в тыс. человек) [126, 88][8]:

Всего занятых в «домашней промышленности»	90,7
В том числе:	
работающих собственников (хозяев)	24,3
неоплачиваемых семейных работников	25,8
наемных рабочих	40,6
Всего занятых мужчин	52,6
В том числе:	
работающих собственников (хозяев)	16,4
неоплачиваемых семейных работников	11,1
наемных рабочих	25,1
Всего занятых женщин	38,1
В том числе:	
работающих собственников (хозяев)	7,9
неоплачиваемых семейных работников	14,7
наемных рабочих	15,5

[8] Общее число учтенных здесь работников несколько расходится с приведенным выше.

Следовательно, цифры общей занятости в «домашней промышленности» Бирмы не следует отождествлять с цифрами наемного труда: из более чем 90 тыс. занятых в городах только около 41 тыс. (45%) были наемными рабочими. Остальные 55% дали хозяева и члены семей. Все это и неудивительно, если учесть, что 98% всех предприятий были семейными [126, 30]. Важно и то, что неоплачиваемые семейные работники составляли 28% всех занятых и что 42% занятых были женщины.

Если попытаться раскрыть структуру наемных рабочих «домашней промышленности» по видам оплаты труда, то окажется, что лишь 6,1 тыс. рабочих были на понедельной или помесячной заработной плате, 8,3 тыс. — поденной, а остальные 26,2 тыс. — на сдельной зарплате [126, 84].

Показателен был и стаж предприятий, а отсюда косвенно и работников «домашней промышленности». Около 65% предприятий появились на свет только после провозглашения независимости, т. е. к 1953 г. существовали максимум пять лет [126, 99]. Это не могло не отразиться и на «кадровости» рабочей силы «домашней промышленности», в том числе ее наемных рабочих.

Таким образом, цифры общей занятости в «домашней промышленности» не являются прямыми данными о рабочем классе. Этот вывод, сделанный по материалам городов, в еще большей мере относится к соответствующим сельским или общенациональным материалам. При наиболее осторожном подходе можно лишь утверждать, что наемный труд в самой мелкой промышленности и ремесле Бирмы (т. е., по официальной терминологии, в «домашней промышленности») составлял меньшую часть занятой в них рабочей силы. Более того, следует учитывать, что многие из тех, кто выступал наемными рабочими, еще не в полной мере стали таковыми вообще, совмещая труд по найму с другими занятиями (это особенно касается женщин).

В целом же к промышленному рабочему классу примыкал лишь тонкий слой занятых в «домашней промышленности», преимущественно в городах, где общие социально-экономические условия в известной мере нивелировали различия между самыми мелкими предприятиями фабричной промышленности и самыми крупными «домашней» и сближали в классовом отношении различные элементы наемного труда.

И все же, по мнению автора, даже эту часть рабочих «домашней промышленности» не следует включать в общую численность индустриального пролетариата. Этого не нужно делать хотя бы потому, что численность рабочего класса современных секторов хозяйства Бирмы и без того в расчетах, сделанных нами ранее (см. параграф 6 данной главы), несколько преувеличена в результате учета в фабричной промышленности предпролетарских элементов (мануфактурных рабочих).

Невключение нами рабочих «домашней промышленности» в состав индустриального рабочего класса Бирмы ни в коей мере

не означает принижения роли этой промышленности в стране или тем более недооценки интересов тех рабочих, которые в ней заняты. Это было сделано лишь для более точного исчисления современного рабочего класса страны.

Что же касается «домашней промышленности», то нужно в полной мере признать ее важную роль как в производстве, так и в системе общепромышленной занятости. В 1953 г. городская «домашняя промышленность» давала около 29% всей стоимости продукции обрабатывающей промышленности городов [126, 50]. По общебирманским данным 1956/57 г., ее доля стала оцениваться (возможно, преувеличенно) на уровне 40% [113, 38]. Количество занятых в «домашней» и фабричной промышленности городов в 1953 г. было примерно одинаковым [126, 50]. В масштабах всей страны удельный вес «домашней промышленности» был, видимо, даже выше.

Рост «домашней промышленности» в годы независимости Бирмы был феноменом, выражавшим развитие низших форм предпринимательства — мелкотоварного и мелкокапиталистического, высвобожденного от сковывавших его пут колониализма. Тем самым под развитие капитализма подводилась естественная база, которой раньше не хватало. В рамках капиталистической эволюции это был закономерный процесс, которому на более высоком «этаже» — на уровне фабричной промышленности — соответствовал свой процесс развития и роста, непосредственно связанный с общим ходом восстановления экономики и замещения иностранного капитала национальным.

Было бы интересно сравнить динамику фабричной и мелкой промышленности Бирмы. Но, к сожалению, обобщающих данных на этот счет нет. В середине 60-х годов в бирманских газетах промелькнула информация, полезная хотя бы для частичных выводов. Она содержала некоторые данные о населении, фабричной и «домашней» промышленности пяти самых крупных бирманских городов, видимо, в 1964 г. Располагая соответствующими материалами городской переписи 1953 г., автор сопоставил их с данными на 1964 г. (см. прил. 42).

Как легко убедиться, изменения с 1953 по 1964 г. были достаточно заметными. Выросло число предприятий фабричной промышленности, причем особенно значительно в двух самых крупных городах — Рангуне и Мандалае. В Рангуне, например, оно увеличилось с 441 до 1068 единиц, или более чем на 140%, в Мандалае — на 45%, в остальных трех городах — на 10—20%. В целом по пяти городам число фабричных предприятий выросло на 92%. К рангунским и общим данным нужно сделать поправку. Между 1953 и 1964 гг. были резко расширены административные границы Рангуна, в результате чего население столицы за указанный срок более чем удвоилось. Поскольку Рангун был главным фабричным районом, ясно, что увеличение общего числа фабричных предприятий в городах произошло в значительной

степени (если не главным образом) именно за счет этого расширения его границ. Характерно, что общий прирост населения пяти городов за рассматриваемые годы почти полностью соответствовал приросту фабричных предприятий.

Другая картина наблюдалась в мелкой («домашней») промышленности. По предприятиям с 9 и менее рабочими Рангун и Мандалай дали большое сокращение. В целом по пяти городам число таких предприятий уменьшилось на 19%.

Если же взять все предприятия пяти городов, то за 1953—1964 гг. произошло их общее сокращение на 12%.

Как видно из приведенных городских данных, в одних случаях численность предприятий росла, в других — сокращалась. Процесс роста был в целом противоречивым и неровным. Это, собственно, и подтверждается статистикой конца 50-х — начала 60-х годов по фабричной промышленности (см. прил. 29).

9. РАБОЧИЙ КЛАСС И ВООРУЖЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Рабочий класс Бирмы, как уже говорилось, принял активное участие в национально-освободительном движении в послевоенные годы и внес существенный вклад в дело достижения государственной независимости страны. Это произошло несмотря на то, что промышленный пролетариат понес значительный численный урон за годы войны и что сократились важные его отряды. Активность рабочего класса в этих условиях явилась во многом результатом организующей роли компартии, впервые в истории Бирмы открыто вышедшей на арену общественной борьбы.

Борьба рабочих против империализма сочеталась с антиимпериалистическими выступлениями других социальных и политических слоев Бирмы, в том числе крестьян, городской мелкой буржуазии. Силу национально-освободительному движению в первые послевоенные годы придавало как раз единство действий различных потоков движения, ибо каждый из них, взятый в отдельности, был недостаточно силен для того, чтобы добиться успеха в одиночку. Следует, в частности, отметить политическую активность служащих, среди которых коммунисты также имели значительное влияние. Некоторые выступления служащих, в том числе и в особенности работников государственных учреждений, были подчас даже более эффективными, чем забастовки рабочих. Одна из причин этого состояла в том, что в послевоенной Бирме резко уменьшилось число относительно крупных промышленных предприятий, а вместе с ним сократились и сравнительно значительные концентрации промышленных рабочих. Концентрация же служащих в государственных учреждениях Бирмы была неизбежным следствием восстановления довоенной структуры власти с ее административными и другими органами.

Антиимпериалистическая борьба рабочего класса Бирмы в послевоенные годы была бы еще успешней, если бы не политические расколы в коммунистическом и национально-освободительном движениях страны. Первые такие расколы после войны произошли в 1946 г.

Сначала, в феврале — марте 1946 г., из Компартии Бирмы выделилась группировка во главе с Такином Со, бывшим генеральным секретарем партии, назвавшая себя «Компартией Красного флага». Эта организация порвала с единым фронтом — Антифашистской лигой народной свободы (АЛНС) — и всеми, кто в него входил, и первой в послевоенной Бирме ушла в джунгли, приняв тактику вооруженной партизанской борьбы, основывавшейся на воинственно-непримиримой левосектантской линии. Несмотря на то что группировка «Красного флага» была немногочисленной, появление и деятельность ее нанесли большой вред коммунистическому, рабочему и национально-освободительному движению в стране, ослабив компартию, рабочий класс и единый антиимпериалистический фронт в лице АЛНС.

В октябре 1946 г. последовал раскол уже внутри АЛНС, вылившийся в исключение из единого фронта Компартии Бирмы (в отличие от «Красного флага» ее стали иногда неофициально именовать «Компартией Белого флага»). Этот раскол подготавливался предшествовавшими событиями и отношениями, в особенности расхождением между большинством руководства АЛНС во главе с генералом Аун Саном и руководством компартии во главе с Такином Тан Туном. Последнее, пережив раскол в своих рядах в начале года и испытывая идейно-политическое воздействие ушедших из партии левацких элементов, само стало постепенно проявлять признаки левосектантских настроений, в частности недооценку тактики единого фронта.

Раскол АЛНС имел серьезные последствия. Он вызвал замешательство в рядах антиимпериалистических сил, ослабил влияние компартии. Часть членов последней осталась в АЛНС («коммунисты Аун Сана»). По имеющимся данным, в начале 1947 г. численность компартии составляла 4—6 тыс. человек [360, 1947, № 9, 103; № 10, 119]. При выборах в Учредительное собрание Бирмы в апреле 1947 г., в которых компартия приняла ограниченное участие, выступив только против крайне правых сил, от нее прошло 7 человек из 25 выдвинутых [см. подробнее 150, 371]. Раскол АЛНС способствовал дальнейшему ослаблению позиций компартии среди рабочих, особенно заметному в организационном плане. Хотя Всебирманский конгресс профсоюзов (ВКП), находившийся под руководством коммунистов, продолжал оставаться главным профцентром страны, набирал силы второй профцентр — Конгресс профсоюзов Бирмы (КПБ), которым руководила Социалистическая партия Бирмы, продолжавшая поддерживать АЛНС и ставшая в ней после исключения коммунистов главной политической группировкой и одновремен-

но основным идеологическим противником Коммунистической партии Бирмы.

Сомнения и колебания в компартии относительно создавшегося положения, конечно, были. Они проявились в возобновлении контактов с АЛНС и Аун Саном в начале 1947 г., в согласованной организации некоторых антиимпериалистических выступлений трудящихся. Особое стремление к восстановлению единства с АЛНС было проявлено в компартии в тяжелые для Бирмы дни после убийства 19 июля 1947 г. генерала Аун Сана, выдающегося бирманского политического деятеля и руководителя национально-освободительной борьбы. Это убийство было совершено агентами бирманской реакции, связанной с империализмом.

В резолюции ЦК Компартии Бирмы от 30 июля 1947 г. говорилось, что бирманский народ в целях спасения национально-освободительного движения любой ценой стремится к установлению единства АЛНС, лишившейся старого руководства, и компартии. Прежняя негативная линия партии в отношении правительства (временного правительства АЛНС) была названа в резолюции сектантской [353, 1947, № 11, 735—738].

Однако на практике выправить линию, восстановить единство или хотя бы элементарное взаимопонимание и доверие не удалось. Через два-три месяца после возобновления контактов с АЛНС (ее президентом после гибели Аун Сана стал У Ну[9]), отношения компартии и АЛНС вновь стали натянутыми и все ухудшались по мере приближения независимости.

После провозглашения независимости Бирмы 4 января 1948 г. взаимоотношения компартии и АЛНС, ставшей вместе с социалистами правящей коалицией, переросли в откровенно враждебные. В практику вошли взаимные угрозы, репрессивные меры властей. Обстановка все накалялась.

Такин Лвин[10] пишет: «Хотя существовало много причин для углубления противоречий между коммунистической партией и АЛНС, основная причина заключалась в том, что коммунисты считали независимость, предоставленную Бирме 4 января 1948 года, фикцией и называли ее „позолоченной пилюлей“, в то время как социалисты из АЛНС считали полученную независи-

[9] Это означало поправение руководства АЛНС, хотя политическая позиция У Ну в целом может быть лучше всего охарактеризована как центристская.

[10] В 1947 г. Такин Лвин был секретарем отдела труда АЛНС и был избран в Учредительное собрание. В 1948—1950 гг. он был президентом Конгресса профсоюзов Бирмы (руководимого соцпартией), а с сентября 1948 г. до января 1949 г. — министром труда, входя также в состав Исполкома АЛНС. Будучи левым социалистом и рабочим лидером, Такин Лвин с группой других левых социалистов в конце 1950 г. вышел из рядов правящей АЛНС и соцпартии и стал одним из основателей левой Рабоче-крестьянской партии Бирмы и левого профцентра — Бирманского конгресса профсоюзов [384, 80]. В данном случае важно то, что в период политического кризиса в Бирме в 1948 г. Такин Лвин был на постах, позволявших ему хорошо знать обстановку. Поэтому его оценки положения в стране в 1948 г. особенно интересны.

мость подлинной. Именно в этом лежал корень противоречий» [303, 168].

Тезис о невозможности достижения колониями государственной независимости под руководством национально-буржуазных сил был в то время широко распространен в международном коммунистическом движении. В ряде стран он был поставлен в порядок дня как руководство к действию, что означало переход к этапу вооруженной борьбы против национального правительства. В Бирме он также пустил глубокие корни. По-видимому, одной из конкретных причин этого была чрезвычайная слабость бирманской национальной буржуазии и наличие у левых сил оружия и опыта вооруженной борьбы, накопленных в период сопротивления японским оккупантам. Важную роль играл фактор благоприятной международной обстановки, характеризуемый ослаблением сил мирового капитализма и укреплением сил социализма. Эти и другие моменты способствовали радикализации ближайших целей и деятельности левых сил страны, подталкивали их на выступление против национально-буржуазного правительства[11] в попытке взять власть в свои руки.

Вот как ставил вопрос в одном из своих публичных выступлений в начале марта 1948 г. тогдашний генеральный секретарь Компартии Бирмы Такин Тан Тун: «Силы демократической революции идут вперед с тем, чтобы взять свою судьбу в собственные руки. Коммунистическая партия Бирмы прилагает ныне решающие усилия для объединения... различных потоков в одно общее революционное демократическое движение за подлинную независимость... Если национальная буржуазия, поддерживаемая англо-американским империализмом, настаивает на гражданской войне, что ж — она ее получит. Мы готовы ответить двойным ударом на удар, направленный против нас. Мы разнесем вдребезги объединенные силы империалистов, феодалов и буржуазии и установим подлинную независимость, народную демократию и прочный мир» [360, 25.VIII.1948, 415].

Март 1948 г. оказался месяцем быстрого обострения конфликта между компартией и правительством и перехода этого конфликта в вооруженную борьбу. В этом месяце бастовали рабочие нескольких английских предприятий в районе Рангуна. Нависла угроза забастовки государственных служащих. Имели место схватки бастующих и полиции. Отряды социалистической партии совершили налеты на типографии, напечатавшие материалы левой оппозиции с разоблачением социалистических лидеров.

[11] Строго говоря, власть в Бирме в 1948 г. находилась именно вследствие слабости национальной буржуазии не у нее, а у гораздо более широкого блока, включавшего помимо национальной буржуазии как левые мелкобуржуазные элементы, так и силы, находившиеся правее национальной буржуазии (феодалы национальных окраин). В этом блоке в первый период независимости были представлены, по нашему мнению, также некоторые круги инонациональной азиатской буржуазии в Бирме (главным образом индийского происхождения).

Политическая пресса и речи политических деятелей были вообще полны обвинений и контробвинений, взаимных угроз. В Рангуне состоялись политические митинги. Атмосфера неуклонно накалялась.

Мартовские забастовки проходили под руководством Всебирманского конгресса профсоюзов, примыкавшего к компартии. Бастовали рабочие семи рангунских предприятий, включая нефтяников «Бирма Ойл», рабочих лесопилок и доков. Это были наиболее крупные английские предприятия столичного района. Рабочие их, в большинстве своем индийцы [52, 15], составляли ядро ВКП. С января 1948 г. они уже не раз бастовали, борясь за повышение зарплаты, против увольнений и требуя национализации иностранной собственности. Их подталкивала на борьбу чрезвычайно возросшая стоимость жизни. Эти забастовки уже в начале 1948 г. вызвали столкновения с полицией.

В мартовских забастовках, по свидетельству Такина Лвина, приняло участие около 3,5 тыс. рабочих, в том числе 2,5 тыс. рабочих-индийцев [303, 168]. По-видимому, рабочих-иммигрантов было легче поднять на борьбу против правительства в условиях только что провозглашенной государственной независимости Бирмы. К тому же сказывалась сохранявшаяся специфика национального состава рабочих, особенно на английских предприятиях. Характерно, что помимо выдвижения указанных выше экономических требований бастующие настаивали на пересмотре ограничений, введенных на въезд в Бирму индийских рабочих, и на обеспечении за ними права отправки на родину денежных переводов из их зарплаты [303, 168].

У Чжо Ньейн, лидер соцпартии, занимавший тогда в правительстве АЛНС пост министра внутренних дел, обвинил возглавляемые компартией профсоюзы в преднамеренном подрыве порядка и спокойствия в стране [303, 168]. Последовали аресты некоторых руководителей бастующих, произошли бурные, на этот раз кровавые, столкновения с полицией. Около 100 бастующих были ранены полицейскими дубинками, 15 человек получили тяжелые телесные повреждения [303, 168—169]. Первоначальные сообщения говорили даже о двух убитых [358, 29.VIII.1948, 15]. Большинство среди пострадавших составляли рабочие-индийцы. Правительство было вынуждено передать требования бастующих в промышленный суд, который удовлетворил ряд из них [303, 169]. К началу апреля забастовки прекратились (сами по себе или были подавлены). Но к этому времени переменилась и вся политическая обстановка в стране: после принятия правительством решения об аресте коммунистов компартия в ночь с 27 на 28 марта 1948 г. ушла в подполье. Началась гражданская война[12]. Вскоре после этого ВКП был правительством распущен.

---

[12] О политико-идеологических основах гражданской войны в Бирме см. специально [231, 264—285; 194, 156—178; 335, 34—61].

Следует отметить, что мартовские забастовки рабочих английских предприятий района Рангуна были поддержаны рабочими и служащими других предприятий и учреждений (выдвигавшими свои экономические требования и угрожавшими начать забастовку). Всего в 1948 г. в стране произошло, по официальным данным, 130 трудовых конфликтов, в которых в общей сложности участвовали 76,4 тыс. рабочих и служащих (см. прил. 46). И все же мартовские забастовки в столичном районе показали, что силы рабочих даже в главном городском центре были довольно ограниченны, а меры подавления властями оппозиции — достаточно эффективны.

Большую роль в развитии дальнейших событий сыграла конференция крестьян, организованная компартией в середине марта 1948 г. Она была проведена в округе Пьинмана — в районе, где в годы антияпонского движения сопротивления находилась основная база коммунистов-партизан. В конференции участвовало, по разным данным, от 75 тыс. [52, 16] до 200 тыс. [360, 25.IX.1948, 415] крестьян. В любом случае это была действительно массовая конференция. Прошедшая под руководством компартии, конференция явилась демонстрацией поддержки компартии крестьянами. Это было вполне естественно, поскольку обезземеленное, пролетаризированное и разоренное войной крестьянство встречало у компартии неизменное внимание и сочувствие. Эта поддержка, несомненно, воодушевила Компартию Бирмы. Она произвела своей массовостью большое впечатление и на иностранных гостей конференции.

Но в данном случае важно было также другое. В условиях нараставших противоречий и конфликта между компартией и правительством, трудностей борьбы в городах и ограниченности задач забастовочного движения, которое в основном шло в русле экономических требований, крестьянская конференция в Пьинмане отразила поворот в политико-стратегическом и тактическом мышлении революционных сил Бирмы: трудное или невозможное для выполнения в городах и через города нужно сделать в деревнях, через деревни. Конференция в Пьинмане призвала к доведению «борьбы до успешного завершения», к «уничтожению АЛНС всеми возможными средствами» [см. 325, 49].

Таким образом, 1948 год стал годом большого поворота в коммунистическом движении Бирмы и вместе с тем важным рубежом в политической истории страны. Компартия перешла на путь длительной вооруженной борьбы (конечно, длительность ее заранее не планировалась — она была результатом развития событий). Произошло вынужденное перебазирование партии в сельские районы, перенесение центра революционного движения из города в деревню. Усилилась тенденция опоры партии на крестьянство, невольно ослаблялись ее связи с городами, с рабочим классом (хотя и это изменение наступило не как результат сознательной классовой переориентации, а как практическое след-

ствие новых условий и методов борьбы). Относительная изоляция очагов сельской революционной борьбы в Бирме от городов сопровождалась ростом изоляции другого, более серьезного характера. Речь идет о том, что в сложившейся обстановке не смогли наладиться устойчивые связи Бирмы с основным потоком мирового революционного движения. Неудивительно, что с течением времени, в 60-х годах, руководство бирманским коммунистическим движением было захвачено крайними левацкими элементами со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Метод политико-экономической забастовки в городе, рассчитанный на подрыв правительственной коалиции изнутри, был использован и в начале 1949 г.[13]. Речь идет о всеобщей забастовке государственных служащих, начатой 7 февраля 1949 г. под руководством Всебирманского союза государственных служащих (ВСГС), который, охватывая примерно 30 тыс. человек, был самым крупным профсоюзом Бирмы[14]. Формальным основанием для нее послужило объявленное правительством в январе 1949 г. снижение жалованья государственным служащим (чиновникам и низшим категориям служащих — на 15—30%) [335, 39, прим. 5] и некоторое сокращение штатов ввиду отчаянно плохого финансового положения страны. Однако ни для кого не было секретом, что это была прежде всего антиправительственная политическая акция, организованная левыми в целях свержения правительства. Путем репрессий, разгона ВСГС, ряда уступок и маневров правительству, которому одновременно пришлось вести ожесточенные бои с каренскими повстанцами под самым Рангуном, с большим трудом удалось овладеть своей вышедшей из повиновения административной машиной и как-то стабилизировать положение. Около 200 участников забастовки государственных служащих ушли в подполье, в джунгли, присоединившись к вооруженным повстанцам из Компартии Бирмы и Партии народных товарищей [303, 171—172].

После забастовки государственных служащих в феврале 1949 г. такого рода политико-экономических акций в истории не-

---

[13] К этому времени антиправительственная вооруженная борьба резко усилилась. Кроме компартии в джунгли ушли основная масса Народной добровольческой организации (позже — Партия народных товарищей), созданной еще в 1945 г., и почти три батальона бирманской армии. В тот же период расширилось правое сепаратистское восстание каренов, связанное с происками империализма и угрожавшее самой столице Бирмы.

[14] ВСГС был образован в 1946 г. Состав его отличался пестротой, но большинство членов были мелкие чиновники, конторские служащие, полицейские. Он не входил во Всебирманский конгресс профсоюзов, однако в руководстве его были сильны левые, в том числе коммунисты. ВСГС принял активное участие в национально-освободительном движении в 1946—1947 гг. В сентябре 1946 г. всеобщая забастовка его членов, включая полицейских, явилась, несомненно, тем решающим ударом, который заставил колонизаторов пойти на сформирование исполнительной власти (исполнительного совета) с большинством от АЛНС. После раскола Антифашистской лиги ВСГС сохранил свою формальную независимость [303, 110—111, 171, 172; 52, 10—11].

зависимой Бирмы более не было. Можно сказать, что этой забастовкой завершился этап борьбы, характерной для периода движения за независимость и отчасти для первых лет независимости, когда сохранялись многие прежние условия, и в особенности инерция прежней политической психологии у многих активных участников национально-освободительного движения.

10. РАБОЧИЙ КЛАСС И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Гражданская война поставила рабочий класс, рабочее движение Бирмы в новые, гораздо более сложные и тяжелые условия. В связи с уходом компартии в подполье, подчеркивает Такин Лвин, «ее рабочие профсоюзы оказались в трудном положении» [303, 171]. А. С. Кауфман в предисловии к книге Такина Лвина отмечает, что ушедшая в подполье партия начала терять нормальные связи с массами и это поставило ее в трудное положение и сказалось на масштабах и характере рабочего движения [см. 303, 17]. Обстановка усугублялась также политическими расколами на легальном уровне, в том числе в правящем лагере. В целом получилось так, что «вместо укрепления единства рабочего класса при опоре на единый национальный фронт», как пишет Такин Лвин, пришлось иметь дело «с фактом раскола рабочего и национального движения. На протяжении 20 лет (с 1945 по 1964 г.) силы рабочего класса не раз оказывались разобщенными в политическом, экономическом и социальном плане» [303, 118—119].

И тем не менее, хотя расколы, восстания, как и происшедшие ранее ломка структуры и сокращение рядов промышленного пролетариата, создали большие помехи на пути рабочего движения в Бирме, оно продолжалось. При этом имели место определенные новые явления.

Изменилась прежде всего общая направленность рабочего движения, в особенности если рассматривать его на протяжении всего первого периода независимости в сравнении с ее кануном. До 1948 г. движение рабочего класса в Бирме было движением, направленным почти полностью против иностранного (империалистического) капитала, и в борьбе рабочих классовый и национальный моменты тесно переплетались, фактически были неразрывными. После достижения Бирмой независимости в 1948 г. стала возрастать доля рабочих и предпринимателей бирманского (местного) происхождения, а доля иностранных предпринимателей и рабочих — падать. Вследствие этого национальный момент в рабочем движении начал ослабевать, а классовый — усиливаться. Эта тенденция постепенно все возрастала и была принципиально очень важна: она соответствовала общей закономерности перехода рабочего движения от временных, специфических, свойственных ему в условиях освобождающихся стран

национальных задач к классовым, постоянным, имманентным задачам рабочего движения, т. е. к борьбе против капитала как такового, капитала не только «чужого», но и «своего».

Не следует упрощать проблему этого перехода: выступить против иностранцев, «чужих», было в определенном смысле легче, чем против соотечественников, «своих». Но несомненно и другое: необходимость продолжения в тех или иных масштабах борьбы против иностранного капитала и его остатков в период независимости придавала рабочим силы и для начала борьбы против национальных капиталистов.

Рабочее движение в независимой Бирме унаследовало приобретенные им в период колониализма основные формы организации и методы борьбы — классовые организации рабочих, забастовки и т. д. При этом возрос уровень профессиональной организованности рабочих. Большой первоначальный вклад внесла здесь компартия, приступившая к воссозданию профсоюзов и профцентра в середине 1945 г., еще до полного освобождения Бирмы от японских оккупантов, и заложившая основы послевоенного профсоюзного движения в стране.

После ухода компартии в джунгли и роспуска Всебирманского конгресса профсоюзов основным профсоюзным центром стал Конгресс профсоюзов Бирмы, находившийся под руководством соцпартии и примыкавший к АЛНС. Часть профсоюзов, входивших ранее в ВКП, вступила в этот центр. Другие остались независимыми. В соцпартии и ее организациях в то время даже на уровне руководства имелись прогрессивные левые деятели. Одним из них был Такин Лвин. В конце 1950 г. группа левых социалистов, включая Такина Лвина, председателя КПБ, вышла из состава Социалистической партии Бирмы и АЛНС и создала прогрессивную легальную Рабоче-крестьянскую (затем Рабочую, а еще позже Объединенную рабочую) партию Бирмы. В феврале 1951 г. Конгресс профсоюзов Бирмы, который в большой мере пошел за левыми социалистами, был преобразован в Бирманский конгресс профсоюзов (БКП), а прежнее название — Конгресс профсоюзов Бирмы (КПБ) — осталось за профцентром соцпартии, который с тех пор до нового раскола АЛНС в 1958 г. был официальной профсоюзной организацией, находившейся под покровительством властей. После раскола АЛНС в 1958 г. и создания Союзной партии Бирмы во главе с У Ну Конгресс профсоюзов Бирмы вновь пережил раскол. Из него выделился новый профцентр — Организация труда Бирманского Союза (ОТБС), руководимая Союзной партией. В период нахождения этой партии у власти в 1960 — начале 1962 г. ОТБС в свою очередь была официальным профсоюзным центром.

Образование в 1951 г. классово-активного, хотя и сравнительно небольшого, левого профцентра в лице БКП явилось в создавшихся условиях очень важной для рабочего движения мерой. С ее помощью удалось хотя бы частично закрыть ту брешь в классо-

вом руководстве профсоюзами, которая возникла после ухода компартии в джунгли и роспуска ВКП. Существование и деятельность БКП не дали возможности властям превратить рабочее движение Бирмы в 50-х годах, в пору его фактического становления в условиях независимости, в послушное орудие правительственной политики.

Общее число членов профсоюзов в Бирме в 50-х — начале 60-х годов оценивалось по-разному. Примерно 600 тыс. — в 1953 г., 500 тыс. — где-то в 50-х годах, 400 тыс. — перед расколом АЛНС в 1958 г., 200 тыс. — после раскола АЛНС, в начале 60-х годов [303, 77—78; 116, 37], — таковы имеющиеся данные, варьирующие от предположений и общих грубых оценок до официальной информации. Цифра 500 тыс. (организованных трудящихся) принадлежала как раз официальным источникам. Надежность всех этих данных, включающих сведения как по зарегистрированным, так и по незарегистрированным профсоюзам, проверить трудно. Очевидно, например, что местные профорганизации и общие профцентры могли представлять завышенные данные, особенно по незарегистрированным профсоюзам. Это могло делаться как из соображений престижа, так и в целях оказания давления на правительство и предпринимателей. Имея в виду указанное, справедливо, по-видимому, считать, что во второй половине 50-х — начале 60-х годов число членов профсоюзов в Бирме было не между 500 тыс. и 400 тыс., а между 400 тыс. и 200 тыс. Во всяком случае, согласно сообщению представителя БКП У Мьо Мина, сделанному в конце 1961 г. в Институте востоковедения АН СССР, во всех профцентрах Бирмы тогда насчитывалось примерно 230 тыс. человек. Понятно также, что после раскола АЛНС в 1958 г., вызвавшего большое политическое напряжение в стране, ограничение свободы общественно-политической деятельности и меры ужесточения регистрации профсоюзов [см. 79, 345—346], общее число организованных трудящихся должно было действительно сократиться по сравнению с предшествовавшими годами. Тенденции к профессиональному объединению рабочих и служащих Бирмы противостояла другая тенденция, находившая выражение в пассивности части трудящихся, в их нежелании подключаться к общественной борьбе в условиях раскола правящего лагеря и риска возможных репрессий.

Наиболее крупными профцентрами Бирмы были официальные организации. В 1948—1958 гг. это был Конгресс профсоюзов Бирмы, в 1958 — начале 60-х годов — Организация труда Бирманского Союза. По официальным данным, в начале 1956 г. КПБ объединял около 500 профсоюзов, в которых насчитывалось свыше 150 тыс. членов. Через два года число членов КПБ оценивалось в 200 тыс. [303, 19]. После раскола 1958 г. численность членов КПБ резко упала. В 1961 г. она, по данным У Мьо Мина, оценивалась всего в 30 тыс. человек. В то же время вновь возникший профцентр — ОТБС — набирал силы. После прихода к вла-

сти Союзной партии и под ее покровительством ОТБС стала насчитывать 150 тыс. членов.

За левым профцентром — Бирманским конгрессом профсоюзов — при его создании, по данным Такина Лвина, пошли 154 профсоюзные организации с более чем 50 тыс. членов прежнего КПБ [303, 127]. В дальнейшем число членов БКП было, судя по всему, довольно стабильным. По сведениям У Мьо Мина, на конец 1961 г. в БКП входили 50 тыс. человек.

Определить долю рабочих в общей массе организованных в профсоюзы трудящихся также довольно трудно, касается ли это общенациональных данных или отдельных данных по профцентрам. Предположительно от трети до половины всех членов профсоюза составляли служащие. Профсоюзы учителей, конторских работников и других категорий служащих были в Бирме сравнительно многочисленны. В БКП удельный вес служащих должен был быть, скорее всего, ниже, чем в официальных профцентрах.

Наиболее надежные и подробные сведения о профсоюзах содержала статистика зарегистрированных профсоюзов. Она охватывала, конечно, лишь часть профсоюзов, а в отдельные годы — даже весьма незначительную часть. Но она дает наглядное представление о характере и структуре профсоюзов в первый период независимости.

Динамика профсоюзов и их членов в 1946—1961 гг. отражена в прил. 43. С 1948 по 1957 г. число зарегистрированных профсоюзов выросло с 92 до 371, а число их членов — с 27 тыс. до 54,2 тыс. И по числу профсоюзов, и по числу членов это было выше довоенного уровня, когда официально речь шла о примерно 50 профсоюзных организациях и 40 тыс. членов профсоюзов (см. параграф 9, гл. III данной работы). Очевидно, что по всем профсоюзам, включая незарегистрированные, цифры 1957 г. многократно превышали уровень, существовавший до провозглашения независимости.

На самом рубеже 50—60-х годов число зарегистрированных профсоюзов и их членов резко упало. Это было вызвано прежде всего изменением условий регистрации и последовавшим за этим вычеркиванием из регистрационных списков многих профсоюзов. До 1959 г. профсоюз можно было создать при наличии семи человек, вступающих в него, причем половина членов исполкома могла состоять из лиц, не работающих на данном предприятии. По новому закону для образования профсоюза требовалось не менее 10 вступающих и число членов профсоюза должно было составлять не меньше половины всех работающих на данном предприятии (или в учреждении) [303, 74—76]. В целом поправки преследовали цель ослабить политические влияния в профсоюзах, особенно оппозиционные. Изменение в законе о регистрации профсоюзов привело к тому, что в 1961 г. число зарегистрированных профсоюзов понизилось до 134, а членов проф-

союзов — до 20,3 тыс. Правда, имеется разнобой в данных. По официальным сведениям, на 31 октября 1961 г. в Бирме было уже 173 зарегистрированных профсоюза с 64,5 тыс. членов (см. прил. 43 и 45).

Весьма интересны данные об отраслевой структуре зарегистрированных профсоюзов и их членов (см. прил. 44 и 45). Хотя эти данные также частичные, обращает на себя внимание, что профсоюзы работников транспорта в 1953 г. и работников транспорта и связи в 1961 г. составляли соответственно 28 и 33% общего числа зарегистрированных профсоюзов при 54 и 46% их членов. Вместе же с профсоюзами, фигурировавшими как прочие (самые мелкие), это давало значительно больше половины по обоим показателям. При этом известно, что самым крупным из профсоюзов Бирмы в начале 50-х годов (после распада Всебирманского союза государственных служащих) был профсоюзный центр железнодорожников, численность его членов держалась до раскола профсоюза в 1954 г. на уровне 20 тыс. [323, 58]. Следовательно, более трети зарегистрированных членов профсоюзов в Бирме в 1953 г. были железнодорожники. Несомненно, что и в 1961 г. число членов профсоюзов железнодорожников было относительно самым большим. Кстати, приведенные в прил. 45 данные 1961 г. были последними развернутыми официальными данными о структуре и численности профсоюзов перед приходом к власти Революционного совета.

Таким образом, к концу рассматриваемого периода положение с профсоюзами в Бирме в целом ухудшилось. Это касалось как зарегистрированных, так и незарегистрированных союзов. Сказались новые политические конфликты, на сей раз в правящем лагере, который раскололся на группировку У Ну («чистую» АЛНС, потом превратившуюся в Союзную партию Бирмы) и группировку правых социалистов («стабильную» АЛНС, потом ставшую просто АЛНС). Процесс организационной консолидации рабочего класса, частично шедший до 1958 г., приостановился и даже дал обратный ход. Наступил период новой дезориентации и дезорганизации рабочего класса.

О ходе борьбы рабочих с предпринимателями в рассматриваемый период можно судить на основании официальных серийных данных по трудовым конфликтам (см. прил. 46, 47, 48). Как видно из этих данных, число трудовых конфликтов в независимой Бирме сильно возросло, возросло также и число их участников. В период между двумя мировыми войнами (1921—1936) было зарегистрировано 108 трудовых конфликтов и 120 тыс. их участников, в 1948—1963 гг. — соответственно 1762 и около 382 тыс. При расчете на год в среднем было 6—7 конфликтов, а стало 110, было 7,5 тыс. бастующих, а стало почти 23,9 тыс. Иными словами, число конфликтов увеличилось примерно в 16 раз, а бастующих — более чем в 3 раза.

Эти показатели безусловно свидетельствовали об активиза-

ции борьбы рабочих и служащих за свои права. Выдвижение требований предпринимателям, угроза остановки работы или сама забастовка стали гораздо более распространенным явлением, что свидетельствовало об осознании все большей массой трудящихся своих классовых интересов, о дальнейшем ходе процесса превращения рабочего класса в «класс для себя». Это тем более так, что официальные данные, по мнению профсоюзов, преуменьшали количество трудовых конфликтов. Так, в сравнении с официальными данными (см. прил. 46) число трудовых конфликтов, по сведениям профсоюзов [см. 303, 170—171, 174—175, 178], составляло в 1948 г. не 130, а 214, в 1949 г. — не 15, а 93, в 1950 г. — не 54, а снова 93.

Отмечаются изменения и в удельном весе потерянных в трудовых конфликтах человеко-дней. Однако в этом отношении, по официальным данным, произошло падение показателей[15]. В довоенные десятилетия в результате забастовок ежегодно терялось в среднем более 61 тыс. человеко-дней, в 1948—1963 гг. — около 13 тыс. (см. прил. 47). Это было уменьшением почти в 5 раз.

Обращают на себя внимание и другие исчисляемые показатели забастовочной борьбы. Особенно характерны показатели, сделанные в расчете на одну забастовку и одного участника забастовки по довоенным данным и по данным первого периода независимости. Здесь падение было наиболее резко. На одну забастовку в довоенный период приходилось свыше 1,1 тыс. участников, а в 1948—1963 гг. — чуть более 0,2 тыс.; в результате одной забастовки в довоенный период терялось в среднем около 11 тыс. человеко-дней, в рассматриваемые же годы — примерно 0,1 тыс. В обоих случаях, особенно в последнем, сокращение было очень сильным. К этому можно добавить, что в довоенный период одному участнику забастовки соответствовало более 12 потерянных человеко-дней, в 1948—1963 гг. — всего 0,5 (см. прил. 47).

Итак, по числу забастовок и их участников забастовочная борьба в годы независимости усилилась. Мощность же забастовок с точки зрения числа участников каждой забастовки и ее продолжительности явно ослабла.

Объяснить это ослабление можно различным образом. Одна из причин состояла, несомненно, в том, что Бирма достигла долгожданной государственной независимости и в общенациональных интересах было осуществление планов экономического восстановления и развития с минимальными помехами. Это соображение оказывало влияние и на мышление части потенциально бастующих. Другой причиной было то, что официальные профцентры в ряде случаев оказывали на рабочих давление с целью

---

[15] Следует учитывать, что данные о потерянных человеко-днях по довоенному периоду являются неполными и охватывают только 13 лет (1922, 1925—1936 гг.) (см. прим. к прил. 26 и 47).

удержания их от забастовок или прекращения последних, если они уже начались. Вместе с тем сыграло свою роль и то важное, неоднократно упоминавшееся выше обстоятельство, что промышленный рабочий класс Бирмы стал после войны более «мелкопромышленным»; распался или сократился ряд прежних больших производственных коллективов рабочих; уменьшилась концентрация рабочих в прежних центрах промышленности, даже в Рангуне; изменился состав промышленных рабочих, принявших в свою среду полупролетарские, совсем еще классово-отсталые элементы.

Весьма интересны обобщенные за 16 лет (с 1948 по 1963 г.) отраслевые данные о трудовых конфликтах (см. прил. 48). Они недвусмысленно подчеркивают роль крупных производств и отраслей в забастовочной борьбе. В общем числе трудовых конфликтов нефтеперерабатывающая промышленность Бирмы, например, не занимала большого места. Однако она дала примерно четверть всех участников забастовок и почти половину потерянных человеко-дней. Любопытно при этом и другое: из 96,4 тыс. участников забастовок в нефтеперерабатывающей промышленности за все 16 лет (с 1948 по 1963 г.) 41,6 тыс. бастовали в одном 1948 г. Потерянные в результате забастовок рабочих этой отрасли в 1948 г. человеко-дни составили свыше трети всех человеко-дней, которые пропали в результате всех забастовок за весь 16-летний период (73,8 тыс. из 203,5 тыс.) [см. 84, 1957, I кв., 12]. Этот факт подчеркивает незначительные масштабы громадного большинства других трудовых конфликтов.

Подытоживая, подчеркнем, что рабочее движение в Бирме после достижения независимости отразило как перемену в общих государственно-политических условиях, так и изменения, которые произошли в самом рабочем классе — его составе, численности и т. д. Это движение на рубеже 40—50-х годов вступило в новый этап, оно начало совершать неизбежный поворот от выступлений чисто антиколониально-антиимпериалистических, национальных к выступлениям классовым, направленным против капиталистов как капиталистов, включая и «своих» — бирманских. Калибр последних, а вместе с тем и масштабы борьбы рабочих против них были относительно невелики, но в сущности это была борьба, поднимавшая рабочее движение на ступень выше.

Процесс превращения «класса в себе» в «класс для себя», следовательно, продолжался, несмотря на то что число кадровых рабочих уменьшилось в результате войны и приток новых сил в промышленность шел в основном за счет местных пролетарских и полупролетарских элементов, еще мало знакомых с классовой борьбой.

Приведенные выше данные о росте профессионально-классовой организованности, об увеличении числа трудовых конфликтов свидетельствуют о накоплении опыта классовых выступле-

ний рабочих. Но если отвлечься от повстанческого политического движения в стране, рабочее движение в Бирме в основном развивалось как экономическое. Его даже можно формально упрекнуть в «экономизме», хотя с учетом лишь недавно достигнутой независимости, внутренних вооруженных конфликтов и уровня самого рабочего движения эта тенденция была вполне объяснимой и закономерной.

К концу периода рабочее движение в Бирме оказалось в трудном положении. Новое общенациональное испытание, связанное с расколом АЛНС в 1958 г. и его последствиями для политической жизни в стране, было тяжелым и для рабочего движения. На рубеже 50—60-х годов последнее характеризовалось усилением раскола, нестабильностью и разнобоем среди руководивших движением политических групп, ослаблением борьбы даже за текущие экономические интересы, уязвимостью перед лицом репрессий. Рабочий класс после раскола АЛНС выглядел растерянным и не находился в первых рядах общественного движения.

Конечно, даже мощное рабочее движение испытывает периоды спада и не застраховано от тех или иных ударов политической стихии. Но очевидно, что слабое рабочее движение при равных условиях страдает гораздо сильнее. Это и показала обстановка в Бирме в конце 50-х — начале 60-х годов. При этом в полной мере сказалась малочисленность и распыленность промышленного пролетариата Бирмы, его «мелкопромышленный» характер.

Серьезные слабости рабочего класса и рабочего движения в стране накануне взятия власти Революционным советом (в числе других черт сложной и запутанной обстановки) явились одним из важных факторов последующих событий.

ГЛАВА V

НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ НЕЗАВИСИМОЙ БИРМЫ (С МАРТА 1962 г.): ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

1. ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ПОЛИТИКИ РЕВОЛЮЦИОННОГО СОВЕТА

Существуют различные оценки режима, установленного в Бирме в результате прихода к власти 2 марта 1962 г. Революционного совета во главе с генералом Не Вином [1]. Однако общим для всех этих оценок является то, что авторы их так или иначе отмечают «перерыв постепенности», переход страны в новое качественное состояние, наступление нового этапа ее развития.

И это соответствует действительности. Ибо, идет ли речь о подчеркивании социального начала в деятельности новой власти, как это в основном свойственно подходу прогрессивных исследователей, или же о стремлении свести эту деятельность исключительно к проявлениям мощного «духа национализма» и даже «нелюбви к иностранцам» (ксенофобии), что имеет место в буржуазных обобщениях[2], — в обоих случаях предпосылкой суждений выступает признание значительности и радикальности как программы, так и практических усилий Революционного совета. Это признание, несомненно, сохраняется и тогда, когда стоят на точке зрения тесного переплетения социального и националистического начал в идеологии и деятельности новой власти с преобладанием в зависимости от условий и времени то одного, то другого из названных начал.

В событиях 2 марта 1962 г. народ не участвовал. Это была исключительно армейская акция. Революционный совет пришел

---

[1] В 1974 г. в Бирме была введена новая конституция и Революционный совет был распущен. Однако в связи с четко преемственным характером политической власти, провозглашенной этой конституцией, здесь и ниже под периодом Революционного совета обычно имеется в виду весь период развития Бирмы с марта 1962 г. В необходимых случаях в тексте делаются соответствующие оговорки или уточнения.

[2] Националистические мотивы деятельности Революционного совета подчеркиваются, например, в статьях М. Р. Пфаннер [316, 211, 262] и Л. Д. Стайфеля [328, 804—805].

к власти как военная организация, сознательно противопоставленная существовавшим в стране гражданским политическим силам. Однако события 2 марта 1962 г. не были путчем. Они значили больше, чем замена гражданской власти властью военных, и больше, чем свержение одного правительства другим. Это подтверждают полтора десятилетия развития Бирмы с весны 1962 г. Революционный совет — организация высших радикально настроенных офицеров бирманской армии, возникшей еще в начале 40-х годов как армия борьбы за независимость Бирмы, выступил идеологом и организатором поворота в развитии страны. Он заявил о своем стремлении провести крупные общественные преобразования и провозгласил в качестве генеральной цели социализм, взяв на себя верховное руководство страной, которое осуществлял вплоть до реорганизации политической структуры Бирмы в 1974 г. в соответствии с выработанной под его началом новой конституцией.

30 апреля 1962 г. Революционный совет принял политическую декларацию «Бирманский путь к социализму», которая и является с тех пор главным программным документом нового этапа развития страны [здесь и ниже см. 42, 142—149; 60]. Декларация отвергла системы эксплуатации человека человеком и путь буржуазной парламентарной демократии для Бирмы. Провозглашая задачу построения социалистического общества в Бирме, декларация объявила основой социалистической экономики государственную собственность. Основные средства производства, экономические высоты в стране подлежали национализации, другие — превращению в кооперативную собственность. В отношении частного предпринимательства говорилось, что оно будет разрешаться с разумными и справедливыми ограничениями, если будет вносить вклад в развитие национальных производительных сил. Революционный совет подчеркивал, что в своем движении к социализму он будет опираться преимущественно на союз крестьян и других трудящихся, составляющих огромное большинство нации. Авангардом и стражем социалистического государства декларация объявила крестьян и рабочих. Декларация наметила ряд мер, в том числе создание новых массовых и классовых организаций и новой политической партии. Эта партия была вскоре квалифицирована как подлинный политический руководитель революции, который должен был занять место военной организации, каким был Революционный совет. Она получила название Партии бирманской социалистической программы (ПБСП) [42, 186]. Главными среди новых массовых организаций стали народные рабочие и народные крестьянские советы.

Как видно, программа Революционного совета была сформулирована широко и серьезно. Неудивительно, что она встретила поддержку трудовых демократических слоев Бирмы и вызвала интерес и симпатию мировой социалистической общественности. Только со стороны буржуазных кругов и некоторых левых, осо-

бенно ультралевых, элементов (как внутри Бирмы, так и за ее пределами) к ней было проявлено враждебное отношение.

Хотя политическая декларация «Бирманский путь к социализму» не является марксистским документом, ее, как, впрочем, и другие, выпущенные позже теоретические документы Революционного совета и ПБСП[3], отмечает явное воздействие общих идей, ценностей и конкретных положений научного социализма.

Программа социалистической ориентации, выдвинутая Бирмой в 1962 г., соответствовала прогрессивным тенденциям мирового развития. При этом Бирма была в числе первых развивающихся стран, выступивших с такой программой.

Сама попытка практического осуществления программы социалистической ориентации обусловлена прежде всего благоприятным для этого соотношением сил на мировой арене, созданным мощью и авторитетом социалистических стран. Без защитного прикрытия со стороны мирового социализма любая мера социалистического характера в Бирме и других развивающихся странах подавлялась бы империализмом в самом зародыше.

В бирманской программе социалистической ориентации можно, несомненно, отметить ряд специфических моментов. Она, например, не предусматривает прямых связей с мировым социализмом, выступает как бы сама по себе, отдельно, с тенденцией к самоизоляции страны, хотя в программе в общем виде говорится об использовании прогрессивных мировых идей и опыта [см. 42, 143].

Программа не раз упоминает переходный период, однако экономические проблемы его остались по существу неразработанными, что на практике приводило к разного рода недостаткам, к смешению некоторых перспективных и ближайших задач.

В программе «Бирманский путь к социализму» и других документах делается упор на народ, на трудящихся. Однако при раскрытии этого понятия на первое место обычно ставятся крестьяне, на второе — рабочие. Так обстоит дело и в бирманской конституции 1974 г. Это, конечно, не случайно. Сказываются определенные классовые реальности нынешней Бирмы, в особенности социальные истоки власти, факты немногочисленности и раздробленности промышленного пролетариата страны и огромного преобладания в населении крестьянства и мелкой буржуазии. Проявляется также стремление отмежеваться от некоторых позиций Компартии Бирмы.

---

[3] См.: «Устав Партии бирманской социалистической программы на переходный период ее строительства»; «Философия Партии бирманской социалистической программы. Система взаимоотношений человека и окружающей его среды»; «Специфические черты Партии бирманской социалистической программы»; «Платформа Партии бирманской социалистической программы. Партийные и организационные задачи Партии бирманской социалистической программы» [42, 186—243]; «Конституция Социалистической Республики Бирманский Союз» [41а; 71].

Как отмечается в одном из изданий Партии бирманской социалистической программы, «в Бирме силы, верящие в социализм и социалистическую систему и принимающие ее, появились из движения еще не консолидированного рабочего класса, класса крестьян и мелкобуржуазных классов, а также из истории общественного развития» [351, 1972, № 4]. С этим утверждением можно согласиться. Но нельзя не признать, что в оценке классовых основ продвижения Бирмы к социалистической цели и в практике преобразований допускается известная недооценка рабочего класса, которая затрудняет решение определенных политических и экономических задач.

В своей практической деятельности новый режим в Бирме в истекшие годы исходил в целом из основных принципов и положений декларации «Бирманский путь к социализму». Некоторые из этих принципов и положений находятся в стадии осуществления. Революционный совет выступил, несомненно, как крупнейший коллективный реформатор Бирмы.

Преобразования, проведенные под руководством Революционного совета после 1962 г., принципиально имеют антиимпериалистическую (антиколониальную), антифеодальную и антикапиталистическую направленность. В этом была как сила подхода (учет широкого спектра реально существующих общественных противоречий в стране при осуществлении задач по глубокому преобразованию общества ради социалистической перспективы), так и его слабость (одновременность постановки сложнейших проблем, которые даже в самых благоприятных условиях революции в экономически слаборазвитой стране могут решаться только поэтапно). Реформы Революционного совета затронули политическую, экономическую, социальную, административную, правовую, судебно-юридическую, партийно-организационную, военную, воспитательно-образовательную, культурную и моральную области жизни страны и народа.

Основные факты и многие аспекты развития Бирмы с марта 1962 г. уже не раз освещались в советских публикациях о Бирме, которые довольно многочисленны[4]. Поэтому остановимся лишь на том, что представляется главным.

Очевидно, что изменились характер власти, ее социальная опора, политическая система, ставшая однопартийной. Была создана новая политическая надстройка, оформившаяся в своем наиболее полном виде после введения конституции 1974 г. Эту надстройку олицетворяют ныне прежде всего руководящая политическая сила страны — Партия бирманской социалистической

---

[4] Укажем на некоторые книги, брошюры, статьи И. П. Азовского [130—132], С. А. Былиняка [148], Ю. Н. Гаврилова [158; 159], А. Ф. Жабреева [176; 177; 341, 1976, № 1], В. И. Илюшенко [204а], А. С. Кауфмана [192; 194], В. П. Кудинова [206; 207], С. М. Макаровой [219; 220], А. Ф. Малова [221; 222], И. В. Можейко [231], А. П. Мурановой [233], А. Н. Узянова [231; 283; 284], Р. А. Ульяновского [285—288], автора этих строк [151; 152; 297[.

программы, а также новые рабочие и крестьянские организации и вновь созданные молодежные организации. Возникли новые государственные органы, избранные в 1974 г. в соответствии с новой конституцией, такие, как высший орган власти — Народное собрание, другие органы центральной власти и местные органы власти — народные советы (административные).

Неизмеримо усилилась роль государства. Вообще резко возросло применение принципа централизма во всей государственной и общественной жизни, в том числе в больном для Бирмы вопросе национально-этнической консолидации. Как и ряд других развивающихся стран, Бирма, по-видимому, нашла в централизме необходимое предварительное условие для организации прогресса. Укрепились суверенитет и государственная независимость страны.

Помимо политических перемен крупные перемены произошли в социально-экономической сфере. Они охватили отношения собственности, роль государства в экономике, положение различных социально-классовых сил (самих по себе и относительно друг друга).

Под руководством Революционного совета Бирма за несколько лет освободилась от экономических оков (а заодно и политического влияния) старого, колониального по происхождению и положению, иностранного частного капитала, прежде всего английского, а также индийского и китайского. Это сняло некоторые деформации, которые сложились за долгие десятилетия колониального господства и в значительной мере сохранялись после 1948 г., будучи связанными с гипертрофией иностранной буржуазии в составе всей буржуазии Бирмы. Почти одновременно стала сильно ограничиваться национальная и — фактически — мелкая буржуазия. Особенно это коснулось тех слоев, которые были связаны с прежним режимом. Были подорваны позиции крупных землевладельцев, ростовщиков, феодальных князей на национальных окраинах. В конечном счете западный частный капитал был вытеснен полностью, сколько-нибудь значительный азиатский иностранный капитал — также, национальный капитал был серьезно ограничен, выбит из колеи и в ряде отраслей вообще перестал функционировать.

В то же время в соответствии с программными установками был поднят статус трудящихся масс страны. Они стали рассматриваться как субъект и объект осуществления поставленных Революционным советом целей. Был проведен ряд прогрессивных законов, направленных на улучшение жизни и труда крестьян и рабочих.

Новые законы защищают землю и имущество крестьян-должников от захвата ростовщиками и обеспечивают безземельным устойчивую аренду земли. По поправке 1965 г. к закону о земельной аренде арендаторы были освобождены от арендных платежей землевладельцам, что было равносильно фактической

(не юридической) ликвидации владельческих прав последних на землю. Часть безземельных получила наделы. Возросла финансовая и техническая помощь государства сельскому хозяйству и крестьянам.

Государство поддержало борьбу рабочих и служащих против предпринимателей в тысячах трудовых конфликтов. Собственники предприятий были вынуждены пойти на удовлетворение многочисленных требований трудящихся, в особенности связанных с оплатой труда. Претензии трудящихся выдвигались и удовлетворялись и в рамках государственного сектора. В самом госсекторе было расширено применение официально установленного минимума зарплаты, который был затем увеличен. Была создана система государственной бесплатной медицинской помощи.

Государство предприняло серьезные усилия для развития кооперативного движения. Эти усилия особенно возросли после принятия в мае 1970 г. закона о кооперативных обществах, предусматривающего широкое развитие (реорганизацию) кооперации в деревнях и городах страны. Всего было намечено создать свыше 24 тыс. кооперативов с более чем 10 млн. членов, в том числе 10 тыс. потребительских с 5 млн. членов [373, 29.V.1970]. В 1973/74 г. в стране имелось 17,7 тыс. кооперативов, в основном деревенских снабженческо-сбытовых, в которых состояло почти 6,5 млн. членов [47, табл. 106].

Революционный совет обеспечил большой рост школьного образования, которое бесплатно до 8 класса включительно; реорганизацию, расширение и демократизацию высшего образования; широкую программу ликвидации неграмотности среди взрослого населения.

Таковы наиболее важные стороны политики Революционного совета и перемены в общем строе Бирмы после 1962 г., которые прежде всего отмечают, когда хотят подчеркнуть характерные черты нового этапа развития страны. Многие из этих сторон и перемен представляют собой несомненные достижения нового режима и одновременно — исходные пункты для дальнейшего прогресса.

Как уже указывалось, перемены в Бирме получили подтверждение и дальнейшее развитие в конституции 1974 г., которая провозгласила страну Социалистической Республикой Бирманский Союз, «суверенным, независимым социалистическим государством трудящихся» [см. 41а]. Значение этой конституции прежде всего в том, что она в качестве основного закона закрепила новый путь Бирмы, объявила достижение социалистической цели государственной задачей и ввела новую государственную структуру, сформулировав принцип выборной гражданской власти.

В ходе своей реформаторской деятельности Революционный совет встретился с большими трудностями. Это было прежде всего сопротивление тех классов и слоев (включая иностранные элементы), которые лишались прежних позиций. Это были также

антиправительственные повстанческие движения как бирманских политических сил, так и национальных меньшинств.

Движения различных небирманских национально-этнических групп приобрели широкие масштабы. Так или иначе в этих движениях участвовали представители почти всех основных национальных меньшинств страны.

Особый характер имело повстанческое движение, возглавленное Компартией Бирмы, руководство которой в середине 60-х годов оказалось полностью под контролем левоэкстремистских элементов. Став на позицию огульной критики программы и деятельности Революционного совета, эти элементы взяли курс на всемерное расширение вооруженной борьбы против нового режима, пользуясь широкой поддержкой определенных кругов КНР. На Бирму вообще оказали отрицательное воздействие события 60-х годов в Китае.

Значительные трудности новому режиму Бирмы создавала по преимуществу очень неблагоприятная конъюнктура мирового капиталистического рынка, с которым страна тесно связана.

Многолетний международный вооруженный конфликт в Индокитае, фактически у самых границ Бирмы, также сказывался на ее развитии.

Положение осложнялось тем, что военные не имели опыта государственного руководства. Ведь речь шла не о проведении отдельных мероприятий, которые сами по себе могли быть нелегкими, а о сложнейшем процессе общенациональной перестройки, особенно с учетом ориентации всего развития на социалистическую перспективу.

Наиболее трудными оказались преобразования в экономике.

2. НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И РАСШИРЕНИЕ МАСШТАБОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКТОРА

Вопросы экономической политики и экономического положения современной Бирмы интересны и важны сами по себе. В данной работе, однако, автор вынужден ограничиться рассмотрением их лишь в той степени и в тех аспектах, которые, как представляется, необходимы для определения социально-экономических условий развития современного рабочего класса Бирмы, его места и роли в общественно-политической структуре и социальном прогрессе.

К числу наиболее радикальных социально-экономических преобразований в Бирме после 1962 г. относятся национализация частной собственности — средств производства, банков, торговли, резкое увеличение контролирующей и регулирующей роли государства, огосударствление важнейших экономических позиций в стране.

В январе 1963 г. правительство объявило о национализации

(с компенсацией) английского капитала в нефтяной промышленности. Это знаменовало конец самостоятельного функционирования самого старого и крупного иностранного капитала в стране и переход к государству самых мощных в Бирме производительных сил. Вскоре были национализированы все иностранные и национальные частные банки [89, 1—3]. С конца 1963 — начала 1964 г. национализация частных предприятий приняла широкие масштабы[5].

В феврале 1963 г. был сформулирован тезис о том, что новые частные промышленные предприятия разрешаться не будут [42, 42—43]. Это явилось очевидным изменением (в сторону радикализации) соответствующего положения декларации «Бирманский путь к соцализму», где вопрос о запрете не ставился. Новое положение законодательного оформления не имело, но его практическое и политико-психологическое воздействие на частный сектор преуменьшить невозможно.

В том же году вошла в силу новая система единого подоходного налога с очень крутой шкалой, резко подрывавшей частное накопление. В руках получателя дохода в соответствии с новыми ставками налога [см. 89, 62] могла практически оставаться максимальная сумма в размере 2,7—2,8 тыс. долл. (по тогдашнему курсу 21 цент за 1 джа)[6].

В 1964 г. государство провело национализацию внешней и внутренней торговли. Одновременно государство стало вводить свою монополию на важнейшие товары, которая в 1966 г. достигла максимума (несколько сотен наименований) (см. параграф 3 данной главы). С целью подрыва позиций имущих слоев, саботировавших мероприятия правительства, и экспроприации у них большой денежной наличности в 1964 г. была проведена «демонетизация» — изъятие из обращения крупных купюр (в 50 и 100 джа) и организация сдачи их государству при возвращении владельцам лишь части номинала, согласно новой налоговой шкале [90, 7—12].

Годы 1963—1966 можно считать своеобразным периодом «бури и натиска». За это время была проведена национализация наиболее значительных и известных частных предприятий, учреждений и сфер. Были национализированы все крупные компании иностранного и национального частного капитала, в том числе (помимо указанных выше отраслей и предприятий) сигаретные фабрики (новостройки уже периода независимости), многоотраслевая армейская экономическая монополия — Корпорация экономического развития Бирмы (КЭРБ), рудники, многие

---

[5] Национализация проводилась в основном по закону № 33 Революционного совета от 19 октября 1963 г., называвшемуся Законом о национализации предприятий и имевшему обратную силу (с 15 августа 1963 г.) [369, 20.X.1963].

[6] Необлагаемым минимумом стал доход в 4200 джа. Лишь в марте 1976 г. этот минимум был пересмотрен и увеличен в 2 раза (см. подробнее параграф 4 данной главы).

предприятия обрабатывающей промышленности, транспортные агентства, страховые компании, типографии, газеты, школы, больницы, кинотеатры. В октябре 1966 г. Бирма, стремясь укрепить свою финансовую самостоятельность, вышла из стерлинговой зоны [373, 18.X.1966].

К концу 60-х годов, после некоторого перерыва, национализация возобновилась. В 1968/69 г., например, к государству перешли 238 промышленных предприятий, в 1971/72 г. — еще 59 [96, кн. II, 202].

В декабре 1973 г. в бирманских газетах были опубликованы данные о проведенной в стране национализации. Согласно им, было национализировано 15 425 различных предприятий и учреждений. По отраслям народного хозяйства национализированные предприятия и учреждения располагались следующим образом (в порядке убывания численности) [см. 363, 7.XII.1973]:

Торговые предприятия	11 987
Сельскохозяйственные фермы	1 793
Учебные заведения	814
Рудники, шахты и т. п.	346
Предприятия обрабатывающей промышленности	244
Газеты, типографии	201
Предприятия транспорта и связи	25
Учреждения сферы здравоохранения	12
Строительные предприятия	1
Прочие	2
Всего	15 425

Нельзя не отметить, что в числе двух прочих оказалось крупнейшее экономическое объединение — упоминавшаяся уже Корпорация экономического развития Бирмы. КЭРБ имела привилегии государственной организации, но пользовалась широкой автономией, подчиняясь группе армейских офицеров во главе с бригадным генералом Аун Джи (в 1963 г. он был выведен из Революционного совета) [см. 132, 48]. Накануне национализации (сентябрь 1963 г.) КЭРБ контролировала 39 различных предприятий, которые занимались 79 видами коммерческой деятельности и на которых было занято 10 618 человек [см. 355, 1963, № 4, 4].

Приведенные данные от декабря 1973 г., естественно, очень интересны, поскольку впервые в обобщенном виде свидетельствуют о масштабах и направлениях национализации. К сожалению, источник не оговаривает, являются ли они полными и относятся ли ко всему периоду с марта 1962 г. Скорее всего, эти данные неполные, хотя бы в отношении предприятий обрабатывающей промышленности. Имеются авторитетные официальные сведения, согласно которым только в 1968/69 и 1971/72 гг. было национализировано 297 предприятий обрабатывающей промышленности [96, кн. II, прил. 39]. Следовательно, с учетом национализаций, проведенных до 1968/69 г., общее число национализиро-

ванных предприятий этой отрасли должно быть не только не 244, но намного больше, чем 297. Иначе просто невозможно объяснить увеличение числа предприятий обрабатывающей промышленности в государственном секторе в 60-х — начале 70-х годов. В приведенных данных 1973 г. не учтены полностью, по-видимому, также предприятия горнодобывающей промышленности. Одни национализированные мелкие разработки драгоценных камней насчитывали примерно 1300 единиц (см. ниже).

Именно в обрабатывающей промышленности госсектор приобрел наибольшие по числу предприятий масштабы. В конце 50-х годов, как упоминалось ранее, в этой отрасли хозяйства Бирмы насчитывалось три десятка государственных предприятий. К середине 60-х годов они исчислялись уже сотнями. Суммарные данные впервые были опубликованы на 1966/67 г. Тогда фабричная промышленность госсектора была представлена 973 предприятиями, в том числе 86 строящимися (здесь и ниже см. прил. 57). В 1967/68 г. их число уже превысило тысячу и после национализации частных предприятий в 1968/69 и 1971/72 гг. достигло около полутора тысяч единиц. Это было увеличением (по сравнению с концом 50-х годов) примерно в 50 раз.

В добывающей промышленности также произошли большие изменения. После частного капитала в нефтяной промышленности были национализированы главные рудники и разработки минерального сырья. В 1971 г. в число принадлежащих государству предприятий входили 32 самых известных и больших в стране предприятия горнодобывающей отрасли. Национализация охватила и около 1300 мелких разработок драгоценных камней [45, 99, 128]. В начале 70-х годов частный сектор в добыче минералов играл уже незначительную роль.

Расширились позиции государства в энергетике. Возросло государственное строительство. Укрепилась материальная база госсектора в тех отраслях транспорта, где он уже ранее был полным хозяином (железнодорожный, морской, воздушный транспорт). Вырос госсектор и во внутреннем речном транспорте, где большинство судов и к середине 70-х годов все еще принадлежало частному капиталу. В то же время государство вторглось в традиционно частные сферы транспорта и приобрело в них значительные позиции (грузовой и легковой автотранспорт).

Удельный вес государственного сектора в валовой продукции[7] страны вырос с 29,5% в 1961/62 г. до 39,4% в 1971/72 г. (см. прил. 52 и 53). Госсектор полностью охватывал энергетику, связь, социальные услуги. В финансах в 1971/72 г. лишь 0,1% принадлежала не государству — кооперативному сектору. В добывающей промышленности в 1971/72 г. доля государства поднялась примерно до 83%, в строительстве — почти до 59%. Между 40 и

---

[7] Валовая продукция (total gross output) здесь и ниже означает совокупную стоимость производства, услуг и торговли вместе со стоимостью сырья и материалов (т. е. с учетом inter-industry use).

50% стоимости продукции приходилось на госсектор в торговле, на транспорте, в обрабатывающей промышленности и лесном хозяйстве. С другой стороны, по стоимости производимой продукции и услуг частный сектор оставался господствующим в земледелии и животноводстве, в сфере аренды.

Если взять отдельные отрасли обрабатывающей промышленности, в которой доля госсектора в 1971/72 г. составляла 44,7% (здесь и ниже см. прил. 54), то можно сказать, что в ряде важнейших отраслей он занимал решающие позиции. Так, в начале 70-х годов он целиком представлял сельскохозяйственное машиностроение (включая сборку, ремонт оборудования, производство химических препаратов для земледелия), машиностроение (без транспортного), на 97% (округленно) — металлургию и нефтепереработку, 90 — производство электротоваров, 89 — производство промышленного сырья, на 74% — транспортное машиностроение. В то же время госсектор давал лишь 40% стоимости продукции текстильной, швейной и обувной промышленности и 29% — пищевой.

Надо сказать, что в середине 60-х годов доля госсектора в бирманской экономике оценивалась более высоко, чем в начале 70-х годов. Дело в том, что именно на 1963—1966 гг., как уже отмечалось, приходилось развертывание широких мер по национализации и огосударствлению. Более высокая оценка этой доли отчасти отражала реальное положение дел, отчасти же, вероятно, являлась результатом статистических методов. Например, в 1964/65—1967/68 гг. доля госсектора в валовой продукции оценивалась, как правило, выше 50%: до 51% — в 1964/65 г., 55— в 1965/66 г., 53 — в 1966/67 г., 51% — в 1967/68 г. Соответственно менее 50% оценивался удельный вес частного сектора. Самой низкой была оценка его на 1965/66 г. — всего 45%, включая земледелие [90, 16; 91, 46; 92, 51; 373, 21.IX.1967].

Некоторые отраслевые данные госсектора тех лет были, естественно, еще более внушительными. Так, доля госсектора в стоимости продукции обрабатывающей промышленности оценивалась на уровне около и более 60%, причем максимум приходился на 1965/66 г. — 62,6% [91, 46]. Что же касается торговли, то здесь динамика госсектора была, согласно официальной статистике, поистине головокружительной: 60, 70, 80, 90% и более всей торговли за указанные годы сосредоточивалось в госсекторе. Самый высокий удельный вес государственной торговли отмечался материалами 1964/65 и 1965/66 гг.: она тогда составляла соответственно 90,9 и 94,5% всей торговли [90, 16; 91, 46].

Эти цифры были пересмотрены на рубеже 60—70-х годов. Их заменили статистические ряды, введенные официальными источниками[8]. В отличие от предыдущих материалов, содержавших

[8] Первым такого рода источником был правительственный отчет о бюджете на 1970/71 г. [44].

разрозненные годичные (иногда двухгодичные) данные, эти ряды стали покрывать весь период с 1961/62 г. до соответствующего текущего года, а в последующих изданиях очередным образом продолжались. Иначе говоря, статистика в этом смысле стала систематической. Что касается содержания данной статистики, то уровни огосударствления средств производства и торговли были в ней довольно сильно опущены. Так, доля госсектора в валовой продукции в 1965/66 г. оценивалась уже не в 55%, а только в 41%, в торговле — не в 94,5, а в 65,3% [см. 44, 452—456]. Именно эти систематические данные и были использованы автором в прил. 52, 53 и отчасти 54.

3. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОГОСУДАРСТВЛЕНИЕМ ЭКОНОМИКИ

Создание госсектора, сосредоточившего ключевые позиции в экономике страны, открывало возможности для ускорения хозяйственного развития, расширения регулирования экономики и поднятия темпов ее роста до оптимальных и адекватных с точки зрения условий и поставленных целей.

Примером успешной реализации новых экономических возможностей было положение в нефтяной промышленности Бирмы после национализации. Взятие государством в 1963 г. имевшихся в этой отрасли крупных частных средств производства способствовало преодолению длительного застоя и организации подъема нефтяной промышленности, занимающей особое место в экономике страны. К 70-м годам Бирма впервые после 1941 г. стала обеспечивать себя нефтью. В 1975 г. было добыто 1,04 млн. т нефти [342, 25.III.1976]. Осваиваются новые месторождения.

Кроме «Бирма Ойл» с бирманского горизонта полностью исчезли и такие ветераны крупного английского капитала, как «Бирма Корпорейшн», «Стил Бразерс», «Бомбей-Бирма Трейдинг Корпорейшн». То же произошло со многими фирмами и предприятиями, принадлежавшими индийской, китайской, пакистанской буржуазии (они были, конечно, гораздо мельче английских).

Экономическая политика в отношении старого колониального частного капитала способствовала установлению контроля государства над национальными ресурсами страны. Она положила конец саботажу иностранным капиталом развития экономики Бирмы, открыв тем самым определенные дополнительные возможности для преодоления прежней колониальной экономической структуры. Мероприятия, направленные на ограничение и даже вытеснение такого капитала, были совершенно оправданы, в том числе и в торговле, где паразитизм его был особенно заметен. Очевидно, что избавление от старого колониального капитала было важно и с точки зрения создания более высоких эконо-

мических форм, включая, возможно, такие, которые бы использовали сотрудничество с иностранным капиталом, но уже на новой, благоприятной для страны основе. Ведь какие бы цели Бирма перед собой ни ставила, она приступила к их осуществлению как экономически слаборазвитая страна и для соответствующего развития своих производительных сил нуждалась в помощи извне.

Вместе с тем была оправданна национализация тех предприятий и учреждений национального частного капитала, которые явно паразитировали, систематически занимались антинациональной практикой, представляли серьезную угрозу усилиям по подъему и перестройке экономики и повышению благосостояния трудящихся. Важным критерием здесь выступала способность государства в конкретных исторических условиях взять на себя экономически осуществление функций тех или иных предприятий и сфер национального частного капитала.

В своей экономической политике новый режим не проводил особых различий между иностранным и национальным, промышленным и торговым капиталом. При этом политика национализации и огосударствления затронула самые широкие предпринимательские слои — от крупных иностранных монополистов до мелких национальных капиталистов, а выходя за рамки класса буржуазии — и ремесленников.

В результате прямой национализации несколько сотен наиболее крупных частных предприятий в промышленности и на транспорте, перестав быть частными, вошли в состав госсектора, в основном сохранились как производительные силы и так или иначе продолжали играть свою экономическую роль. Госсектор в Бирме стал с середины 60-х годов крупнейшей экономической силой, выражением и одновременно рычагом структурных изменений в хозяйстве страны.

Одновременно система ограничений, запретов, мер контроля частного сектора привела после 1963 и особенно 1964 г. к закрытию многих сотен и тысяч мелких и средних частных промышленных предприятий, создала трудности для ремесленного производства.

Имел место новый большой отлив иностранной части населения, особенно индийцев, среди которых из Бирмы выехали главным образом различные предпринимательские элементы и лица наемного труда. В 1963—1966 гг. Бирму покинуло свыше 177 тыс. иностранцев, в том числе около 153 тыс. индийцев [373, 18.I.1967]. Таким образом, новая политика в отношении частного капитала повлекла за собой структурные изменения не только социального, но и демографического характера.

Среди всех мер по национализации и огосударствлению в Бирме особое место заняла национализация внутренней торговли в 1964 г. Она официально называлась национализацией оптовой торговли и распространялась на большие магазины, склады, лав-

ки, кооперативы, посреднические конторы, все крупные торговые предприятия, которые занимались торговлей продовольствием, одеждой и другими товарами широкого потребления [90, 7—8]. По закону под национализацию не попадали мелкие розничные лавки — продовольственные, овощные, рыбные и мясные, кожевенные, обувные, швейные мастерские, а также чайные, гостиницы, рестораны. Однако принципиального разграничения между оптовым и розничным торговыми предприятиями проведено не было. Поэтому первоначально национализированными оказались более 12,2 тыс. торговых предприятий, из них свыше 3,1 тыс. в Рангунской области. Но почти сразу же часть их была денационализирована, и в конце сентября 1964 г. общее число национализированных предприятий составляло 9,1 тыс. [373, 12.XI.1964].

Национализация внутренней торговли была сначала предварена, а затем продолжена объявлением государственных торговых монополий. Началось это еще в конце 1963 г. изъятием из частного оборота падди (неочищенного риса), пшеницы, хлопка, земляного ореха и других масличных (главных видов сырья для производства местного растительного масла) [369, 27.XII. 1963]. В 1964—1965 гг. список контролируемых государством товаров был расширен и стал включать каучук, лук, чеснок, сахар, кофе в зернах, чай, чили (красный перец), картофель, продукты моря, хлопчатобумажные, шелковые и шерстяные ткани, пряжу, нитки, минеральное сырье и т. п. В начале 1966 г. торговая монополия государства приняла наивысшие размеры. Это было оформлено приказами № 5 и 6 министерства торговли. Число названий основных товаров, торговать которыми могло только государство (через сеть народных лавок), достигло примерно 430 [373, 10.I.1966]. Это значило, что помимо владельцев 9,1 тыс. указанных выше частных магазинов от торговли отстранялись полностью или сильно ограничивались в ней многие тысячи других и, кроме того, десятки, а может быть, сотни тысяч людей, занимавшихся мелкой торговлей как основным или подсобным занятием. Это было фактически продолжением национализации торговли без объявления национализации как таковой.

Вскоре после национализации внешней и внутренней торговли передовая официальной газеты констатировала, что «товарный трубопровод по всей длине — импорт, экспорт и внутреннее распределение — находится в руках государства» [373, 12.IV. 1964]. Введение торговых государственных монополий, естественно, еще более подняло степень огосударствления торговли. Как уже говорилось, это, возможно, и породило упомянутую выше оценку доли госсектора в торговле почти на уровне 95%.

Национализация и огосударствление внутренней торговли были среди самых крупных и в то же время, по-видимому, наиболее противоречивых экономических мероприятий, проведенных в Бирме в середине 60-х годов. Фактически радикальные шаги, предпринятые администрацией, означали попытку почти полного зап-

рета свободы торговли, что в существовавших в стране условиях вызвало в целом неблагоприятные последствия как экономического, так и социального характера. Эта попытка привела к нарушению экономических связей между городом и деревней, к дезорганизации ряда участков хозяйственной жизни, к усилению экономических трудностей. В числе других причин торговые мероприятия 1964—1966 гг. способствовали замедлению темпов экономического роста, увеличению нехватки потребительских товаров и сырья, повышению цен. Государственная торговля, созданная без должной подготовки, не справлялась со своими функциями и в своих первоначальных формах оказалась дискредитированной. Образовался огромный черный рынок, вовлекший в себя большие массы людей. В создавшейся обстановке, несмотря на принятые властями меры по улучшению жизни и труда народа, усилилась безработица в городах, ухудшилось материальное положение рабочих и служащих [см. 303а, 172, 175—176].

В числе общих представлений, которые, на наш взгляд, способствовали проведению в Бирме 60-х годов спорных в некоторых отношениях экономических мероприятий, было представление о системе социальной эксплуатации, капитализме преимущественно как о моральном зле, а не как о более или менее целостной общественной структуре, возникающей и коренящейся в объективных условиях общества. Подобное представление, несомненно, рисовало «облегченную» картину антиэксплуататорских преобразований, в том числе и в экономической сфере, обусловливая их в основном субъективным желанием и волей «снять», «убрать» это моральное зло.

Современные экономические проблемы Бирмы, как и других развивающихся стран, особенно социалистической ориентации, с новой силой подчеркивают всю историческую важность опыта экономической политики стран социализма — политики, вобравшей в себя огромное богатство идей, подходов, конкретных практических решений, критических самокоррекций и т. д., которые применялись в различных условиях развитости и которые, взятые в диалектической связи с соответствующими национальными условиями других стран, способны оказать громадную помощь в любых прогрессивных общественных преобразованиях.

Нет нужды подчеркивать, что Бирма в 60-х годах была страной мелких производителей не в меньшей мере, чем Россия до революции и в первые годы после нее, когда В. И. Ленин выступил с резким предупреждением против попыток «запретить, запереть совершенно всякое развитие частного, негосударственного обмена... неизбежное при существовании миллионов мелких производителей» [31, 222].

К концу 1966 г. положение в Бирме, по-видимому, стало уже тревожным. На государственную торговлю посыпались упреки. Официальные органы печати, которые еще недавно с удовлетворением писали о возникшей торговой сети государства, стали под-

черкивать, что «нарушения и плохая работа почти парализовали систему распределения товаров» [373, 21.XI.1966].

Критика в адрес торговли способствовала принятию корректирующих мер. Уже в сентябре 1966 г., согласно приказам № 10, 11 и 12 министерства торговли, была снята государственная монополия на 34 продовольственных товара, в том числе на лук, чеснок, картофель, рыбу. В октябре того же года либерализация торговли (деконтроль, как ее называют в Бирме) была распространена на 42 продукта леса (дрова, древесный уголь, мед и т. д.), а в ноябре, по приказам № 13, 14 и 15 министерства торговли,— на масличные культуры (земляной орех и т. д.) и соответствующие масла[9] [373, 28.IX, 19.X, 27.XI.1966].

Эти меры привели к известному улучшению снабжения в стране, снижению цен на некоторые виды продовольствия и созданию определенных материальных стимулов для части производителей. В то же время они, естественно, означали какое-то оживление легальной частной торговли (нелегальная торговля в сфере контролируемых товаров шла как до, так и после этого). Однако экономическое положение в целом серьезным образом не улучшилось. Неплохие урожаи в отдельные годы создавали представление, что все дело в урожае, но это оказывалось не совсем так. Продолжалась нехватка в потребительской и производственной сфере, закрывались промышленные предприятия, включая ремесленные (при спорадическом росте некоторых прибыльных мелких нелегальных производств), росла безработица, повышалась стоимость жизни, падало настроение людей, что в свою очередь отрицательно сказывалось на экономике страны.

В мае 1967 г. передовая официальной газеты писала, что «публично неизвестно, сколько закрылось фабрик, каково сокращение, испытанное производством, сколько рабочих было уволено» [373, 8.V.1967]. В сентябре того же года в докладе Революционного совета народу сообщалось о наличии в стране 8918 частных промышленных предприятий, но тут же указывалось, что они мелкие и старые и что только немногие из них дают продукцию [93, 58]. Много критических выступлений по поводу экономического положения страны было напечатано в специальных отделах газет — «форумах читателей», введенных по распоряжению властей для укрепления контакта с населением.

Главная критика, в том числе и на официальном уровне, направлялась в тот период против неудовлетворительной организации государственной торговли, ее неповоротливости, бюрократизма, коррупции и т. д. Иногда ставился вопрос о недостаточности для крестьян (особенно в условиях инфляции) существовавшего уровня закупочных цен на рис и другую продукцию.

---

[9] Правда, закупка, переработка и централизованное распределение масла оставались в руках государства и полный деконтроль был осуществлен лишь через 6 лет.

Вместе с тем о приоритете производства, о стимулировании его, о важности повышения темпов экономического развития говорилось мало. К тому же в критических высказываниях по поводу состояния экономики подчас содержались требования нанесения решительного, последнего удара по частному сектору, осуществления национализации всех частных предприятий, их полной ликвидации, совершения Бирмой своего «большого скачка». Такие голоса часто шли с мест, раздавались на различных массовых конференциях и собраниях. Их обильно приводила печать, которая и сама нередко выступала в том же духе [10]. Все это отражало неблагополучное положение в экономике страны.

4. ЗАМЕДЛЕНИЕ ТЕМПОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА. УСИЛИЯ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРУДНОСТЕЙ

Имеющиеся материалы дают возможность проследить экономическую динамику Бирмы в 1961/62 — 1973/74 гг. Эти материалы сосредоточены в уже упоминавшихся ежегодных официальных отчетах [см. 89—97а; 44—48] (см. также прил. 56).

В прил. 55 приведены расчеты автора по среднегодовым темпам прироста валового национального продукта (ВНП) Бирмы в указанные годы с разбивкой на подпериоды и с соответствующими данными за 1948/49—1960/61 гг. [11]. Из этих расчетов устанавливается следующее:

1. Экономический рост Бирмы в 60—70-е годы замедлился по сравнению с предыдущим периодом; по ВНП и по материальному производству среднегодовые темпы прироста в 1961/62—1973/74 гг. (13 лет) составляли соответственно 2,95 и 3,3% против 5,55 и 4,5% в 1948/49—1960/61 гг.

2. Среднегодовые темпы прироста ВНП и материального производства за весь период 1961/62—1973/74 гг. были несколько выше темпов прироста населения (примерно 2,2% — см. прил. 3), но по некоторым отраслям, в том числе по промышленности и

---

[10] Например, уже на рабочем семинаре в апреле 1965 г. были высказаны энергичные требования национализации всех частных предприятий [373, 29.IV. 1965]. В декабре 1965 г. газета «Уоркинг пиплз дейли» в передовой статье, озаглавленной «Вперед!», писала: «Несмотря на огромные успехи, которые были достигнуты, многое еще предстоит сделать. Начальные достижения являются основой, с которой мы можем начать свой большой скачок вперед, чтобы „догнать“ прогресс...» [373, 4.XII.1965]. Тезис о необходимости национализации остающихся частных предприятий подчеркивался и позже, например газетами «Ботатаун» («Вэнгард») в мае 1969 г. [см. 373, 19.VIII.1969], «Мьямма алин» («Нью лайт оф Бирма») в сентябре 1969 г. [см. 373, 8.IX.1969]. Такого рода выводы шли обычно вслед за указаниями на тяжелое экономическое положение, за моральным осуждением частников.

[11] Расчеты осуществлялись по формуле средней геометрической (сложных процентов). Под валовым национальным продуктом (net output) здесь и ниже подразумевается валовая продукция за вычетом стоимости сырья и материалов (т. е. без inter-industry use) (ср. прим. 7 к данной главе).

торговле, — ниже их. Попутно отметим, что в 1961/62—1973/74 гг. доля обрабатывающей промышленности и всей промышленности в формировании ВНП сократилась: первой — с 10,5 до 10,0%, второй — с 12,3 до 11,8% (см. прил. 51).

3. Темпы прироста ВНП и производственных отраслей Бирмы особенно понизились с 1964/65 г. Расчеты по подпериоду 1964/65—1973/74 гг. (10 лет) показывают, что среднегодовые темпы прироста ВНП опустились до уровня темпов демографического прироста, а материального производства, в том числе земледелия и промышленности, стали меньше их. Так, темпы прироста ВНП снизились до 2,2%, материального производства в целом — до 2,0, земледелия — до 1,55, лесного хозяйства — до 0,3, добывающей и обрабатывающей промышленности — до 1,9, а торговли — до 1,05%. Сравнительно высокие темпы прироста имела энергетика и в меньшей мере — животноводство с рыболовством.

Неудивительно, что в расчете на душу населения показатели валового национального продукта, а также национального дохода [12] в 1964/65—1973/74 гг. понизились (см. прил. 51). Так, национальный доход на душу населения сократился с 394 джа в 1964/65 г. до 378 джа в 1973/74 г., или на 4,1%. Во второй половине 60-х годов национальный доход в Бирме на душу населения оценивался на уровне 60 долл. и был среди самых низких в мире [см. 279а, прил. 1]. Правда, необходимо учитывать, что эти средние данные относятся к стране, где в результате антиэксплуататорских преобразований и прогрессивного направления социальной политики наблюдалась тенденция к более ровному и справедливому распределению национального дохода (при сокращении подушевого дохода в ряде верхних групп и росте его в самых низких).

Отправной точкой для расчетов показателей экономического развития современной Бирмы лучше всего брать именно 1964/65 г. Он стал межевым годом в социально-экономическом развитии Бирмы, годом завершения первых важных экономических мероприятий Революционного совета и одновременно годом расширения статистического учета в стране.

Отмеченное выше замедление темпов экономического развития Бирмы хорошо иллюстрируется тем, как распределяется весь прирост ВНП за 13-летний период (1961/62—1973/74) между первым, 4-летним его подпериодом (1961/62—1964/65) и остальными девятью годами (1964/65—1973/74). Оказывается, что распределение этого прироста между малым и большим подпериодами весьма непропорционально. Так, первые четыре года указанного тринадцатилетия обеспечили 40% прироста ВНП всего периода, около 49% прироста материального производст-

[12] Под национальным доходом (net available for use) здесь подразумевается валовой национальный продукт плюс стоимость импорта минус стоимость экспорта (см. прим. 7 и 11 данной главы).

ва, более 60% прироста земледелия, 45% прироста торговли, свыше 40% прироста обрабатывающей промышленности (см. прил. 55). Как видно, в производственной сфере прирост за первые четыре года составил почти столько же, сколько за остальные девять лет. Это могло быть (и было на самом деле) только в условиях наступления после 1964/65 г. длительного застоя.

Конечно, при рассмотрении данных о среднегодовых темпах прироста в разные периоды развития независимой Бирмы следует сделать некоторые оговорки.

Во-первых, в ряде отраслей экономики, по преимуществу нематериальных, в 60—70-х годах темпы прироста были сравнительно высокими, даже если и несколько сокращались. Например, на уровне 6—7% в год держались темпы прироста в сфере социальных услуг и управления, динамика которых была во многом связана с прогрессивной социальной политикой нового режима (широкое развитие народного образования, здравоохранения и социального обеспечения).

Во-вторых, низкие темпы прироста в земледелии характерны для всего периода с конца 40-х годов. Мало того, среднегодовой темп прироста в земледелии, равный в 1948/49—1960/61 гг. 1,7%, был в первые годы правления Революционного совета в значительной мере повышен, так что в 1961/62—1973/74 гг. он составлял 3,4% (хотя к концу этого периода опустился даже ниже прежнего уровня).

В-третьих, как указывалось уже в предыдущей главе, сравнительно высокие темпы прироста в ряде отраслей в первый период независимости явились результатом в значительной мере восстановительного характера того периода и низких исходных уровней отсчета (после военных разрушений).

В-четвертых, при оценке положения дел надо учитывать крупные неурожаи в Бирме в конце 60-х и начале 70-х годов, крайне неблагоприятную для развивающихся стран конъюнктуру мирового капиталистического рынка (резкое ухудшение условий торговли) и кризис мировой капиталистической экономики в 70-х годах, наносящий тяжелые удары по экономике этих стран.

Тем не менее замедление темпов экономического роста Бирмы на протяжении длительного времени при опускании их ниже темпов роста населения — фактор серьезный и тревожный, на что не могли не обратить внимания правящая партия и администрация страны.

Первый съезд Партии бирманской социалистической программы (ПБСП), состоявшийся в середине 1971 г., дал оценку ряду сторон экономического положения страны, причем оценку суровую.

В отчетном докладе съезду Центрального организационного комитета ПБСП указывалось, например, на слабый и неравномерный рост сельскохозяйственного производства, отстававший от роста населения, на неудовлетворительное положение в лес-

ном хозяйстве, на замедленный рост промышленного сектора. Очень резкой и, пожалуй, впервые столь тесно связавшей вопросы торговли и производства была оценка, данная Центральным организационным комитетом ПБСП состоянию внутренней торговли. В докладе на этот счет говорилось следующее: «Четыре года назад, несмотря на то что многие трудности и неудобства, с которыми столкнулась страна, в какой-то мере повлияли на ее производственные возможности, производство не снижалось так низко, как сейчас. За четыре года мы не смогли ликвидировать главные причины этих трудностей. В течение этого периода главные причины наших трудностей были связаны с перевозкой, переработкой, хранением и распределением, но у нас было достаточно потребительских товаров. Сегодня основная трудность заключается в том, что в нашем распоряжении нет достаточного количества потребительских товаров. Таким образом, наша торговля страдает как из-за уменьшения нашего экспорта, так и из-за сокращения нашего производства. Обстановка усугублялась ростом численности нашего населения и повышением стоимости жизни» [59, 134].

Каких-либо решений о переменах в экономической политике съезд не принял. После него основное внимание стало уделяться выработке новой конституции. Но с конца 1972 — начала 1973 г. в отношении к экономическим проблемам стали происходить определенные изменения. Это было связано с дальнейшим ростом трудностей и ухудшением экономического положения страны в целом.

К тому времени еще более осложнилось снабжение населения и промышленности. Кое-где не хватало даже риса — ситуация по условиям Бирмы чрезвычайная. Из-за большого недостатка запасных частей значительная доля машинного оборудования вышла из строя, особенно в частном секторе, снабжение которого, естественно, сократилось.

Картину экономических трудностей в обобщенном виде помогла представить подготовка в 1972 г. материалов для официального ежегодного отчета правительства народу о финансовых, экономических и социальных условиях в стране [96]. Этот отчет, как обычно, был опубликован в конце сентября. Но в отличие от своих предшественников он не только дал материалы за год, но и подвел итоги за прошедшее десятилетие, которые в области экономики оказались неудовлетворительными.

Кроме того, отчет показал, что были не выполнены задания первого года четырехлетнего плана экономического развития страны, принятого I съездом ПБСП в 1971 г. на 1971/72—1974/75 гг. в рамках перспективного планирования на 20 лет. Планом предусматривалось увеличение за четыре года валовой продукции на 19%, валового национального продукта — на 19,9, продукции земледелия — на 15,7, обрабатывающей промышленности — на 20, доходов на душу населения — на 8,4% [373,

30.VI.1971; 96, кн. 1, 162—163]. За первый год земледелие дало только 1,3% прироста (против плановых среднегодовых 3,9%), обрабатывающая промышленность — лишь 0,5 (против 5%), а валовой национальный продукт — 3,1% (против плановых 5%) [96, кн. 1, 5, 162—163]. К тому же незадолго до этого Революционному совету пришлось отказаться от выполнения предыдущего четырехлетнего экономического плана на 1966/67—1969/70 гг. (предусматривавшего ежегодное увеличение производства на 8%, доходов населения — на 4% [373, 12.IX.1966]), поскольку он оказался нереалистичен.

В сентябре 1972 г. состоялся 4-й пленум ЦК ПБСП, который принял решения по краткосрочной и долгосрочной экономической политике. Сразу же после него прошла консультативная конференция ПБСП, которая одобрила эти решения.

В последующие месяцы, как показывают материалы печати и официальные постановления, в экономической политике наметились некоторые новые моменты и акценты. Так, в декабре 1972 г. был полностью снят контроль над закупкой, переработкой и продажей масличных (приказы № 39, 40, 41 и 42 министерства торговли). В газетах стала подчеркиваться мысль, что не весь частный сектор должен подвергаться нападкам как враг; что неправильно представление о том, будто на данном этапе не должно быть ничего частного; что государство пока не может взять на себя всю экономику; что страх перед возможной национализацией мешает появлению новых частных предприятий, т. е. экономическому росту Бирмы.

С такими замечаниями выступил, например, в газете «Чемоун» («Миррор») 18 января 1973 г. известный обозреватель Завана. Он писал также, что из-за сверхчестолюбия некоторых лиц были национализированы предприятия, которые не должны были подвергаться национализации, и был введен государственный контроль (монополия) на товары, на которые он не должен был распространяться. Это, писал Завана, будет пересмотрено и изменено в лучшую сторону в соответствии с условиями.

В газете «Лоута пьиду нейзин» (бирманское издание газеты «Уоркинг пиплз дейли») 5 апреля 1973 г. была опубликована статья обозревателя Таун Тхуна, посвященная вопросам экономического развития Бирмы. В ней отмечался упадок мелкого частного производства и высказывалась мысль о необходимости оказания ему поддержки, поскольку государство не может взять эту сферу на себя. «Назрела необходимость, — писал автор,— открыть со всех сторон пути для внутреннего промышленного развития страны».

На чрезвычайном съезде ПБСП, состоявшемся 7—10 апреля 1973 г., был обсужден и одобрен политический отчет ЦК, представленный генеральным секретарем партии генералом Сан Ю. Большое место в отчете заняли вопросы экономики. В отчетном докладе говорилось, что экономическая база капитализма лик-

видирована, но экономическое положение страны все еще нестабильно. Уменьшение экспорта привело к сокращению капиталовложений, замедлению роста производства, что в свою очередь еще более уменьшило экспорт, упавший до небывало низкого уровня. В 1970/71 г. государство закупило 142,7 млн. корзин падди, а в 1971/72 г. — только 108,3 млн. корзин. Это было вызвано, отмечалось в отчете, плохой погодой, плохим урожаем, а также тем, что крестьяне и торговцы припрятали риса больше, чем прежде. В докладе говорилось также об отсутствии больших успехов в выполнении четырехлетнего плана и подчеркивалось, что теперь экономическая стратегия партии направлена на то, чтобы значительно повысить уровень производства, а ее тактика заключается в том, чтобы полностью использовать все производительные силы, согласовывать деятельность различных экономических секторов, повышать рентабельность и сокращать потери и разбазаривание государственной и кооперативной собственности [363, 10.IV.1973].

Выступивший на съезде председатель партии У Не Вин[13] подчеркнул, что более активное привлечение к экономике частных предпринимателей и специалистов не должно вредить делу социализма, и призвал членов партии не впадать в уныние от некоторых неудач в осуществлении планов развития страны [355, 1.V.1973, 4, 5].

Таким образом, речь на съезде шла об усилиях по организации экономического подъема в Бирме путем активизации ее производительных сил.

Новые ноты прозвучали в передовой статье «Уоркинг пиплз дейли», опубликованной 12 апреля 1973 г., через день после окончания чрезвычайного съезда ПБСП. Она называлась «Классовый союз на производстве».

«Партия считает, — говорилось в передовой, — что в сельском хозяйстве бедняки будут основной революционной силой, середняки — нашими союзниками, богатые крестьяне в ходе борьбы против помещиков будут нейтрализованы. Такая же стратегия... будет применяться и в промышленности. Рабочие являются и останутся основной революционной силой, производители и торговцы из среднего класса должны быть нашими союзниками. Богатые промышленники и торговцы должны быть нейтрализованы. Нужно развернуть широкое наступление на национальных компрадоров и монополистов, которых у нас в стране мало, а может быть, и совсем нет.

Средние промышленники, торговцы и другие дельцы имеют значительные капиталы и средства производства, обладают опытом в области техники и торговли и профессиональными навыками. Их не только много, но они являются важной силой в про-

[13] В апреле 1972 г. генерал Не Вин (вместе с рядом других армейских деятелей) ушел в отставку с военной службы и стал гражданским лицом. С тех пор официальное имя главы бирманского государства — У Не Вин.

изводстве, игнорировать которую было бы неразумно и невозможно.

Мы должны помнить, что попытаться заключить союз со средними промышленниками — это не значит ослабить классовое чутье. Тот, кто громко выкрикивает лозунги, направленные против средних предпринимателей, требует их изгнания и уничтожения, не проявляет более глубокого классового сознания. Важно иметь возможность использовать их энергию и ресурсы для блага народа и страны. Это будет отвечать интересам рабочих и крестьян».

Состоявшийся в октябре 1973 г. II съезд ПБСП снова уделил большое внимание вопросам экономики. Он принял скорректированный 20-летний (1974/75—1993/94) и второй 4-летний (1974/75—1977/78) планы экономического развития Бирмы. Съезд вновь призвал более полно использовать производительные силы страны, поднять капиталовложения во всех трех секторах хозяйства, включая частный [см. 373, 5—8.XI.1973].

Призывы съездов не могли не сказаться на экономической политике.

В мае 1973 г. был снят государственный контроль над торговлей рисом и пшеницей урожая 1972/73 г. (приказы министерства торговли № 46 и 47) [355, 1.VI.1973, 7]. Тем самым временно вводилась свобода торговли зерном. В октябре того же года были повышены закупочные цены на рис и установлены обязательные нормы продажи крестьянами зерна государству (в зависимости от посевной площади и урожайности); теперь на свободный рынок могли идти лишь остающиеся у крестьян излишки зерна (приказы № 48 и 49) [см. 355, 1.XI.1973, 22]. В дальнейшем закупочные цены на рис и другую сельскохозяйственную продукцию повышались не раз: власти стремились предложить крестьянам более реалистичные условия сбыта, компенсировать инфляцию и, в особенности, оттеснить частных скупщиков. В мае 1974 г., однако, министерство торговли объявило, что в 208 основных рисопроизводящих районах страны (из 314 всех районов) закупкой урожая 1974/75 г. будет заниматься исключительно государство [355, 1.VII.1974, 6]. Через три месяца, в августе 1974 г., министерство торговли, отменив свой прежний приказ (№ 48), ввело запрет на частную торговлю рисом и рисопродуктами [355, 1.IX.1974, 24].

Такого рода мероприятия, иногда дополнявшие, иногда исключавшие друг друга, иногда имевшие экономический, иногда административный характер, осуществлялись в условиях нехватки зерна и товаров широкого потребления при возросших ценах на них и ухудшении снабжения населения. Экономические трудности страны в 1974 и 1975 гг. увеличились. В прессе, на конференциях рабочих советов, в Народном собрании (первая сессия которого состоялась в марте 1974 г.) стали открыто говорить об экономическом кризисе [см. 366, 26.III.1974]. Весной — летом

1974 г. произошли массовые забастовки и выступления рабочих. Главной задачей властей в этих обстоятельствах было увеличение государственных закупок зерна, сбивание цен на потребительские товары и улучшение снабжения населения, особенно городов. Как видно, идя на определенные уступки частному сектору, государство не поступилось своими господствующими позициями в торговле зерном. Несомненно, что в целом эти меры помогли при хороших урожаях 1974/75 и 1975/76 гг. обеспечить высокий уровень государственных закупок риса и позволили улучшить снабжение рисом населения и даже создать определенные излишки для экспорта риса (который до этого был почти полностью прекращен).

Однако рост цен на продовольствие продолжался. Ввиду этого правительство ввело в июле 1975 г. государственный контроль над рыночными ценами на 14 видов продуктов питания (рис, соль, растительное масло, лук, перец, бобовые и др.) [см. 362, 15.VI.1976]. Максимальная цена на рис была установлена, например, в 3 раза ниже уровня последней рыночной цены. Однако эта мера, естественно, не увеличила товарной массы на рынке, и позднее ее отменили.

Что касается торговли некоторыми промышленными товарами, то здесь в октябре 1973 г. частные розничные торговцы получили разрешение закупать товары 81 вида прямо у промышленных предприятий, при условии что эти товары не приобретаются государством или кооперативами (приказ министерства торговли № 50) [355, 1.XI.1973, 22—23]. Это явилось продолжением линии на известное ослабление государственной торговой монополии в пользу частной (розничной) торговли.

В области промышленности новые моменты экономической политики представляются более рельефными, хотя юридическая и фактическая стороны не всегда адекватны.

В августе 1973 г. министерство промышленности сделало заявление (№ 1/73), согласно которому разрешались частные вложения в предприятия обрабатывающей промышленности, частное владение и управление этими предприятиями [364, 13.IX. 1973]. Через два года после этого печать сообщила, что в столичной области местными районными властями было получено 12 тыс. заявок от частных предпринимателей на создание различных предприятий и что началась работа по рассмотрению поступивших заявок [363, 28.VIII.1975]. В декабре 1973 г. канцелярия премьер-министра издала постановление о выплате компенсации бирманским и иностранным собственникам за национализированные у них в 1963 и 1965 гг. предприятия [355, 1.I. 1974, 4, 6]. Сообщалось, что в течение 20 лет не будет проводиться национализация частных предприятий, и были обещаны меры содействия частному предпринимательству в промышленности [см. 341, 1976, № 1, 27]. Наконец, в марте 1976 г. Народное собрание, высший орган законодательной власти Бирмы,

принял поправку к закону о подоходном налоге. Как уже отмечалось, с 1963 г. необлагаемый налогом минимум ежегодного дохода был установлен в 4200 джа. Согласно поправке 1976 г., он увеличивался до 10 тыс. джа в отношении всех видов заработной платы и доходов, получаемых в кооперации, и до 8 тыс. джа в отношении доходов частных предпринимателей. Снижены ставки с других доходов [342, 15.IV.1976]. Налог с торговли товарами первой необходимости теперь стал взиматься при годовом обороте, превышающем 50 тыс. джа (ранее это происходило при годовом обороте от 25 тыс. джа).

Все указанные мероприятия представляли собой, несомненно, попытку активизировать в определенной мере национальный частный капитал в промышленной сфере, с тем чтобы поднять промышленное производство, особенно обрабатывающую промышленность. Расчет состоял, видимо, также в том, чтобы в какой-то мере отвлечь частный капитал от торгово-спекулятивной сферы, где он в предыдущие годы чрезвычайно разбух и представлял серьезную стихийную экономическую силу, которая постоянно подрывала хозяйственные мероприятия властей.

Одновременно администрация приняла целый ряд мер по улучшению работы и укреплению государственного и кооперативного секторов хозяйства (мероприятия по переводу кооперации и государственного сектора на хозрасчет; создание специализированных автономных банков на коммерческой основе вместо единого банка; дальнейшее развитие кооперации на пути превращения в основную торгующую организацию с прямыми связями с государственными предприятиями; меры борьбы с бесхозяйственностью, безответственностью и коррупцией вплоть до увольнений и арестов виновных на самых высоких уровнях руководства хозяйственной жизнью) [342, 13, 30.IV.1976].

Наметилась тенденция определенной активизации связей Бирмы с иностранными государствами. В первой половине 70-х годов сильно возросли кредитные обязательства Бирмы зарубежным странам и международным финансовым организациям. В одном 1974/75 г. Бирма получила, по подсчетам А. Ф. Жабреева, займы и субсидии на 132,8 млн. долл. (от Международного банка реконструкции и развития, от Азиатского банка развития, от ФРГ, Японии и др.) [см. 341, 1976, № 1, 28]. Весной и летом 1974 г. министерство горной промышленности Бирмы одобрило несколько контрактов с иностранными фирмами (японскими, американскими, французскими) о проведении разведки нефти в прибрежных водах страны [см. 355, 1.VII.1974, 7; 355, 1.IX.1974, 23]. Во второй половине 1976 г. появились сообщения, что по инициативе Международного банка реконструкции и развития, а также ряда промышленно развитых капиталистических стран были начаты переговоры с целью создания международной консультативной группы по вопросам оказания Бирме экономической помощи и что о своем намерении принять участие в работе

этой группы заявили Япония, США, Великобритания, Канада, ФРГ, Франция и Австралия [342, 19.VIII.1976]. Активизация связей Бирмы на государственной основе с иностранным капиталом (преимущественно западным) стала происходить после резкого сужения этих связей в 60-х годах, когда можно было говорить даже о тенденции Бирмы к изоляционизму, к автаркии.

Но ни внутренние экономические мероприятия, ни определенные усилия во внешней экономической политике в середине 70-х годов еще не привели к существенному улучшению ситуации в стране. Помимо нараставших хозяйственных трудностей, повстанческого движения и волнений в городах (см. далее параграф 10 гл. VI) в 1976 г. имела место попытка правого государственного переворота, готовившегося группой молодых армейских офицеров [см. 361, 22.VII.1976; 362, 21.VII.1976, 12.I.1977].

Всю серьезность положения подчеркнул созванный в конце октября 1976 г. новый (третий по счету) чрезвычайный съезд ПБСП. Генерал Сан Ю, выступая на съезде, остановился на различных трудностях, с которыми столкнулись партия и страна. Среди них он назвал невыполнение экономических планов, разработанных II съездом, возникновение «инфляции и всеобщего кризиса», падение производства, большой рост цен на товары, неспособность служб связи и транспорта обеспечить потребности страны, нерегулярное поступление товаров и рост безработицы в результате того, что «не удалось инвестировать достаточные средства в три сектора народного хозяйства, как того требовал план», а также «несоответствие между производством и потреблением» и снижение жизненного уровня народа. «Ухудшение экономических, социальных и политических условий постепенно приняло такие масштабы, — подчеркнул Сан Ю, — что это стало препятствием на пути реализации программы партии» и возникла «срочная необходимость своевременно пресечь ухудшение положения в стране, сформулировать конкретные важные задачи и претворить их в жизнь». В целях скорейшего решения неотложных проблем чрезвычайный съезд постановил созвать III съезд ПБСП (очередной) досрочно, не в октябре, а в феврале 1977 г. [373, 30.X.1976].

Третий съезд ПБСП, проходивший с 21 февраля по 1 марта 1977 г., подтвердил социалистическую ориентацию Бирмы. Он уделил особое внимание экономическим проблемам. Съезд поставил задачу преодоления отставания страны в темпах экономического роста, принял директивы по третьему 4-летнему плану (1978/79—1981/82). Съезд указал на первоочередность развития госсектора и кооперации, подчеркнул необходимость увеличения капиталовложений во все три сектора народного хозяйства и высказался за использование иностранной экономической помощи и создание смешанных предприятий на взаимовыгодной основе и при условии, что это не нанесет ущерба социалистическим планам Бирмы [369, 22.II—2.III.1977; 347, 11.III.1977, 11].

ГЛАВА VI

РАБОЧИЙ КЛАСС БИРМЫ В 1962—1977 гг.

1. ДИНАМИКА И СТРУКТУРА ЗАНЯТОГО НАСЕЛЕНИЯ

Рассмотрев в общих чертах главные направления развития и экономические условия Бирмы после прихода к власти Революционного совета, обратимся к процессам формирования и развития промышленного пролетариата в 60—70-е годы. Прежде всего остановимся на динамике и структуре рабочей силы Бирмы в этот период, выделив в особенности промышленно-занятое население.

С 1964/65 г., впервые после переписи 1931 г., в Бирме появляются официальные статистические оценки рабочей силы (или экономически активного населения) и ее отраслевой структуры, публикуемые ежегодно. С 1967/68 г. они дополняются раздельными сведениями по государственному и частному секторам хозяйства, причем работники, занятые в госсекторе, характеризуются также по квалификации.

Отраслевые данные о рабочей силе, о занятости экономически активного населения представляют большой интерес. Они позволяют ознакомиться с хозяйственным распределением людских ресурсов в общенациональных масштабах. В нашем случае особенно интересны данные о занятости в промышленности, отсутствующие в другой статистике. Надо только иметь в виду, что эти данные, как и другие данные о занятости и ее структуре, в своем общем, нерасчлененном виде не тождественны отраслевым данным министерств, ведомств и производств, ибо категория рабочей силы, занятого населения, по соответствующей статистике, шире категорий труда, учитываемого этими министерствами, ведомствами и производствами.

В 1964/65—1974/75 гг. население Бирмы, по официальным оценкам, увеличилось примерно с 24,2 млн. до 30,2 млн. — на 24,6% (здесь и ниже см. прил. 64). Рабочая сила при этом выросла с 9,9 млн. до 11,7 млн. — на 18,7%. Дали увеличение занятых и все отрасли материального производства. Но у каждой отрасли был свой рост. Это в принципе нормально. Абсолютный рост рабочей силы с течением времени сопровождается обычно перераспределением работников между различными отраслями хозяйства. В определенных условиях происходит даже абсолют-

ное падение занятости в какой-то отрасли в пользу другой, особенно интенсивное в условиях промышленной или научно-технической революции.

В Бирме за указанные 11 лет больше всего возросла занятость в лесном хозяйстве (почти на 406%), но в нем была занята очень незначительная часть населения. Земледелие, самая трудоемкая отрасль, охватывающая около $^2/_3$ всех занятых, выросло по числу занятых округленно на 1,4 млн. человек, или на 22%, что лишь не намного уступало относительному приросту населения. Поэтому можно сказать, что земледелие снабжалось рабочей силой примерно естественными темпами. Вторая по численности рабочей силы отрасль — торговля — увеличилась по числу занятых почти на 43%. Здесь относительный прирост работников был приблизительно на $^3/_4$ выше прироста населения.

В интересующих нас прежде всего промышленных отраслях (добывающей, обрабатывающей промышленности и энергетике, а также в строительстве и на транспорте со связью) общее число работников в 1964/65—1974/75 гг. увеличилось с 1194 тыс. до 1510 тыс. человек (на 26,5%). Наиболее высокий прирост был в строительстве (примерно на 62%) и на транспорте со связью (свыше 39%). Число работников в промышленности (добывающей, обрабатывающей и энергетике) увеличилось с 791 тыс. до 924 тыс. (на 16,8%).

Если взять одну добывающую промышленность, то здесь в конце 60-х годов произошло падение занятости и ее уровень поднялся до первоначального (1964/65 г.) только в 1973/74 г. В 1974/75 г. он превысил уровень первого года округленно на 21%.

Самой отстающей по темпам роста занятости среди промышленных отраслей (как и среди всех отраслей материального производства, не считая животноводства с рыболовством) была обрабатывающая промышленность — третья по численности рабочей силы (после земледелия и торговли). Занятость в этой отрасли хозяйства, включающей и ремесло, поднялась за указанные 11 лет с 727 тыс. до 848 тыс. человек, т. е. менее чем на 17%. При этом между 1968/69 и 1971/72 гг. произошло ее падение, в связи с чем абсолютные показатели этих лет почти идентичны. За весь 11-летний срок среднегодовой прирост занятости в обрабатывающей промышленности составил 1,55%, или был значительно ниже прироста населения (2,2%) [1]. В обрабатывающую промышленность Бирмы за указанные 11 лет притекло лишь 5,5% общего прироста рабочей силы. Ее в этом отношении (в условиях развивающейся экономики) обогнали не только земледелие (около 65%), но и торговля (более 14%).

Если абсолютная численность занятых в промышленности, строительстве и на транспорте со связью выросла, то удельный

[1] Здесь и ниже среднегодовой прирост дается в сложных процентах.

вес их в общей массе занятого населения увеличился мало, либо даже сократился (здесь и ниже см. также прил. 64). Общая доля занятых во всех названных отраслях за 11 лет выросла на 0,8% (с 12,0 до 12,8%), при этом в 1967/68—1969/70 гг. она была ниже уровня 1964/65 г. Удельный вес занятых в промышленности Бирмы за 11 лет сократился (с 8,0 до 7,9%), причем в конце 60-х годов он снижался до 7,2—7,3%. Что касается обрабатывающей промышленности, то в этой отрасли доля занятых за 11-летний срок несколько сократилась — с 7,3 до 7,2%, при этом в конце 60-х — начале 70-х годов она была ниже 7%. Остался на одном уровне (0,5%) показатель занятости в добывающей промышленности.

В табл. 9, составленной при помощи материалов прил. 64, приводятся сравнительные данные о динамике числа занятых в

Таблица 9

Страна и период	Число промышленно-занятых, тыс.		Прирост		Доля промышленно-занятых во всем занятом населении, %	
	в начале периода	в конце периода	тыс.	%	в начале периода	в конце периода
Бирма в 1964/65—1974/75 гг.	791	924	133	16,8	8,0	7,9
Таиланд в 1960—1971 гг.	520	1090	570	109,6	4,2	6,5
Малайзия (Полуостровная) в 1962—1970 гг.	210,8	353	142,2	67,5	9,1	12,0
Индонезия в 1961—1967 гг.	2040	2200	160	7,8	5,9	5,5
Филиппины в 1963—1973 гг.	1324	1517	193	14,6	12,8	11,4
Египет в 1959/60—1968/69 гг.	631	949	318	50,4	10,5	11,9
Турция в 1960—1967 гг.	977,5	1423,9	446,4	45,7	7,9	10,4
Иран в 1967/68—1970/71 гг.	1937	2265	328	16,9	25,1	27,4

Вычислено по: [82, 37—39; 257, 272, 352, 415—418, 574, 619, 651].

добывающей, обрабатывающей промышленности и энергетике Бирмы и ряда других развивающихся стран и об изменении удельного веса этих промышленно-занятых во всем занятом населении упоминаемых стран. Они показывают, что прирост в Бирме промышленно-занятых был на уровне минимального, особенно с учетом абсолютной численности занятых и продолжительности периода. В то же время Бирма находилась в числе стран, где в указанные сроки произошло сокращение удельного веса промышленно-занятых.

Замедленность роста занятости в промышленности некоторых развивающихся стран и даже снижение удельного веса промышленно-занятых имеют несколько причин. В общем плане это результат унаследованных от колониализма структурных особенностей данных стран, выражение их особой экономической отсталости, при которой слабость финансовых возможностей и нехватка

квалифицированных кадров тормозят развитие промышленности. Это также следствие давления мирового капиталистического рынка, иногда — сырьевая бедность. Это могут быть и определенные внутренние потрясения в той или иной стране. В каких-то случаях (пока редко относящихся к развивающимся странам) причиной сокращения удельного веса занятых в промышленных отраслях может быть также начавшийся переход от трудоемких к техноемким производствам. Поскольку речь идет о Бирме, то там с середины 60-х годов помимо фактора трудно изживаемой общей экономической отсталости, неблагоприятного воздействия мирового капиталистического рынка, а также влияния продолжавшегося повстанческого движения имелась и такая причина указанных выше тенденций, как крутая ломка прежних экономических порядков и резкое ограничение частного сектора.

Характерно, что земледелие и вообще все сельскохозяйственные отрасли Бирмы наряду с ростом абсолютного числа занятых в них показали за указанное 11-летие также увеличение удельного веса в составе всех работников (соответственно с 64,8 до 66,7% и с 66,6 до 69,3%) (см. прил. 64). Тенденция роста доли занятых в земледелии и в сельском хозяйстве в целом и одновременного удержания на одном уровне и даже падения доли занятого населения в промышленности противоречит общемировой и региональной [см. 282, 47—50].

В последующих параграфах мы отдельно рассмотрим положение с занятостью в государственном и частном секторах промышленности и всех промышленных отраслей. Здесь же, говоря о динамике занятости в промышленности, и особенно в обрабатывающей, а также в производственной инфраструктуре (строительстве, транспорте и связи), отметим только, что эта динамика определялась различными движениями государственного и частного секторов. С 1967/68 г., когда появилась раздельная статистика для обоих секторов собственности, по 1974/75 г. занятость в промышленности (добывающей, обрабатывающей и энергетике) возросла примерно на 127 тыс. человек в госсекторе и упала на 35 тыс. человек в частном секторе (здесь и ниже см. прил. 66). В строительстве и на транспорте со связью примерно из 163 тыс. человек общего прироста госсектор дал 101 тыс. В целом по промышленности и производственной инфраструктуре прирост занятых в 1967/68—1974/75 гг. составил свыше 254 тыс. человек, из которых 228 тыс. приходится на госсектор и только несколько более 26 тыс. — на частный сектор. В обрабатывающей промышленности численность работников за восемь лет увеличилась с 62,4 тыс. до 142 тыс., или почти на 80 тыс., при этом целиком за счет госсектора, так как в частном секторе занятость практически не изменилась (значительно упав в промежуточные годы и затем только восстановившись до прежнего уровня).

Приведенные выше цифры являются выражением процесса

концентрации труда, происходящего в новых условиях преимущественно или даже исключительно в рамках госсектора, который вобрал в себя наиболее крупные средства производства.

При этом не следует забывать обстоятельство, которое представляется важным для правильного восприятия картины в целом. Госсектор в 60-е годы создавался главным образом за счет национализации. Подавляющее большинство государственных предприятий, о которых речь шла ранее, — это предприятия не новые, а перешедшие из частного сектора. Перешли из частного сектора в государственный и рабочие и служащие национализированных предприятий. Произошло своеобразное перераспределение рабочей силы. Общая же занятость при этом мало изменилась. Так, за 1967/68—1971/72 гг. государственный сектор в добывающей и обрабатывающей промышленности увеличился на 52 тыс. человек, а частный потерял около 60 тыс. работников, т. е. в целом в этих отраслях имело место даже падение рабочей силы.

Все это было закономерно. Перераспределение труда общего количества труда не увеличивает. Динамика государственных предприятий и занятых на них, резко возрастающая в случае массовой национализации, на первых порах еще не выступает как внутреннее свойство развития самого госсектора, а является простым следствием внешних, количественных добавлений к нему.

Если взять динамику за более длительный период, то можно заметить, что зависимость числа занятых в госсекторе от числа занятых в частном секторе постепенно ослабевает и госсектор в этом смысле приобретает самостоятельное значение. За 1967/68—1974/75 гг. число занятых на государственных предприятиях добывающей и обрабатывающей промышленности выросло примерно на 123 тыс., а на частных сократилось на 35 тыс. (увеличившись на 25 тыс. по сравнению с уровнем 1971/72 г.).

2. НОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПОВ УЧЕТА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Последние данные о фабричной промышленности Бирмы по системе, сложившейся во второй половине 50-х годов, относятся к 1962/63 финансовому году. Тогда было зафиксировано 2466 предприятий обрабатывающей промышленности с 10 и более рабочими на каждом и около 128 тыс. занятых на них (см. прил. 29). В течение нескольких последующих лет данные о фабричных предприятиях и занятости вовсе не публиковались, а во второй половине 60-х годов стали сообщаться сведения уже по новой системе учета.

Впервые эти новые данные фабричной статистики появились в отчете Революционного совета о бюджете на 1966/67 г. Они

представляли собой отраслевые сведения о числе «предприятий, которые занимались промышленной деятельностью различного рода и получали годовой доход более 4200 джа», т. е. свыше необлагаемого подоходным налогом минимума [92, 20]. При сложении отраслевых материалов общее число таких предприятий получалось равным 6324. Но в источнике этого показателя не было, как не было указания на год или сектор собственности, которых эти цифры касались.

Однако следующий отчет о бюджете (на 1967/68 г.) вносил некоторую ясность. Он сообщал, что в 1965 и 1967 гг. в стране имелось соответственно 6310 и 8918 частных предприятий обрабатывающей промышленности, причем в отношении 1965 г. снова указывалось, что речь идет о предприятиях с годовым доходом более 4200 джа [93, 54, 55]. Давалась также отраслевая структура таких предприятий. В том же источнике впервые публиковались сведения о числе государственных фабрик и заводов: на 1967 г. называлось 1082 действующих государственных предприятия и 99 строящихся — всего 1181 [93, 53] [2].

Следовательно, речь шла прежде всего о большом расширении учета, благодаря которому общее число зарегистрированных предприятий за три — пять лет увеличилось в 3—4 раза. Нетрудно понять, что столь резкое увеличение могло произойти прежде всего из-за включения в данные мелких промышленных единиц, в том числе предприятий домашней промышленности. Ведь годовой доход порядка 4200 джа был тогда доходом среднего чиновника. Поэтому, хотя в отношении вышеуказанных 6324 предприятий ничто другое, кроме дохода, не оговаривалось, очевидно, что большинство их было по тем или иным признакам мельче прежних, официально фиксируемых как фабричные предприятия.

В дальнейшем учет предприятий обрабатывающей промышленности, по-видимому, еще более изменился. По существу, речь шла об изменении учета частных предприятий, ибо государственные учитывались, так сказать, автоматически. Число рабочих на предприятии (больше или меньше 10) по-прежнему принципиального значения не имело. Вероятно, сохранялся критерий ежегодного дохода более 4200 джа. Самым важным моментом стала официальная регистрация предприятия, дававшая ему право на получение сырья из государственных фондов или — что то же самое — на легальное существование. Частное предприятие регистрировалось, если оно рассматривалось как нужное или полезное. В противном случае оно не регистрировалось и тем самым лишалось сырья и возможности нормально функционировать.

Новые частные предприятия (в результате изменения подхо-

---

[2] В последующих изданиях цифры на этот же год были уменьшены (см. прил. 57).

да в 1963 г.) вообще не должны были регистрироваться и получать сырье. Позже значительную роль при регистрации стали играть соображения властей о поддержании максимально возможного уровня занятости, которая при создавшейся конъюнктуре начала в частном промышленном секторе резко снижаться.

Так или иначе, в результате обновления критериев возникла та новая серийная промышленная статистика, которая отражена в прил. 57. Эта статистика зафиксировала во второй половине 60-х — начале 70-х годов соответственно 17,5—15,8 тыс. зарегистрированных предприятий обрабатывающей промышленности, в том числе примерно 1,0—1,5 тыс. государственных, 16,5—14,2 тыс. собственно частных и несколько десятков или даже больше ста предприятий кооперативных или частных, но находящихся под государственным надзором.

Таким образом, на базе данных второй половины 60-х — самого начала 70-х годов по сравнению с положением в начале 60-х годов, когда фиксировалось примерно 2,5 тыс. фабричных предприятий, увеличение числа предприятий обрабатывающей промышленности оказывается многократным.

Возникает вопрос: каким же образом это произошло? Выше приводились соображения о расширении учета самых мелких производственных единиц, в том числе семейных. Это и было подтверждено соответствующими рубриками новой промышленной статистики. Начиная с 1966/67 г. (в отношении частных предприятий) и 1968/69 г. (всех предприятий) публикуются материалы о размерах предприятий по числу рабочих и о численности предприятий разных размеров (см. прил. 62 и 63). Из этих материалов видно, что примерно $^2/_3$—$^3/_4$ предприятий составляли именно предприятия с числом рабочих менее 10, т. е. те, которые ранее относились к мелкой («домашней») промышленности и тем самым отделялись от промышленности фабричного типа.

Но это не объясняет дела полностью. Ведь из указанных материалов также следует, что число предприятий с 10 и более рабочими составляло в те же годы примерно 6—4 тыс., т. е. приблизительно на 3,5—1,5 тыс. единиц больше, чем в 1962/63 г. (ср. прил. 29 и 63). Можно ли предположить, что такое увеличение было результатом действительного роста числа предприятий, которые по закону 1951 г. фигурировали как фабричные? Это предположение, учитывая характер экономической политики, принять трудно. На практике происходило главным образом закрытие, а не открытие частных фабричных производств, о чем, например, свидетельствует вышеприведенная статистика.

Тем не менее по конъюнктурным причинам и в порядке форсированного обстановкой перелива капитала иногда происходил рост числа некоторых частных предприятий, хотя бы в значительной мере и на нелегальной основе. К середине 60-х годов был особенно отмечен рост числа предприятий по производству черутов. Из-за неурожая черутного листа в предыдущие годы и

дефицита этих местных сигар при росте спроса на них, а также из-за дробления прежних черутных предприятий (в целях обхода законов) в 1963—1965 гг. число черутных предприятий в Бирме почти удвоилось и к концу декабря 1965 г. стало составлять 3214 единиц с 53,7 тыс. рабочих [373, 11.VI.1966].

Само наличие этих цифр говорило о том, что власти были хорошо осведомлены о происходившем. Но в какой мере такого рода предприятия подходили для официальной статистики? Ведь черутные предприятия, даже крупные, — это, как правило, ручные производства. Здесь мы вынуждены предположить, что в промышленной статистике, которая оформилась в Бирме со второй половины 60-х годов (и отражена в соответствующих приложениях), произошло по крайней мере одно существенное изменение, а именно перестал действовать критерий применения энергии, который предусматривался фабричным законом 1951 г. (Напомним, что по этому закону стали считаться фабричными и предприятия с 10—19 рабочими, если на этих предприятиях применялась энергия, что было не обязательно для отнесения к фабричным предприятий с 20 рабочими и более.) Тем самым, согласно предположению, был вновь резко расширен учет предприятий. По-видимому, даже критерий ежегодного дохода предприятия более 4200 джа перестал играть главенствующую роль. Это должно было означать, что в общее число промышленных предприятий теперь попали сотни и тысячи таких, где и рабочих было на уровне прежнего самого низкого фабричного показателя и в то же время не имелось механического двигателя, работающего от какого-либо источника немускульной энергии. Среди этих предприятий большую долю должны были составлять как раз черутные производства, учитывавшиеся в группе предприятий пищевой промышленности, не говоря уже о собственно пищевых предприятиях[3].

Следовательно, в число промышленных предприятий Бирмы было дополнительно включено множество мелких производственных единиц. Одни из них были чисто домашними предприятиями, другие — предприятиями с небольшим числом наемных рабочих и без машин.

С 1972/73 г., как видно из данных прил. 57, в Бирме произошло новое крупное увеличение числа зарегистрированных промышленных предприятий. В 1971/72 г. их было около 16 тыс., а в последующие годы — более 28—29 тыс. Сведения о динамике предприятий в разных секторах собственности по отраслям и размерам предприятий за 70-е годы (см. также прил. 59, 60 и 63) показывают: этот скачок был результатом почти исключительно того, что статистика с 1972/73 г. начала включать в состав частного сектора дополнительно 12—13 тыс. текстильных предприя-

[3] В 1971/72 г. в частном секторе было свыше 7,3 тыс. предприятий, относимых к пищевой промышленности, из них 4,4 тыс. — с числом рабочих менее 10 и 2,8 тыс. — с 10—50 рабочими (см. прил. 61).

тий. Учет был распространен на мелкие и самые мелкие текстильные производства, в основном ручные и с небольшим числом работников. Хотя в первые два года с момента расширения этого учета (1972/73 и 1973/74) новое пополнение предприятий в 12—13 тыс. единиц распределялось примерно поровну по двум группам предприятий — с числом рабочих до 10 и с 10—50 рабочими, данные 1974/75 г., как более «устоявшиеся», продемонстрировали, что эти текстильные предприятия частного сектора относились почти целиком к самой мелкой группе предприятий (до 10 рабочих). Следовательно, и в этом случае увеличение численности регистрируемых промышленных предприятий фактически произошло за счет предприятий мелкой («домашней») промышленности.

Несомненно, что расширение промышленного учета было (как и ранее при аналогичных обстоятельствах) благоприятным моментом как для промышленности, так и для самих рабочих. Что касается рабочих, то это усиливало государственную инспекцию условий их труда (пусть даже не на всех и даже не на большинстве учитываемых предприятий) и ограничивало в какой-то мере произвол предпринимателей. Так, в 1970/71 г. из 17 706 всех промышленных предприятий и учреждений Бирмы законы о труде применялись на 4617 [373, 30.III.1971]. Это было больше, чем за 8—10 лет до того, когда речь могла идти примерно о 2,5—2,8 тыс. предприятий. В 1962—1966 гг. государственной инспекции с целью внедрения фабричного законодательства подверглось около 42 тыс. промышленных предприятий (с учетом, видимо, повторных проверок) [373, 28.IV.1966].

Но вместе с тем нельзя не видеть, что произошло дальнейшее «разбавление» официально учитываемых промышленных предприятий еще более мелкими, чем прежде, «дофабричными» предприятиями. И это следует принимать в расчет при рассмотрении вопроса о границах и численности современного промышленного пролетариата страны.

Надо особо отметить, что перестали публиковаться данные о численности рабочих (занятых) на учитываемых промышленных предприятиях. Тем самым промышленная статистика стала весьма ограниченной. Естественно, что это создает трудности при исчислении промышленного пролетариата.

Анализ серийных данных по промышленным предприятиям, которые по числу рабочих в прошлом относились к фабричным, показывает, что во второй половине 60-х—начале 70-х годов наибольшее сокращение испытала как раз эта группа предприятий, хотя именно она до этого численно увеличилась сильнее всего. Сокращение по всем государственным и частным предприятиям этой группы, т. е. по предприятиям с 10 и более рабочими, составило в 1968/69—1971/72 гг. более 25% (см. прил. 62). Если же взять одни частные предприятия той же группы за несколько более продолжительный период, то здесь падение было равно поч-

ти 42%: в 1966/67 г. их было 6221, в 1971/72 г. — только 3616 (см. прил. 63).

Вместе с тем за 1968/69—1974/75 гг. эта группа предприятий по государственному и частному секторам уменьшилась на 15%, а по одному частному сектору — на 39% (см. прил. 62 и 63). Такое ослабление сокращения явилось результатом прежде всего упоминавшегося выше включения в статистику большой группы частных промышленных предприятий. Очевидно, однако, что, поскольку в 1968/69 г. они были вне статистики, данные о сокращении за весь период 1968/69—1974/75 гг. следует считать сугубо условными и не показывающими реально происшедших за этот срок изменений в численности промышленных предприятий прежней фабричной группы.

Таким образом, изменение учета привело первоначально к резкому, но искусственному (статистическому) увеличению бывшей фабричной (по числу рабочих) группы промышленных предприятий. Однако в реальных экономических условиях Бирмы второй половины 60-х — начала 70-х годов она же подверглась и наибольшему размыванию.

3. ДИНАМИКА ЧИСЛА ПРЕДПРИЯТИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ЧАСТНОГО СЕКТОРОВ В ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Несмотря на свою ограниченность, промышленная статистика второй половины 60-х — начала 70-х годов была и остается единственным источником для оценки численности предприятий обрабатывающей промышленности Бирмы на современном этапе, динамики этой численности за ряд лет, структуры предприятий по числу занятых на них рабочих и, наконец, соотношений соответствующих показателей в государственном и частном секторах.

В государственном секторе преимущественно в результате национализации, как говорилось выше, в 60-х годах произошел большой рост числа предприятий. Статистически этот рост может быть прослежен только с 1966/67 г., поскольку ранее данные не публиковались. В 1966/67 г. в обрабатывающей промышленности действовало 887 государственных предприятий, в 1974/75 г., через восемь лет, — 1461 (см. прил. 57), или, как уже отмечалось, примерно в 50 раз больше, чем в конце 50-х годов.

Число государственных предприятий увеличивалось быстрыми темпами до 1969/70 г. После национализации в 1968/69 г. 238 предприятий госсектор располагал в 1969/70 г. 1394 действующими предприятиями обрабатывающей промышленности. В 1972/73 г. их стало 1475. В последующие два года число предприятий госсектора несколько сократилось. Вероятно, это было вызвано в основном укрупнением предприятий. Вообще же видно,

что с конца 60-х годов рост числа промышленных предприятий госсектора сильно замедлился. Между 1969/70 и 1974/75 гг. прирост действующих предприятий составил всего 67 единиц, из которых 59 явились результатом национализации.

Фактором роста госсектора помимо национализации могло быть, естественно, только новое строительство. К сожалению, соответствующие сведения не всегда четки. По источникам (см. прил. 57) можно судить о том, сколько предприятий в каждом году числилось строящимися, но не о том, сколько последовательно вводилось в строй. В 70-е годы, например, число предприятий, относимых к строящимся, колебалось от 50 до 21. Поскольку в 1969/70—1974/75 гг. национализация проводилась только однажды и охватила 59 предприятий, а увеличение числа действующих предприятий госсектора составило лишь 67, можно предположить, что вводившиеся ежегодно в действие новостройки исчислялись в среднем единицами.

В 1969 г. были опубликованы официальные плановые наметки о строительстве в 1969/70—1976/77 гг. 32 государственных промышленных предприятий с разбивкой по годам [95, 62—63]. В 1970 г. появился список строящихся и планируемых объектов госсектора на период с 1970/71 по 1974/75 г., также с разбивкой по годам; в нем значилось 16 предприятий [44, 74]. В следующем, 1971 г. были обнародованы новые данные, согласно которым в 1970/71—1974/75 гг. предусматривалось построить 49 государственных промышленных предприятий (включая 4 цеха), из них 3—в 1970/71 г., 20 — в 1971/72 г., 12 — в 1972/73 г., 6 — в 1973/74 г. и 8 — в 1974/75 г. [373, 10.X.1971]. Их можно сгруппировать следующим образом:

Рисорушки, включая два мукомольчых завода	11
Лесопилки	7
Кирпичные, керамические и цементно-асбестовые заводы	6
Предприятия по производству текстиля, брезента и веревок	5
Нефтеперерабатывающие предприятия, включая завод растворителей	4
Маслобойки	4
Свечные заводы	3
Заводы по производству удобрений	2
Предприятия по производству химического волокна	1
Машиностроительные предприятия	1
Сигаретные фабрики	1
Спиртовые заводы	1
Солеварни	1
Другие предприятия	2

Эти данные были в целом подтверждены материалами 1972/73 г. [см. 97, кн. 1, 87—88]. Тем самым план промышленного строительства обрел более или менее устойчивую форму.

Первые сводные данные об осуществлявшемся в период Революционного совета промышленном строительстве были сообщены на I съезде ПБСП в середине 1971 г. Согласно им, в 1962—

1971 гг. в стране было построено 17 фабричных предприятий и 15 находились в процессе строительства [59, 55].

В 1972 г. появились официальные материалы о 20 предприятиях, строительство которых было завершено в 1971/72 г. [373, 9.X.1972]. Годом позже, в 1973 г., были опубликованы данные о 30 законченных новостройках (включая 3 цеха), которые в 1971/72 или 1972/73 гг. уже давали продукцию [см. 97, кн. 1, 83—84]. Среди них было 9 лесопильных и деревообрабатывающих, 2 текстильных и 4 веревочных предприятия, 3 кирпичных и керамических завода, 2 рисорушки, 2 завода по производству свечей, 1 маслобойка, 1 завод удобрений, 1 сигаретная фабрика, 1 спиртовой завод, 1 завод смазочных масел, 1 солеваренный завод и 2 прочих предприятия.

В 1965—1972 гг., т. е. за 8 лет, одна Корпорация промышленного развития, главное государственное промышленное объединение страны, построила 14 новых предприятий (включая 3 цеха), среди которых было 4 кирпичных завода (из них 1 цех), 2 керамических (в том числе 1 цех), 2 текстильных предприятия (включая 1 цех), 1 завод удобрений, 1 сахарный завод, 1 цементный цех, 1 сигаретная фабрика и 1 спиртовой завод [363, 19.III. 1973].

Однако список новостроек этим не ограничивается. К нему нужно добавить новые железнодорожные мастерские в Мандалае, локомотивное депо в Сикайне, где ремонтируются локомотивы и строятся вагоны [59, 55]. Локомотивное депо в Сикайне, например, — это крупное предприятие (занимает площадь более 17 га) [373, 15.III.1971; 8.I.1972]. Было завершено сооружение также довольно большой верфи в Синмалайе (под Рангуном), где производится как ремонт судов, так и строительство новых кораблей (водоизмещением в несколько сот тонн). Кроме того, надо упомянуть ряд предприятий, особенно сборочных, строительство которых было начато еще до 1962 г., но которые стали давать продукцию в основном с середины или даже с конца 60-х годов. Это прежде всего авто-, тракторо- и велосборочные предприятия и предприятия по радиосборке. Это также предприятия по производству сельскохозяйственного инвентаря, дизельных водных насосов. Во второй половине 60-х годов сборочные предприятия Бирмы стали ежегодно выпускать 7—10 тыс. велосипедов, 1,5—2 тыс. автомашин, несколько сот тракторов [97, кн. 1, 85—86]. Ежегодно стали изготовляться несколько тысяч дизельных водных насосов, расширено до нескольких миллионов единиц производство простых сельскохозяйственных орудий [44, табл. 23, 39; 96, кн. 2, 58—61]. Ряд новых производств, вошедших в строй в 60-е годы, в том числе некоторые сборочные предприятия, увеличили число предприятий тяжелой промышленности.

Таким образом, судя по приведенным данным, с середины 60-х годов в обрабатывающей промышленности госсектора появилось примерно четыре — четыре с половиной десятка новых

промышленных предприятий и цехов. С учетом планов и капиталовложений[4] рост за счет новостроек был в целом скромным, но, по-видимому, несколько более энергичным, чем в 50-е годы.

Помимо непосредственных экономических трудностей тормозящую роль играла также повстанческая деятельность, отвлекавшая много внимания и средств и наносившая материальный ущерб хозяйству. Сказывалось и влияние бирмано-китайских столкновений в Бирме в 1967 г. и происшедшее тогда же свертывание китайско-бирманского соглашения 1961 г. об экономическом и техническом сотрудничестве, по которому Бирме был предоставлен заем в 30 млн. ф. ст. (400 млн. джа) для строительства различных хозяйственных объектов [132, 143—144]. Китайско-бирманское соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве, на которое в Бирме делали определенную ставку, было возобновлено лишь в конце 1971 г.

Но даже при таких неблагоприятных условиях госсектор выглядел динамичным в сравнении с частным сектором, число предприятий которого сильно сокращалось. Это было вполне естественным, поскольку госсектор не только вобрал в себя все самые крупные предприятия частного сектора, но и был единственным строителем новых, также относительно самых крупных промышленных объектов.

Структура госсектора по размерам предприятий (числу рабочих на предприятии) стала резко отличаться от существовавшей в промышленности в целом до начала 60-х годов. Она стала более передовой и современной как раз за счет концентрации в госсекторе наиболее крупных предприятий.

Согласно данным на 1971/72 г., из 1011 государственных предприятий лишь 194 были предприятиями с числом рабочих менее 10, или немногим более 19%, тогда как в составе «чистого» частного сектора эта группа предприятий составляла почти 75% (здесь и ниже расчет по прил. 58). Соответственно доля предприятий с прежним фабричным уровнем рабочих, т. е. 10 рабочими и более, составляла в госсекторе свыше 80%, а в частном — только 25%. Свыше половины предприятий госсектора были в 1971/72 г. такими, на которых работало 51 и более рабочих. Эта же группа предприятий в частном секторе составляла примерно 1%. Что же касается группы самых крупных предприятий, на которых работало более 100 рабочих, то ее удельный вес был в государственном секторе около 32%, а в частном менее 0,2%. В абсолютном выражении таких предприятий в госсекторе было 321, а в частном секторе всего 22. В 1974/75 г. пропорции соответствующих групп предприятий по секторам в принципе сохранились.

---

[4] Согласно политическому отчету ЦОК ПБСП на I съезде ПБСП в 1971 г., государственные капиталовложения в промышленность в 1961/62—1969/70 гг. составляли более 1,26 млрд. джа (против 397 млн. джа в 1952/53—1960/61 гг.) [59, 64].

Если судить по прежним фабричным критериям, т. е. по предприятиям только с 10 рабочими и более, то процентное соотношение различных групп предприятий внутри государственного и «чистого» частного секторов, а также по всем секторам вместе (включая кооперативные и поднадзорные предприятия) выражалось в 1971/72 и в 1974/75 гг., согласно данным прил. 58, в цифрах, приведенных в табл. 10.

Таблица 10

Число занятых на предприятии	Госсектор		„Чистый" частный сектор		Все сектора	
	1971/72 г.	1974/75 г.	1971/72 г.	1974/75 г.	1971/72 г.	1974/75 г.
10—50	33,5	43,1	95,6	95,9	83,7	82,4
51—100	27,2	22,4	3,8	3,4	8,6	8,3
Свыше 100	39,3	34,5	0,6	0,7	7,7	9,3

Как видно, и с точки зрения прежней фабричной статистики структура госсектора стала несравнимой со структурой частного сектора. Примерно $^2/_3$ всех государственных предприятий в 1971/72 г. и около $^3/_5$ в 1974/75 г. при таком подходе составляли предприятия с 51 рабочим и более, тогда как в «чистом» частном секторе этот показатель не достигал и $^1/_{20}$. Для сравнения напомним, что в конце 50-х — начале 60-х годов предприятия этой группы образовывали примерно $^1/_5$—$^1/_4$ всех фабричных предприятий (см. табл. 8).

О динамике предприятий частного сектора можно судить на большем материале, охватывающем 1966/67—1974/75 гг., т. е. девять лет. В отличие от госсектора здесь большинство количественных показателей ухудшилось.

Для сопоставления приводится итоговая таблица динамики предприятий частного сектора между 1966/67 и 1974/75 гг., сделанная на основе абсолютных данных прил. 63 (табл. 11).

Сопоставляя прежде всего данные 1966/67 и 1971/72 гг., мы видим, что за период, ограниченный этими годами, произошло общее сокращение числа зарегистрированных частных предприятий (на 14,2%). Чем крупнее группа предприятий по числу рабочих, тем сильнее было это сокращение. Лишь по самым мелким предприятиям (до 10 рабочих), отнесенным к «домашней промышленности», частный сектор показал небольшой рост (2,4%).

Требует особого упоминания то обстоятельство, что по предприятиям с числом рабочих от 10 (т. е. с фабричным уровнем занятых) сокращение составило почти 42%: в 1966/67 г. было 6221 частное предприятие такого рода, в 1971/72 г. — только

Таблица 11

Число рабочих на предприятии	Изменение по сравнению с 1966/67 г., %	
	1971/72 г.	1974/75 г.
Менее 10	+2,4	+125,5
10—50	−37,4	−33,7
51—100	−68,9	−70,8
Свыше 100	−91,4	−90,6
Всего . . .	−14,2	+64,0
В том числе от 10 и более	−41,9	−38,7

3616, или меньше на 2605 предприятий (см. прил. 63). В государственном секторе в 1971/72 г., по нашим подсчетам, было сосредоточено примерно 1 тыс. предприятий с таким же числом рабочих (см. прил. 61 с прим. 2). Но это означает, что за 1966/67—1971/72 гг. в стране перестало существовать по меньшей мере в 2,5 раза больше фабричных по числу рабочих предприятий, чем к концу срока оказалось сосредоточено в государственном секторе.

В целом на начало 70-х годов можно констатировать серьезное ослабление производительных сил в стране, что сыграло негативную роль как в чисто экономическом, так и в социальном плане.

Неудивительно, что на рубеже 60—70-х годов в Бирме произошло общее сокращение зарегистрированных промышленных предприятий (безотносительно к их размерам). В 1968/69 г. их было округленно 17,2 тыс., а в 1971/72 г. — 15,4 тыс. (см. прил. 62). Таким образом, в те годы интенсивность распада промышленного частного сектора в целом подавляла тенденцию к численному возрастанию государственного сектора и некоторому увеличению числа мельчайших промышленных предприятий в составе самого частного сектора.

Это явление не ускользнуло от внимания бирманской печати. Например, в статье, опубликованной 27 февраля 1973 г. в газете «Ботатаун», отмечалось, что в ходе борьбы против «капиталистическо-феодальной системы» в Бирме «были уничтожены многочисленные капиталистические предприятия в промышленности, на транспорте и в торговле»; одновременно создавалась новая система, которая представлена государственным сектором хозяйства в разных отраслях и должна заменить старую; но уничтожение старой системы шло быстро, а создание новой отставало. По существу, речь в статье шла о преобладании темпов разрушения производительных сил над темпами их созидания. Га-

зета «Лоута пьиду нейзин» 8 февраля 1975 г. писала: «Значительное число предприятий в государственном секторе действует не на полную мощность вследствие трудностей с сырьем, ряд кооперативных предприятий в той или иной мере также приостанавливает работу — некоторые из них на протяжении года действуют лишь в течение трех месяцев. В аналогичном положении находятся частные предприятия».

Как уже отмечалось, с 1972/73 г. в результате включения в списки 12—13 тыс. частных ткацких предприятий, в основном мелких и ручных, число зарегистрированных частных промышленных предприятий резко увеличилось (см. прил. 62 и 60). Из табл. 11 видно, что за 1966/67—1974/75 гг. оно возросло на 64%, при этом число самых мелких предприятий увеличилось на 125,5%. Это изменение является в основном статистическим, но отчасти оно отражает тенденцию в Бирме середины 70-х годов к поощрению в определенных пределах мелкого промышленного предпринимательства и ремесленного производства. По сравнению с промежуточной датой — 1971/72 г. — несколько возросло (на 200 с небольшим единиц) число частных промышленных предприятий, так сказать, средне-мелкой группы (с 10—50 рабочими) (см. прил. 63). Средне-крупная и крупная группы предприятий по отношению к 1971/72 г. остались практически неизменными. В результате (в сравнении опять же с 1971/72 г.) увеличилось число предприятий всей прежней фабричной группы (т. е. с 10 рабочими и более), и это увеличение составило ровно 200 предприятий. Следовательно, оживление фабричной промышленности в частном секторе, как вытекает из приведенных данных, еще очень осторожное и незначительное. Число частных предприятий фабричного характера составляло и в 1974/75 г. примерно только 61% уровня 1966/67 г., причем более крупных групп предприятий — и того меньше (соответственно 29 и 9%).

Динамика промышленных предприятий представляет особый интерес с точки зрения того, как она сказывалась на промышленном рабочем классе, на его занятости и численности.

4. ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ ЗАНЯТЫХ НА ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Задача исчисления промышленного пролетариата Бирмы на нынешнем этапе развития страны весьма сложна. Главная трудность заключается в том, что, как уже упоминалось, после 1962/63 финансового года в Бирме перестали публиковать статистические данные фабричной и горнодобывающей промышленности о числе занятых рабочих.

Нельзя сказать, что информация, из которой можно почерпнуть какие-то сведения о промышленном пролетариате, полно-

стью отсутствует. Есть, например, приводившиеся ранее данные о количестве и динамике промышленных предприятий за ряд лет. Известно кое-что о характере учитываемых промышленных предприятий, об их соотношении по числу рабочих. Появились также сведения об общем числе работников, занятых в промышленности, в том числе в государственном и частном секторах раздельно. Особенно интересны и подробны они по госсектору, о чем речь пойдет особо. Некоторые данные публикуются бирманской печатью, как текущие и обычно неофициальные. Имеются материалы об общем положении бирманской промышленности, об официально регистрируемой безработице, о статистике социального страхования, о трудовых конфликтах. Однако вся эта информация применительно к рабочему классу, как правило, частичная, косвенная, в своем конкретном виде относится лишь к отдельным предприятиям и не может дать непосредственного ответа на вопрос о численности промышленного пролетариата Бирмы. К тому же некоторые из имеющихся официальных данных публикуются в таком виде, что затрудняют проведение даже косвенных подсчетов численности рабочих [5].

Очевидно, что при недостатке исходных материалов речь может идти лишь о примерных, ориентировочных оценках, основанных на экстраполяции. Более того, заранее ясно, что полученными оценками вряд ли следует безоговорочно пользоваться как абсолютными величинами. Это показатели скорее тенденции развития за соответствующий период, чем достигнутого уровня этого развития. И дело здесь не столько в возможной технической неточности исчисления, сколько во введении таких измененных критериев учета, которые исключают прямое сравнение нынешнего положения с предыдущим.

В прил. 75 и 76 сделаны две попытки оценить численность рабочих на зарегистрированных предприятиях обрабатывающей промышленности Бирмы в конце 60-х — начале 70-х годов путем экстраполяции (двумя вариантами). Эти оценки основаны на анализе данных о числе указанных предприятий с использованием специально вычисленных коэффициентов (см. прим. 3 и 4 к прил. 75). По всем предприятиям в 1968/69—1971/72 гг. эти оценки колеблются от 340—360 тыс. до 250—270 тыс., по частным предприятиям в 1966/67—1971/72 гг. (на два года больше) — от 335—355 тыс. до 150—170 тыс. человек. Что касается предприятий с 10 и более рабочими (т. е. с фабричным числом их), то

---

[5] Например, в конце 60-х годов, после того как прекратилась публикация данных о промышленных предприятиях, была введена резко укрупненная группировка предприятий по числу рабочих. К самой мелкой группе фабричных предприятий стали относиться те, на которых работает от 10 до 50 рабочих. Ранее, в 50-х годах, в этих рамках было три группы предприятий (с 10—14, 15—19 и 20—49 рабочими). Естественно, что при такой укрупненности показателя сейчас трудно надежно оценить число рабочих даже в рамках одной группы.

здесь оценки по всем предприятиям даются в рамках от 305 тыс. до 215 тыс., по частным предприятиям — от 305 тыс. до 120 тыс. человек.

Как видно, общей тенденцией в подпериод до 1971/72 г. было снижение занятости в зарегистрированной обрабатывающей промышленности страны, прежде всего за счет сокращения частного сектора.

Что касается подпериода 1971/72—1974/75 гг., то на этом отрезке занятость стала подниматься. За указанные четыре года она по всем предприятиям выросла на 70—110 тыс. человек, по частным — на 45—70 тыс. В группах предприятий с фабричным числом занятых общее увеличение составило 35—45 тыс. человек, а в частном секторе — 10—5 тыс. Здесь надо отметить, что видимая тенденция к возрастанию занятости явилась результатом главным образом расширения учета и включения в регистрационные списки большого количества мелких частных ткацких предприятий, о чем ранее уже говорилось, и имела по преимуществу статистический характер [6]. Характерно, что начальные уровни занятости второй половины 60-х годов были к середине 70-х годов превышены лишь в тех группах предприятий, в которые вошли самые мелкие предприятия, но и то не во всех случаях В фабричных же группах предприятий, особенно частных, о превышении прежних показателей пока не могло быть речи, так как само восстановление занятости в них к середине 70-х годов было очень незначительным.

Как легко убедиться, приведенные оценки на вторую половину 60-х — начало 70-х годов значительно превышают все предыдущие показатели численности фабричных рабочих и в ряде случаев даже совокупную численность рабочих всего современного сектора хозяйства начиная с предвоенного максимума. Это и не могло быть иначе, ибо статистика конца 60-х — начала 70-х годов стала охватывать дополнительно многие тысячи предприятий (особенно после включения в нее в 1972/73 г. большого числа частных ткацких предприятий), которые по прежней статистике отнюдь не относились к фабричным. Среди них были не только предприятия мелкой («домашней») промышленности, но и предприятия, которые, хотя и имели фабричный уровень рабочих (10 и более), не являлись фабричными по другим критериям фабричного законодательства («безэнергетические», ручные производства, нередко сезонные, временные). Соответствующим образом большая часть занятых на промышленных предприятиях, которые охватила новая статистика, относилась еще к полупролетариату, мануфактурному пролетариату. Поэтому получен-

---

[6] Советский экономист И. В. Васильев со ссылкой на бирманскую печать [370, 19.IX.1959] писал, что в ткацкой промышленности Бирмы в 1959 г. насчитывалось 435 тыс. работников, из которых лишь несколько тысяч могли быть отнесены к занятым в фабрично-заводской промышленности [153, 9]. Пропорция такого рода с тех пор вряд ли изменилась.

ные экстраполяцией вышеуказанные оценки численности рабочих на зарегистрированных промышленных предприятиях Бирмы конца 60-х — начала 70-х годов не являются оценками численности фабричных рабочих, даже если эти оценки были сделаны по предприятиям с 10 и более рабочими.

Для того чтобы определить численность фабричного пролетариата, приведенные оценки должны быть сокращены. Однако математическими основаниями для такого рода сокращения автор не располагает. Поэтому целесообразно рассмотреть вопрос «изнутри», с точки зрения занятости в обоих промышленных секторах — государственном и частном.

5. ЧИСЛЕННОСТЬ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ И ИХ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОГО ЯДРА

Численность основного состава работников государственного сектора, т. е. тех, которые получили соответствующее официальное назначение (или состояли в штате учреждений и предприятий), в 1956—1971/72 гг. изменялась следующим образом (в тыс. человек) [см. 303, 69—70; 89, 65; 95, 94; 44, 127; 96, кн. 1, 130] [7]:

1956 г. — 220,7	1966/67 г. — 614,6	1969/70 г. — 732,5
1963/64 г. — 298,0	1967/68 г. — 680,3	1970/71 г. — 823,1
1964/65 г. — 555,4	1968/69 г. — 734,6	1971/72 г. — 854,9

Нетрудно убедиться, что, согласно этим данным (назовем их условно департаментскими), наемный труд госсектора увеличился за 15 лет почти в четыре раза.

Для отдельных лет департаментская статистика давала разбивку работников госсектора по служебно-социальным и некоторым другим категориям. Так, из 220,7 тыс. занятых в госсекторе в 1956 г. несколько более 20 тыс. человек принадлежало к руководящим работникам высшего и среднего звена, 96 тыс. — к конторским служащим и 104 тыс. — к рядовым работникам [см. 303, 70]. Собственно рабочих по этим данным выделить трудно, но известно, что в составе упомянутых 104 тыс. рядовых работников 48 тыс. относились к хозяйственным управлениям и корпорациям, а около 56 тыс. — к министерствам и ведомствам. (Напомним снова, что на конец 50-х годов численность занятых

[7] Терминологически речь идет о «правительственных (или государственных) служащих» (government employees, public servants), «правительственных служащих и рабочих» (по-бирмански — асоя вунданмья хнин алоутамамья), иногда просто о «государственных работниках (рабочих)» (state workers, public workers) или о «работниках (рабочих) государственного сектора» (workers of the state sector). Во всех этих случаях имеются в виду наемные работники государственного сектора, т. е. служащие и рабочие государственных учреждений и предприятий. Годы обусловлены наличием у автора соответствующих материалов.

в государственной фабрично-заводской промышленности Бирмы оценивалась примерно в 20 тыс. [153, 46].)

Данные 1963/64 г., в свою очередь, интересны тем, что содержат сведения о постоянных и временных работниках. Из 298 тыс. всех занятых в госсекторе более 104 тыс. (свыше трети) значились как временные [89, 65].

В дальнейшем численность работников госсектора и разных категорий их сильно возросла. По данным на 1964/65 г., из 555,4 тыс. работников 205 тыс. были заняты в хозяйственных управлениях и корпорациях и 350 тыс. — в министерствах и ведомствах, включая около 30 тыс. работников местных органов власти. В 1968/69 г. из 734,6 тыс. работников госсектора в хозяйственных организациях работало уже более 335 тыс. человек, а в министерствах и ведомствах — около 400 тыс. [95, 94].

Выше говорилось об основном составе работников госсектора. Кроме них за некоторые годы учитывались и добавлялись к общей массе занятых в госсекторе работники, которые не имели официального назначения, но привлекались в течение года к той или иной работе (в порядке, возможно, общего набора на сроковую, поденную работу). В 1964/65 г., например, таких, по неполным данным, насчитывалось около 30 тыс., а в 1968/69 г. — уже 432 тыс. [95, 94]. В последнем случае это было почти на 100 тыс. человек больше, чем числилось в рамках основного состава работников госсектора, занятых в хозяйственных управлениях и корпорациях.

Таким образом, общее количество работников госсектора было выше, чем указывалось в начале параграфа. В 1964/65 г., например, их было, по итоговым данным, 585 тыс., а в 1968/69 г. — более 1166 тыс. Хотя по другим годам такими обобщенными сведениями департаментской статистики мы не располагаем, можно считать, что и в эти годы масштабы занятости в госсекторе были в целом более крупными.

Указание на основной и привлекаемый в течение года состав работников государственного сектора позволяет понять данные о числе занятых в госсекторе, сообщаемые статистикой рабочей силы Бирмы (в отличие от вышеприведенных департаментских данных). Дело в том, что данные статистики рабочей силы, как показывает сравнение, весьма сильно превосходят сведения департаментской статистики по основному составу занятых и в то же время довольно близки цифрам по всему составу госсектора. Так, в 1967/68—1971/72 гг. численность основного состава госсектора по департаментской статистике была в рамках 680—855 тыс., а по статистике рабочей силы (см. прил. 66) она составляла 783—1153 тыс. (по отдельным годам периода превышение равнялось от 15 до 44%) [91—97а; 44—48]. Однако данные по полному составу госсектора, например в 1968/69 г., и соответствующие сведения статистики рабочей силы различаются между собой меньше: 1166 тыс. и 1053 тыс. Эта разница возникла, ве-

роятно, в результате более строгого учета работников госсектора по статистике рабочей силы (где по определенным критериям часть работников могла быть в конечном итоге отнесена к частному сектору).

Для нас данные о занятых в госсекторе, сообщаемые статистикой рабочей силы, особенно ценны. В соответствии с характером государственного сектора занятые в нем работники заведомо являются лицами наемного труда — рабочими и служащими; государство выступает здесь как единственный наниматель труда, работодатель (в то время как частный сектор объединяет наемных работников, семейных рабочих и так называемых самостоятельных работников и предпринимателей, по которым нынешняя бирманская статистика не дает раздельных сведений). При этом разбивка наемного труда госсектора по отраслям дает возможность локализовать и оценить рамки и численность промышленных рабочих этого сектора. Вместе с тем ценность данных по рабочей силе госсектора ограничена тем, что они стали выделяться только с 1967/68 г. и нет ясных критериев, по которым работника относят к госсектору (а не к частному сектору) [8].

Соотношение рабочих и служащих в той или иной отрасли госсектора зависит в основном от природы самой отрасли. В таких отраслях, как социальные услуги и управление, большинство с определенностью составляют служащие. В строительстве — большинство рабочих, но среди них много сезонников, временных и сроковых работников. На транспорте положение требует конкретизации, так как в принципе здесь должно быть немало служащих. В обрабатывающей же и добывающей промышленности госсектора большинство работников не может не быть производственными рабочими.

Таким образом, имеется возможность дать относительно надежную оценку численности промышленных рабочих госсектора Бирмы за ряд лет.

Согласно статистике рабочей силы, абсолютная численность работников госсектора Бирмы в 1967/68—1974/75 гг. увеличилась примерно с 783 тыс. до 1204 тыс. человек, а их доля в составе всей рабочей силы страны — с 7,5 до 10,3% (здесь и ниже см. прил. 66). Быстрыми темпами росли абсолютная и относительная численность работников промышленности госсектора. В 1967/68 г. работники добывающей, обрабатывающей промышленности и энергетики составляли 11,5% всех занятых в госсекторе, в 1974/75 г. — уже 18%. Одновременно увеличивалась доля работников госсектора в отраслях. Так, в добывающей промышленности она увеличилась округленно с 32 до 97%, в обрабатывающей — с 8 до 17%. Энергетика оставалась на 100% государственной отраслью.

---

[8] Не известно, например, сколько времени работнику надо проработать в течение года в системе госсектора, чтобы числиться в его составе (месяц — два или полгода?).

Рассмотрим подробнее положение с занятостью в промышленности госсектора.

Общее число занятых в госсекторе обрабатывающей промышленности Бирмы составляло в 1967/68 г. 62,4 тыс., в 1971/72 г. — 95 тыс., в 1974/75 г. — 142 тыс. За первые пять лет число работников увеличилось на 32,6 тыс. человек, или на 52%, а за весь восьмилетний период — почти на 80 тыс. человек, или примерно на 127%. Как видно, темпы роста работников госсектора обрабатывающей промышленности были весьма высокими и возрастали к концу указанного срока.

В добывающей промышленности численность работников государственных предприятий росла еще быстрее, хотя в абсолютном выражении она была ниже. С 17 тыс. в 1967/68 г. она поднялась до 36,7 тыс. в 1971/72 г. и до 60,1 тыс. в 1974/75 г. За все восемь лет рост был более чем в три с половиной раза.

В энергетике, являющейся, как уже отмечалось, целиком государственной отраслью, занятость за 1967/68—1974/75 гг. поднялась с 10 тыс. почти до 14 тыс. человек.

Представим теперь в обобщенном виде приведенные выше данные о численности занятых на государственных предприятиях трех основных промышленных отраслей (в тыс. человек):

	1967/68 г.	1971/72 г.	1974/75 г.
Добывающая промышленность .	17,0	36,7	60,1
Обрабатывающая промышленность	62,4	95,0	142,0
Энергетика . . .	10,0	19,8	13,9
Всего	89,4	151,5	216,0

Таким образом, в промышленности госсектора в 1974/75 г. было занято 216 тыс. рабочих и служащих, что по сравнению с 1967/68 г. было увеличением почти в два с половиной раза. Примерно $^3/_4$ их состава можно, по-видимому, отнести к рабочему классу [9]. Государственный промышленный сектор Бирмы, как известно, включал в себя большинство самых крупных и современных предприятий, а значит, и самые крупные рабочие коллективы. В результате этого он стал средоточием основного ядра бирманского промышленного пролетариата.

Ознакомимся, поскольку это позволяет имеющаяся информация, с самыми крупными предприятиями госсектора современной Бирмы.

Наиболее крупными по численности рабочих и служащих предприятиями госсектора промышленности среди предприятий

[9] Надо учитывать, что в данном случае рассматривается отраслевая, а не профессионально-трудовая статистика, в связи с чем в состав конкретной промышленной отрасли включаются все работающие в ее рамках, а не только производственные рабочие.

с установленной автором (в основном по прессе) численностью были в 60—70-х годах следующие:

джутовая фабрика в Рангуне: 7 тыс. в 1966 г., 5,6 тыс. в 1969 г. и примерно столько же в конце 1971 г.;

текстильная фабрика в Тамайне (Рангун): 2,7 тыс. до 1962 г., 3,0 тыс. в 1966 г., 3,6 тыс. в 1969—1971 гг.;

текстильная фабрика в Мейтхиле: 3,6 тыс. в 1972 г.;

нефтеперерабатывающий завод в Танхльине: 2,4 тыс. в 1969 г.;

прядильно-ткацкая фабрика в Палей: 2,1 тыс. в 1973 г.;

железнодорожные мастерские в Мьинге (Мандалай): примерно 2,0 тыс. в 1966 г.;

сахарный завод в Зеявади: 1,6 тыс. в сезон, 450 человек — в межсезонье в начале 60-х годов;

текстильная фабрика в Сикайне: 1,8 тыс., в 1970 г.;

мастерские по ремонту дизельных локомотивов в Сикайне: при введении в строй в 1973/74 г. — свыше 1,6 тыс. (в 1976 г. — 370 рабочих);

железнодорожные мастерские в Инсейне: свыше 1,5 тыс. в 70-х годах;

бумажная фабрика на р. Ситаун: 1,5 тыс. в 1972 г.;

сахарный завод в Билине: 1,0 тыс. в 1966 г.

сталеплавильный завод в Рангуне: около 0,9 тыс. в 1962 г. [373, 18.IV.1964, 12.VII.1966, 27.XI.1966, 30.XII.1966, 4.XI.1969, 2.II.1970, 8.IX.1970, 22.X.1971, 8.I.1972; 355, 1.X.1962, 20—22, 1.VI.1972, 16, 17, 1.XI.1972, 20, 1.VIII.1973, 20—21; 364, 14.V.1966; 363, 4.II.1976; 370, 17.VII.1972; 57, 46; 43а, 68—70].

В Бирме, как уже отмечалось, имеются также предприятия по сборке (легковых и грузовых автомобилей, тракторов, велосипедов, транзисторных радиоприемников и др.), судоремонтные и судостроительные верфи, в том числе крупнейшая из них в Синмалайе. Сведений о занятых на них рабочих нет, но их определенно не одна тысяча человек.

В нефтяной промышленности (в районах нефтедобычи и разведки, на нефтеперерабатывающих предприятиях) в 1964 г., вскоре после национализации, работало более 5 тыс. человек [367, 5.X.1964]. На горнорудном комплексе в Бодуине в момент национализации (январь 1965 г.) работало 5,7 тыс. человек, в 1970 г. — свыше 7 тыс. В 1967 г., когда рабочих было несколько меньше, примерно 3 тыс. из них было занято в добыче руд и столько же на обогатительных и металлургических предприятиях [373, 20.I.1965; 13.III.1967; 19.I.1970].

Вероятно, здесь не названо несколько предприятий, на каждом из которых работало или должно было начать работать (после полного введения новостроек) более тысячи рабочих. Остальные предприятия обрабатывающей и добывающей промышленности госсектора были по числу рабочих мельче. Так, на двух новых фанерных фабриках работало по 200—300 человек, на брезентовой фабрике (новостройке) — 400, на стекольном заводе (также

новостройке) — 250. Среди крупнейших после Бодуина рудников Бирмы имеется всего несколько таких, на которых работают сотни рабочих. Самый большой среди них — оловянный рудник Хейнда (округ Тавой), где в 1972 г. было занято 650 человек. На оловянно-вольфрамовом руднике Яданабоун (округ Мьей) в 1968 г. было занято примерно 250 рабочих. На крупнейших до второй мировой войны вольфрамовых рудниках в Мочи (Кая), где в свое время работало до 10 тыс. человек, в 1968 г. находило применение всего около 100 рабочих. Однако это рудник перспективный и запланировано его восстановить [373, 2.IV, 1.XII.1968; 23.IV, 18.X.1969; 15.X.1971; 3.II.1972].

Для госсектора было характерно увеличение абсолютного числа и доли занятых в строительстве. Это отражало усилия руководства в направлении промышленного и иного строительства. С 1967/68 по 1974/75 г. число занятых в государственном строительстве повысилось примерно с 68 тыс. до 130 тыс., т. е. почти удвоилось; при этом их доля в рамках госсектора поднялась приблизительно до 11% и составляла в 1974/75 г. 3/4 всех занятых в строительстве (см. прил. 66). Правда, судя по предыдущим годам, более 40% строителей были непостоянными, временными работниками (см. прил. 65).

Созданная в 1965 г. государственная строительная корпорация (или корпорация общественных работ) принимала участие в строительстве промышленных и многих других объектов (заводов, фабрик, дорог, мостов, госпиталей, учебных и жилых зданий) [373, 1.X.1971].

Из крупных строек, потребовавших большого применения труда, известно несколько. К строительству плотины Балучаун (национальная область Кая) было привлечено 3 тыс. рабочих [373, 1.VIII.1965]; текстильную фабрику в Мейтхиле строили 3 тыс. рабочих [373, 22.XI.1967]; в создании лесопилки на р. Хлайн (Рангун) участвовала 1 тыс. рабочих [355, 15.VII.1972, 21].

Правда, сами новостройки были небольшими с точки зрения роста промышленного труда. В результате строительства в 1965—1972 гг. 14 новых промышленных предприятий и цехов работу на них получили примерно 7,5 тыс. рабочих [363, 19.III.1973].

Новой чертой структуры рабочих государственного сектора было появление отряда сельских механизаторов. В 1962/63—1972/73 гг. удвоилось число трактористов и механиков (примерно до 8 тыс. человек). Это было связано с программой механизации земледелия, для осуществления которой было закуплено за границей большое число тракторов: их парк в стране в тот же период увеличился до 6,2 тыс. единиц [см. 97, кн. 1, 33].

На транспорте новым моментом явился значительный рост судовых команд в государственной пароходной корпорации. В 1970 г. в составе этих команд было более 5,6 тыс. человек. В 1972 г. корпорация обслуживала 14 своих судов и более 50 иностранных [373, 30.V.1970, 23.II.1972].

Общее число работников госсектора в промышленности (добывающей, обрабатывающей, энергетике) и в производственной инфраструктуре (в строительстве и на транспорте со связью), по обобщенным данным (см. прил. 66), росло в 1967/68—1974/75 гг. следующим образом (в тыс. человек):

	1967/68 г.	1971/72 г.	1974/75 г.
Промышленность . . .	89,4	151,5	216,0
Строительство	68,4	150,3	130,3
Транспорт и связь . . .	73,8	100,4	113,3
Всего . . .	231,6	402,2	459,6

Итоговые данные в каждом случае можно считать максимальным числом работников государственного сектора во всех промышленных отраслях экономики Бирмы. Легко увидеть, что армия наемного труда госсектора в этих отраслях за восемь лет удвоилась и стала приближаться к полумиллиону. Это было, несомненно, крупным изменением структурного порядка, выражением происшедших социально-экономических преобразований и одновременно важным условием, предопределяющим характер и формы дальнейшего развития экономики страны. С точки зрения социально-классового деления не все из этих работников относятся к рабочему классу. Часть из них составляют служащие, непроизводственные работники, в том числе административный и конторский персонал. Есть основания полагать, что в ходе формирования обширного государственного сектора в промышленности и материальной инфраструктуре Бирмы доля непроизводственных работников в этих сферах сильно возросла. Вероятно, от $^1/_4$ до $^1/_3$ всех занятых в них могут быть отнесены к категории служащих разного рода, а также временных работников. Например, из указанных 231,6 тыс. работников госсектора промышленности и производственной инфраструктуры в 1967/68 г. 78 тыс. относились к руководящему персоналу (с университетскими и техническими дипломами) и временным работникам, а в 1971/72 г. из 402,2 тыс. работников таковыми числились 112 тыс. (см. прил. 65).

Если к рабочим госсектора обрабатывающей, добывающей промышленности и энергетики добавить основные группы постоянных рабочих в строительстве и на транспорте со связью (сюда относятся железнодорожные линейные рабочие, шоферы государственных автолиний, трактористы, судовые команды, организованные команды грузчиков в узловых центрах, особенно в Рангунском порту, и т. д.) и не считать временных работников и руководящий персонал (см. также прил. 66), то общее количество рабочих госсектора в рамках шести названных отраслей в 1967/68—1974/75 гг. можно оценить примерно в 150—300 тыс. Из них фабрично-заводское ядро составляли приблизительно 50—150 тыс. рабочих.

Таким образом, в целом, что касается численности и структуры промышленных рабочих госсектора, к середине 70-х годов можно говорить об обнадеживающих прогрессивных тенденциях развития.

В то же время следует учитывать, что параллельно с сокращением числа частных предприятий происходило сокращение численности частнопромышленных рабочих, включая фабричных.

Например, нетрудно подсчитать (пользуясь минимальным и максимальным числом рабочих в группе), что в 1966/67 г. в группе частных предприятий с 51—100 рабочими было занято от 22 тыс. до 44 тыс. рабочих, а в 1974/75 г. — только от 6 тыс. до 13 тыс.; в группе же с числом рабочих свыше 100 за тот же период произошло падение с уровня 25 тыс. (минимум) до всего нескольких тысяч человек (см. прил. 63). О большом падении численности частнопромышленных рабочих свидетельствуют и данные, полученные экстраполяцией (см. прил. 76). В 1966/67—1974/75 гг. численность рабочих зарегистрированных частных предприятий сократилась в 2 раза на предприятиях с 10 и более рабочими, причем в 3—5 раз на самых крупных.

В частном секторе горнодобывающей промышленности, подвергшейся наиболее широкой национализации, к 70-м годам не было и 2 тыс. человек (см. прил. 66).

Можно ли теперь, с учетом всего сказанного в этой главе выше, попытаться оценить численность фабрично-заводского пролетариата Бирмы на современном этапе? Думается, что в виде самой общей оценки это доступно.

Оценка численности фабрично-заводского пролетариата Бирмы в истекшее после 1962 г. время должна базироваться, на наш взгляд, на следующих двух основных посылках:

во-первых, прошедшие примерно полтора десятилетия были для Бирмы годами больших позитивных усилий по перестройке социально-экономических отношений и форм собственности, в особенности по формированию обширного государственного уклада хозяйства;

во-вторых, моменты крутой перестройки, объективные и субъективные факторы, слабые внешнеэкономические связи с дружественными международными силами обусловили возникновение в ходе создания новых отношений и форм ряда серьезных негативных тенденций в экономике в целом, в промышленных отраслях в особенности.

То определенное, что, на наш взгляд, можно сказать об общей численности, динамике и структуре фабрично-заводского пролетариата Бирмы в 60—70-е годы, исходя из этих посылок и опираясь на установленные факты и тенденции, состоит в следующем:

до начала 70-х годов в связи с положением в промышленности, сокращением частного сектора и начальными этапами формирования государственного сектора, наблюдалась тенденция к сокращению общей численности фабричных рабочих;

резкое, наибольшее сокращение численности фабричных рабочих произошло в частном секторе;

общая численность фабричных рабочих в Бирме к концу 60-х — началу 70-х годов, если считать по критериям 50-х — начала 60-х годов, была, по-видимому, ниже уровня, существовавшего в конце 50-х — начале 60-х годов;

численность фабричных рабочих Бирмы до начала 70-х годов была, вероятно, также ниже уровня первых лет режима Революционного совета;

в 70-х годах, особенно в середине десятилетия, на почве развития и укрепления государственного сектора в промышленности негативные тенденции в численном составе фабричных рабочих стали в значительной мере преодолеваться и общее количество этих рабочих начало приближаться к прежним максимальным уровням и, возможно, даже превышать их;

подавляющее большинство нынешних фабричных рабочих концентрируется уже в рамках государственного сектора, что создало принципиально новую обстановку;

современное фабрично-заводское ядро рабочего класса Бирмы находится сейчас также по преимуществу в государственном секторе;

численность этого ядра может быть к середине 70-х годов оценена, по-видимому, на уровне 150—200 тыс. человек, причем кадровая часть этого ядра значительно меньше.

Высказанные соображения и оценки следует рассматривать также в свете всего процесса формирования армии наемного труда в стране. Хотя соответствующих статистических материалов на этот счет нет, косвенные данные позволяют утверждать, что этот процесс в 60—70-е годы расширился. Речь в данном случае идет о возрастании числа и доли не только постоянных наемных работников, но также и тех, кто во все большей мере выходит на рынок труда в качестве временных рабочих (включая сроковых, поденных и т. п.). Процесс возрастания наемного труда, широко наблюдаемый в различных странах и группах стран мира, подтверждается в Бирме фактами большого роста государственного сектора хозяйства, организацией государством в различных отраслях общественных работ, на которые привлекаются значительные количества временных наемных работников городов и деревень. На этот процесс указывает также продолжающаяся урбанизация.

В печати можно иногда встретить весьма внушительные цифры общего количества рабочих в Бирме. Так, в одной из бирманских газет в 1972 г. указывалось, что в стране насчитывается 2948 тыс. рабочих [363, 5.IV.1972]. Но при ближайшем рассмотрении эта цифра оказалась просто суммой, с одной стороны, всех работников госсектора и, с другой — всех занятых во внесельскохозяйственных отраслях частного сектора. Очевидно, что такие подсчеты не годятся даже для исчисления общей суммы на-

емного труда в стране, ибо среди занятых в частном секторе высок процент лиц, не являющихся наемными работниками (так называемые самостоятельные работники и неоплачиваемые семейные).

Характерной чертой формирования армии наемного труда в Бирме в 60—70-х годах было, судя по всему, сокращение применения наемного труда в земледелии. Это объясняется ликвидацией крупных и резким уменьшением средних земледельческих хозяйств, измельчением крестьянских участков. После аграрных мероприятий Революционного совета в середине 60-х годов, в результате которых возросла надежность мелкокрестьянской аренды и владения крестьянами своей землей, отток труда из деревни в город, по-видимому, несколько притормозился. Но затем с новой силой стало проявляться относительное аграрное перенаселение (уже, так сказать, на крестьянской почве). Вследствие этого вновь возросли источники потенциального наемного труда, и отток рабочей силы из деревни в город усилился. Этому способствовало также расширение государством минимума поденной и помесячной заработной платы. Проблема состояла, однако, в том, что ввиду слабости промышленного развития возраставшее предложение рабочей силы не могло быть должным образом удовлетворено.

6. НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОКРАЩЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ ПРОМЫШЛЕННО-ЗАНЯТЫХ

Выше говорилось о сокращении, падении фабричной занятости. Но это было, так сказать, математическое обозначение процесса. Имея же в виду его социальные аспекты, можно назвать этот процесс и размыванием, деклассированием. Оно, как будет показано ниже, затронуло в основном частный сектор и в определенной мере компенсировалось ростом рабочей силы в госсекторе.

Прежде всего деклассирование было результатом прямого закрытия частных производств или создания на них, если они не были официально закрыты, таких условий, при которых рабочие вынуждены были их оставлять. Поскольку закрытие было массовым, массовой была и безработица среди промышленных рабочих. Но дело здесь безработицей не ограничивалось. Ввиду того, что положение в промышленности долго не налаживалось, часть потерявших работу деклассировалась как промышленные рабочие, переходя к другим, нефабричным занятиям, дававшим им какие-то средства к существованию. Это было, так сказать, прямое деклассирование.

Несколько иная ситуация наблюдалась в тех случаях, когда разрешенное законом частное производство свертывалось, сокращалось, становилось нерегулярным, так как ему не хватало

сырья, запасных частей, кредитов[10]. Рабочие продолжали числиться, но они полуработали, будучи лишь периодически связаны с данным предприятием. Такое положение могло длиться неделями, месяцами. Заработная плата рабочих в этих условиях была нерегулярна, мала и особенно подрывалась инфляцией. Они вынуждены были подыскивать себе другую, параллельную или дополнительную работу, но, скорее всего, уже вне фабричной деятельности. В результате этого часть их утрачивала свой прежний социальный статус, становилась в промежуточное, переходное классовое положение. Одним из наиболее распространенных дополнительных занятий таких рабочих, как и некоторых других социальных категорий, стал в 60-е годы черный рынок. Это была неизбежная реакция на сокращение производства, инфляцию, падение доходов, массовый и длительный дефицит товаров каждодневного спроса. Подобное деклассирование можно условно назвать частичным.

Оно коснулось и некоторых рабочих, которые даже временно не теряли своей работы в промышленности. Материальные трудности толкали таких рабочих к совместительству, к поискам дополнительного источника дохода. Нередко днем они работали на своем предприятии, вечером занимались иной деятельностью, особенно — связанной с черным рынком. «Заработать» на этом рынке можно было не только прямой перепродажей дефицитных товаров, но и в качестве «доставателя», переносчика этих товаров для профессиональных спекулянтов, хорошо оплачивавших «работу», связанную с нарушениями государственных торговых монополий, с контрабандой. К этой «торговой» деятельности некоторые подключались и в свои рабочие часы (ради двойной выгоды).

Прогулы такого рода приняли широкий размах даже на государственных предприятиях[11]. В целом это было своеобразное деклассирование без ухода с работы. Несмотря на то что его нельзя считать абсолютным (конкретная принадлежность к рабочему классу здесь могла и сохраняться), оно способствовало выталкиванию из рядов рабочего класса части рабочих. Кроме того, оно было весьма вредным в экономическом отношении (под-

---

[10] Например, в Мандалайском дистрикте 100 рисорушек в 1971 г. имели сырье для работы на 200 дней, а с 1972 г. — только на 80 дней [366, 10.II.1972; 373, 12.II.1972].

[11] В 1965 г. секретарь отдела ПБСП по делам рабочих сообщил, что на трех-четырех крупнейших государственных фабриках страны с 3—6 тыс. рабочих на каждой 30—60% рабочих прогуливали, стоя в очередях в народных лавках, зарабатывая на операциях, связанных с этим, в 3 раза больше, чем на своем производстве [373, 30.IV.1965]. На двух самых крупных государственных фабриках Бирмы — джутовой и текстильной (в Рангуне) за прогулы в течение одного года (по-видимому, 1965) было уволено примерно 500 человек [см. 373, 14.I.1966]. В 1968/69 г. с указанной текстильной фабрики в Рангуне за недисциплинированность было уволено еще 260 рабочих [373, 20.X.1969].

рыв, удорожание и брак производства на предприятии, где часть рабочих переутомлена совместительством или регулярно прогуливает), а также разлагающе влияло на других.

Специфическая форма размывания была связана с раздроблением производства на две или несколько частей (вследствие стремления предпринимателя избежать инспекции, взносов по соцстраху, учета на биржах труда и т. п.). В этом случае разделялись и рабочие, которые тем самым переходили в разряд «мелкопромышленных», совершая как бы шаг назад, в прошлое. Нечто похожее нередко происходило при образовании новых мелких частных предприятий, создававшихся на нелегальной основе, особенно если речь шла о производстве запрещенных, контролируемых государством товаров. Рабочие таких предприятий не имели прямого отношения к деклассированию и не были его участниками. Однако очевидно, что новые группы наемного труда были здесь непрочные, могли в любой момент «рассыпаться».

Вообще надо подчеркнуть, что наряду с деклассированием в обычном понимании (физическое оставление лицом рамок данного класса) нередко происходило своеобразное идеологическое деклассирование. Его можно охарактеризовать как рост недисциплинированности, мелкобуржуазных торгашеских и рваческих настроений, наносящих большой ущерб производству. Вопрос о серьезных нарушениях производственной и трудовой дисциплины на промышленных предприятиях неоднократно ставился на конференциях и в печати как вопрос первостепенной важности. В 1966 г., выступая на семинаре рабочих, генерал Не Вин был вынужден сказать, что «дисциплины в стране нет нигде сверху донизу» [373, 1.V.1966]. Бирманская печать постоянно писала о заколдованном круге, который надо разорвать («плохо с дисциплиной, плохо с производством, плохо с благосостоянием, плохо с дисциплиной...» и т. д.) [373, 20.XI.1971]. Вопрос о дисциплине труда в общенациональных масштабах неоднократно поднимался на съездах ПБСП.

Явление размывания, деклассирования промышленных рабочих нашло отражение в данных о регистрируемой безработице.

Вплоть до конца 50-х годов данные о безработице в Бирме собирались всего на двух биржах труда — в Рангуне и Мандалае. В 1960 г. бирж труда стало 10 (см. прил. 49). С тех пор их число увеличивалось. В 1973 г. их было уже 59 (см. прил. 70). Одновременно усиливалась представительность данных, особенно потому, что биржи труда создавались в городах и районах, где имеется промышленность. Обращает на себя внимание увеличение уровня зарегистрированной безработицы начиная с 1961/62 г. В том году было свыше 150 тыс. безработных, в 1962/63 г. — более 170 тыс., в 1963/64 г. — свыше 250 тыс. В дальнейшем регистрируемая безработица держалась на уровне 200 тыс. с небольшими колебаниями в обе стороны, в 1971/72 г. приблизилась к 300 тыс., а в 1972/73 г. поднялась до 320 тыс. человек.

Эти цифры и их динамика говорят о более широком учете безработицы, особенно по мере роста числа бирж труда. То, что бирманское правительство неуклонно налаживало учет безработных, свидетельствовало о его внимании к проблеме безработицы и было в интересах самих безработных. Но в то же время цифры роста безработных отражали неудовлетворительное положение в экономике, особенно в промышленности. Так, в 1961/62—1963/64 гг. число бирж труда не менялось (11), а число зарегистрированных безработных возросло почти в 1,7 раза (более чем на 100 тыс. человек). Однако дело даже не в количестве бирж труда и каких-то пропорциях между ним и числом зарегистрированных безработных. Важен вообще момент большого повышения абсолютной численности безработных при уже существующем высоком уровне безработицы и тот факт, что получала работу через биржи труда лишь небольшая часть ежегодно регистрируемых безработных.

Сопоставление данных статистики бирж труда с данными о сокращении числа промышленных предприятий частного сектора, наиболее значительном в группах относительно крупных предприятий, как раз и показывает, что возраставший уровень безработицы в Бирме в конце 60-х — начале 70-х годов отражал момент размывания части промышленного пролетариата страны.

Об этом же свидетельствует и статистика социального страхования Бирмы.

Обязательное социальное страхование (на основе взносов предпринимателей, рабочих и государства) стало постепенно вводиться в стране с 1955/56 г. в соответствии с законом от 1954 г. Закон в принципе относился ко всем промышленным и транспортным предприятиям с 10 и более рабочими и служащими, включая временных, независимо от того, применялась на предприятиях энергия или нет. Он распространялся и на погрузочно-разгрузочные работы (в портах, на железных дорогах и т. д.). Исключались только строительные фирмы. С 1960 г. закон о социальном страховании был распространен на предприятия торговли и услуг также с 10 и более работниками (магазины, торговые компании, гостиницы, рестораны, кинотеатры, акционерные общества, банки, фотоателье, кооперативы, парикмахерские) [51, январь 1961, 213—214]. Первоначально закон применялся в одном Рангуне. В 1955/56 г. он охватывал 915 предприятий и учреждений столицы с около 67 тыс. рабочих и служащих (см. прил. 50). Сфера его действия постепенно росла, добавлялись новые города, особенно после 1959/60 г. В том году закон о социальном страховании охватывал уже пять городов, а число застрахованных предприятий и учреждений составило 2274 с 215,1 тыс. работников. Процесс развития системы социального страхования продолжался и после прихода к власти Революционного совета. В 1965/66 г. число застрахованных предприятий и учреждений достигало, по официальным данным, уже 3916, а застрахованных

работников — 469,2 тыс. На 5-м семинаре рабочих в апреле 1967 г. руководство сообщило о том, что застрахованных рабочих и служащих насчитывалось более 500 тыс. [373, 27.IV.1967]. Наибольшая часть застрахованных предприятий и работников приходилась на Рангун. В 1963 г., например, на Рангун падало свыше 72% всех застрахованных предприятий, в том числе почти все крупные из них (см. прил. 74). В то же время около 83% всех застрахованных работников были рангунцы (см. прил. 73).

Наше внимание, однако, здесь привлекает не развитие системы социального страхования как таковой, а те возможности, которые предоставляет ее статистика для уточнения вопроса о фабричной занятости. Оказывается, данные этой статистики в интересующем нас аспекте едва ли не самые важные после данных о динамике предприятий обрабатывающей промышленности в конце 60-х — начале 70-х годов.

Дело в том, что в разгар «бури и натиска» (на частный капитал) прежнюю статистику социального страхования перестали публиковать. Последние серийные данные по системе учета, практиковавшейся с 1955/56 г., были сообщены в отчете о бюджете на 1966/67 г. и относились к 1965/66 г. После этого наступил перерыв в несколько лет, когда никакие новые сведения относительно страхования не сообщались или же просто повторялись прежние цифры. Затем, в отчете о бюджете на 1969/70 г., данные о социальном страховании в Бирме появились вновь, но они были уже новыми статистическими рядами.

Так, что касается числа застрахованных предприятий и учреждений, то на рубеже 60—70-х годов их было названо уже более 5,9 тыс., а к середине 70-х годов — свыше 7,4 тыс. (см. прил. 72). Такой рост явился результатом распространения системы социального страхования с начала 1970 календарного года на предприятия и учреждения с 5 и более работниками. При этом в целом сохранилась увязка с количеством предприятий, зарегистрированных в конце того периода, когда публиковались прежние данные статистики социального страхования.

Однако, если обратиться к новым показателям количества застрахованных рабочих и служащих, то здесь отмечается полный разрыв с предыдущими данными. Более того, все эти данные начиная с 1961/62 г. были ретроспективно пересмотрены в сторону резкого уменьшения (ср. прил. 50 и 71). Так, на 1961/62 г. раньше шла речь о 296 тыс. застрахованных работников, а по новой статистике их стало только 135 тыс. Даже в 1974/75 г. их новый максимальный показатель (около 413 тыс.) был значительно ниже максимального уровня прежних лет (более 500 тыс. человек в 1966/67 г.).

При отсутствии каких-либо пояснений к критериям трудно дать исчерпывающее толкование переменам в статистике социального страхования. Ясно, что социальное страхование было и остается обязательным, поскольку оно распространяется на то или иное

предприятие; ясно, что оно касалось и касается всех работников такого предприятия; ясно, что в обоих случаях речь должна идти об общем числе застрахованных работников, а не о какой-либо другой, более дробной категории. Но как примирить увеличение числа застрахованных предприятий и уменьшение числа застрахованных работников? Вывод напрашивается один: данную ситуацию создало резкое сокращение числа относительно крупных частных предприятий, т. е. охватывающих наиболее крупные коллективы. Утрата таких предприятий была столь большой для общей численности застрахованных работников, что ее не могло компенсировать добавление в состав застрахованных предприятий даже сотен и тысяч новых мелких. Отсюда и отмеченный выше разрыв между данными о числе застрахованных предприятий и учреждений и числе застрахованных работников.

Данные статистики социального страхования по отдельным городам (см. прил. 73) делают высказанные соображения еще более конкретными. Так, оказывается, что число застрахованных предприятий и учреждений в Рангуне в 1963 и 1971 гг. оставалось достаточно близким — 2258 и 2284, тогда как число застрахованных работников упало примерно с 293 тыс. до 186 тыс. человек. Очевидно, здесь в составе предприятий и учреждений резко сократилось число крупных и средних и увеличилось число мелких, особенно после включения в систему социального страхования предприятий и учреждений с 5 и более работниками. Это и дало уменьшение общего числа застрахованных более чем на 100 тыс. человек. Часть этого уменьшения произошла, несомненно, в результате размывания некоторых групп промышленных рабочих как следствие закрытия более крупных предприятий.

Еще красноречивее данные по другим городам Бирмы, таким, как Мандалай, Бассейн, Моламьяйн.

Можно отметить и такой факт. По положению на сентябрь 1971 г. из 5982 предприятий и учреждений страны, охваченных социальным страхованием, 696 (или 11,6%) закрылись, а 1871, включая закрывшиеся, не уплатили положенного страхового взноса, причем около 1800 из них принадлежали частному сектору [373, 9.IX.1971]. Все это по-своему свидетельствовало о трудностях в промышленной сфере.

7. КАТЕГОРИЯ РАБОЧИХ В СОВРЕМЕННОЙ БИРМЕ

Для исходной теоретической позиции руководящих политических кругов современной Бирмы характерно признание важной роли рабочих в революции. Им отводится в структуре социально-политических сил, выступающих за социализм, в целом следующее после крестьян место. Широко распространена практика обозначения крестьян и рабочих общим понятием трудящихся масс.

Принятая в 1974 г. новая конституция Бирмы провозглашает страну Социалистической Республикой Бирманский Союз, государством трудящихся, «основу которых составляют крестьяне и рабочие» [41а, 25—26].

Важно, однако, отметить не то, что рабочие обычно называются после крестьян, а то, что в трактовке самого понятия рабочих, рабочего класса в 60-х годах появились специфические моменты. Нынешняя интерпретация отлична от той, которой обычно придерживались левые круги Бирмы в своей политической практике еще с довоенных лет и которая в общем основывалась на идеях и опыте мирового рабочего движения. Речь идет о расширительном толковании категории рабочих.

Уже в официальном заявлении «Взгляды Революционного правительства по рабочему вопросу» (30 апреля 1963 г.) было сказано, что «под термином „рабочие" подразумеваются граждане, зарабатывающие на жизнь физическим или умственным трудом» [42, 158]. На следующий год это обрело статус законодательного положения. В «Законе об основных правах и обязанностях рабочих» (19 мая 1964 г.), принятом Революционным советом, устанавливалось, что «„рабочий" — тот, кто зарабатывает на жизнь, получая плату за использование своего физического и умственного труда» [42, 171]. Передовая официальной газеты «Уоркинг пиплз дейли» писала вскоре после принятия закона, что «определение, данное в законе, раз и навсегда кладет конец не имеющим смысла представлениям об этом вопросе» [373, 21.V.1964].

Однако новая трактовка категории рабочих отнюдь не была столь ясной и безупречной с теоретической стороны и вызвала определенные затруднения в практическо-политической области.

К категории рабочих в Бирме, как указывается в первоначальном документе по этому вопросу, «принадлежат в сельской местности сельскохозяйственные рабочие, в городах — наемные работники фабрик, заводов, транспорта и связи, правительственных учреждений и частных контор, а также работники умственного труда» [42, 158]. В другом месте того же документа были конкретизированы профессиональные и отраслевые группы, относимые к рабочим: технические специалисты, государственные служащие, торговые работники, транспортные рабочие, горняки, промышленные рабочие и лица, находящиеся в услужении [42, 160]. Что касается сельскохозяйственных рабочих, то к ним в силу их специфики было выработано особое отношение. Они стали позже рассматриваться вместе с крестьянами (например, плантационные рабочие и т. п.) и были включены не в рабочие, а в крестьянские организации [373, 2.III.1970, 8.III.1972; 177, 111]. К сельскохозяйственной сфере в Бирме относились и работники лесного хозяйства.

Если раскрыть и дополнить вышеуказанные группы работников, то рабочими в Бирме по новой классификации стали считать-

ся и управляющие хозяйственных и административных предприятий и учреждений, и конторские служащие (клерки), и врачи, и учителя школ, и журналисты, и профессора, и домашняя прислуга, и продавцы магазинов, лавок и базаров, и другие лица, получающие заработную плату (жалованье) в качестве источника средств существования.

Вне этого круга лиц, будучи принципиально противопоставлены им, находились, во-первых, работодатели (наниматели труда), т. е. в основном капиталистические элементы, и, во-вторых, так называемые самостоятельные работники — работники собственных (домашних) хозяйств, обходящиеся своим трудом, т. е. мелкие и средние крестьяне, ремесленники. Особое положение, как только что отмечалось, занимали сельскохозяйственные рабочие, к которым было проявлено двойственное отношение.

Нельзя, разумеется, отрицать нужность и полезность подхода к структуре населения с точки зрения деления его на лиц наемного труда, самостоятельных работников и т. д. Это деление научно обосновано и много дает для понимания теоретических и решения практических общественных проблем разного рода, в том числе классовых. Однако в своем общем виде само это деление не является классовым. Оно не является таковым ни в условиях развитых капиталистических стран, ни в условиях социалистической системы, ни в условиях развивающихся стран. Материалы городской переписи Бирмы 1953 г. показали, что лица свободных профессий, технические специалисты, учителя, медицинские работники, административный и конторский персонал, лица, занятые в торговле, услугах, а также неопределенные и военнослужащие составляли вместе даже несколько больше половины всех лиц наемного труда в стране (см. прил. 40). Но уже это значило, что собственно рабочих, тем более промышленных, было гораздо меньше половины всех лиц, статистически обозначенных как наемный труд, даже в городских условиях Бирмы, не говоря уже о сельских.

В бирманском языке понятие «рабочий» передается словом «алоутама» (от «лоу» — работать). Это же слово полностью входит в термин «рабочий класс» («алоутама луданза»), а также в название новых массовых организаций Бирмы (см. параграф 8 данной главы). Таким образом, слово «алоутама» имеет вполне современную социально-политическую смысловую нагрузку. Вместе с тем термин «алоутама» может употребляться и в смысле «работник», «труженик» (хотя для этого есть слово «лоута» — буквально «трудящийся», «рабочий человек», «работник») [см. 383, 911, 912, 106; 376, 509, 661, 662]. Термин «алоутама» в смысле «работник» аналогичен английскому слову «worker», когда оно употребляется в переписях населения для обозначения работника как единицы рабочей силы, экономически активного населения (в противоположность неработающим, или работающим иждивенцам, или лицам, находящимся вне рабочей силы, экономически

активного населения). Эта двойственность слова «алоутама» и позволяет придавать ему столь расширительное толкование.

Причисление к рабочим всех лиц наемного труда привело не только к необычайному расширению понятия «рабочий», что хорошо видно уже из вышеприведенного перечисления категорий работников. Произошло как бы растворение собственно рабочих, включая промышленных, в массе лиц, не принадлежащих к рабочему классу. Особенно здесь следует назвать служащих и при этом подчеркнуть, что в условиях Бирмы, как и большинства других развивающихся стран, тенденция к интеграции производственных рабочих и служащих еще минимальна (хотя формирование госсектора в промышленности создает условия для усиления этой тенденции). Служащие в Бирме занимают, как правило, не только особое место по отношению к производству (еще мало, так сказать, непосредственно производственных служащих), но и имеют еще особый, более высокий социальный статус, пока прочно отделяющий их от рабочих. В этом плане до сих пор сохраняется принципиальное отличие стран, подобных Бирме, от развитых капиталистических стран, где масса служащих (хотя, конечно, отнюдь не все) стала «рабочими в белых воротничках» вследствие механизации, автоматизации и кибернетизации производства и научно-технической революции вообще.

Уместно поставить вопрос о субъективных причинах столь расширительной интерпретации понятия «рабочий».

Несомненно, здесь нашли свое идеологическое отражение реальные факты, и прежде всего непролетарские социальные истоки нового режима. Руководящая политическая группа, офицерская по своему происхождению, не имела опыта общения, контакта с рабочими, рабочим классом и тем более совместной деятельности. Это обстоятельство подчеркивало в данном случае различия не только в социальном происхождении тех и других, но и в особенности в их социально-классовом мышлении. Важным моментом была также сравнительная малочисленность и слабость промышленного рабочего класса страны, его недостаточность как массовой базы. В связи с этим могли иметь место осознанные усилия к расширению городской опоры режима за счет других социальных общностей, находящихся в рамках категории наемного труда. В то же время на политическое мышление руководящих сил должен был оказать влияние факт раскола рабочего класса, побуждавший к организации его в более широких социальных рамках как для преодоления этого раскола, так и, возможно, для удаления из его среды чуждых режиму веяний.

Так или иначе, понятие «рабочий» в Бирме в его новой интерпретации широко распространилось. При этом слово «рабочий» стало одним из наиболее популярных в стране, наряду со словами «социализм», «революция», «крестьяне», «трудящиеся». Этому в огромной мере способствовало включение его в название новых массовых организаций — народных рабочих советов, соз-

дававшихся параллельно с другими новыми массовыми организациями — народными крестьянскими советами. Однако это распространение не сделало сам термин применительно к тому, что им обозначается, более точным.

Неудивительно, что в Бирме подчас высказывают недоумение в связи с трактовкой понятия «рабочие». Например, на конференции районного рабочего совета Алоуна (одного из производственных районов Рангуна) в числе моментов, которые были зафиксированы в резолюции, фигурировало то, что рабочие не совсем понимают определение «рабочий» [373, 9.IV.1971].

Наиболее близка бирманскому официальному понятию «рабочий», на наш взгляд, категория рабочих и служащих. Рабочие и служащие составляют, несомненно, большинство лиц, отнесенных в Бирме к рабочим. Правда, надо учитывать, что в составе служащих, в том числе интеллигенции, развивающейся страны, в данном случае Бирмы, имеются наряду с трудовыми слоями также и нетрудовые элементы — буржуазные, даже феодальные. С другой стороны, из официальной организации рабочих в Бирме практически исключены сельскохозяйственные рабочие, а это означает, что в ней фигурируют лишь городские рабочие и служащие.

Уже данное обстоятельство делает неточным применение к названной категории понятия «трудящиеся», к чему одно время склонялись некоторые авторы [см. 159, 108, прим. 4]. Это тем более было бы неточным, что трудящиеся обязательно включают в себя и крестьян, и прежде всего в таком смысле (т. е. вместе с крестьянами) понятие «трудящийся» справедливо употребляется в политическом лексиконе современной Бирмы.

Все эти пояснения целесообразно помнить, когда речь идет о народных рабочих советах.

8. НАРОДНЫЕ РАБОЧИЕ СОВЕТЫ

Еще в политической декларации «Бирманский путь к социализму» Революционный совет объявил о намерении образовать новые массовые и классовые организации [42, 148]. К числу таких организаций должны были относиться и народные рабочие советы [12], о предстоящем создании которых было впервые сказано в заявлении Революционного правительства от 30 апреля 1963 г. [42, 162], т. е. примерно за год до того, как в Бирме была введена однопартийная система, и когда еще формально сохранялись прежние профсоюзные объединения. Создание народных рабочих советов, согласно этому заявлению, предусматривалось в целях быстрейшего движения к социализму и осуществления

[12] По-бирмански: пьиду алоутама каунси, где пьиду — народный, алоутама — рабочий, каунси — совет (от английского council).

ряда первоочередных задач, таких, как: содействие более активному участию рабочих в управлении государственными и кооперативными предприятиями при налаживании эффективного контроля над планами выпуска продукции; установление определенной нормы прибыли для частных предприятий и обеспечение хороших отношений на этих предприятиях между рабочими и администрацией; разработка нового трудового законодательства, основывающегося на социалистических принципах; укрепление трудовой дисциплины, повышение производительности труда и обеспечение доходов, соответствующих достигнутому уровню производства; достижение единства всех рабочих; налаживание взаимопомощи и сотрудничества между рабочими и крестьянами [42, 161]. В этом заявлении, как уже упоминалось, рабочие были определены как наемные работники различных отраслей и сфер труда, т. е. в основном как рабочие и служащие.

Конкретно вопросы организации рабочих советов были подняты и обсуждены на семинаре (конференции) рабочих в Чау, центре нефтедобычи, в конце апреля — начале мая 1964 г., уже после введения однопартийной системы и роспуска прежних массовых организаций (профсоюзов и крестьянских союзов). На этом семинаре были одобрены подготовленные Революционным советом проекты закона об основных правах и обязанностях рабочих и закона о создании на государственных и частных предприятиях и учреждениях народных рабочих советов [373, 30.IV.1964]. Эти законы были затем официально утверждены Революционным советом (в течение 1964 г.). В них рабочие рассматривались как основная вместе с крестьянами сила движения к социализму. В законе о правах и обязанностях рабочих подчеркивалась идея зависимости прав от обязанностей, расширения прав по мере достижения прогресса в построении социализма [см. 42, 173—177]. В соответствии с успехами в развитии страны, говорилось в этом документе, законодательство будет включать законы о праве на труд, на отдых, на образование, на социальное обеспечение, на получение равной оплаты за равный труд и т. д.

В качестве обязанностей рабочих и служащих были названы: соблюдение дисциплины (гражданской, производственной и др.), бережное отношение к средствам производства и выпускаемой продукции, отстаивание законных и необходимых прав рабочих, повышение производительности труда, поддержание единства среди рабочих, рабочих и крестьян, всего народа, борьба за выполнение планов страны, района, предприятия.

Народные рабочие советы, согласно уставу, должны были создаваться на всех предприятиях и в учреждениях, объединяя всех работников этих предприятий и учреждений, но исключая эксплуататорские элементы [здесь и ниже см. 159, 110—112]. Рабочие советы формировались на местном, районном и центральном уровнях. Это были соответственно первичные (основные или низовые) народные рабочие советы, районные рабочие советы

и Центральный народный рабочий совет. Предусматривалось, чтобы состав всех советов на две трети избирался из представителей (делегатов) крупных предприятий и учреждений с трудовым стажем не менее года, на треть назначался правительством. Первичные организации создавались по производственному и территориальному принципу. Была разработана норма представительства рабочих и служащих в первичных организациях. Так, при 11—20 работающих избирались 2 представителя (делегата), при 101—300 работающих — 5, при 751 и более работающих — 8. Были определены также нормы представительства низших советов в высших. Рабочие советы на каждом из уровней образовывали соответствующие исполнительные комитеты как рабочие органы. Высшим органом советов объявлялся Центральный народный рабочий совет. Все рабочие советы должны были работать под руководством Партии бирманской социалистической программы.

Организация рабочих советов охватывала подряд всех рабочих, и служащих. В то же время это название получали конкретные выборно-назначенные организации рабочих советов на различных уровнях.

Надо сказать, что вопрос о характере рабочих советов не сразу стал достаточно ясен. В законе о правах и обязанностях рабочих о рабочих советах, например, говорилось как об органах рабочей власти [42, 176]. Напрашивались сравнения, сопоставления с профсоюзами, с рабочими советами в других странах и условиях. В самой бирманской печати читатели задавали вопрос, какого рода организация рабочих советов в Бирме — политическая, профсоюзная или управленческая [373, 17.II.1966]. Устав рабочих советов и расширительные оценки рамок их деятельности могли свидетельствовать о том, что они имеют черты и первой, и второй, и третьей. В уставе, однако, было подчеркнуто, что рабочие советы выступают как органы участия масс в развитии производства и как органы защиты их интересов [159, 110]. Очевидно, что эти функции больше всего соответствуют характеру деятельности профсоюзов (полностью или частично). Общая же идея создания в Бирме как рабочих, так и крестьянских советов состояла в организации массовой опоры режима, в укреплении связей между руководством и народом.

Несмотря на то что выработка, обсуждение и принятие основных документов, касающихся рабочих советов, были завершены еще в 1964 г., а положение о создании их было разработано и опубликовано в начале января 1965 г. [42, 180], формирование этих организаций на практике задержалось. В апреле 1965 г. председатель Революционного совета генерал Не Вин заявил, что условия для создания рабочих советов еще не созрели ввиду отсутствия единства среди рабочих и деятельности подрывных своекорыстных элементов [42, 126]. Дело было также в том, что сама партия, призванная руководить массовыми организациями страны, — Партия бирманской социалистической программы —

находилась лишь на этапе комплектования костяка периферийных организаций (областных комитетов партии) и еще была не в состоянии взять на себя задачу создания рабочих советов. Отчасти выход был найден в подготовке кадров специальных организаторов рабочих советов, проходивших курсы при Центральной школе политических наук (которая одновременно готовила и кадры ПБСП). За восемь лет (1964—1971) эти курсы окончило более 11 тыс. человек [59, табл. 10].

Практическое создание рабочих советов началось в декабре 1966 г. Работа растянулась на долгие месяцы и даже годы, поскольку речь шла о выборах сотен и тысяч первичных советов и формировании на этой основе районных советов. Строительство рабочих советов широко развернулось в 1967 и 1968 гг., когда были созданы $^{2}/_{3}$ районных рабочих советов и сформирована головная организация — Центральный народный рабочий совет (ЦНРС). Последнее произошло в апреле 1968 г. Тогда же состоялась первая конференция ЦНРС. Конференции ЦНРС с тех пор стали происходить регулярно (сначала дважды, затем один раз в год).

В апреле 1968 г. (по случаю конференции ЦНРС) была впервые опубликована подробная статистика рабочих советов (здесь и ниже см. прил. 67). На указанную дату районные советы были созданы в 224 районах (из 314 всех административных районов — мьонэ или тауншипов), причем среди этих 224 советов 162 считались сформированными, а 62 — находившимися на стадии оргкомитетов. Первичных рабочих советов тогда было 2195, и они охватывали 11 722 предприятия и учреждения. В первичных советах имелось 58 167 членов руководящих органов, избранных более чем 1328 тыс. человек. В районных рабочих советах в качестве членов руководящих органов состояло 8395 человек. В ЦНРС тогда входил 471 человек (314 — избранных районными советами и 157 — назначенных Революционным советом) [373, 28.IV.1968].

В последующие несколько лет число рабочих советов и их участников увеличивалось, хотя сравнительно ненамного. По данным на 1972 г., районных советов было 271 (считая вместе с 73 оргкомитетами). Первичных рабочих советов насчитывалось 2747. Они охватывали почти 14,3 тыс. предприятий и учреждений, на которых было занято 1512 тыс. человек.

Данные после 1972 г. менее подробны. По сведениям печати, к маю 1976 г. в рабочих советах было 1518 тыс. человек, или немногим более, чем за четыре года до этого. Правда, число первичных организаций рабочих советов значительно увеличилось и достигло 3231.

Можно полагать, что основная организационная работа по комплектованию рабочих советов среди более или менее крупных и легко организуемых коллективов рабочих и служащих была в первой половине 70-х годов уже завершена. Оставались неохва-

ченными, судя по всему, в основном периферийные и отсталые районы, удельный вес которых в конечной цифре участников организации рабочих советов не мог быть сколько-нибудь значительным.

Значение политики Революционного совета, направленной на создание новых организаций, было совершенно ясно. Оно состояло в том, что во всебирманских масштабах, централизованно, во имя большого и серьезного дела стали строиться массовые организации: рабочие советы — в городских условиях, крестьянские — в сельских. В ходе осуществления этих усилий были достигнуты значительные количественные успехи: созданы рамки, формы новых организаций, сеть их по всей стране. Включение в состав рабочих советов 1,5 млн. человек означало, что по охвату рабочих и служащих эти организации были в 2,5—3 раза крупнее всех профсоюзов Бирмы в период их наибольшего роста, в 50-е годы (см. параграф 10, гл. IV). Здесь уместно добавить, что к середине 70-х годов 7 млн. человек было охвачено крестьянскими советами [365, 2.III.1975]. Все вместе это составляло свыше 8,5 млн. человек, или более 70% всей рабочей силы страны (см. прил. 64).

В то же время было очевидно, что работа народных рабочих советов требовала упорядочения, систематизации. В них надо было, так сказать, вдохнуть жизнь. Нужно было наладить повседневную практическую деятельность советов в рамках поставленных перед ними задач, сделать рабочие советы эффективно действующими организациями. Это означало, что основное внимание стала вызывать уже не количественная, а качественная сторона дела, вопросы фактического становления рабочих советов, осуществления ими разнообразных мероприятий, связанных с производством, благосостоянием рабочих и служащих, с воспитательной работой. Неудивительно, что после 1972 г. количественные характеристики рабочих советов стали все реже официально подчеркиваться и даже упоминаться.

В бирманской печати приводились материалы, свидетельствующие о том, как в ряде случаев активно и с подъемом начинали действовать рабочие советы. Сама идея создания новых объединенных организаций была встречена с энтузиазмом в рабочей среде. Ряд деятелей левой оппозиции прошлого также поддержали эту идею.

Вместе с тем печать публиковала немало сведений о проблемах и слабостях новых организаций в ходе их становления. Одни из этих проблем и слабостей были связаны с пассивностью рабочих советов, с проявлениями бюрократизма, администрирования («командизма») (ведь эти организации создавались сверху). Не везде удавалось наладить плодотворные отношения доверия между массой и руководством. Далеко не всегда рабочие и служащие рассматривали новые организации как свои собственные. Наконец, не все рабочие советы смогли стать в дни испытаний инстру-

ментом урегулирования возникших конфликтных ситуаций. Последнее рельефнее всего продемонстрировали трагические события лета 1974 г., когда в ряде городов страны произошли забастовки и волнения рабочих, в ходе которых пролилась кровь. К сожалению, рабочие советы крупнейших государственных предприятий оказались наряду с партийными организациями бессильны обеспечить удовлетворение справедливых требований рабочих и тем самым своевременно предотвратить взрыв. Бастующие в этом случае действовали помимо них. (Подробнее о летних событиях 1974 г. см. параграф 10 данной главы.)

Рабочие советы, как они были сформированы в Бирме, стали по составу организациями лиц наемного труда, объединяющими как рабочих, так и служащих разного рода.

Поскольку нет прямых данных о социальном составе рабочих советов, можно воспользоваться информацией об отраслевой структуре рабочей силы Бирмы конца 60-х — первой половины 70-х годов (см. прил. 66). Как уже говорилось, в рабочие советы вовлекались работники, занятые в неземледельческих отраслях; рабочие советы охватывали в первую очередь и преимущественно работников наиболее организованных и наиболее организуемых трудовых коллективов; таковыми коллективами, несомненно, являются предприятия и учреждения государственного сектора; статистика распределения рабочей силы дает о госсекторе как раз наиболее полные отраслевые данные.

Работники госсектора в 1967/68—1974/75 гг. насчитывали всего примерно 780 тыс. — 1200 тыс. человек. Часть их (11—16%) принадлежала к сельскохозяйственной сфере (включая лесное хозяйство) и поэтому не охватывалась рабочими советами. Остальные же, скорее всего, имели к ним прямое отношение. Логично предположить, что именно основная масса работников госсектора в начале 70-х годов и образовала базу этих организаций. Работники же частного сектора, являющиеся работниками более мелких и труднее организуемых коллективов, составили меньшую часть организации рабочих советов. Ориентировочно можно считать, что работники госсектора дали не менее двух третей численности охваченных рабочими советами, а остальная треть пришлась на частный сектор.

Имеющиеся данные позволяют в общих чертах представить себе социальное лицо работников госсектора, не принадлежащих к сельскохозяйственой сфере и составлявших, по нашему предположению, массовую основу рабочих советов. В 1967/68 — 1974/75 гг. этих работников насчитывалось примерно 700 тыс. — 1015 тыс. человек. В их составе было 465 тыс. — 555 тыс. работников социальных услуг, управления и торговли, т. е. соответственно 67—55%, и 90 тыс. — 216 тыс. работников обрабатывающей, добывающей промышленности и энергетики (в большинстве случаев рабочих), т. е. соответственно 13—21%. (Хотя бы поэтому не следует отождествлять 1,5-миллионный состав рабочих со-

ветов с рабочим классом страны, как это иногда бывает [см., например, 362, 4.I.1976].)

Возвращаясь к проблеме улучшения деятельности рабочих советов, отметим, что еще I съезд ПБСП в 1971 г. поставил вопрос о реорганизации этих советов (как и крестьянских) [59, 227]. Это приобрело еще большее значение после принятия в 1974 г. новой конституции Бирмы и создания новой системы государственных органов. Трагические события лета 1974 г. особо подчеркнули всю неотложность и важность реорганизации рабочих советов, создания условий для улучшения и активизации деятельности последних по всем направлениям.

В соответствии с требованиями обстановки на протяжении длительного времени разрабатывался проект нового устава рабочих советов. В конце 1976 г. проект нового устава был одобрен на пленуме ЦК ПБСП и принят конференцией Центрального народного рабочего совета. Устав предусматривал реорганизацию и демократизацию рабочих советов. В середине августа 1977 г. они были преобразованы в «алоутама асиайоун» — рабочие организации (ассоциации, объединения), которые в отличие от рабочих советов должны строиться на принципах добровольности и выборности руководящих органов. Таким образом, были предприняты большие усилия по строительству новой массовой организации рабочих и служащих Бирмы, работающей под руководством ПБСП. Аналогичной перестройке подверглись и крестьянские советы, которые в начале августа 1977 г. были преобразованы в крестьянские организации.

9. ПАРТИЯ БИРМАНСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ И РАБОЧИЙ КЛАСС

Вопрос о Партии бирманской социалистической программы [13] неоднократно рассматривался в советских публикациях в различных аспектах [14]. Поэтому здесь подчеркнем лишь то, что представляется нам наиболее существенным.

---

[13] По-бирмански: «Мьямма соушели ланзин пати». Последнее слово значит «партия», первые три означают «Бирманский путь к социализму» и тем самым полностью повторяют название политической декларации Революционного совета от 30 апреля 1962 г. Поэтому первоначально вне Бирмы ПБСП иногда называлась «Партией бирманского пути к социализму». Позже утвердился нынешний вариант, внедренный самими бирманцами в официальных и неофициальных переводах с бирманского на английский, что звучит более строго и чему способствовала «перекличка» оттенков значений слова «ланзин» — «путь» (который надо пройти) и «программа» (которую надлежит претворить). Но это значит, что упомянутую политическую декларацию 1962 г. можно в принципе переводить и как «Бирманская социалистическая программа». Обиходное сокращение названия ПБСП, употребляемое бирманцами, — это «ланзин пати» («партия пути», «партия программы») или просто «ланзин».

[14] Здесь можно упомянуть исследование Ю. Н. Гаврилова [159], в котором ПБСП отведена отдельная глава. Это также соответствующие разделы книги А. С. Кауфмана [194], работ Р. А. Ульяновского [287; 288], статьи

Формирование ПБСП явилось важнейшим изменением в структуре политической надстройки Бирмы после 1962 г., поскольку речь шла о создании новой руководящей политической силы страны, нового авангарда, притом в условиях однопартийности.

Революционный совет объявил об образовании новой политической партии и принял устав партии на переходный период ее строительства уже 4 июля 1962 г. Это и был исходный пункт, начало формирования ПБСП. Формирование ПБСП проходило с трудностями, неровно. Не было ни кадров, ни каких-то организационных рамок, ни разработанных социальных и идеологических основ партии, ни практического опыта партийного строительства и партийного руководства. Приходилось начинать фактически с нуля.

Конечно, было ясно, для чего создается новая партия — для осуществления выдвинутых социалистических целей. Было ясно, что в партию не могут приниматься эксплуататорские элементы, что в нее могут входить только те, кто, согласно уставу, зарабатывает себе на жизнь законно собственным трудом. Было ясно также, что партия создается сверху, непосредственно Революционным советом, что она подчиняется принципу централизма и что первый этап ее развития — это этап кадровой партии, этап создания и обучения кадрового ядра партии (в отличие от будущего этапа массовой партии). Кроме того, было известно, что мощной опорой Революционного совета во всех его начинаниях, в том числе в строительстве новой партии, выступала армия, армейская организация и армейские кадры.

Вместе с тем нужно было решать, с чего начинать, где главное звено, какой стороне строительства партии следовало отдавать приоритет — организационной, кадровой или идеологической. Создавать организацию было необходимо, но как, из кого, в какие сроки? Были нужны кадры работников, и их следовало готовить, но каким образом и где? Здесь как раз и обнаружилось, что новой партии не хватало идеологической базы и что, следовательно, ее нужно было расширить и укрепить. Именно поэтому в первый же год после заявления Революционного совета об образовании ПБСП были разработаны ее философские основы [42, 198—223] и создана Центральная школа политических наук как главный орган по подготовке партийных кадров.

Возник также ряд практических проблем. Например, что было делать с потоком заявлений о приеме в ПБСП, поступивших уже за несколько первых месяцев? Как соотносить заявления военнослужащих и гражданских лиц (в первое время в Центральную школу политических наук для прохождения партийных курсов направлялись только военнослужащие)? Это были весьма серь-

---

А. Ф. Малова о I съезде ПБСП [221; 222], а также брошюра автора этих строк [151]. Источником для изучения основных программных документов ПБСП является книга: Не Вин. Бирма на новом пути [42].

езные вопросы, ибо речь шла о сдерживании или убыстрении приема в партию, о составе партии, что не было отражено в уставе, но что прямо и непосредственно и выражало становление партии.

Были трудности особого рода. Они заключались, например, в том, что к Революционному совету относилась отрицательно как оппозиция справа (буржуазные и феодальные элементы), так и оппозиция слева (особенно подпольная, и прежде всего руководство компартии). Поэтому деятельность Революционного совета по созданию ПБСП (как и в других сферах) протекала в обстановке враждебного внутреннего окружения, подрывной работы различных противников режима. Даже введение в стране в конце марта 1964 г. однопартийной системы, в целом благоприятствовавшей укреплению позиций Революционного совета, не сняло угрозы со стороны враждебных ему оппозиционных сил.

ПБСП, как партия приверженцев программы «Бирманский путь к социализму», партия, в которую в отличие от прошлых правящих партий был закрыт доступ эксплуататорским элементам и которой предстояло стать на деле руководящей политической силой новой Бирмы, первоначально представляла собой группу всего в несколько человек. В начале октября 1963 г. Революционный совет принял в ПБСП семь первых членов, среди которых было три военных и четыре гражданских лица, являвшихся членами самого Революционного совета и правительства [369, 4.X.1963]. Через шесть лет, в ноябре 1969 г., группа полноправных членов ПБСП составляла всего 20 человек (см. прил. 68). Уже это вполне выражало отсутствие особой торопливости у Революционного совета и подчеркивало его осторожность и осмотрительность в формировании партии. Ведь кандидатский стаж, по уставу, определялся в два года, и за упомянутый срок, не говоря уже о всем времени с июля 1962 г., в партию можно было принять лиц по меньшей мере трех «кандидатских поколений». В этих условиях ПБСП вплоть до 1970 г. оставалась фактически партией кандидатов. В 1964 г. их числилось 40 тыс. человек, в 1965 г. — около 100 тыс., в 1966 г. — примерно 186 тыс., а к концу 1969 г. — уже около 258 тыс. человек.

В первые годы при приеме в партию (в кандидаты) упор делался на военнослужащих. Так, в 1965 г. из указанных 100 тыс. кандидатов 65 тыс. были военными. На следующий год (1966) пропорции кандидатского состава изменились: из почти 186 тыс. человек всего состава партии военнослужащих было 54 тыс. (см. прил. 69).

Из-за большого наплыва заявлений о приеме и нежелания допустить чрезмерного увеличения количественного состава партии Центральный организационный комитет (ЦОК) ПБСП принял решение о создании категории сочувствующих, или «друзей партии». Это было внеуставным выходом из положения. В 1963 г. к сочувствующим были отнесены все, подавшие заявление о приеме

до середины 1963 г. [373, 5.V.1964]. Их тогда было 150 тыс. В последующие годы их число, как правило, увеличивалось и достигло в конце 1969 г. почти 729 тыс. человек (см. прил. 68).

На 4-м семинаре ПБСП в ноябре 1969 г. было принято решение приступить к новому этапу формирования партии — этапу превращения ее из кадровой в массовую. В повестку дня был поставлен вопрос о подготовке и проведении I съезда ПБСП.

Этот съезд, состоявшийся с 28 июня по 11 июля 1971 г. в Рангуне, явился важным рубежом в развитии партии. В период подготовки к съезду, особенно в первой половине 1971 г., началось превращение партии из кадровой в массовую, резко убыстрился прием в члены партии из кандидатов, происходило создание сети первичных организаций и партячеек (обкомы и райкомы были созданы ранее), были избраны руководящие органы парторганизаций на местах. На общих собраниях обсуждались предсъездовские материалы, в том числе проект нового устава партии, отражающий ее переход к этапу массовой партии и намерение утвердить принцип демократического централизма (о чем вопрос был поставлен еще на 4-м семинаре ПБСП). За первые три месяца 1971 г. в результате создания и реорганизации партийной сети 177 351 член и кандидат партии были объединены в 17 559 партячеек и 2595 первичных организаций, а еще 65 555 членов и кандидатов (военных) к концу этого срока находились в армейских партийных комитетах [373, 1.VII.1971; 369, 4.VII.1972].

Съезд ПБСП впервые реально конституировал партию и юридически, и фактически. По материалам съезда, в партии было уже более 334 тыс. человек, в том числе более 73 тыс. членов партии (см. прил. 69).

В документах I съезда ПБСП имеются данные о социально-профессиональном составе партии в 1971 г. До этого, насколько удалось установить, такого рода данные публиковались дважды: один раз — частичные приведенные выше сведения о числе военных среди кандидатов в отношении 1965 г., и другой раз — подробные — в отношении 1966 г. На материалах этих трех дат можно и ознакомиться с динамикой социально-профессиональной структуры ПБСП в течение семи лет (см. прил. 69). Подчеркнем, что, хотя материалы 1965 и 1966 гг. касаются только кандидатов, а данные 1971 г. — членов и кандидатов (раздельно и вместе), сравнение логично, поскольку кандидаты в 1965 и 1966 гг. олицетворяли практически полный состав партии.

Приведенные в прил. 69 данные показывают, что в рамках всего рассматриваемого периода в партии увеличилась численность и гражданских лиц, и военнослужащих. Это отразило нормальную положительную тенденцию роста партии, объединявшей все большее число людей. Удельный вес военнослужащих в общей численности партии сократился примерно с 65 до 32%, а удельный вес гражданских лиц соответственно возрос. Однако костяком партии, раз она создана, являются все же ее члены. Ес-

ли судить по членам партии, то получается: в 1971 г. военные составляли все еще около 58% всех членов, что было недалеко от единого (ибо членов партии не имелось) показателя 1965 г. (65%) и вдвое превышало показатель 1966 г. (29%). При аналогичной постановке вопроса в отношении крестьян, рабочих и других гражданских легко увидеть, что их доля в 1971 г. (примерно 42%) немного увеличилась по сравнению с 1965 г. (35%), но резко сократилась по сравнению с 1966 г. (70%).

В дальнейшем при переходе кандидатов в члены партии положение было, вероятно, как-то изменено. Структура кандидатов, как видно из прил. 69, содержала такие возможности. Однако конкретными данными по членам партии после 1971 г. автор не располагает. Из публикаций бирманской печати известно только, что ко II съезду ПБСП в октябре 1973 г. из 523,9 тыс. членов и кандидатов партии 342,4 тыс. составляли рабочие (в их официальной трактовке) и 142,5 тыс. — крестьяне [см. 364, 23.X. 1973]. В августе 1976 г. из 885,4 тыс. членов и кандидатов рабочими числились 494,8 тыс., крестьянами—324 тыс., прочими—66,6 тыс. [365, II.1977]. Иными словами, по совместно взятым категориям кандидатов и членов ПБСП можно говорить о подавляющем большинстве среди них гражданских лиц.

Но это лишь один аспект структурных особенностей ПБСП. Есть другой, связанный с трактовкой категории рабочих.

Данные прил. 69 свидетельствуют, что доля рабочих (а здесь и далее, где нет оговорок, мы имеем в виду официальную бирманскую категорию) в ПБСП была значительной. По кандидатам и общему составу эта доля в 1966 и 1971 гг. превышала 40%, причем по кандидатам приближалась к 50%. По членам партии она была около 28%, что также нельзя считать низким показателем. В 1973 г. удельный вес категории в общем составе партии достигал даже 65% [см. 364, 23.X.1973].

Однако следует полностью учитывать, что́ в Бирме подразумевается под категорией рабочих. Как мы уже знаем, она толкуется расширительно и охватывает всех наемных работников вне сельского хозяйства. Поэтому категория рабочих в партийной статистике Бирмы, подобно статистике рабочих советов, также не является категорией собственно рабочего класса, а объединяет самых разных наемных работников, включая многочисленных служащих.

Это можно подтвердить данными самой бирманской печати, партийными материалами. Так, во время 2-го семинара ПБСП в 1966 г. генеральный секретарь партии поставил вопрос о недостаточности представительства в партии крестьян и рабочих, имея в виду их общее количество в стране [373, 19.XI.1966]. Делегат же от одного (из 15) обкомов на семинаре обратил внимание на состав самих рабочих, представленных в его областной партийной организации (название области не давалось). По его сведениям, в числе кандидатов партии от категории рабочих в этой области

было свыше 7 тыс. работников, не связанных с производством, и только 1700 производственных рабочих. Делегат подчеркнул, что подобные пропорции «непроизводственных и производственных рабочих» характерны в отношении всех кандидатов партии [373, 20.XI.1966].

Следовательно, в составе кандидатов партии от официальной категории рабочих соотношение собственно производственных рабочих и нерабочих было примерно 1 : 4, т. е. представители промышленного пролетариата составляли лишь около 20%.

Вопрос о составе ПБСП неоднократно поднимался в теоретическом и практическом плане. «Классовый состав политической партии, — писала одна из газет, — является чрезвычайно важной проблемой... Можно называть партию партией трудящихся, но она ею не будет, если большинство ее членов составляют конторские служащие, высококвалифицированные официальные лица и городские средние слои» [363, 22.V.1966]. Значение вопроса о классовом составе партии, провозглашающей социалистические цели, тем более велико, что после I съезда в 1971 г. и особенно в рамках новой государственно-партийной структуры, принятой по конституции 1974 г., ПБСП начала на деле становиться руководящей политической силой Бирмы.

Вряд ли можно сомневаться в том, что повышение роли представителей рабочего класса в ПБСП, установление и развитие тесных связей партии с рабочими является не только средством укрепления самой партии, но и фактором обеспечения целенаправленной политики в интересах народных масс, рабочего класса Бирмы.

10. СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС И ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Как следует из вышеизложенного, с точки зрения общей социальной политики статус рабочего класса в Бирме после 1962 г. был, несомненно, в целом поднят. Рабочий класс стал идеологически рассматриваться как один из тех классов и слоев, которые составляют опору новой власти и социально-политическую силу в борьбе за поставленные этой властью цели. Рабочий класс Бирмы наряду с другими трудящимися стал рассматриваться одновременно и как объект, и как субъект процесса общественных преобразований, нацеленных Революционным советом и ПБСП на социалистическую перспективу. Это было важное, прогрессивное и, можно сказать, беспрецедентное в истории Бирмы изменение взаимоотношений власти и масс.

Не вызывает также сомнений, что рабочие вместе со всеми трудящимися Бирмы выиграли от ряда проведенных в стране преобразований политического, социального и экономического характера.

Уже отмечалось, что были расширены различные права трудящихся, в том числе основные политические, гражданские и социальные права, многие из которых за истекшие годы неоднократно формулировались в различных официальных документах и ныне в концентрированном виде декларируются в новой конституции, провозгласившей Бирму Социалистической Республикой Бирманский Союз. Согласно 5-й и 9-й статьям этой конституции, государство, целью которого является социализм, защищает интересы трудящихся, основу которых составляют крестьяне и рабочие [здесь и ниже см. 41а; 71]. По статье 8-й, государство должно быть свободно от эксплуатации человека человеком и одной национальной группы другой. Статья 12-я говорит о том, что законодательная, исполнительная и судебная власть в стране принадлежит народу, включая все национальные группы, основу которых составляют крестьяне и рабочие. При этом новая конституция впервые после 1962 г. ввела выборную политическую систему. Каждый гражданин в соответствии со статьей 15-й имеет право избирать народных депутатов и быть избранным в государственные органы власти разных уровней, а также отзывать избранных народных депутатов. Глава XI конституции фиксирует основные права и обязанности граждан, в том числе право на гражданское равенство, независимо от национальной принадлежности, социального и служебного положения, культурного уровня, вероисповедания и пола; на вознаграждение в соответствии с затраченным трудом, на медицинскую помощь, на отдых, на вознаграждение и компенсацию за производственные травмы, при потере трудоспособности, болезни и по старости. Указывается, что каждый гражданин имеет также право на образование и что женщины пользуются равными с мужчинами политическими, экономическими, социальными и культурными правами.

Все это подтверждает и развивает те принципы и ту политику, которые были провозглашены вскоре после прихода Революционного совета к власти.

Рабочих и служащих в первую очередь коснулись конкретные прогрессивные социальные изменения, которые новая власть за прошедшие годы ввела в законы и правила, касающиеся труда, медицинского обслуживания, образования, минимального уровня зарплаты в госсекторе и т. д. Произошла заметная перемена в общественной оценке и самооценке статуса рабочих, людей труда.

Одним из наиболее ярких выражений нового общественного статуса рабочих и служащих стало развитие отношений между трудом и капиталом. Вскоре после прихода к власти Революционного совета имела место крутая эскалация трудовых конфликтов в стране, в которой проявилось усиление классовой деятельности, борьбы рабочих против предпринимателей, за свои права.

В 1961/62—1967/68 гг., особенно в 1963/64—1965/66 гг., произошел буквально взрыв трудовых конфликтов, количественно далеко перекрывший все известные предыдущие показатели. На-

помним, что ранее, в 40-х, 50-х и даже в начале 60-х годов, обычно регистрировалось несколько десятков — сто с лишним трудовых конфликтов в год (см. прил. 46). В среднем ежегодно их было примерно 110 (см. прил. 47). После 1962 г. они стали исчисляться тысячами: в 1962/63 г. их было зарегистрировано более 3,7 тыс., в 1963/64 г. — около 9,4 тыс., а в 1964/65 г. — примерно 11,4 тыс. (см. прил. 77)[15]. Среднегодовое число зарегистрированных конфликтов в период их наивысшего размаха, в 1963/64—1965/66 гг., было около 8,6 тыс., урегулированных конфликтов — 7,2 тыс. Так или иначе, если считать по официальным исходным данным, ежегодное число трудовых конфликтов после 1962 г. выросло по сравнению с первым периодом независимости Бирмы в десятки раз. Вершиной кривой трудовых конфликтов был 1964/65 г., после чего она стала падать. В 1968 г., последнем году, по которому автор располагает прямыми серийными данными о числе урегулированных конфликтов, этих конфликтов было около 2,8 тыс. Судя по косвенным сведениям (о компенсациях, выигранных рабочими в трудовых конфликтах 1964—1971 гг., см. [373, 2.III.1973, прил.]), трудовые конфликты имели место и позже, но их масштабы сокращались. Резервы тех конфликтов, основу которых составляли старые неудовлетворенные требования рабочих, как бы исчерпывались.

Что касается участников трудовых конфликтов, то после 1962 г. данные о них стали обычно выражаться через число лиц, получивших материальную компенсацию от предпринимателей (в результате улажения конфликтов). В соответствии с таким подходом число участников конфликтов было наибольшим в 1963/64 г. — свыше 87 тыс. (см. прил. 77). В 1963/64—1965/66 гг. их было около 172 тыс., или свыше 57 тыс. в год. Всего за 1963/64—1967/68 гг. в конфликтах приняло участие 215 тыс. Среднее число участников трудовых конфликтов в год в 1963/64—1967/68 гг. может быть оценено примерно в 43 тыс. В 1948—1963 гг. соответствующий показатель составлял около 24 тыс. (см. прил. 47). Таким образом, можно говорить об удвоении среднего числа участников трудовых конфликтов после 1962 г. по сравнению с предыдущим периодом, если условиться о сравнимости тех и других данных. Хотя в этом случае изменение не столь резко, как по числу конфликтов, оно все же значительно.

Что же представляли собой многочисленные трудовые конфликты в Бирме после 1962 г.? Информация, почерпнутая преимущественно из газет, позволяет сделать на этот счет некоторые выводы.

Прежде всего подчеркнем, что трудовые конфликты имели в сущности экономический характер. Они возникали в связи с невыплатой предпринимателями рабочим причитающихся им по за-

[15] Данные о 1962 и 1963 гг. по прил. 46 и 77 сильно расходятся: 95 конфликтов против 1629 в 1962 (1961/62) г. и 187 против 3720 в 1963 (1962/63) г. Это явный результат перемены критериев учета.

кону сверхурочных, праздничных, отпускных, страховых и иных подобных сумм. Частные владельцы предприятий задолжали рабочим нередко за несколько лет, воспользовавшись благосклонностью к себе прежнего режима, обычно замораживавшего в различных инстанциях удовлетворение требований рабочих. Рабочие выдвигали также требования увеличения заработной платы, улучшения условий труда и быта и т. д.

Однако будучи экономическими по существу, трудовые конфликты после 1962 г. приобрели особый политический оттенок, поскольку оказались возможными и происходили в особой политической среде, созданной приходом к власти Революционного совета. Дело в том, что подтолкнули и воодушевили рабочих на выступления против предпринимателей именно выдвинутая Революционным советом антиэксплуататорская и антикапиталистическая программа и осуществление на практике первых важных социально-экономических преобразований. Все это явилось как бы катализатором классовых реакций рабочего класса, притупленных безрезультатностью его жалоб и выступлений при прежнем режиме[16]. Так что трудовые конфликты в Бирме в первый период после 1962 г. можно рассматривать как выражение подъема рабочего движения, стимулированного в значительной мере самим новым режимом.

Трудовые конфликты охватили не только рабочие коллективы, но и служащих учреждений. Больше того, хотя эти конфликты происходили главным образом на частных предприятиях и в частных учреждениях, они затронули в первые годы также государственный сектор. Власти не считали это особо предосудительным, сознавая, что новый режим унаследовал от старого государственный аппарат и его бюрократическую систему и что действительно имело место несоблюдение законов и нарушение социальной справедливости. Правда, в обстановке общего подъема антипредпринимательских настроений иногда происходили и определенные левацкие выступления рабочих и служащих. Участники этих выступлений выдвигали чрезмерные требования, выполнение которых на том этапе еще не было возможно [см., например, 363, 4.II.1965].

Своеобразием отличалась форма выступлений рабочих и служащих. В подавляющем большинстве трудовых конфликтов после 1962 г. это выдвижение жалоб и претензий без забастовок, т. е. коллективного прекращения работы как средства давления на предпринимателя. Видимо, отчасти поэтому в данных о трудовых конфликтах в Бирме после 1962 г. исчезла графа о потерянных (в результате забастовок) рабочих человеко-днях. В контексте изменившихся политических условий, вызванных приходом к

[16] По некоторым данным, до 1962 г. на арбитраж ежегодно поступало 25 конфликтов и в 90 случаях из 100 выигрывали не рабочие, а предприниматели [364, 28.XI.1965].

власти Революционного совета, эта форма борьбы рабочих и служащих была, на наш взгляд, положительным моментом, так как сама по себе не вредила производству, функционирование и подъем которого были в интересах прогрессивного развития Бирмы и соответствовали осуществлению намеченных реформ.

Власти наладили в целом эффективный механизм урегулирования трудовых конфликтов через специально созданные на разных уровнях комитеты по труду. Эти органы и добивались сравнительно безболезненного разрешения конфликтов и присуждения рабочим и служащим в большинстве случаев соответствующих компенсационных сумм.

По имеющимся данным, в результате урегулирования трудовых конфликтов рабочим и служащим в 1964 — начале 1971 г. было выплачено свыше 25 млн. джа компенсации, из них около 8,9 млн. — в 1964 г., 6,8 млн. — в 1965 г. и 2,7 млн. — в 1966 г. Затем, вплоть до 1970 г., компенсации составляли приблизительно 1,7—1,0 млн. джа в год, что отражало спад трудовых конфликтов [см. 373, 2.III.1973, прил.].

Следует учитывать также, что определенный выигрыш давали рабочим и служащим компенсации по линии фабричного законодательства и социального страхования и проведенное повышение зарплаты (в рамках госсектора).

Все это явилось результатом внимания Революционного совета к проблемам труда и его усилий добиться улучшения положения рабочих и служащих. Эти усилия, естественно, следует рассматривать в рамках общего социально прогрессивного курса новой власти.

Вместе с тем нельзя не признать, что значение мер по улучшению материального положения трудящихся, роль тех компенсаций и льгот, которые они получили после прихода к власти Революционного совета, во многом ослаблялись ростом стоимости жизни, инфляцией, нехваткой товаров широкого потребления, включая продовольственные. Эти отрицательные моменты были связаны с ухудшением экономического положения страны, с падением темпов экономического роста во второй половине 60-х — начале 70-х годов, о чем уже говорилось. Летом 1974 г. в условиях усиливавшихся экономических трудностей возникла даже острая социально-конфликтная ситуация.

В апреле — мае 1974 г. имели место отдельные забастовки и волнения рабочих в городах периферии (Мандалае, Сикайне, Енанджауне, Чау, Мейтхиле). В июне 1974 г. произошли массовые выступления рабочих Рангуна — главного промышленного центра страны. Начали забастовку рабочие железнодорожного депо в Инсейне (под Рангуном). Она распространилась на промышленные предприятия и транспорт собственно столицы. Забастовали рабочие всех самых значительных предприятий государственного сектора, в том числе новостроек 50—60-х годов. Волнения и забастовки охватили нефтяников (5 тыс. человек на

нефтепромыслах Чау, 2 тыс. — Енанджауна и 1 тыс. на нефтеперерабатывающем заводе в Танхльине), рабочих железнодорожного депо (2 тыс. в Мьинге, 1,5 тыс. в Инсейне), рабочих фармацевтической (2 тыс.), джутовой (2 тыс.) и текстильной (4 тыс.) фабрик в Рангуне, рабочих крупнейшей судоверфи, транспортников и т. д. Согласно официальным данным, в июне 1974 г. в волнениях и забастовках приняло участие 43,3 тыс. рабочих 128 предприятий (около 26 тыс. рабочих на 101 предприятии в Рангуне и 17,3 тыс. рабочих на 27 предприятиях в других городах) [см. 43а, 68—70]. По числу бастующих забастовки июня 1974 г. были среди наиболее крупных с начала забастовочного движения в Бирме после первой мировой войны. Их превосходили лишь забастовки 1946—1947 гг. и 1948 г. (когда в стране бастовало соответственно более 50 тыс. и более 76 тыс. рабочих и служащих в основном на предприятиях иностранного капитала). Главными требованиями бастовавших в июне 1974 г. были улучшение снабжения рисом и повышение зарплаты [361, 11.VI.1974].

Волнения в Рангуне продолжались неделю. Они сопровождались разрушением некоторыми группами рабочих оборудования фабрик и заводов, порчей имущества. Кульминацией июньской забастовки 1974 г. были столкновения бастующих с силами по поддержанию порядка, применившими оружие. По официальным данным, 22 человека было убито, 73, включая 13 полицейских, ранено [361, 11.VI.1974; 204а, 226—227].

Бирманское партийное и государственное руководство позже признало справедливыми основные требования бастующих и приняло меры к удовлетворению большинства из них [362, 5.III.1975]. Было улучшено снабжение рисом, выплачена компенсация рабочим, переведено на постоянную работу 52 тыс. рабочих и служащих, ранее находившихся на поденной оплате [367, 4.I.1975; 363, 4.I.1975].

Уже в июньские дни 1974 г. назревало выступление студентов и старших школьников. Чтобы не допустить распространения волнений, власти закрыли все учебные заведения страны.

Однако вскоре властям пришлось столкнуться с антиправительственными акциями студенчества и некоторых других городских слоев. Например, в декабре 1974 г. (во время похорон бывшего Генерального секретаря ООН У Тана, в прошлом близкого друга У Ну) в Рангуне произошли крупные студенческие волнения. Они сопровождались актами насилия, поджогами и порчей государственного и общественного имущества. В результате перестрелки имелись убитые и раненые. Сотни людей были арестованы. Власти ввели в столице и ее окрестностях военное положение, продолжавшееся много месяцев. На долгий срок были вновь закрыты вузы. Сообщалось о студенческих выступлениях и в других городах Бирмы. В июне 1975 г., в годовщину событий 1974 г., в Рангуне снова произошли студенческие демонстрации. Студенты протестовали против дороговизны, требовали освобождения

своих руководителей, арестованных в декабре 1974 г. Были произведены аресты. Власти опять закрыли все вузы страны [см. 361, 12, 13, 14, 17.XII.1974, 12.VI.1975; 362, 13, 16, 20, 27.XII.1974; 13.VI.1975].

Несомненно, что к выступлениям студентов в 1974 и 1975 гг. имели отношение оппозиционные правительству политические силы, причем как правые, так и левые. Но это не меняет того факта, что волнения и забастовки 1974—1975 гг. происходили на почве роста экономических трудностей и ухудшения материального положения трудящихся.

События 1974—1975 гг. заставили руководство более настойчиво решать проблемы трудовых слоев, вопросы экономики.

Разумеется, коренное улучшение материального положения рабочего класса Бирмы, как и бирманских трудящихся в целом, возможно лишь на основе подъема производительных сил страны, ускорения экономического развития и индустриализации. Важным вкладом в дело хозяйственного прогресса Бирмы должна явиться реализация решений III съезда ПБСП, подтвердившего программу социалистической ориентации. В то же время очевидно, что успешному осуществлению этих решений призвано служить повышение роли рабочего класса, народных масс во всей общественно-политической структуре страны, в ПБСП, в новых органах власти, укрепление влияния и действенности новых массовых рабочих и крестьянских организаций. Тем самым экономические, социальные и политические задачи тесно переплетаются друг с другом.

Идя курсом прогрессивных преобразований, Бирма смогла решить определенные социальные задачи в интересах рабочего класса и всех трудящихся. Но не будет преувеличением сказать, что нерешенных задач не меньше. Их решение — объективная необходимость. Успех здесь будет во многом зависеть от последовательности и гибкости в выполнении программы социалистической ориентации, от умения извлечь уроки из собственного опыта и опыта других стран, от прочности связей с народными массами, с рабочим классом, от глубины разнообразных отношений и контактов с прогрессивными силами мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ большого фактического материала позволяет сделать вывод, что формирование промышленного пролетариата в Бирме началось с 70-х годов прошлого века, на заключительном этапе колониального завоевания страны, когда устанавливаются ее связи с мировым рынком и начинается регулярное распространение в ней машин и техники, созданных промышленной революцией и послуживших основой появления некоторых современных производств и отраслей. Возникновение в Бирме зачатков промышленного пролетариата, таким образом, исторически пришлось на период перехода домонополистического капитализма в капитализм монополистический, в империализм, при котором решающее значение приобретает экспорт капитала.

На рубеже XIX—XX вв. в Бирме существовали с центром в районе Рангуна первые группы современного промышленного труда. Промышленная перепись 1911 г. зафиксировала уже их более или менее значительное развитие. Наивысший количественный уровень промышленного рабочего класса Бирмы в колониальное время был достигнут в 20—30-е годы XX в. К концу 30-х годов промышленный пролетариат страны насчитывал примерно 200 тыс. человек.

В силу исторических условий капитализм в Бирме навязывался колониализмом, насильственно привносился извне на еще не подготовленную местную почву, что неизбежно вело к социально-экономическим деформациям.

Капиталистический уклад начал устанавливаться здесь в виде своеобразной «сборной конструкции»: капитал — в основном английский, наемный труд — в значительной или большей мере индийский. Это наложило отпечаток на эволюцию промышленного пролетариата, в котором вплоть до конца колониальной эпохи преобладающим элементом были иностранные рабочие, рабочие-иммигранты. Одно время, учитывая длительные и тесные связи Бирмы и Индии, можно было предполагать, что по мере постепенного роста численности собственно бирманских и других местных промышленных рабочих, а также укоренения в Бирме больших или меньших количеств рабочих-иммигрантов произойдет интеграция всех этих отрядов рабочих в единый бирманский рабочий класс. Однако развитие пошло иначе.

Дав толчок эволюции капитализма в Бирме, колониализм в то же время сдерживал его развитие в общенациональных масштабах, стремясь приспособить его к своим интересам. Промыш-

ленное развитие имело здесь ограниченный характер. На этой почве не возникало резкого и быстро увеличивающегося спроса на наемную рабочую силу в промышленности. Вследствие этого, а особенно потому, что труд рабочих-иммигрантов был дешевле, в стране не наблюдалось резкого и быстро увеличивающегося роста численности промышленных рабочих-бирманцев. Однако постепенное, замедленное и неровное возрастание абсолютной численности и удельного веса рабочих-бирманцев все же происходило. Этот процесс имел большое историческое значение. В начале XX в. стало возможным говорить о группах постоянных промышленных рабочих-бирманцев, особенно в нефтедобыче. В 20-х и 30-х годах рабочие-бирманцы составляли примерно 25—30% всех промышленных рабочих страны, причем доля бирманцев среди квалифицированных рабочих ряда отраслей в 30-х годах была выше.

Противоречивыми оказались результаты многонационального, в большой степени иммигрантского состава рабочих Бирмы для формирования их классового самосознания, для процесса превращения «класса в себе» в «класс для себя». Этот процесс начал проявляться по существу только с 20-х годов XX в. и растянулся на десятилетия. Чрезвычайно важными по своему значению были первые, еще весьма скромные по масштабам выступления рабочих в самом конце мировой войны 1914—1918 гг. и после ее окончания. Началось пробуждение пролетариата Бирмы. Оно происходило в условиях всемирного подъема освободительного и рабочего движения, испытавшего мощное влияние идей и опыта Великой Октябрьской социалистической революции. Тот факт, что в числе рабочих Бирмы были рабочие-иммигранты из Индии, где уровень классового сознания рабочих был в целом выше, сыграл положительную роль в этом пробуждении. Осознание рабочими Бирмы своих классовых интересов в каких-то случаях пошло быстрее именно под воздействием индийского пролетариата. Зарождение Компартии Бирмы (1939), происшедшее на базе роста местного рабочего движения и отразившее этот рост, было также в значительной мере связано с революционными влияниями, исходившими от индийского рабочего движения, которое в тот период уже имело устойчивые связи с международным рабочим движением.

Вместе с тем наличие в Бирме массы рабочих-иммигрантов оказывало и обратное воздействие: оно облегчало английским колонизаторам возможность разобщать рабочих разных национальностей, разжигать конкуренцию между ними, создавать условия для штрейкбрехерства.

Всю слабость и искусственность пути преимущественного формирования промышленного пролетариата на основе иммиграции труда продемонстрировали вторая мировая война и ее последствия. Японское вторжение в Бирму привело к массовой эвакуации индийского населения из страны, в том числе рабочих-ин-

дийцев. Это означало фактический распад всей прежней структуры промышленного рабочего класса и резкое сокращение его численности.

Фактором размывания промышленного пролетариата Бирмы явилось также разрушение материальных производительных сил страны в результате второй мировой войны. К концу ее все сколько-нибудь значительные промышленные объекты Бирмы лежали в руинах. Это означало, что исчезли десятки тысяч рабочих мест, резко сократилась сама возможность промышленной занятости.

Вторая мировая война привела к сужению материальной базы капиталистической экономики, ибо пострадала «сборная конструкция» капиталистического уклада: был подорван иностранный капитал, сократился иммигрантский наемный труд.

Невозможно, разумеется, недооценивать воздействие на положение в Бирме общих политических факторов, связанных со второй мировой войной. Японская оккупация и угнетение Бирмы, борьба свободолюбивых народов мира во главе с народом Советского Союза против фашизма вызвали общенациональный патриотический подъем, появление организованного движения сопротивления. В ходе движения сопротивления происходило организационное становление Компартии Бирмы. Компартия стала инициатором и важной силой единого национального фронта — Антифашистской лиги народной свободы. В движении сопротивления и едином фронте, имевших широкий социальный состав, приняли активное участие передовые группы рабочих. Появление и развитие движения сопротивления в Бирме в годы второй мировой войны впервые сделало Бирму активной частью мирового освободительного революционного процесса и привело к осознанию этой связи самими участниками бирманского освободительного движения.

Разгром антигитлеровской коалицией фашистского блока, особенно всемирно-историческая победа советского народа в Великой Отечественной войне, и создание нового соотношения сил на мировой арене, благоприятствовавшего развитию всех освободительных движений в мире, воодушевляли народы Бирмы, как и других стран, на борьбу против национального и социального гнета. Под влиянием этих факторов национально-освободительное движение в Бирме расширилось, активизировалось, приобрело организованный характер, получило возможность добиться решительного успеха. Именно в таких местных и международных условиях Бирма смогла в 1948 г. провозгласить государственную независимость. Это явилось исторической победой национально-освободительных сил, открывшей перед страной перспективы развития в общенациональных интересах.

Однако промышленно-пролетарская база всего национально-освободительного, а также коммунистического движения вследствие разрушений в промышленности, вызванных второй мировой войной, и поредения, количественного ослабления промышленно-

го рабочего класса Бирмы оказалась к периоду провозглашения страной государственной независимости резко суженной. Учитывая этот момент, легче понять многие стороны политической обстановки в Бирме в период независимости, точнее и объективнее оценить соотношение различных социально-политических сил в стране.

Рабочий класс независимой Бирмы в некоторых отношениях оказался отброшенным назад, и кое в чем ему пришлось начинать сначала. Помимо сокращения численности произошло усиление «мелкопромышленного» характера рабочих Бирмы; уменьшилась концентрация промышленных рабочих даже в наиболее пролетарских отраслях и районах страны; упала доля кадровых рабочих и возрос процент выходцев из других слоев (мелкобуржуазных, крестьянских). Это осложнило дальнейший процесс превращения рабочего класса из «класса в себе» в «класс для себя», несмотря на происшедшие в стране политические сдвиги.

Восполнение рядов рабочего класса происходило на пути его бирманизации, в широком смысле включающей и натурализацию части рабочих-индийцев. Главная тенденция в динамике национального состава промышленных рабочих после 1948 г. состояла в увеличении в нем общего количества и доли бирманцев и представителей других местных национальностей и в сокращении числа и доли рабочих-иммигрантов. Это был неизбежный процесс, исправлявший исторические деформации, которые навязал Бирме колониализм.

Вплоть до начала 60-х годов в целом шло восстановление численности промышленного пролетариата Бирмы. Однако довоенных показателей численности, концентрации и отраслевой структуры промышленного рабочего класса тогда достигнуть не удалось. Появившаяся в первый период независимости новая фабричная статистика, правда, перекрывала эти показатели, но это было результатом расширения учета посредством включения в него мелких предприятий.

Рабочее движение в Бирме этого периода добилось определенных успехов. Здесь надо отметить рост числа трудовых конфликтов и их участников, определенное усиление классовых моментов в движении (начало борьбы против «своих» капиталистов), рост профессиональной организованности наемного труда. В результате борьбы рабочих и служащих было частично улучшено старое или введено новое трудовое законодательство, которое в большей мере отвечало интересам трудящихся. Но мощность забастовочного движения сильно сократилась. После 1948 г. уже не было столь крупных выступлений промышленных рабочих, какие Бирма знала в предвоенный период, например подобных забастовкам нефтяников (в 1923, 1926 и 1938 гг.). Этому, в сущности, не приходится удивляться: нефтяная промышленность Бирмы, самая крупная современная отрасль, пребывала после войны в состоянии разрухи и восстанавливалась очень медленно, а чис-

ленность рабочих-нефтяников сильно уменьшилась. В условиях сужения промышленной базы рабочего движения даже экономическая борьба рабочего класса была затруднена, и те права и уступки, которых ему все же удалось добиться, оказывались в значительной степени формальными, ибо навязать их проведение в жизнь ему было часто не под силу.

Трудности рабочего движения в Бирме усугублялись ослаблением связей между ним и коммунистическим движением страны. Это произошло в результате начавшейся в 1948 г. гражданской войны, когда Компартия Бирмы оказалась в подполье и вынуждена была перебазировать свою деятельность главным образом в сельскую, крестьянскую среду. Несомненно, проявились также слабость прямых связей Компартии Бирмы с международным коммунистическим движением, а затем и воздействие левосектантских китайских элементов на Компартию Бирмы в плане закрепления ее односторонней ориентации и тактики.

Разобщению рабочего класса Бирмы в немалой степени способствовало также острое политическое соперничество в легальной сфере. Когда произошел раскол правящей коалиции (1958), он отозвался на всех уровнях общественно-политической структуры и поставил рабочий класс и рабочее движение в еще более тяжелые условия. С появлением новых политических центров и профобъединений в чрезвычайно сложной политической атмосфере конца 50-х — начала 60-х годов произошло углубление раскола рядов рабочего класса и вместе с тем усиление элементов его дезориентации. Неудивительно, что в то время рабочий класс, рабочее движение в Бирме не являлись заметным фактором общественной борьбы.

Приход к власти Революционного совета в 1962 г. открыл новый этап в истории независимой Бирмы, в том числе и рабочего класса страны.

Выдвижение программы социалистической ориентации («Бирманский путь к социализму»), прогрессивный сдвиг в характере государственной власти и ее социальной опоры и проведение ряда радикальных преобразований создали благоприятные условия для трудящихся. Статус людей труда был поднят. Трудящиеся, крестьяне и рабочие, начали рассматриваться в качестве субъекта и объекта осуществления поставленных руководством страны прогрессивных целей. Государство заявило о себе как защитник интересов трудящихся, поддержало их выступления против предпринимателей. В новой политико-организационной структуре руководящую роль стала играть Партия бирманской социалистической программы. Были созданы массовые рабочие и крестьянские организации. Конституция Социалистической Республики Бирманский Союз (1974) подтвердила и закрепила социалистическую ориентацию Бирмы, вновь подчеркнула приоритет интересов и позиций трудящихся в государственно-политической системе (через тезис о принадлежности власти народу в ли-

це крестьян и рабочих, через введение выборности органов политической власти и т. д.).

Одной из наиболее серьезных структурных перемен, происшедших в Бирме после 1962 г., явилось возникновение обширного государственного сектора хозяйства, который охватил ключевые экономические позиции. Господствующее место занял госсектор в промышленности. В состав госсектора вошли самые крупные промышленные предприятия (главным образом в результате национализации и отчасти благодаря новому строительству). Одновременно значительно выросла численность рабочей силы, занятой в госсекторе. Число работников промышленности и производственной инфраструктуры госсектора в 1967/68—1974/75 гг. увеличилось в 2 раза (с 230 тыс. до 460 тыс.), одной промышленности — почти в 2,5 раза (примерно с 90 тыс. до 216 тыс.). Это отразило новый прогрессивный процесс концентрации промышленного труда. В результате к середине 70-х годов госсектор стал средоточием основного ядра промышленного пролетариата Бирмы.

В целом фабрично-заводское ядро рабочего класса Бирмы к середине 70-х годов может быть оценено на уровне примерно 200 тыс. человек.

Оценивая прогрессивные преобразования в Бирме на новом этапе ее развития и позитивные тенденции в формировании промышленного пролетариата в рамках госсектора, нужно учитывать трудности развития, противоречивость обстановки, объективные и субъективные слабости и недостатки разного рода. Нельзя не признать, например, что, несмотря на провозглашенный приоритет трудящихся масс, наблюдается известная недооценка роли рабочего класса в общественных преобразованиях и в системе созданного в стране общественно-политического механизма. Как следствие этого, рабочий класс Бирмы еще не выполняет в полной мере функций передового социального класса, прежде всего заинтересованного в социалистической перспективе, и слабо мобилизован на выполнение стоящих перед страной задач.

Несомненно, что вопрос о повышении общественной роли рабочего класса жизнь будет ставить все острее и настойчивее, особенно в свете того, что это вопрос комплексный: политический, экономический, организационный, моральный и т. д. Совершенно ясно, например, что нельзя рассматривать будущее Бирмы без индустриализации, а индустриализацию — без рабочего класса. Исторические судьбы социалистической ориентации в Бирме, как и повсюду в мире в аналогичных условиях, связаны с ростом, развитием, просвещением, неуклонным повышением социально-политической и экономической роли рабочего класса, промышленного пролетариата в особенности, с выходом его в первые ряды общественной борьбы за революционные преобразования, с превращением его в руководящую социальную силу общества.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Нижеследующие приложения составлены на основе широкого круга источников. Они предназначены для того, чтобы обосновать и подкрепить главные положения работы. В то же время они могут послужить фактологическим подспорьем для дальнейших размышлений над вопросами, затронутыми в книге.

Ряд данных из источников был заимствован автором целиком или почти целиком, другие подверглись авторской обработке, «монтажу», а некоторые в результате соответствующих расчетов превратились в самостоятельные материалы.

В тех случаях, когда данные приводятся по источнику полностью или с незначительными формально-техническими отступлениями от него, в приложениях дается просто отсылка к источнику без каких-либо пояснений. Если же данные источников автором обрабатывались, уточнялись, дополнялись или вообще видоизменялись сколько-нибудь значительным образом, автор указывает, на основании каких источников составлены либо рассчитаны материалы, и каждый раз оговаривает соответствующие изменения в конкретных примечаниях к тем или иным приложениям. Так, оговорены повсюду расчеты, исчисления процентов и округления, сделанные автором. Поясняются и дополнения, более или менее существенные изменения формы либо структуры материалов источника, внесенные автором. Оговариваются также расхождения аналогичных данных в разных источниках.

При сложении данных сумма из-за округлений может иногда не совпадать с показанным итогом, особенно в сложных материалах с итогами по горизонтали и вертикали. Порядок отраслей и предприятий дается по источнику, если не оговорено иное построение. Географические названия приводятся по источнику. В случае необходимости в скобках дается соответственно либо прежнее, либо современное название (или транскрипция).

Три точки в графах означают отсутствие данных (в источнике или у автора). Тире показывает, что число равно нулю или ничтожно мало. Цифры 0,0 свидетельствуют о том, что, хотя величина абсолютна мала, она не равна нулю и в контексте с другими соседними данными должна так или иначе приниматься в расчет. Что касается пробелов (пустот) в графах, то они означают, что какая-то категория или показатель в данном случае неприменимы; пустоты могут вызываться также специфической структурой материала.

Для исчисления среднегодовых темпов прироста и снижения использовались таблицы А. М. Айрапетова [374].

1. Динамика населения Бирмы с учетом исторических регионов (конец XVIII в. — 1941 г.),
тыс. человек

Год	Нижняя Бирма[1]				Верхняя Бирма[2]	Вся Бирма
	Аракан (Ракхайн)	Тенассерим[3] (Танинтайи)	Пегу	Всего		
Конец XVIII в.[4]	500	...	...	1200	3500[5]	4700
1830[6]	181	...	...	...	...	4000[7]
1835	210	84	...	...	...	...
1850	337	149	...	...	...	...
1856	368	303	790	1461	3600[8]	5060[9]
1860	374	333	1041	1748	...	...
1865	428	444	1338	2210	...	...
1870	453	493	1546	2492	...	...
1871	461	2101		2562	...	...
1872[10]	485	...	...	2747	...	...
1881	589	765	2383[11]	3737	...	...
1891	673	904	2831	4408	3314	7722
1901	762	1149	3495	5406	5085	10491
1911	840	1416	3956	6212	5903	12115
1921	909	1612	4341	6862	6350	13212
1931	1009	1873	4884	7766	6901	14667
1941	1187	2110	5621	8918	7906	16824

Составлено по: [336, 3—5, 32; 314, 245; 307, 22—23, 34; 69, ч. I, 9; 69, ч. II, 6].

Примечания:

[1] Нижняя Бирма в колониальный период — все четыре южнобирманские административные области (divisions): Аракан, Тенассерим, Пегу и Иравади. В таблице Пегу — исторический регион, охватывавший в колониальное время административные области Пегу и Иравади. В переписях 1872—1881 гг. к Нижней Бирме относился округ (district) Таемьо (в Пегу), включенный затем в Верхнюю Бирму.

[2] Верхняя Бирма — центральная и северная часть страны, с переписи 1891 г. включая округ Таемьо, а с переписи 1901 г. — «восточные княжества» — Шанские, Каренни (Кая).

[3] С 1856 г. вместе с Мартабаном (Моутама).

[4] Ориентировочные подсчеты У Тун Вея по данным Берни, который основывался на бирманской переписи 1783 г. Берни оценивал население Бирмы (без Аракана, тогда в нее не входившего) в 4,2 млн. человек.

[5] Приводится как разность (источник не дает этой цифры).

[6] С 1830 по 1871 г. — примерные расчеты, приведенные Ферниволлом и основанные на данных о сборе налогов.

[7] Оценка на 1826 г. из Эндруса.

[8] Оценка на 1855 г. Юла из У Тун Вея.

[9] Оценка У Тун Вея.

[10] С 1872 до 1941 г. — данные соответствующих переписей населения (в округлении); 1941 г. — из Эндруса.

[11] Последний год с округом Таемьо, население которого тогда составляло около 170 тыс. человек.

2. Население Бирмы по данным переписей населения в 1872—1941 гг.

Год проведения переписи	Территория, охваченная переписью населения (оценка), тыс. кв. миль[1]	Население, тыс. человек							
		1872 г.	1881 г.	1891 г.	1901 г.	1911 г.	1921 г.	1931 г.	1941 г.[2]
1872	88,5	2747	3737	4603	5590	6405	7058	7965	. . .
1881	87,2		3737	4603	5590	6405	7058	7965	. . .
1891	171,4			7722	9231	10531	11490	12179	. . .
1901	226,2				10491	12062	13088	14533	. . .
1911	230,8					12115	13149	14525	16460
1921	233,7						13212	14667	16467
1931	233,5							14667	16569
1941	261,8								16824

Источник: [84, 1957, I кв., 2].

Примечания:

[1] 1 кв. миля = 2,59 кв. км.

[2] Из-за перемен в дистриктах и наличия данных переписи о населении только по дистриктам, как отмечает источник, надежных данных 1941 г. в рамках территорий, охваченных переписями 1872—1901 гг., получить невозможно.

3. Население Бирмы в 1945—1975 гг. и его ежегодный прирост

Год	Тыс. человек		Прирост в год по пересмотренным данным, %	Год	Тыс. человек		Прирост в год по пересмотренным данным, %
	Первоначальные данные[1]	Пересмотренные данные[2]			Первоначальные данные[1]	Пересмотренные данные[2]	
1945	17564	. . .	. . .	1966	25246	24751	2,201
1948	18119	. . .	. . .	1967	25811	25303	2,230
1953	19707	. . .	. . .	1968	26389	25867	2,229
1954	20044	. . .	. . .	1969	26980	26444	2,231
1958	21529	. . .	. . .	1970	27584	27034	2,231
1960	22355	. . .	. . .	1971	28201	27637	2,231
1961	22780	22200	. . .	1972	28874	28262	2,261
1962	23253	22688	2,198	1973	29563	28886[3]	2,208
1963	23735	23187	2,199	1974	30100	29521	2,198
1964	24229	23697	2,200	1975	31000	30170	2,201
1965	24732	24218	2,199				

Составлено по: [115, 19; 117, 1963; 47, 8; 100, 96; 48, 8; 364, 9.XII.1973].

Примечания:

[1] 1945 и 1948 гг. — официальные оценки ООН 1963 г. (с пометой: «сомнительной надежности»); 1953—1960 гг. — официальные бирманские оценки; 1961—1975 гг. — специально рассчитанные официальные бирманские оценки, остававшиеся действительными до их пересмотра после переписи 1973 г.

[2] В соответствии с переписью населения 1973 г., полные материалы которой не опубликованы.

[3] В бирманских газетах публиковалась также цифра 28 884 267.

4. Удельный вес кули в населении некоторых районов Бирмы в конце XIX — начале XX в.
(по данным земельно-налоговых обследований)

Год обследования	Административный округ (дистрикт) района обследования	Число кули	При общей численности		
			населения	налогоплательщиков	крестьян-земледельцев
1880/81	Таравади (Нижняя Бирма)	340[1]	19200	. . .	1581[2]
1883/84	Бассейн и Хензада (Хинтада) (Н. Б.)	8700	120000	27000	12200
1888/89	Бассейн и Тоунгуа (Н. Б.)	2700	. .	13500	7000
1892/93	Мандалай (Верхняя Бирма)	25100	375000	99700	. . .
1897/98	Сагайн (Сикайн) (В. Б.)	15100	. .	51100	. . .
1897/98	Хантавади (Н. Б.)	32000[3]	43400[4]	. . .	. . .
1900/01	Магуэ (В. Б.)	3800		47700	. . .
		7000[5]	55200	. . .	. . .
1900/01	Таравади (Н. Б.)	33[6]	. .	100[7]	. . .
1913/15		54[8]	50000[9]	. . .	. . .

Составлено по: [102, 7; 103, 2; 104, 3; 105, 6; 106, 6, 2; 107, 6; 108, 4; 109, 7; 110].

Примечания:

[1] Семей.
[2] Семей (без кули).
[3] Всех рабочих.
[4] Взрослого населения.
[5] Кули и пауперов.
[6] Процент сельскохозяйственных рабочих.
[7] Процент.
[8] Процент главным образом сельскохозяйственных рабочих.
[9] Семей.

5. Распределение по занятиям налогоплательщиков пяти районов дистрикта Мандалай в 1892/93 г. [1]

Земледельцы	
Мелкие землевладельцы	7
Земледельцы[2]	40 765
Садоводы	2 797
Земледельцы, обрабатывающие пойменные земли (кхайн)	2 044
Земледельцы, обрабатывающие засушливые земли (я)	1 201
Земледельцы, обрабатывающие пойменные земли и занимающиеся подсечно-огневым земледелием (таунъя)	199
Всего	47 013

Крупные торговцы

Ростовщики	2
Сдающие в аренду скот	4
Животноводы	208
Торговцы штучными тканями	9
Подрядчики	6
Посредники (маклеры)	6
Всего	235

Мелкие торговцы и уличные разносчики

Торговцы сладостями	5
Торговцы	1 357
Мелкие торговцы	5 451
Торговцы необрушенным рисом (падди)	39
Торговцы рыбной пастой (нгапи) и солью	8
Торговцы молоком	75
Торговцы сигарами (местными)	33
Свиноводы	7
Торговцы дровами	7
Овцеводы	20
Торговцы-лоточники	126
Всего	7 121[3]

Лица свободных профессий

Актеры	170
Художники	45
Лекари	521
Учителя	4
Барабанщики	20
Повивальные бабки	4
Хранители святых духов	4
Ходатаи по делам (юристы)	4
Монастырские писцы	217
Муллы	23
Всего	1 012

Ремесленники и квалифицированные рабочие

Лакировщики	9
Корзинщики	46
Татуировщики	8
Возчики	602
Горшечники	426
Изготовители повозок	4
Рыбаки	3 726
Штукатуры	279
Пильщики	115
Плотники	226
Портные	35
Расщепляльщики бамбука	11
Кузнецы	183
Мойщики (массажисты)	40
Золотых дел мастера	92
Ткачи	13 102
Сапожники	8
Гребенщики	21
Старатели	6
Плотники-мастера	17
Каменщики	30
Вязальщики циновок	10

Слуги	2
Полировщики по дереву	3
Изготовители ручек для зонтов	7
Обжигальщики угля	12
Изготовители черепицы	16
Зонтичники	2
Дхоби (прачки)	77
Махауты (погонщики слонов)	2
Всего	19 116[4]
Поденные рабочие	
Кули — рубщики бамбука	17
Кули — дровосеки	227
Кули — поденщики	19 574
Кули — рисорушечники	109
Кули — полевые рабочие	2 017
Кули — носильщики	1 705
Садовые кули	894
Кули — лодочники	191
Лазальщики по пальмам тодди	105
Плотогоны	13
Кули — дровосеки и рубщики бамбука	87
Соломщики	2
Кули рыбаков	8
Кули — пастухи коров	154
Кули — пастухи коз	7
Кули — пастухи овец	11
Деревенские глашатаи	4
Кули шелкопрядильщиков	35
Кладбищенские сторожа	2
Всего	25 162
Итого	99 661[5]

Источник: [105, 6].

Примечания:

[1] Характер сведений источника не позволяет уточнить (расшифровать) некоторые занятия (земледельцев, торговцев и кули).

[2] Речь, вероятно, здесь идет о рисоводах.

[3] При суммировании здесь получается 7 128.

[4] Суммирование дает в этом случае 19 117.

[5] Здесь при суммировании выходит 99 667.

6. Отраслевая структура и динамика предприятий фабричной промышленности Бирмы в 1899—1947 гг. [1]

Предприятия	Число предприятий по годам					
	1899 г.	1911 г.	1923 г.	1931 г.	1940 г.	1947 г.
Работающие в основном на экспорт:						
1. Рисорушки	81	165	529	589	673	341
2. Лесопилки	46	88	146	141	116[2]	56
3. Хлопкоочистительные предприятия	1	2	36	31	54	14
4. Нефтеперерабатывающие	2	5	14	9	10	4
5. Рудообогатительные		-	4	2	7[3]	—
6. Металлургические	—	1		2	2[3]	1
Всего	130	261	729	774	861	416

Предприятия	Число предприятий по годам					
	1899 г.	1911 г.	1923 г.	1931 г.	1940 г.	1947 г.
Осуществляющие техническое обслуживание:						
7. Доки и верфи	1	2	10	8	9	4
8. Железнодорожные мастерские	1	1	6	5	12	3
9. Другие транспортные мастерские	1	3	9	10	10	1
10. Электроэнергетические предприятия	—	—	5	3	7	4
11. Машиностроительные	3	13	18	25	19	9
Всего	6	19	48	51	57	21
Работающие в основном на внутренний рынок:						
12. Маслобойки	—	6	18	32	29	6
13. Мукомольни	1	2	3	5	3	3
14. Сахарные заводы	—	—	1	1	5	2
15. Табачные предприятия		1	1	1	1[3]	1
16. Хлопкопрядильные и ткацкие		—	1	1	1	—
17. Трикотажные			—	2	2	1
18. По производству льда и газированной воды	2	5	9	11	7	3
19. Спичечные	—	—	1	6	5	3
20. Мыловаренные		—	1	1	1	1
21. Химические	—	1	2	1	1	—
22. По производству алюминиевых изделий	—	—	—	2	2[3]	—
23. Цементные и гончарные		—	—	1	3	2
24. По производству веревок и т. п.		2	3	4	4	3
25. По производству каучуковых изделий		—	—	6	2	1
26. Типографии		6	17	22	19[4]	5
27. Другие предприятия	2	4	21	26	24[5]	5
Всего	5	27	78	122	109	36
Итого	141	307	855	947	1027	437

Составлено по: [308, 107; 114, 1914/15—1923/24, 622—627; 49, 147; 53, 4—5].

Примечания:

[1] Все годы, кроме 1923 и 1947, из работы Эй Хлайна; 1923 и 1947 гг. — данные фабричной статистики, обработанные автором согласно основной структуре таблицы у Эй Хлайна.

[2] Исправлена явная опечатка таблицы Эй Хлайна (вместо 166).

[3] Оставлено, как у Эй Хлайна. В статистическом оригинале сумма предприятий, указанных в графах 5 и 6, включая арсенал, составляет 8, а предприятия, указанные в графах 15 и 22, не названы.

[4] Вместо 17, как у Эй Хлайна.

[5] У Эй Хлайна здесь 27; изменено на 24, чтобы получилась официальная итоговая сумма 1027.

7. Численность предприятий и занятых в фабричной промышленности Бирмы в 1870—1947 гг. (с имеющимися неполными данными по рисоочистительной и лесопильной отраслям) [1]

Год	Всего		В том числе			
			в рисоочистке		в лесопилении	
	предприятий	занятых, тыс.	предприятий	занятых, тыс.	предприятий	занятых, тыс.
1870	62	8,0	19	4,0—5,0	...	...
1880	74	11,7	49	9,5	...	...
1892	106	21,1	52	...	41	...
1900	150	22,9	83	...	46[2]	...
1901	172	25,3	97	...	58	5,5[3]
1905	221	31,5	128	...	...	...
1910	301	45,3	165	...	83	...
1911	307	43,8	152[4]	29,9[4]	82[4]	9,8[4]
1913	424	66,1	245[5]	...	...	...
1915	480	66,3	281	...	...	...
1917	536	68,4	329	...	108	...
1918	549	70,9	332	...	...	...
1919	567	77,4	336	...	...	...
1920	617	91,0	353	36,5	123	...
1921	711	92,6	429	42,1	135	13,7[6]
1922	783	88,8	482	38,1	141	...
1923	855	86,6	529	37,5	146	10,5
1924	858	91,2	518	37,5	...	...
1925	893	99,5	543	38,8	...	...
1926	923	100,7	567	41,0	165	14,9
1927	940	101,3	572	40,3	174	15,4
1928	968	101,6	606	41,3	166	14,8
1929	976	98,1	608	39,7	162	14,1
1930	980	98,7	613	42,1	105	12,7
1931	947	90,6	589	41,8	...	...
1932	948	90,6	609	43,2	127	11,7
1933	942	86,4	618	41,3	...	...
1934	946	85,8	637	42,5	114	10,9
1935	965	90,3	647	44,9	114	11,1
1936	985	89,2	657	42,8	120	11,4
1937	986	87,6	650	39,9	...	...
1938	1019	86,3	683	41,5	...	...
1939	1031	87,9	...	...	...	...
1940	1027	89,4	673	41,6	116	11,6
1946	355	31,5	272	11,4	35	5,0
1947	473	46,5	341	17,1	56	6,9

Составлено по: [327, 78; 98, 1885—1936; 72, 179—215; 114, 1914/15—1923/24, 622—627; 1920/21—1929/30, 736—746; 356, 1922—1937; 49, 1935, 1946, 1947; 53, 4—5; 307, 142; 303, 50; 308, 107; 64, табл. 15; 67, ч. II, 246—249].

Примечания:

[1] В основу положены данные фабричной статистики из статьи Спейта, проверенные, где возможно, по первоисточникам и в некоторых случаях дополненные и уточненные. Автором введены цифры за ряд лет между 1900 и 1920 гг., добавлены также обнаруженные частичные сведения по лесопилкам.

Новые цифры занятых округлены. Данные, как правило, относятся к работающим предприятиям, число которых несколько меньше обычного числа зарегистрированных предприятий. До фабричного закона 1911 г. фабричная статистика относилась только к Нижней Бирме. Об изменениях в критериях фабричной статистики см. подробно в тексте.

[2] 1899 г.

[3] Подсчет по переписи населения 1901 г. (см. прил. 9).

[4] Данные промышленной переписи 1911 г.

[5] 1912 г.

[6] Данные промышленной переписи 1921 г.

8. *Численность предприятий и занятых в горнодобывающей промышленности Бирмы в 1901—1947 гг. (с отдельными данными по нефтяной промышленности)* [1]

Год[2]	Горнодобывающая промышленность (без нефтедобывающей)[3]		Нефтяная промышленность, занятых, тыс.		
	предприятий	занятых, тыс.	нефтедобыча	нефтепереработка	всего
1901	...	...	...	...	1,9[4]
1911	33	7,8	5,3	10,7	16,0
1921	63	10,9	1,1[5]	33,2[6]	34,3
1923	...	...	...	10,9	...
1924	124	...	...	...	
1925	232	...	...	...	...
1926	234	...	...	...	...
1928	239[7]	17,9	...	...	...
1929	369	...	17,2	10,8	28,0
1930	314	...	...	9,1	...
1931	175[8]	13,5	16,4	8,5	24,9
1932	230	...	14,3	7,9	22,2
1933	234	14,0	12,7	7,8	20,5
1934	309	17,2	13,1	8,0	21,1
1935	366	24,2	12,7	8,2	20,9
1936	435	...	14,0	8,3	22,3
1937	437	...	13,7	...	...
1938	585	37,2	12,6	...	...
1939	601	40,3	13,6	...	...
1940	...	...	14,8	7,4	22,2
1942	...	...	12,4[9]	5,3	17,7
1946	82	11,3	...	3,9	...
1947	255	21,7	...	5,5	...

Составлено по: [98, 1901/02—1935/36; 114, 1920—1930; 64; 67, ч. II; 68, ч. II; 101, 1946, 1947; 49, 1935, 1946, 1947; 80; 88; 85; 99; 112; 356, 1922—1936; 307, 142].

Примечания:

[1] Данные собраны из официальных, но разнородных источников и не всегда полностью соответствуют друг другу по графам, хотя в целом достаточно точно показывают тенденцию развития. Цифры округлены.

[2] В тех случаях, когда источник относится к финансовому году, за календарный берется тот, который указан в числителе (1924/25 г. = 1924 и т. д.).

[3] Колониальная бирманская статистика не включала нефтедобывающую промышленность в горнодобывающую (mining) и обычно рассматривала ее от-

дельно, причем данные о труде в нефтедобыче и нефтепереработке в некоторых источниках объединялись и смешивались.

[4] Число работников, занятых в нефтедобыче и нефтепереработке, по переписи населения 1901 г.

[5] Статистическое преуменьшение: по переписи населения 1921 г. в нефтедобыче было занято 9,8 тыс. работников.

[6] Статистическое преувеличение (из-за включения других работников); реальное положение отражает цифра 10,9 тыс. за 1923 г.

[7] По другим данным — 371, однако указанной в таблице цифре полностью соответствует указанное число работников.

[8] По другим данным — 199, однако указанной в таблице цифре полностью соответствует указанное число работников.

[9] Включая более 600 рабочих нефтепровода.

9. Занятость на плантациях и в промышленности Бирмы в 1901 г. (данные переписи населения по отраслям и производствам, где был произведен раздельный учет хозяев и рабочих)[1]

	Тыс. человек
1. Плантационное производство	12,3[2]
В том числе:	
чайное	12,0[3]
2. Горнодобывающая промышленность	2,3[4]
В том числе:	
нефтяная[5]	1,9
угольная, золотодобывающая	0,4
3. Обрабатывающая промышленность	55,9[6]
В том числе:	
пищевая	42,7[7]
рисоочистительная	39,9[8]
текстильная, швейная	1,6
деревообрабатывающая	6,0
лесопильная	5,5
полиграфическая	1,0
химическая[9]	0,2
кирпично-керамическая	0,6
металлообрабатывающая	2,3
литейное производство	0,6
машиностроение (ремонт)	1,4
оружейное производство	0,2
производство (ремонт) транспортного оборудования	1,5
ремонт железнодорожного и другого транспорта	0,2
строительство и ремонт судов	1,3
Всего	70,5
В том числе 2+3	58,2

Составлено и рассчитано по: [64, табл. 15].

Примечания:

[1] Результат подсчета, суммирования и перегруппировки материалов источника. Отрасли, где перепись не давала рубрикации на «хозяев» и «рабочих» (а содержала лишь нерасчлененные количества занятых или работников), не учитываются. По переписи 1901 г., «хозяева» определяются как «собственники, управляющие и высший персонал», «рабочие» — как «рабочие (labourers) и другие подчиненные». Из 520 групп производств или занятий, содержащихся в переписи, рубрикация на «хозяев» и «рабочих» проведена переписью только по 61 группе (не считая железных дорог и связи). Группировка отраслей приближена к современной международной классификации для облегчения сопоставления с последующими данными. Размеры и типы производства и отрасле-

вая концентрация занятых, в особенности рабочих (в их соотношении с хозяевами), устанавливаются из прил. 10. Данные округлены.

[2] Из них 5,7 тыс. женщин.

[3] Из них 5,7 тыс. женщин.

[4] Из них 1 тыс. женщин.

[5] Так в источнике: нефтедобывающая с нефтеперерабатывающей.

[6] Из них 4,2 тыс. женщин.

[7] Из них 2,8 тыс. женщин.

[8] Из них 2,1 тыс. женщин.

[9] Производство мыла, дубильного экстракта и лаковое производство.

10. Соотношение хозяев и рабочих среди занятых в промышленности, на железнодорожном транспорте и предприятиях связи Бирмы в 1901 г. (по материалам переписи населения)[1]

Отрасли, предприятия	Число занятых		
	хозяев	рабочих	всего
I. Выборочные данные по обрабатывающей промышленности			
1. Предприятия, где подавляющее большинство занятых рабочие:			
Рисорушки	1529	38328	39857
Лесопилки	465	5005	5470
Нефтедобывающие и перерабатывающие предприятия	100	1825	1925
Машиностроительные (ремонтные) мастерские	10	1406	1416
Доки	45	1302	1347
Типографии	101	880	981
Литейные мастерские	92	532	624
Винокурни	39	289	328
Хлопкоочистительные предприятия	41	264	305
Цементные	38	188	226
Бумажные	12	200	212
2. Предприятия, где рабочих ненамного больше, чем хозяев:			
Маслобойки	230	807	1037
Предприятия по производству зонтов	363	552	915
Плотнично-столярные мастерские	98	200	298
Табачные предприятия	46	138	184
Кирпично-черепичные	39	105	144
Предприятия по производству льда	49	63	112
Мукомольные предприятия	22	38	60
Веревочные производства	22	25	47
Мыловарни	7	16	23
3. Предприятия, где хозяев больше, чем рабочих:			
Предприятия по производству газированной воды	283	220	503
Сахароварни	83	61	144
Лаковые производства	72	30	102
Керамические	66	14	80

Отрасли, предприятия	Число занятых		
	хозяев	рабочих	всего
Хлопкопрядильные и ткацкие . .	42	38	80
Пивоварни	48	25	73
Трикотажные предприятия . . .	26	19	45
Ниточные	19	15	34
Шелкопрядильные	18		18
Стекольные	12	3	15
Джутовые	2	1	3

II. Суммарные данные по отраслям народного хозяйства

А. Плантационное производство . .	200	12056	12256
Б. Добывающая промышленность .	162	2172	2334
В. Обрабатывающая промышленность	4385	51537	55922
Г. Железнодорожный транспорт [2] . .	599	6405	7004
Д. Связь [3]	444	1841	2285
Всего II .	5790	74011	79801
В том числе Б+В .	4547	53709	58256

Составлено и рассчитано по: [64, табл. 15].

Примечания:

[1] См. прим. 1 к прил. 9.

[2] Рубрикация на хозяев и рабочих в источнике отсутствует и сделана здесь условно, на основании профессионально-должностных данных о железнодорожниках; к рабочим отнесены машинисты, кочегары, стрелочники, сцепщики, охрана, конторские служащие и неквалифицированный труд.

[3] Здесь под хозяевами подразумевается руководящий состав предприятий, а под рабочими — все остальные.

11. Промышленная перепись Бирмы 1911 г. (основные данные)[1]

	Число предприятий	Число занятых, тыс.
1. Каучуковое производство (плантации)	10	4,1
2. Горнодобывающая промышленность .	52	13,1
В том числе:		
Свинцово-серебряные и оловянно-вольфрамовые рудники	19	3,7
Нефтепромыслы	19[2]	5,3
Карьеры, предприятия по добыче драгоценных камней . .	14	4,1
3. Обрабатывающая промышленность	288	61,5
В том числе:		
Пищевая	159	30,4
Рисоочистительная (рисорушки)	152	29,9
Текстильная (в основном хлопкоочистительная)	6	0,9
Деревообрабатывающая (лесопилки)	82	9,8
Полиграфическая	8	1,7

Химическая	8	10,8
Нефтеперерабатывающая	7	10,7
Лаковая	1	0,1
Стекольно-керамическая	2	0,1
Металлообрабатывающая	11	2,5
Литейные мастерские	5	0,7
Машиностроительные (ремонтные) мастерские	4	0,9
Свинцовоплавильный завод	1	0,6
Арсенал	1	0,3
Производство (ремонт) транспортного оборудования	8	4,6
Железнодорожные мастерские	4	3,2
Доки	2	1,2
Почта и телеграф	2	0,1
Электроэнергетика	2	0,3
Всего	350	78,7

Составлено и рассчитано по: [67, ч. II, 246—249].

Примечания:

[1] Перепись учитывает предприятия с 20 и более занятыми и в число занятых включает управленческий персонал. Таблица является результатом авторской обработки данных. Число занятых округлено. Порядок отраслей и отчасти группировка предприятий приближены к нынешней международной отраслевой классификации.

[2] Счет по управленческим единицам.

12. Отраслевые данные промышленной переписи 1921 г. [1]

	Число предприятий	Число занятых [2], тыс.
1. Плантационное производство	44	5,9
В том числе:		
Каучуковые плантации	39	5,7
2. Горнодобывающая промышленность	85	12,0
В том числе:		
Нефтепромыслы	22	1,1[3]
Оловянно-вольфрамовые рудники	41	4,1
Серебряно-свинцовые рудники	3	4,3
Рубиновые копи	1	0,9
Другие рудники и разработки	3	0,1
Каменоломни	15	1,5
Всего	129	17,9
3. Обрабатывающая промышленность	1 069	100,6
Итого	1 198	118,4

Составлено по: [68, ч. II, 449—467].

Примечания:

[1] По предприятиям с 10 и более рабочими (занятыми).

[2] Округлено.

[3] Статистическое преуменьшение из-за учета части рабочих нефтепромыслов в обрабатывающей (нефтеперерабатывающей) промышленности. См. прил. 13.

13. Структура и динамика предприятий и занятых в отраслях обрабатывающей промышленности Бирмы в 1921 и 1959/60 гг. [1]

Отрасли, предприятия	Число предприятий		Число занятых, тыс.	
	1921 г.	1959/60 г.	1921 г.	1959/60 г.
Пищевая промышленность	512	1011	25,1	44,7
В том числе:				
Рисорушки	388[2]	722	21,7	30,9
Сахарные заводы	54	8	0,9	5,0
Маслобойки	37	65	1,1	2,3
Пекарни, кондитерские	12	74	0,3	2,4
Предприятия по производству напитков	11	20	0,8	1,0
Прочие	10	122	0,3	3,1
Табачная промышленность	17	283	0,6	11,4
В том числе:				
Черутно-сигарные предприятия		259		9,9
Сигаретные		5		0,9
Прочие	—	19		0,5
Текстильная промышленность	39	339	2,4	22,8
В том числе:				
Хлопкоочистительные предприятия	24	50	1,6	3,1
Хлопкопрядильные и ткацкие	6	142	0,2	7,2
Шелкопрядильные и ткацкие	5	30	0,2	2,3
Трикотажные		75		3,4
Текстильные		1		4,7
Веревочно-шпагатные	4	13	0,4	1,3
Прочие		28		0,7
Производство обуви и одежды	48	253	1,0	5,4
В том числе:				
Обувные предприятия	14	49	0,3	1,2
Швейные	28	191	0,5	3,7
Зонтичные	6	13	0,2	0,5
Деревообрабатывающая промышленность	150	224	13,9	12,7
В том числе:				
Лесопилки	139	218	13,7	12,6
Прочие	11	6	0,2	0,2
Мебельная промышленность	12	6	0,6	0,4
Бумажная промышленность	3	3	0,1	0,2
Полиграфическая промышленность	48	53	3,0	2,8
Кожевенная промышленность (без обувной)	15	8	0,5	0,3
Производство каучуковых изделий		22		2,9
Химическая промышленность	11	80	0,3	4,9
В том числе:				
Красильные предприятия	4		0,1	—
Фармацевтические	4	7	0,2	1,1
Мыловаренные	—	54		1,4
Спичечные	—	4		1,6

Отрасли. предприятия	Число предприятий		Число занятых, тыс.	
	1921 г.	1959/60 г.	1921 г.	1959/60 г.
Производящие химические препараты, включая удобрения	—	5	—	0,2
Прочие	3	10	0,1	0,5
Нефтеперерабатывающая промышленность	25	4	33,2[3]	0,8
Производство стройматериалов, керамики и т. п.	100	44	5,4	5,1
В том числе:				
Кирпично-черепичные предприятия	72	32	3,9	2,5
Производящие известь	11	1	0,3	1,6
Керамико-стекольные	11	4	0,2	0,3
Цементные и камнеотделочные	2	5	0,1	0,5
Прочие	4	2	0,9	0,1
Литейное производство, металлургия	10	3	0,7	1,0
Производство металлоизделий (посуды, инструмента и пр.)	9	66	0,2	2,3
В том числе:				
Предприятия по производству посуды		50	—	1,9
Прочие		16	—	0,3
Машиностроение (без электрического и транспортного), включая установку и ремонт	12	11	1,4	0,4
Производство электрооборудования, включая установку и ремонт	5	4	0,5	0,2
Транспортное машиностроение, включая ремонт [4]	41	24	11,2	3,9
В том числе:				
Судоверфи и доки	15	3	5,7	1,1
Автотранспортные мастерские	11	19	1,1	0,7
Железнодорожные	6	1	3,0	1,9
Трамвайные	2		0,7	—
Другие	7	1	0,6	0,1
Прочие				
В том числе:	12	30	0,5	0,7
Ювелирные предприятия и т. п.	6	3	0,2	0,1
Обрабатывающие драгоценные камни	—	19	—	0,3
Другие	6	8	0,1	0,2
Всего	1069[5]	2468	100,6[5]	122,9

Составлено и рассчитано по: [68, ч. II, 450—467; 50, 1959/60, 7—15].

Примечания:

[1] На 1921 г. — данные о всех занятых в обрабатывающей промышленности, включая руководящий и канцелярский персонал, по специальной промышленной переписи, охватившей предприятия с 10 и более рабочими; на 1959/60 г. — данные ежегодной фабричной статистики департамента промышленности (также по предприятиям с 10 и более рабочими). Несмотря на различие источников, сведения в большинстве случаев сопоставимы. Наименее на-

дежны данные 1921 г. по рисорушкам и сравнительные данные по нефтепереработке. Выбор 1959/60 г. продиктован исключительно наличием у автора подробного источника за этот год (более желательно было бы иметь такой источник за 1961 г. — для «круглого счета»). Группировка и пересчет данных 1921 г. делались на основе структуры отраслей в 1959/60 г., соответствующей нынешней международной классификации (ISIC). Отраслевые данные округлены.

[2] Данные переписи по рисорушкам в источнике явно занижены. По фабричной статистике 1921 г. (предприятия с 20 и более рабочими), рисорушек было 429, а занятых на них — примерно 42 тыс.

[3] Статистическое преувеличение (см. прил. 12, прим. 3). В 1923 г., по фабричной статистике, было 14 нефтеперерабатывающих заводов с 10,9 тыс. рабочих.

[4] Практически предприятия по ремонту транспорта.

[5] Итоговые суммы соответствуют также общим итоговым данным специальной промышленной переписи 1921 г. за вычетом предприятий и рабочих плантационного хозяйства и горнодобывающей промышленности. Всего промышленная перепись 1921 г. выявила 1198 предприятий с 118 443 занятыми на них.

14. Национально-квалификационная структура рабочих добывающей и обрабатывающей промышленности Бирмы по промышленной переписи 1921 г. (по всем рабочим и по взрослым рабочим-мужчинам) [1]

Национальность	Квалифицированные рабочие		Неквалифицированные рабочие		Всего	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
Все рабочие						
Бирманцы [2]	8,1	35,7	20,0	23,4	28,0	26,0
Индийцы [3]	12,5	55,5	62,0	72,7	74,5	69,1
Китайцы	1,5	6,9	3,1	3,7	4,7	4,4
Европейцы [4]	0,4	1,9	0,2	0,2	0,6	0,5
Всего	22,5	100,0	85,3	100,0	107,8	100,0
%	20,9		79,1		100,0	
Взрослые рабочие-мужчины						
Бирманцы [2]	7,4	34,0	14,8	19,5	22,3	22,7
Индийцы [3]	12,5	57,3	57,9	76,3	70,5	72,0
Китайцы	1,6	7,0	3,1	4,0	4,6	4,7
Европейцы [4]	0,4	1,7	0,2	0,2	0,5	0,6
Всего	21,9	100,0	76,0	100,0	97,9	100,0
%	22,4		77,6		100,0	

Составлено и рассчитано по: [68, ч. I, 269; 68, ч. II, 450—451].

Примечания:

[1] Данные о собственно рабочих — без управленческого и конторского персонала. Взрослые рабочие — от 18 лет. Абсолютные цифры округлены, процент вычислен.

[2] В источнике названы home races, но основная часть их — бирманцы.

[3] В источнике названы как «другие»; почти все они здесь индийцы.

[4] Включая метисов (англо-индийцев, англо-бирманцев и др.).

15. Доля рабочих разных национальных групп в различных отраслях промышленности Бирмы по промышленной переписи 1921 г. [1]

Отрасли, предприятия	Всего рабочих[2], тыс.	В том числе					
		бирманцев[3]		индийцев[4]		китайцев[5]	
		тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
Плантационное производство	5,7	1,4	24,3	4,3	75,3	0,0	0,3
В том числе:							
Каучуковые плантации	5,5	1,3	23,4	4,2	76,2	0,0	0,3
Горнодобывающая промышленность	11,2	3,4	30,2	5,1	45,0	2,7	24,4
В том числе:							
Нефтепромыслы [6]	1,1	0,8	74,8	0,3	25,2		—
Оловянно-вольфрамовые рудники	3,9	0,9	23,9	0,9	23,7	2,0	52,3
Серебряно-свинцовые	3,9	0,7	18,6	2,5	64,3	0,6	16,2
Рубиновые копи	0,9	0,7	76,1	0,1	15,1	0,1	8,6
Каменоломни	1,4	0,2	16,5	1,2	83,4		—
Текстильная промышленность	2,2	1,3	61,3	0,9	38,7	—	—
В том числе:							
Хлопкоочистительная	1,4	0,8	58,6	0,6	41,4	—	—
Кожевенная	0,4	0,0	2,9	0,3	91,5	0,0	5,6
Деревообрабатывающая	12,5	3,0	24,1	9,3	73,8	0,3	2,1
В том числе:							
Лесопильная	12,4	3,0	24,3	9,3	74,8	0,1	0,8
Металлообрабатывающая	2,2	0,6	25,9	1,5	68,8	0,1	3,6
Стекольно-керамическая	3,9	1,3	32,4	2,6	67,6	—	—
Химическая	32,2	8,8	27,3	23,0	71,3	0,3	1,0
В том числе:							
Нефтеперерабатывающая	30,5	8,2	26,7	22,0	72,1	0,3	0,9
Маслобойная	0,9	0,5	56,4	0,4	40,2	0,0	3,4
Пищевая	21,2	4,5	21,3	16,2	76,4	0,4	2,1
В том числе:							
Рисоочистительная	19,1	3,2	16,7	15,5	81,2	0,4	1,9
Сахарная	0,8	0,8	100,0			—	—
Табачная	0,6	0,5	84,8	0,05	8,4	0,04	6,8
Обувная и швейная	0,9	0,3	31,1	0,4	48,6	0,2	19,4
Мебельная	0,5	0,2	43,9	0,2	36,8	0,1	19,2
Промышленность строительных материалов	1,2	0,3	26,0	0,8	67,1	0,1	5,8
Транспортное машиностроение (включая ремонт)	10,5	2,2	20,8	7,5	72,2	0,5	4,3
В том числе:							
Железнодорожные мастерские	2,8	0,2	6,9	2,4	84,6	0,2	5,9
Доки, верфи	5,6	1,2	21,8	4,1	73,2	0,2	3,8
Автомобильные мастерские	0,9	0,44	46,9	0,4	42,7	0,0	0,6

Отрасли, предприятия	Всего рабочих[2], тыс.	В том числе					
		бирманцев[3]		индийцев[4]		китайцев[5]	
		тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
Электроэнергетика	0,6	0,1	24,0	0,5	73,8	0,0	1,0
Прочие	2,7	0,6	23,0	2,0	75,0	0,0	0,7
В том числе:							
Типографии .	2,4	0,5	21,7	1,9	76,9	0,0	0,1
Всего	107,8[7]	28,0	26,0	74,5	69,1	4,7	4,4

Составлено и рассчитано по: [68, ч. II, 450—467].

Примечания:

[1] В отличие от прил. 13 расчеты выполнялись только по квалифицированным и неквалифицированным рабочим (без руководящего и канцелярского персонала, составлявшего 10 600 человек из 118 443 всех занятых. Абсолютные данные округлены, поэтому суммы в некоторых случаях могут несколько расходиться с итоговыми (в пределах 0,1).

[2] Включая небольшую группу рабочих — европейцев и метисов (всего 591 человек), которая, однако, в отраслевую разбивку не вошла. См. также прим. 7.

[3] В источнике названы home races, но основная их часть — собственно бирманцы.

[4] В источнике фигурируют как «другие» и содержат некоторое число неиндийцев, однако подавляющая часть — индийцы (с небольшим включением непальцев — гурков).

[5] В источнике названы «китайцы и японцы», но фактически речь идет о китайцах.

[6] Данные по нефтепромыслам неполные (см. прил. 12).

[7] Из европейцев и метисов (591 человек), включенных в это итоговое число, 287 работали в транспортном машиностроении, 123 — в нефтяной, 41 — в горнорудной, 38 — в металлообрабатывающей, 33 — в пищевой промышленности.

16. Отраслевая структура занятого населения Бирмы по переписи населения 1931 г.[1]

	Тыс. человек	%
1. Сельское хозяйство	4 321,3	69,6
2. Добывающая промышленность	39,5	0,6
3. Обрабатывающая промышленность	648,7	10,5
4. Энергетика[2]	2,6	0,0
5. Строительство[2]	13,1	0,2
6. Транспорт и связь	222,0	3,6
7. Торговля и финансы	557,2	9,0
8. Услуги[3]	191,0	3,0
9. Прочие, недостаточно обозначенные и др.[4] . .	215,6	3,5
Всего .	6 211,0	100,0

Составлено по: [69, ч. I, 146—148].

П р и м е ч а н и я:

[1] Кормильцы и работающие иждивенцы. В переписи 12 граф, отраслей, которые здесь сведены к девяти.

[2] В переписи находится в графе «обрабатывающая промышленность».

[3] Вооруженные силы, управленческий аппарат, учителя, врачи, юристы.

[4] Включая «лиц, живущих на свой доход», домашнюю прислугу, «непродуктивные элементы» (нищих и т. п.), священнослужителей.

17. Предприятия и рабочие фабричной промышленности Бирмы в 1935—1962 гг. по национальной принадлежности (гражданству) владельцев [1]

	1935 г.	1940 г.	1946 г.	1947 г.	1953 г.[4]	1957/58 г.	1959/60 г.	1961/62 г.[5]
Бирманская группа								
Предприятия	374	390	178	221	1684	2307	2158	2625
Занятые, тыс.	14,7	15,5	6,2	8,8	71,8	137,7	100,0	...
Иностранная группа [2]								
Предприятия	591	637	177	252	203	215	112	102
Занятые, тыс.	75,6	73—74	25,3	37,7	11,2	19,3	6,9	...
Смешанная группа [3]								
Предприятия	...	...	...	...	95	237	198	160
Занятые, тыс.	...	...	...	...	7,9	18,7	16,0	...
В с е г о:								
Предприятия	965	1027	355	473	1982	2759	2468	2887
Занятые, тыс.	90,3	89,4	31,5	46,5	90,9	175,8	122,9	138,9

С о с т а в л е н о по: [49, 1935, 1946, 1947; 334, 29; 78, № 17, табл. V, VI; 219, 83; 50, 1957/58, 49—60; 50, 1959/60, 60—81; 115, табл. 79, 80, 81].

П р и м е ч а н и я:

[1] До 1951 г. в число фабричных предприятий, кроме рисорушек, включались те, на которых работало 20 человек и более (рисорушек — 10 и более) и применялись машины; с 1951 г. фабричными стали считаться все те предприятия, на которых было занято 10 рабочих и более и применялись машины, или безмашинные предприятия, но с числом рабочих не менее 20.

[2] До 1953 г. иностранная группа определялась по национальности владельцев предприятий; с 1953 г. — по их гражданству. В данные 1935—1947 гг. в иностранную группу включены соответственно 19—29 предприятий и 6—7 тыс. рабочих государственного и муниципального фонда.

[3] В 1935—1947 гг. учет смешанных предприятий (их было немного) не производился.

[4] Данные по 252 городам (без предприятий в сельских местностях).

[5] Разбивка данных о занятости по группам в источнике отсутствует.

18. Промышленные предприятия и рабочие в Бирме в 1936 г.

	Число предприятий	Число рабочих[1], тыс.
1. По рубрикам источника:		
Обрабатывающая (фабричная) промышленность	971	93,2
Нефтедобывающая	30	14,0
Горнорудная	372	25,0
Прочие[2]	106	6,0
Всего	1 479	138,2
2. При объединении добывающих отраслей и перераспределении прочих:		
Обрабатывающая (фабричная) промышленность	1 049	96,1
Добывающая	430	42,1
Всего	1 479	138,2

Составлено и рассчитано по: [80].

Примечания:

[1] Численность рабочих округлена.

[2] Прочие отрасли включают такие предприятия, как электростанции, авторемонтные мастерские, каучуковые плантации, а также некоторые мелкие мебельные мастерские, рисорушки, карьеры и др.

19. Промышленные предприятия в Бирме в 1936 г. по числу рабочих

Число рабочих на предприятии	Число предприятий				
	фабричных	нефтедобывающих	горнорудных	прочих[1]	всего
Менее 10	6	4	49	1	60
10—19	150	3	90	60[2]	303
20—49	450	6	116	19	591
50—99	204		48	9	261
100—199	77	4	23	8	112
200—399	42	4	13	6	65
400—999	28	6[3]	5	2	41
1000 и более	14	2	4		20
Всего распределено по числу рабочих	971	29	348	105	1453
Не распределено по числу рабочих		1	24	1	26
Итого	971	30	372	106	1479

Составлено и рассчитано по: [80].

Примечания:

[1] См. прим. 2 к прил. 18.

[2] Включая семь предприятий с числом рабочих, определяемым в источнике «менее 20» и условно принятым автором в каждом случае за 15.

[3] Одно из предприятий — с 517 рабочими — представляет собой группу (более 20) мелких традиционных предприятий по ручной добыче нефти, принадлежавших наследственным бирманским владельцам (туинза).

20. Шестьдесят самых крупных по числу рабочих предприятий Бирмы в обрабатывающей, нефтедобывающей и горнорудной отраслях в 1936 г. [1]

	Число рабочих
1. Нефтепромыслы «Бирма Ойл К° Лтд» (БОК) в Енанджауне	6030
2. Нефтеперерабатывающий завод БОК в Сириаме (Танхльине)	5370
3. Серебряно-свинцово-цинково-медные рудники «Бирма Корпорейшн» (БК) в Бодуине	3557
4. Нефтепромыслы БОК в Чау	2938
5. Металлургический завод БК в Намту	1750
6. Рисорушка № 3 «Стил Бразерс энд К° Лтд» в округе Хантавади	1685
7. Железнодорожные мастерские в Мьинге (Мандалай)	1489
8. Государственные каменоломни в Моупалине (округ Татхоун)[2]	1462
9. Рисорушки «Стил Бразерс» в Добоуне (Рангун)	1418
10. Спичечная фабрика «Адамджи Хаджи Давуд К° Лтд» в Рангуне	1364
11. Судоверфь «Иравади Флотилла К°» в Дала (Рангун)	1344
12. Железнодорожные мастерские в Инсейне	1316
13. Вольфрамо-оловянные рудники Канбау («Канбау Майнз Лтд») в Тавое	1233
14. Нефтеперерабатывающий завод «Индо-Бирма Петролеум К° Лтд» в Сейджи (под Рангуном)	1217
15. Хлопкопрядильная и ткацкая фабрика «Стил Бразерс» в Мьинджане	1121
16. Вольфрамовый рудник Виднес («Хай Спид Стил Аллойз энд Майнинг К°») в Тавое[2]	1092
17. Рисорушка и лесопилка «Стил Бразерс» в Моулмейне (Моламьяйне)	1030
18. Рисорушка «Акьяб Райс энд Трейдинг К° Лтд» в Акьябе (Ситуэ)	1020
19. Лесопилка «Бомбей-Бирма Трейдинг Корпорейшн Лтд» в Дала (Рангун)	1006
20. Рисорушка № 1 «Стил Бразерс» в Рангуне	1000
21. Рисорушка «Ист Эйшиэтик К° Лтд» в Рангуне	964
22. Литейный цех и лесопилка «Иравади Флотилла» в Алоуне (Рангун)	931
23. Рисорушка «Стил Бразерс» в Данидо (Рангун)	893
24. Нефтеперерабатывающий завод и установки БОК в Данидо (Рангун)	891
25. Лесопилка «Макгрегор энд К° Лтд» в Сейджи (под Рангуном)	878
26. Рисорушка «Эллерман'з Арракан Райс энд Трейдинг К° Лтд» в Акьябе	862
27. Рисорушка «Эллерман'з Арракан Райс энд Трейдинг К°» в округе Хантавади	859
28. Предприятие «Бомбей-Бирма Трейдинг Корпорейшн» в Дала (Рангун)	827

29. Сахарный завод «Крандрадева Пракаши Синха» в Зеявади	798
30. Нефтепромыслы «Индо-Бирма Петролеум К° Лтд» в Ланъюа	787
31. Вольфрамо-оловянный рудник Пагайе, принадлежавший Те Лу Пе, в Тавое[2]	764
32. Нефтепромыслы «Бритиш Петролеум К° Лтд» и «Рангун Ойл К° Лтд» в Енанджауне	755
33. Железнодорожное депо БК в Намту	753
34. Дробильно-обогатительный завод БК в Намту	745
35. Оловянный рудник Хейнда «Англо-Бирма Тин К° Лтд» в Тавое	735
36. Спичечная фабрика «Бирма Мэтч К° Лтд» в Пьобуэ (округ Хантавади)	731
37. Рисорушка «Стил Бразерс» в Нижнем Канаунто (Рангун)	710
38. Рисорушка «Фейруэзер Ричардс энд К° Лтд» в Рангуне	700
39. Вольфрамо-оловянные рудники Хамьинджи № 1 и 2 «Консолидейтед Тин Майнз оф Бирма» в Тавое	666
40. Рисорушка «Стил Бразерс» в Моулмейне	623
41. Трикотажная фабрика «Вайолин» братьев Ахмед Эбрахим в Камаю (Рангун)	614
42. Нефтепромыслы «Индо-Бирма Петролеум К° Лтд» в Енанджауне	565
43. Оловянный рудник Хейндучаун «Тавой Тин Дреджинг Корпорейшн Лтд» в Тавое	559
44. Зонтичный и мыловаренный завод «Е. С. Мадха Бразерс» в Камаю (Рангун)	555
45. Сахарный завод «Бирма Шугар К° Лтд» в Схахмо (округ Мьичина)	550
46. Рисорушка «Эллерман'з Райс энд Трейдинг К° Лтд» в Бассейне	533
47. Государственная центральная типография в Рангуне	529
48. Рисорушка «Англо-Бирма Райс К° Лтд» в Бассейне	504
49. Оловянный рудник Кхечаун, принадлежавший Мауну Пе Шауну, в округе Мергуи (Мьей)[2]	480
50. Новые машиностроительные мастерские БОК в Енанджауне	456
51. Рисорушка Т. С. Н. Чокалингама Четтьяра в Акьябе	450
52. Нефтепромыслы «Индо-Бирма Петролеум К° Лтд» в Индо (округ Верхний Чиндуин)	447
53. Рисорушка № 2 «Стил Бразерс» в Рангуне	440
54. Нефтепромыслы БОК в Енанджа (округ Пакхоуку)	435
55. Рисорушка № 2 «Стил Бразерс» в Акьябе	410
56. Мастерские комиссара Рангунского порта в Рангуне	404
57. Рисорушка «Англо-Бирма Райс К° Лтд» в Акьябе	404
58[3]. Карьер Шуэмьиндин в округе Чаусхе[2]	400
59. Нефтеперерабатывающий завод «Бритиш Бирма Петролеум К°» в Тилава (округ Хантавади)	399
60. Рисорушка № 1 «Англо-Бирма Райс К° Лтд» в округе Хантавади	380

Составлено по: [80].

Примечания:

[1] В источнике из-за системы учета отсутствуют данные о рудниках в Мочи в княжествах Каренни (Кая), которые были вторыми после рудников в Бодуине и на которых работало несколько тысяч рабочих, по преимуществу иммигрантов. Число рабочих в источнике дается по положению во время делового сезона или как среднее за год.

[2] Ручное производство.

[3] В данном списке число предприятий с 400 и более рабочими составляет 58, а не 61 (как в прил. 19), потому что опущены три предприятия (два тюремных и одно, представляющее фактически целую группу предприятий наследственных мелких собственников нефтяных скважин).

21. Число промышленных предприятий в Бирме по отраслям и сезонам в 1933/34 и 1938/39 гг.[1]

Предприятия	2 ноября 1933 г.	2 февраля 1934 г.	2 мая 1934 г.	2 июля 1934 г.	2 ноября 1938 г.	2 февраля 1939 г.	2 мая 1939 г.	2 июля 1939 г.
Нефтепромыслы	33	33	32	32	33	32	32	33
Рудники	96	101	106	108	272	291	294	299
Каменоломни	11	13	13	13	—	—	—	1
Хлопкоочистительные предприятия	31	32	24	23	54	54	36	34
Лесопилки	101	103	106	100	105	107	108	103
Машиностроительные (ремонтные) предприятия	20	20	20	20	16	16	16	16
Кирпичные заводы	5	5	4	4	—	—	—	—
Нефтеперерабатывающие заводы	10	10	10	10	6	6	6	6
Рисорушки	601	627	631	616	646	685	681	674
Предприятия дорожного транспорта	6	6	6	6	4	4	5	5
Предприятия водного транспорта[2]	5	5	5	5	7	7	7	7
Металлургические заводы	2	2	2	2	3	3	3	3
Мелкие предприятия обрабатывающей промышленности[3]	100	100	99	96	127	125	127	129
Предприятия инфраструктуры[4]	47	47	48	48	55	55	55	55
Прочие[5]	13	12	12	13	7	7	7	7
Всего	1081	1116	1118	1096	1335	1392	1377	1373

Источник: [99, 165, 182].

Примечания:

[1] Автором сделана некоторая перегруппировка предприятий.

[2] Включая 1—3 небольших дока или судоверфи (крупные находятся, судя по всему, в графе «предприятия инфраструктуры»).

[3] В источнике графа названа «другие». Объединяет небольшие предприятия, снабжавшие потребительский рынок и промышленность. В феврале 1939 г. сюда входило 30 каучуковых плантаций, включая перерабатывающие предприятия, 18 типографий, 14 маслобоек, 9 электростанций, 8 предприятий по производству льда и газированной воды, 6 спичечных предприятий, 6 насосных установок, 4 веревочных производства, 1 цементный завод и небольшое число некоторых других предприятий по производству продовольственных и хозяйственных товаров.

[4] В источнике графа названа «общественная администрация». Суммарная графа, содержащая данные по Рангунской области. Охватывает сведения по железным дорогам, компании «Иравади Флотилла» (речной транспорт), де-

партаментам общественных работ, Рангунскому порту, морским департаментам, почте и телеграфу. Автор включил сюда также небольшую графу «строительство».

[5] Неуместно включенные в обследование торговые предприятия и рестораны.

22. Численность промышленных рабочих-мужчин в Бирме по отраслям и сезонам в 1933/34 и 1938/39 гг. [1], тыс.

Предприятия	2 ноября 1933 г.	2 февраля 1934 г.	2 мая 1934 г.	2 июля 1934 г.	2 ноября 1938 г.	2 февраля 1939 г.	2 мая 1939 г.	2 июля 1939 г.
Нефтепромыслы	11,8	12,0	12,8	12,6	8,7	9,3	9,3	9,5
Рудники	9,7	11,6	10,5	12,6	29,0	32,5	30,3	34,0
Каменоломни	0,9	1,1	0,8	0,9	—	—	—	0,0
Хлопкоочистительные предприятия	3,1	2,9	1,1	0,7	3,2	3,4	2,0	1,6
Лесопилки	9,2	9,8	10,0	9,6	11,7	11,8	11,7	11,6
Машиностроительные (ремонтные) предприятия	2,6	2,6	2,7	2,6	1,4	1,4	1,5	1,5
Кирпичные заводь	0,1	0,1	0,1	0,1	—	—	—	—
Нефтеперерабатывающие заводы	8,2	8,2	8,7	8,1	7,5	6,8	7,7	7,9
Рисорушки	32,5	53,5	49,0	36,6	33,2	61,2	52,3	39,2
Предприятия дорожного транспорта	3,1	3,1	3,0	3,0	2,7	2,7	2,9	2,7
Предприятия водного транспорта [2]	3,1	2,9	4,3	3,5	3,2	3,5	4,0	3,5
Металлургические заводы	3,4	3,4	3,0	3,3	1,9	2,0	2,0	2,1
Мелкие предприятия обрабатывающей промышленности [3]	6,8	8,4	8,4	7,2	14,4	15,9	14,3	15,0
Предприятия инфраструктуры [4]	43,7	47,0	45,3	42,5	51,8	54,5	56,8	54,8
Прочие [5]	1,0	1,0	0,7	1,0	1,2	1,0	1,2	1,2
Всего	139,2	167,6	160,4	144,3	169,9	206,0	196,0	184,6

Источник: [99, 168—171, 184—187].

Примечания:

[1] Автором сделана небольшая перегруппировка предприятий (см. прил. 21, прим. 2—5). Цифры округлены. В оригинале численность рабочих в каждой отрасли складывается из числа квалифицированных и неквалифицированных рабочих и выделяемого источником небольшого числа чернорабочих — мусорщиков.

[2—5] См. прил. 21, прим. 2—5.

23. Национально-квалификационная структура промышленных рабочих-мужчин в Бирме на 2 февраля 1939 г.[1]

Национальность	Квалифицированные рабочие		Неквалифицированные рабочие		Мусорщики		Всего	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
Бирманцы[2]	18,5	32,3	41,6	29,2	0,4	6,4	60,6	29,4
Индийцы	32,2	56,1	97,2	68,3	5,9	93,4	135,2	65,6
Китайцы	5,9	10,2	3,4	2,4	0,0	0,15	9,2	4,5
Другие[3]	0,8	1,4	0,1	0,1	0,0	0,05	1,0	0,5
Всего	57,4	100,0	142,3	100,0	6,3	100,0	206,0	100,0
%	27,9		69,1		3,0		100,0	

Составлено и рассчитано по: [99, 168—169].

Примечания:

[1] При суммировании данные по горизонтали из-за округления могут несколько расходиться с указанными итогами.

[2] В источнике — home races, среди которых бирманцы составляли подавляющее большинство.

[3] Европейцы и метисы.

24. Национальная структура рабочих-мужчин в Бирме в 1934 и 1939 гг. по отраслям

Предприятия[1]	Все рабочие-мужчины: всего, тыс.	индийцы, %	бирманцы, %	китайцы, %	Квалифицированные: всего, тыс.	индийцы, %	бирманцы, %	китайцы, %
	1934 год, 2 февраля							
Нефтепромыслы	12,0	44,1	54,8	1,0	4,5	28,7	68,7	2,5
Рудники	11,6	47,6	23,1	28,5	4,5	50,3	16,2	31,9
Каменоломни	1,1	46,3	30,3	23,3	0,0	50,0	47,2	2,8
Хлопкоочистительные предприятия	2,9	15,1	84,9	—	0,7	12,6	87,4	—
Лесопилки	9,8	73,6	25,8	0,5	2,8	61,9	36,3	1,7
Машиностроительные (ремонтные) предприятия	2,6	63,1	33,2	2,4	1,7	58,4	36,0	3,5
Кирпичные заводы	0,1	—	100,0	—	0,0	—	100,0	—
Нефтеперерабатывающие заводы	8,2	86,8	11,8	1,3	1,9	65,2	29,4	5,3
Рисорушки	53,5	80,1	19,6	0,3	6,0	74,9	22,6	2,5
Предприятия дорожного транспорта	3,1	64,8	28,4	1,6	1,6	37,4	49,6	3,3
Предприятия водного транспорта	2,9	81,9	17,9	0,2	0,3	80,0	18,0	2,0
Металлургические заводы	3,4	62,2	6,2	31,0	1,5	70,4	11,7	16,8
Мелкие предприятия обрабатывающей промышленности	8,4	64,7	33,1	2,0	3,1	61,5	36,0	1,9

Предприятия[1]	Все рабочие-мужчины				Квалифицированные			
	всего, тыс.	индийцы, %	бирманцы, %	китайцы, %	всего, тыс.	индийцы, %	бирманцы, %	китайцы, %
Предприятия инфраструктуры	47,0	70,9	25,9	2,5	11,9	76,9	16,3	4,4
Прочие	1,0	65,4	33,3	0,4	0,6	51,6	46,2	0,8
Всего[2]	167,6	69,6	26,2	3,9	41,1	61,7	30,1	6,8
	1939 год, 2 февраля							
Нефтепромыслы	9,3	37,7	61,6	0,2	4,5	24,3	74,6	0,4
Рудники	32,5	54,2	26,3	19,2	13,3	42,9	21,6	35,1
Каменоломни	—	—	—	—	—	—	—	—
Хлопкоочистительные предприятия	3,4	13,8	86,1	—	1,4	13,3	86,7	—
Лесопилки	11,8	70,1	28,9	1,0	3,7	62,2	34,8	2,9
Машиностроительные (ремонтные) предприятия	1,4	48,1	50,0	0,5	1,1	51,0	46,8	0,6
Кирпичные заводы	—	—	—	—	—	—	—	—
Нефтеперерабатывающие заводы	6,8	81,6	14,9	1,3	2,3	69,5	21,1	3,6
Рисорушки	61,2	75,4	23,8	0,7	9,8	62,6	33,4	4,0
Предприятия дорожного транспорта	2,7	63,1	32,3	2,2	1,5	37,9	54,9	4,0
Предприятия водного транспорта	3,5	83,5	13,6	0,3	0,6	74,3	8,2	1,4
Металлургические заводы	2,0	68,2	6,1	25,6	1,3	71,9	6,4	21,6
Мелкие предприятия обрабатывающей промышленности	15,9	60,7	29,7	9,2	6,1	62,4	35,3	1,3
Предприятия инфраструктуры	54,5	67,5	31,2	0,5	11,0	77,2	18,3	1,3
Прочие	1,0	51,3	45,5	1,7	0,8	43,6	52,6	1,1
Всего[2]	206,0	65,6	29,4	4,5	57,4	56,1	32,3	10,2

Составлено и рассчитано по: [99, 168—169, 184—185].

Примечания:

[1] О группировке отраслей и предприятий см. прим. 1—5 к прил. 21.

[2] Не выделенные здесь «другие» (европейцы и метисы) были крайне незначительны. В 1939 г. их насчитывалось 971 человек (0,5% всех рабочих). Более трети их (354 человека) были заняты в инфраструктуре. Внутри отраслей их наивысший процент был на водном транспорте (2,7%), в дорожном транспорте (2,4%), среди прочих (2,3%) и в нефтепереработке (2,2%).

25. Отраслевая структура предприятий и занятых в фабричной промышленности Бирмы в 1935, 1940, 1946 и 1947 гг.

Отрасли	Число предприятий[1]				Число занятых, тыс.			
	1935 г.	1940 г.	1946 г.	1947 г.	1935 г.	1940 г.	1946 г.	1947 г.
Пищевая	666	694	279	351	47,2	43,9	12,7	19,2
В том числе рисорушки	647	673	272	341	44,9	41,6	11,4	17,1
Деревообрабатывающая, керамическая и стекольная	119	125	37	58	11,2	12,0	5,3	7,4
В том числе лесопилки	114	116	35	56	11,1	11,6	5,0	6,9
Металлообрабатывающая[2] и нефтеперерабатывающая	18	22	4	6	8,7	8,0	4,0	5,6
В том числе нефтеперерабатывающие заводы	9	10	3	4	8,2	7,5	3,9	5,5
Машиностроительная (машиноремонт)[3]	46	58	16	21	9,9	10,5	6,8	8,5
Маслобойная	29	29	2	6	1,4	1,5	0,04	0,2
Текстильная	5	4	1	1	2,0	2,8	0,3	1,2
Хлопкоочистительная	44	54	3	14	3,8	3,8	0,3	1,2
Другие[4]	38	41	13	16	6,2	6,8	2,1	3,3
Всего	965	1027	355	473	90,3	89,4	31,5	46,5

Источники: [49, 1935, 1946, 1947; 53].

Примечания:

[1] Предприятия с 20 рабочими и более (рисорушки — с 10 и более) с применением механического двигателя.

[2] Рудообогатительные предприятия, предприятия металлоизделий без учета находившихся в Шанских княжествах (район Бодуина — Намту) основных металлургических предприятий, на которые не распространялось фабричное законодательство 1934 г. Последних в 1935 г. было 4 с 2,8 тыс. рабочих (см. прил. 32), в 1940 г. — 11, в 1946 г. — 3, в 1947 г. — 5 (в последнем случае с 310 рабочими).

[3] Предприятия по строительству и ремонту средств водного, железнодорожного и дорожного транспорта, машиностроительные (ремонтные) предприятия, электростанции, арсенал.

[4] Спичечные, мыловаренные, красильные, каучуковые, веревочные, ювелирные предприятия, переплетные мастерские и типографии.

26. *Трудовые конфликты (забастовки) в Бирме в 1918—1939 гг.* [1]

1. Год	2. Число конфликтов	3. Число участников, тыс.	4. Число потерянных человеко-дней, тыс.
А. Данные по отдельным годам [2]			
1918	1	...	
1919	Не менее 1	...	
1920, 1921	Не менее 5	Свыше 23,0	...
1922	9	11,4	121,2
1923	Не менее 2	Свыше 6,5	Не менее 252,6
1924	Не менее 2	Свыше 16,0	Не менее 136,0
1925	3	11,8	153,8
1926	1	10,6	133,8
1927	3	0,5	7,2
1928	7	3,9	14,4
1929	4	1,5	13,7
1930	3	5,1	94,2
1931	10	8,6	65,7
1932	4	0,3	1,6
1933	5	1,6	5,1
1934	6	4,0	55,9
1935	9	2,5	120,3
1936	9	3,9	111,1
1937	Не менее 4	Свыше 0,6	...
1938 [3]	Не менее 2	Свыше 11,0	Вероятно 1300—1500
1939	Не менее 25	Около 20,0	...
Всего в 1922, 1925—1936 гг.	73	65,8	798,2
Б. Суммарные данные за 1921—1936 гг.			
1921—1928	58	95	Не менее 430,5
1929—1936	50	25	367,7
Всего в 1921 — 1936 гг.	108	120	Не менее 798,2

Составлено и рассчитано по: [356, 1922—1937; 98, 1918—1936; 338, 12; 112; 303; 323].

Примечания:

[1] Забастовки рабочих и служащих промышленности, транспорта и строительства. Без учета выступлений учащихся, учителей и массовых политических и экономических бойкотов.

[2] Данные разделов А и Б взяты из различных источников (данные колонки 4 раздела Б рассчитаны автором на основании данных колонки 4 раздела А). Поэтому суммирование данных раздела А (из которых сведения по девяти годам являются определенно неполными) не всегда дает итог, совпадающий с суммарными данными раздела Б (к тому же содержащими округления).

[3] Считая только многомесячную забастовку рабочих нефтепромыслов (первоначально 10 тыс. человек) и забастовку рабочих нефтеперегонного завода в Сириаме (Танхльине). Примерное число потерянных рабочих дней получено, исходя из предположения, что в забастовках в течение года участвовало не менее 4 тыс. человек.

27. Предприятия и учреждения Бирмы, рабочие и служащие которых приняли участие во всеобщей забастовке, начавшейся 26 января 1947 г. [1]

Управление Рангунского порта.
Команды грузчиков Рангунского порта.
Рангунский муниципалитет.
Электростанции «Рангун Электрик Трэмуэйз».
Магазины электротоваров «Дженерал Электрик К°».
Нефтеперерабатывающие предприятия и склады «Бирма Ойл К°».
Команды грузчиков, обслуживавшие транспортировку грузов по р. Иравади.
Управление воздушного транспорта.
Порт в Дала (под Рангуном).
Порт в Добоуне (под Рангуном).
Судоремонтные мастерские в Алоуне (район Рангуна).
Рисорушки, лесопилки, джутовые предприятия и маслобойки.
Спичечная фабрика и предприятие по изготовлению маек.
Рангунская больница.
Правительственный склад.
Центральный склад медикаментов.
Департамент общественных работ.
Управление дорожного транспорта.
Департамент обороны.
Крупные фирменные магазины.
Рестораны.
Маяк.
Управление распределения военных товаров.
Органы снабжения.

Источник: [303, 160—161].

Примечание:

[1] В некоторых случаях источник дает недостаточно конкретные обозначения предприятий и учреждений.

28. Среднегодовые темпы прироста (снижения) валового внутреннего продукта Бирмы в 1939—1960 гг. [1], %

Период	Все отрасли	В том числе				
		сельское хозяйство	добывающая промышленность	энергетика, газо- и водоснабжение	транспорт и связь	другие, включая обрабатывающую промышленность и строительство[2]
1939—1960	0,5	—0,1	—4,0	2,3	—1,4	1,4
1939—1948	—3,6	—3,0	—	—8,4	—6,6	—2,9
1948—1953	1,9	1,0	4,4	—4,7	—2,3	2,8
1951—1960	5,4	3,8	16,2	18,4	8,3	6,2
1951—1953	6,6	6,8	9,5	—	14,1	6,2
1954—1958	4,2	2,1	20,1	13,9	2,1	5,4
1958—1960	7,5	6,5	6,6	16,2	9,0	6,6

Источник: [119, 93].

Примечания:

[1] Данные ООН по gross domestic product на основе цен 1948 г.

[2] Бирманская статистика тех лет в соответствии с довоенной традицией не выделяла обрабатывающую промышленность и строительство в качестве отдельных отраслей, в связи с чем они объединяются здесь с некоторыми другими отраслями (включая услуги), составляя при этом основную их долю.

29. Число предприятий и занятых в фабричной промышленности Бирмы в 1948—1963 гг. [1]

	Предприятия	Занятые, тыс.
1948	537	52,7
1949	609	49,3
1950	868	62,2
1951	1 103	77,9
1952	1 275	77,2
1953	1 468	82,9
1954 (или 1955)	1 856	...
1953 (гор.)	1 982	90,9
1954 (част. сел.)	486	23,1
1953/54 (вм.)	2 468	114,0
1956/57	3 095	148,6
1957/58	2 759	175,8
1958/59	2 541	121,0
1959/60	2 468	122,9
1960/61	2 891	140,0
1961/62	2 887	138,9
1962/63	2 466	127,8

Источники: [303, 63; 51, апрель 1955, 83; 126, 20; 50, 1957/58—1959/60; 115, 196; 121, 37—38].

Примечание:

[1] Данные не совсем сравнимы вследствие разнородности источников и отчасти критериев. Такие недостаточно сравнимые группы данных отграничены горизонтальными линиями. Сведения до 1951 г. включают предприятия с 20 рабочими и более (рисорушки — с 10 и более), с 1951 г. — с 10 и более. Данные о занятости в 1948—1953 гг. — сумма занятых обоего пола, о которых сообщает источник. Данные в строках 1953 (гор.), 1954 (част. сел.) и 1953/54 (вм.) — данные промышленных городской переписи 1953 г., частичной сельской переписи 1954 г. и обеих вместе. С 1956/57 г. — ежегодные серийные данные, из которых данные 1956/57 г. официально признаны как неточные (преувеличенные). Наиболее надежные данные в этой серии — с 1958/59 г. Наиболее сравнимы внутри периодов данные 1948 — 1950 гг., 1951 — 1953 гг. и особенно 1957/58—1962/63 гг., а между периодами — данные 1951 — 1953 гг. и 1958/59 — 1962/63 гг.

30. Число предприятий и занятых в горнодобывающей промышленности Бирмы (без нефтедобычи) в 1948—1966 гг. [1]

	Предприятия	Занятые, тыс.		Предприятия	Занятые, тыс.
1948	386	31,1	1959	310	13,3
1949	403	19,8	1960	257	13,9
1950 [2]	490	15,7	1961	351	14,2
1953	531	41,3	1962	416	17,1
1954	417	30,4	1963	297	16,9
1955	375	30,9	1964	228	9,1
1956	308	20,2	1965	209	6,5
1957	286	18,2	1966	207	7,5
1958	261	17,0			

Источники: [101, 1948, 1949, 1950; 115, 207; 121, 37—38].

Примечания:

[1] Включая рудники, угольные шахты, карьеры, другие нерудные разработки (без нефтедобычи). Основная масса — рудники (см. прил. 31).

[2] Далее за 1951—1952 гг. данных нет.

31. Отраслевая структура предприятий и занятых в горнодобывающей промышленности Бирмы (без нефтедобычи) в 1953, 1958, 1963 и 1966 гг. [1]

	1953 г.	1958 г.	1963 г.	1966 г.
Число предприятий				
Угольные шахты	1	1	1	1
Рудники	497	248	265	188
Карьеры	30	9	16	15
Другие нерудные разработки	6	2	5	3
Всего	534	260	287	207
Число занятых, тыс.				
Угольные шахты	—	—	0,5	0,5
Рудники	39,8	16,6	16,1	6,7
Карьеры	1,4	0,3	0,2	0,2
Другие нерудные разработки	0,1	0,1	0,1	0,1
Всего	41,3	17,0	16,9	7,5

Источник: [121, 37—38].

Примечание:

[1] Данные ООН. Несколько расходятся с национальными данными (см. прил. 30).

32. Территориально-административное распределение предприятий и занятых в фабричной промышленности Бирмы в 1935 и 1959/60 гг. [1]

Административные области, союзные (автономные) государства и округа в их составе[2]	Предприятия				Занятые[3]			
	1935 г.		1959/60 г.		1935 г.		1959/60 г.	
	число	%	число	%	число, тыс.	%	число, тыс.	%
Обл. Аракан (Ракхайн)	21	2,2	68	2,8	5,0	5,3	4,4	3,6
В том числе окр.:								
Акьяб (Ситуэ)	19	2,0	55	2,2	4,9	5,2	4,0	3,3
Обл. Пегу	430	44,4	1146	46,4	53,9	57,9	64,9	52,8
В том числе окр.:								
Рангун	132	13,6	585	23,7	26,9	28,9	26,8	21,8
Инсейн	48	4,9	206	8,3	4,5	4,8	21,7	17,7
Хантавади	45	4,6	45	1,8	12,1	12,9	1,5	1,2
Пегу	69	7,1	110	4,5	2,8	3,0	4,6	3,7
Обл. Иравади	215	22,2	336	13,6	10,3	11,1	16,0	13,0
В том числе окр.:								
Бассейн	52	5,4	100	4,0	4,0	4,3	6,1	4,9
Хензада (Хинтада)	37	3,8	76	3,1	2,1	2,3	4,4	3,6
Мьяунмья	63	6,5	88	3,6	1,9	2,1	3,5	2,8

Административные области, союзные (автономные) государства и округа в их составе[2]	Предприятия				Занятые[3]			
	1935 г.		1959/60 г.		1935 г.		1959/60 г.	
	число	%	число	%	число, тыс.	%	число, тыс.	%
Обл. Тенассерим (Таниндайи)	96	9,9	263	10,7	7,6	8,1	9,5	7,8
В том числе окр.:								
Амхерст (Чайкхами)	53	5,5	181	7,3	6,1	6,5	5,6	4,6
Обл. Магуэ	67	6,9	146	5,9	5,3	5,7	5,0	4,1
В том числе окр.:								
Мьинджан . . .	25	2,6	59	2,4	2,8	3,1	2,3	1,8
Обл. Мандалай . .	86	8,9	270	10,9	5,7	6,2	13,4	10,9
В том числе окр.:								
Мандалай . . .	41	4,2	177	7,2	3,5	3,8	8,9	7,2
Обл. Сагайн (Сикайн)	47	4,8	196	7,9	1,9	2,1	7,6	6,1
Качинское (автон.) гос-во	3	0,3	23	0,9	0,6	0,6	1,5	1,3
В том числе окр.:								
Мьичина . . .	3	0,3	19	0,8	0,6	0,6	1,4	1,2
Шанское (автон.) гос-во[4]	4	0,4	20	0,8	2,8	3,0	0,5	0,4
Всего[5] . . .	969	100,0	2468	100,0	93,1	100,0	122,9	100,0

Источники: [49, 1935, 9, 14; 50, 1959/60, 2—6].

Примечания:

[1] Поскольку критерии фабричной статистики в данных 1935 и 1959/60 гг. различны (см. гл. IV, параграф 2), таблица интересна не с точки зрения абсолютных цифр, а как показатель доли различных административных единиц в общем количестве учитываемых фабричных предприятий и занятых на них рабочих, а также изменения этой доли за 25 лет.

[2] Административная структура дается по положению на 1959/60 г., отличному от деления в 1935 г., в связи с чем данные 1935 г. по некоторым областям и округам пересчитаны. Термин «область» соответствует бирманскому «тайн» (англ. «дивижн»), термин «округ» — бирманскому «кхаяйн» (англ. «дистрикт»).

[3] Абсолютные цифры занятых округлены, процент вычислен.

[4] В целях повышения сопоставимости к официальным цифрам фабричной статистики 1935 г. (965 действующих предприятий и 90 322 занятых на них) добавлены 4 предприятия Северных Шанских княжеств с 2805 занятыми. Эти предприятия вплоть до конца колониальной эпохи учитывались по прежнему фабричному закону (1911 г.) и потому не включались в статистику согласно фабричному законодательству 1934 г.

[5] См. прим. 4.

33. Распределение предприятий фабричной промышленности Бирмы по гражданству владельцев в 1956/57—1961/62 гг.

Год	Процент предприятий, принадлежащих		
	бирманским гражданам	иностранцам	смешанным владельцам
1956/57	85,0	7,2	7,8
1957/58	83,6	7,8	8,6
1958/59	86,3	5,1	8,6
1959/60	87,4	4,6	8,0
1960/61	89,7	4,6	5,7
1961/62	90,9	3,5	5,6

Источник: [115, 195].

34. Численность рабочих и служащих на железных дорогах Бирмы в 1953—1961 гг.,
тыс. человек

1953/54 г.	21,7	1957/58 г.	21,8
1954/55 г.	22,0	1958/59 г.	23,6
1955/56 г.	21,5	1959/60 г.	25,6
1956/57 г.	21,6	1960/61 г.	26,1

Источник: [100, 15].

35. Численность постоянных и временных рабочих на рисорушках Бирмы в 1953 г. по месяцам [1],
тыс. человек

	Постоянные рабочие	Временные рабочие
Январь	15,6	21,9
Февраль	15,5	25,7
Март	15,7	24,7
Апрель	15,4	18,6
Май	14,4	15,9
Июнь	13,4	11,2
Июль	12,6	8,4

Август	12,1	7,7
Сентябрь	12,1	7,4
Октябрь	11,7	6,0
Ноябрь	11,5	5,7
Декабрь	11,5	6,4

Источник: [51, апрель 1955, 10].

Примечание:

[1] Результаты обследования 956 зарегистрированных в Бирме в 1953 г. рисорушек. Среднее ежедневное число.

36. Отраслевая структура рабочей силы (экономически активного населения) Бирмы по переписям 1953—1954 гг. [1]

Отрасли	По городской переписи 1953 г.		По частичной сельской переписи 1954 г.		По переписи населения Чинской особой области[2] 1953 г.		Оценка для всей Бирмы[3], %
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	
Сельское хозяйство и т. д.	132,7	12,3	799,0	71,8	104,7	97,5	62,9
Добывающая промышленность . .	4,2	0,4	7,8	0,7	—	—	0,7
Обрабатывающая промышленность .	198,9	18,5	70,1	6,3	0,4	0,4	8,1
Строительство . . .	31,7	2,9	8,9	0,8	0,1	0,1	1,1
Энергетика	4,3	0,4	0,0	0,0	—	—	0,1
Торговля и финансы	353,7	32,9	74,6	6,7	0,3	0,3	10,6
Транспорт и связь .	85,0	7,9	15,6	1,4	0,1	0,0	2,4
Услуги	171,5	15,9	26,7	2,4	1,6	1,5	4,4
Деятельность, недостаточно обозначенная	94,2	8,8	110,2	9,9	0,2	0,2	9,7
Всего . . .	1076,2	100,0	1112,9	100,0	107,4	100,0	100,0

Составлено и рассчитано по: [125, 161—167; 127, 54—59; 332, 3, 8].

Примечания:

[1] Данные по «работающим в год переписи» (хотя бы один месяц). Абсолютные данные округлены. Абсолютные цифры 1954 г. выведены автором из процентных данных работы Сундрума и в некоторых случаях — приблизительные.

[2] Без административной единицы Палева.

[3] Оценка Сундрума, основанная на том, что пропорции частичной сельской переписи 1954 г. верны для остальных сельских районов. Может быть принята сугубо условно.

37. Отраслевая структура рабочей силы (экономически активного населения) городов Бирмы в 1953 г. по статусу занятых [1]

Отрасли	Все занятые	Наемные работники: рабочие и служащие			Самостоятельные работники, включая предпринимателей	Неоплачиваемые семейные работники [2]
		всего	в том числе: в частном секторе	в том числе: в госсекторе		
Сельское хозяйство в тыс. человек	132,7	47,1	44,1	3,0	63,4	22,2
в процентах от занятых в отрасли	100,0	35,5	33,2	2,3	47,8	16,7
Добывающая промышленность тыс.	4,2	3,7	3,7	—	0,4	0,02
%	100,0	89,0	89,0	—	10,5	0,5
Обрабатывающая промышленность тыс.	198,9	147,6	141,2	6,4	40,9	10,4
%	100,0	74,2	71,0	3,2	20,6	5,2
Строительство тыс.	31,7	25,5	21,9	3,6	5,7	0,4
%	100,0	80,7	69,1	11,6	18,1	1,2
Энергетика тыс.	4,3	4,2	1,6	2,6	0,2	0,0
%	100,0	95,8	36,0	59,8	4,1	0,1
Торговля тыс.	353,7	76,7	68,0	8,7	248,9	28,1
%	100,0	21,6	19,2	2,4	70,4	8,0
Транспорт и связь тыс.	85,0	60,0	33,4	26,6	24,2	0,8
%	100,0	70,6	39,3	31,3	28,5	0,9
Услуги тыс.	171,5	133,4	41,5	91,9	34,1	4,0
%	100,0	77,8	24,2	53,6	19,9	2,3
Деятельность, недостаточно обозначенная тыс.	94,2	93,4	92,7	0,7	0,15	0,7
%	100,0	99,1	98,4	0,7	0,2	0,7
Всего тыс.	1076,2	591,6	448,1	143,5	418,0	66,6
%	100,0	55,0	41,7	13,3	38,9	6,1

Составлено и рассчитано по: [125, 260—264; 332, 18].

Примечания:

[1] Данные по «работающим в год переписи» (хотя бы один месяц). Абсолютные цифры даются в округлении, в связи с чем суммы по вертикали и горизонтали иногда несколько не совпадают с итоговыми данными.
[2] Вместе с «неизвестными».

38. Отраслевая структура рабочей силы (экономически активного населения) сельских районов Бирмы в 1954 г. по статусу занятых (согласно частичной сельской переписи) [1]

Отрасли	Все занятые	Наемные работники: рабочие и служащие			Самостоятельные работники, включая предпринимателей	Неоплачиваемые семейные работники[3]
		всего	в том числе			
			в частном секторе	в госсекторе[2]		
Сельское хозяйство в тыс. человек	799,0	256,5	255,7	0,8	294,0	248,5
в процентах от занятых в отрасли	100,0	32,1	32,0	0,1	36,8	31,1
Добывающая промышленность тыс.	7,8	6,7	6,7	—	1,0	0,1
%	100,0	85,8	85,8	—	12,4	1,8
Обрабатывающая промышленность тыс.	70,1	36,8	36,6	0,2	22,9	10,4
%	100,0	52,5	52,2	0,3	32,7	14,8
Строительство тыс.	8,9	7,6	5,1	2,5	1,2	0,1
%	100,0	85,3	57,8	27,5	13,7	1,0
Энергетика тыс.	0,0	0,0	0,0	0,0	—	—
%	100,0	100,0	58,3	41,7	—	—
Торговля тыс.	74,6	5,1	4,3	0,8	60,5	9,0
%	100,0	6,9	5,8	1,1	81,4	11,7
Транспорт и связь тыс.	15,6	8,3	6,3	2,0	6,8	0,4
%	100,0	53,7	40,7	13,0	43,7	2,6
Услуги тыс.	26,7	16,3	6,0	10,3	10,4	—
%	100,0	61,0	22,5	38,5	39,0	—
Деятельность, недостаточно обозначенная тыс.	110,2	109,0	109,0	—	0,5	0,7
%	100,0	98,9	98,8	—	0,5	0,6
Всего тыс.	1112,9	446,3	429,6	16,7	397,3	269,3
%	100,0	40,1	38,6	1,5	35,7	24,2

Составлено и рассчитано по: [332, 3, 8, 18].

Примечания:

[1] Данные по «работающим в год переписи» (хотя бы один месяц). Абсолютные цифры выведены автором из процентных данных работы Сундрума и приводятся в округлении, в связи с чем суммы по вертикали и горизонтали иногда несколько не совпадают с итоговыми данными.

[2] В ряде случаев данные приблизительные.

[3] Вероятно, вместе с «неизвестными». Данные приблизительные.

39. Отраслевая структура наемного труда по городской (1953 г.) и частичной сельской (1954 г.) переписям населения Бирмы[1]

Отрасли	Лица наемного труда по городской переписи 1953 г.						Лица наемного труда по частичной сельской переписи 1954 г.					
	всего		в том числе: в частном секторе		в том числе: в госсекторе		всего		в том числе: в частном секторе		в том числе: в госсекторе	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
Сельское хозяйство	47,1	7,9	44,1	9,8	3,0	2,1	256,5	57,5	255,7	59,5	0,8	4,8
Добывающая промышленность	3,7	0,6	3,7	0,8	—	—	6,7	1,5	6,7	1,6	—	—
Обрабатывающая промышленность	147,6	25,0	141,2	31,5	6,4	4,5	36,8	8,2	36,6	8,5	0,2	1,2
Строительство	25,5	4,3	21,9	4,9	3,6	2,6	7,6	1,7	5,1	1,2	2,5	15,0
Энергетика	4,2	0,7	1,6	0,4	2,6	1,8	—	—	—	—	—	—
Торговля и финансы	76,7	13,0	68,0	15,2	8,7	6,0	5,1	1,2	4,3	1,0	0,8	4,8
Транспорт и связь	60,0	10,1	33,4	7,4	26,6	18,5	8,3	1,9	6,3	1,5	2,0	12,0
Услуги	133,4	22,6	41,5	9,3	91,9	64,0	16,3	3,6	6,0	1,4	10,3	61,7
Деятельность, недостаточно обозначенная	93,4	15,8	92,7	20,7	0,7	0,5	109,0	24,4	109,0	25,3	—	—
Всего	591,6	100,0	448,1	100,0	143,5	100,0	446,3	100,0	429,6	100,0	16,7	100,0

Составлено и рассчитано по: [125, 260—264; 332, 18].

Примечание:

[1] Данные по «работающим в год переписи» (хотя бы один месяц). Процент для 1953 г. вычислен по переписи. Абсолютные цифры и процент для 1954 г. вычислены из косвенных процентных данных, сообщенных в работе Сундрума. Данные 1954 г. следует рассматривать как приблизительные, а процент по госсектору в 1954 г. — как только ориентировочный.

40. Структура наемного труда по занятиям согласно городской (1953 г.) и частичной сельской (1954 г.) переписям населения Бирмы[1]

Группы занятых	Лица наемного труда по городской переписи 1953 г.		Лица наемного труда по частичной сельской переписи 1954 г.	
	тыс.	%	тыс.	%
Лица свободных профессий, ученые, технические специалисты, учителя, медицинские работники	27,5	4,7	5,4	1,2
Административно-управленческий и конторский персонал	78,1	13,2	4,3	1,0
Занятые в торговле	30,4	5,1	3,0	0,7
Земледельцы, животноводы, рыбаки, лесоводы	44,1	7,5	256,2	57,4
Горняки	2,1	0,4	5,9	1,3
Транспортники	32,3	5,4	6,2	1,4
Производственные рабочие . . .	214,1	36,2	47,3	10,6
Занятые в сфере услуг	148,2	25,0	115,7	25,9
В том числе:				
полицейские, охрана . . .	25,3	4,3	...	...
домашняя прислуга	19,4	3,3	...	...
рабочие	11,3	1,9	...	...
случайные работники . .	91,8	15,5	...	...
Неопределенные и военнослужащие	14,8	2,5	2,2	0,5
Всего .	591,6	100,0	446,3	100,0

Составлено и рассчитано по: [125, 228—233; 332, 17, 8].

Примечание:

[1] Данные по «работающим в год переписи» (хотя бы один месяц). Процент для 1953 г. вычислен по переписи. Абсолютные данные и процент для 1954 г. вычислены по косвенным сведениям работы Сундрума. Данные 1954 г. — приблизительные; сумма слагаемых несколько расходится с отдельно вычисленной итоговой цифрой (445,2 тыс. против 446,3 тыс.).

41. Распределение предприятий и занятых в фабричной и мелкой («домашней») промышленности городов Бирмы в 1953 г. по отраслям [1]

Отрасли	Мелкая промышленность (9 и менее рабочих)				Фабричная промышленность (10 и более рабочих)			
	предприятия		занятые		предприятия		занятые	
	единиц	%	тыс.	%	единиц	%	тыс.	%
Пищевая промышленность	2883	9,3	10,2	11,0	553	27,9	36,2	39,7
Табачная	2415	7,8	10,5	11,3	515	26,0	17,7	19,5
Текстильная	4604	14,8	12,1	13,1	229	11,5	9,6	10,6
Обувная и швейная	5994	19,2	16,4	17,7	197	9,9	4,2	4,5
Деревообрабатывающая	4382	14,0	11,5	12,4	179	9,0	6,4	7,1
Мебельная	1020	3,2	2,5	2,7	25	1,3	0,7	0,8
Бумажная	150	0,5	0,6	0,6	8	0,5	0,2	0,2
Полиграфическая	234	0,8	0,9	1,0	42	2,1	1,8	2,0
Кожевенная	198	0,6	0,6	0,6	14	0,7	0,3	0,3
Каучуковая	57	0,2	0,1	0,2	9	0,4	0,9	1,0
Химическая	2383	7,6	7,4	8,0	72	3,7	5,5	6,1
Нефтеперерабатывающая	30	0,1	0,1	0,2	2	0,1	0,04	0,0
Керамическая	794	2,6	2,4	2,8	22	1,1	1,0	1,1
Черная металлургия	51	0,2	0,2	0,2	4	0,2	0,1	0,1
Производство металлоизделий	2115	6,8	5,9	6,3	54	2,7	1,4	1,6
Производство и ремонт оборудования (без электрического)	38	0,1	0,1	0,1	6	0,3	0,1	0,1
Производство и ремонт электроаппаратуры	34	0,1	0,1	0,1	—	—	—	—
Производство и ремонт транспорта	766	2,5	2,4	2,8	14	0,7	3,8	4,2
Прочие	2998	9,6	8,2	8,9	37	1,9	1,0	1,1
Всего	31146	100,0	92,2	100,0	1982	100,0	90,9	100,0

Источник: [126, 51—60].

Примечание:

[1] Процент вычислен.

42. Динамика предприятий обрабатывающей промышленности и населения в пяти самых крупных городах Бирмы в 1953—1964 гг.[1]

	Рангун[2]		Мандалай		Моулмейн (Моламьяйн)		Бассейн		Акьяб (Ситуэ)		Пять городов вместе		
	1953 г.	1964 г.	1953 г.	1964 г.	1953 г.	1964 г.	1953 г.	1964 г.	1953 г.	1964 г.	1953 г.	1964 г.	изменение, %
Население, тыс.	737,1	1530,4	185,9	322,6	102,8	142,5	77,9	107,5	42,3	67,7	1146,0	2170,6	+89,4
Предприятия	6486	5101	3205	2171	968	838	722	991	721	1564	12102	10665	11,9
В том числе:													
с 10 рабочими и более	441	1068	168	244	86	95	51	61	44	48	790	1515	+91,9
с 9 рабочими и менее	6045	4033	3037	1927	882	743	671	930	677	1516	11312	9149	—19,1

Составлено по: [125,2; 78, № 7; 373, 4.X.1964].

Примечания:

[1] В источниках точно обозначен 1953 г. и не назван 1964 г. Последний указан автором как наиболее вероятный год проведенного обследования, судя по контексту газетной публикации, подчеркивающей предварительный характер данных. В этой публикации две группы предприятий даны только раздельно. Процент вычислен.

[2] Данные 1953 и 1964 гг. по Рангуну непосредственно не сравнимы, ибо после 1953 г. произошло значительное расширение его административных границ и его превращение в Большой Рангун.

43. Число зарегистрированных профсоюзов и их членов в Бирме в 1946—1961 гг. [1]

	Профсоюзы	Члены, тыс.		Профсоюзы	Члены, тыс.
1946 г.	25	12,6	1954 г.	211	41,3
1947 г.	54	29,6	1955 г.	253	39,5
1948 г.	92	27,0	1956 г.	327	50,3
1949 г.	115	30,1	1957 г.	371	54,2
1950 г.	122	32,0	1958 г.	340	49,7
1951 г.	140	34,2	1959 г.	340	61,0
1952 г.	150	33,4	1960 г.	158	47,3
1953 г.	188	36,8	1961 г. [2]	134	20,3

Источники: [84, 1953, IV кв., 11; 115, 91].

Примечания:

[1] По данным регистрационных списков на кочец года.

[2] К концу года, по-видимому, произошло сокращение. На 31 октября 1961 г. имелось 173 зарегистрированных профсоюза при 64,5 тыс. членов (см. прил. 45).

44. Отраслевая структура зарегистрированных профсоюзов Бирмы и их членов на 31 августа 1953 г.

	Профсоюзы	Члены, тыс.
Рисоочистительная промышленность	6	3,3
Лесопильная	10	1,8
Лесная	8	1,6
Нефтедобывающая	2	2,6
Горнорудная	4	2,9
Обрабатывающая	25	5,2
Строительство	7	1,6
Транспорт	46	29,6
В том числе:		
железнодорожный	1	20,0
дорожный	7	0,9
речной	5	1,0
судоремонт (доки)	5	2,0
морской транспорт (судоходство и порты)	14	3,9
воздушный	3	0,5
другой	11	1,2
Прочие отрасли	53	5,9
Всего	161	54,5

Составлено и рассчитано по: [323, 157—165].

45. Отраслевая структура зарегистрированных профсоюзов Бирмы и их членов на 31 октября 1961 г.

	Профсоюзы	Члены, тыс.
Рисоочистительная и мукомольная промышленность	8	1,7
Лесная и лесопильная	9	2,2
Нефтеперерабатывающая	11	5,1
Другая обрабатывающая	39	9,6
Горнодобывающая	3	3,4
Строительство	2	1,9
Транспорт и связь	58	30,0
Прочие отрасли	43	10,6
Всего	173	64,5

Источник: [116, 37].

46. Трудовые конфликты (забастовки) в Бирме в 1947—1963 гг.

	Конфликты	Участники[1], тыс.	Потерянные человеко-дни[1], тыс.
1947 г.[2]	Свыше 120	25,7	1025,6
1948 г.	130	76,4	77,6
1949 г.	15	3,6	5,1
1950 г.	54	10,5	5,6
1951 г.	178	38,8[3]	14,2
1952 г.	143	18,7	42,0
1953 г.	206	23,8	18,6
1954 г.	166	31,3	4,4
1955 г.	134	24,5	1,3
1956 г.	77	15,1	0,7
1957 г.	83	16,5	3,1
1958 г.	88	19,0	9,9
1959 г.	48	15,5	1,2
1960 г.	59	15,8	8,7
1961 г.	99	29,1	7,7
1962 г.	95	19,8	3,1
1963 г.	187	23,4	0,3
Всего в 1948—1963 гг.[4]	1.762	381,8	203,5

Составлено по: [368, 5.X.1948; 84, 1957, I кв., 12—14; IV кв., 10—12; 115, 92—93].

Примечания:

[1] Данные округлены.
[2] Данные только по району Рангуна.
[3] Цифра по: [84, 1957, I кв.].
[4] Подсчет по приведенным годовым данным (см. также прим. 2 к прил. 48).

47. Сравнительные данные о трудовых конфликтах (забастовках) в Бирме в 1921—1936 и 1948—1963 гг.

	Конфликты	Участники	Потерянные человеко-дни
1921—1936 гг. (16 лет)[1]			
Всего	108	120000	798247
В среднем:			
на один год	6,7	7500	61404
на один конфликт		1111	10935[2]
на одного участника			12,1[3]
1948—1963 гг. (16 лет)			
Всего	1762	381767	203508
В среднем:			
на один год	110,1	23860	12719
на один конфликт		217	115,5
на одного участника			0,5

Составлено и рассчитано по: [356, 1922—1937; 98, 1918—1936; 338, 12; 303; 323; 84, 1957, IV кв., 12; 115, 92—93].

Примечания:

[1] Сведения о числе конфликтов и их участников — за 1921—1936 гг. и исходя из них; о числе потерянных человеко-дней в этот период — за 13 лет (1922, 1925—1936 гг.) и исходя из них (см. прим. 2 и 3 и прил. 26).

[2] Исходя из 73 конфликтов (за 13 лет).

[3] Исходя из 65,8 тыс. бастующих (за 13 лет).

48. Отраслевые данные о трудовых конфликтах (забастовках) в Бирме в 1948—1963 гг.[1]

	Конфликты	Участники, тыс.	Потерянные человеко-дни, тыс.
Рисоочистительная и мукомольная промышленность	207	29,5	6,0
Лесная и лесопильная	152	22,7	4,1
Нефтеперерабатывающая	139	96,4	98,4
Другая обрабатывающая	613	73,8	57,7
Горнодобывающая	49	39,1	2,0
Строительство	45	11,2	9,2
Транспорт и связь	203	58,5	10,7
Прочие отрасли	359	51,0	14,6
Всего[2]	1762	381,8	203,5

Составлено и рассчитано по: [84, 1957, I кв., 12—14; IV кв., 10—12; 115, 92—93].

Примечания:

[1] Число участников и число потерянных человеко-дней — в округлении.

[2] В результате, по-видимому, типографских погрешностей источников суммарные отраслевые данные несколько расходятся с суммарными годовыми. Приведенные здесь итоговые цифры соответствуют суммам общегодовых данных за 1948—1963 гг., как в прил. 46 и 47. По суммам же отраслевых данных число конфликтов за указанный период составляет 1767, число участников — 382,2 тыс., число потерянных человеко-дней — 202,7 тыс.

49. Статистика бирж труда в Бирме в 1952—1961 гг. [1]

	Биржи труда[2]	Зарегистрированные безработные, тыс.	Трудоустроенные, тыс.
1952 г.	2	9,0	2,5
1953 г.	2	8,2	3,8
1954 г.	2	10,6	5,9
1955 г.	2	12,1	5,0
1956 г.	2	9,5	6,1
1957 г.	2	6,7	4,3
1958 г.	2	7,0	4,5
1959 г.	2	19,9	12,8
1960 г.	10	42,9	15,7
1961 г.	10	82,7	19,5

Источники: [115, 89, 90; 100, 19, 103].

Примечания:

[1] Число безработных и трудоустроенных — в округлении.

[2] С 1948 до 1952 г. была только одна биржа труда — в Рангуне. В 1952 г. открылась вторая — в Мандалае. С начала 60-х годов биржи труда стали создаваться и в других городах страны. (См. также прил. 70.)

50. Число предприятий и учреждений Бирмы и занятых на них рабочих и служащих, охваченных системой социального страхования в 1955/56—1966/67 гг. [1]

	Охваченные города	Предприятия и учреждения	Рабочие и служащие, тыс.
1955/56 г.	1	915	66,8
1956/57 г.	„	1127	92,0
1957/58 г.	2	1335	122,2
1958/59 г.	„	1519	154,5
1959/60 г.	5	2274	215,1
1960/61 г.	„	2561	253,5
1961/62 г.	6	2843	296,2[2]
1962/63 г.	„	3132	357,3
1963/64 г.	7	3363	399,3
1964/65 г.	„	3601	434,7
1965/66 г.	8	3916	469,2
1966/67 г.	„	...	Свыше 500

Источники: [74, 1958, 111; 115, 102—103; 91, 39; 92, 44; 373, 27.IV.1967].

Примечания:

[1] По системе учета, действовавшей в 50—60-х годах. Учитывались предприятия и учреждения с числом работников 10 и более. Данные о застрахованных работниках округлены.

[2] В 1969/70 г. система учета была изменена и данные с 1961/62 г. были пересмотрены (см. прил. 71—74).

51. Динамика валового национального продукта Бирмы по отраслям хозяйства (в постоянных ценах) и валового и душевого национального дохода (в постоянных и текущих ценах) в 1961/62—1973/74 гг.[1]

Отрасли	1961/62 г.	1964/65 г.	1966/67 г.	1968/69 г.	1969/70 г.	1970/71 г.	1971/72 г.	1972/73 г.	1973/74 г.
Валовой национальный продукт в ценах 1969/70 г.[2], млн. джа									
Производство	3799	4676	4334	4968	5162	5509	5564	5152	5594
В том числе:									
Земледелие . .	2028	2627	2162	2647	2713	2896	2954	2765	3023
Животноводство и рыболовство .	435	582	644	679	736	804	824	715	824
Лесное хозяйство	226	244	253	263	258	282	277	272	250
Добывающая промышленность . .	105	103	88	91	111	149	137	139	122
Обрабатывающая промышленность .	818	936	949	1017	1071	1107	1107	1081	1109
Энергетика	36	31	44	53	61	67	65	72	73
Строительство .	151	153	193	218	212	203	200	208	193
Услуги . . .	1713	1943	1915	2126	2295	2340	2478	2709	2745
В том числе:									
Транспорт	449	512	515	523	585	586	609	587	562
Связь . .	26	30	25	32	33	38	40	35	39
Финансы . .	88	123	94	124	112	129	169	204	156
Социальные услуги и управление . .	575	653	620	765	815	838	903	1087	1161
Аренда домов и другие услуги	575	625	662	682	749	750	757	795	827
Торговля . . .	2286	2487	2106	2409	2519	2539	2600	2637	2733
Итого валовой национальный продукт . . .	7798	9106	8355	9503	9976	10388	10641	10597	11072

Отрасли	1961/62 г.	1964/65 г.	1966/67 г.	1968/69 г.	1969/70 г.	1970/71 г.	1971/72 г.	1972/73 г.	1973/74 г.
Национальный доход[3]									
Валовой, млн. джа в ценах 1969/70 г.	7832	9532	8574	9801	10377	10528	10717	10547	11145
в текущих ценах . . .	6435	8073	8345	10117	10621	10705	11029	11814	14849
На душу населения, джа[4]									
в ценах 1969/70 г. .	345	394	339	371	382	381	379	365	378
в текущих ценах . .	284	333	330	383	393	387	390	409	503

Источники: [48, 20—21, 16—19; 97а, 12—16].

Примечания:

[1] Данные округлены до 1 млн. и при сложении могут не совпадать с итоговыми показателями.

[2] Валовой национальный продукт (net output в английском издании источника) = валовая продукция минус стоимость сырья и материалов (inter-industry use).

[3] Национальный доход (net available for use) = валовой национальный продукт плюс стоимость импорта минус стоимость экспорта.

[4] По курсу 60-х — начала 70-х годов 1 джа = 21 амер. центу, или приблизительно 7 англ. пенсам (новым), или около 19 коп. После девальвации джа 25 января 1975 г. 1 джа = 16 амер. центам, или 6,7 англ. пенса. В сентябре 1975 г. 1 джа = примерно 11,5 коп. [342, 4.IX.1975; 122, 1974, 653; 355а, 1976, № 9, 78—79].

52. Валовая продукция Бирмы по отраслям хозяйства и по секторам собственности в 1961/62, 1964/65, 1970/71 и 1971/72 гг. в текущих ценах[1], млн. джа

Отрасли	1961/62 г.				1964/65 г.				1970/71 г.				1971/72 г.			
	госуд.	кооп.	частн.	всего	госуд.	кооп.	частн.	всего	госуд.	кооп.	частн.	всего	госуд.	кооп.	частн.	всего
Производство	1409	28	5790	7227	2230	147	6057	8434	3237	206	8101	11545	3331	145	7943	11419
В том числе:																
Земледелие		—	2169	2169	1		2528	2529	3	—	3482	3485	4	—	3505	3509
Животноводство	–		473	473	11	3	639	654	17	3	1010	1031	23	43	993	1059
Лесное хозяйство	60		277	338	114	4	230	348	177	2	257	436	193	2	259	455
Добывающая промышленность	1	—	92	94	70	1	47	118	163	2	43	208	195	4	36	235
Обрабатывающая промышленность	1025	27	2537	3589	1715	139	2363	4218	2386	199	3039	5624	2432	96	2882	5410
Энергетика	66	—	—	66	61	—	—	61	103	-	—	103	104	—	—	104
Строительство	257	—	242	499	257	—	248	505	389	—	269	658	380	—	267	647
Услуги	1435	2	1281	2718	1795	18	1218	3031	2172	24	1344	3539	2385	23	1372	3779
В том числе:																
Транспорт	248	—	543	791	364	—	539	903	441	2	573	1015	496	2	572	1070
Связь	31	—	—	31	35	—	—	35	42	—	—	42	35	—	—	35
Финансы	62	—	81	143	161	1	—	162	147	2	—	148	182	0,2	—	182
Социальные услуги и управление	1090	—	—	1090	1224	—	—	1224	1440	—	—	1440	1585	—	—	1585
Аренда и др.	3	2	657	662	10	16	679	705	103	20	771	895	87	20	799	907
Торговля	743	42	1442	2227	1640	150	710	2500	1592	201	1404	3198	1524	319	1349	3192
Итого валовая продукция	3587	72	8513	12172	5665	315	7985	13966	7001	432	10849	18282	7239	487	10664	18390
Доля секторов (%)	29,5	0,6	69,9	100,0	40,6	2,2	57,2	100,0	38,3	2,4	59,3	100,0	39,4	2,6	58,0	100,0

Источники: [96, 21; 46, 34—35; 44, 452—456; 97, кн. 1, 20].

Примечание: [1] Валовая продукция (total gross output) — совокупная стоимость производства, услуг и торговли вместе со стоимостью сырья и материалов (т. е. с учетом inter-industry use). Данные округлены и при сложении могут не совпадать с итоговыми показателями.

53. Структура валовой продукции Бирмы в 1971/72 г. по секторам собственности[1], %

	Госсектор	Частный сектор	Кооперативный сектор
Производство	29,2	69,5	1,3
Земледелие	0,1	99,9	—
Животноводство и рыболовство .	2,2	93,8	4,0
Лесное хозяйство	42,5	57,0	0,5
Добывающая промышленность . .	82,8	15,3	1,9
Обрабатывающая промышленность[2]	44,9	53,3	1,8
Энергетика	100,0	—	—
Строительство	58,8	41,2	—
Услуги	63,1	36,3	0,6
Транспорт	46,3	53,5	0,2
Связь	100,0	—	—
Финансы	99,9	—	0,1
Социальные услуги и управление	100,0	—	—
Аренда и др.	9,6	88,1	2,3
Торговля	47,7	42,3	10,0
Итого валовая продукция . . .	39,4	58,0	2,6

Рассчитано по: [97, кн. 1, 20].

Примечания:

[1] О термине «валовая продукция» см. прим. 1 к прил. 52.

[2] Данные несколько расходятся с данными прил. 54 на тот же год.

54. Удельный вес разных секторов собственности в продукции обрабатывающей промышленности Бирмы в 1964/65 и 1971/72 гг. по отраслям в текущих ценах[1]

<table>
<tr><th>Отрасли</th><th>Госсектор</th><th>Кооперативный сектор</th><th>Частный сектор</th><th>Всего</th></tr>
<tr><td colspan="5">1964/65 г.[2]</td></tr>
<tr><td>Пищевая, табачная промышленность[3]</td><td></td><td colspan="2"></td><td></td></tr>
<tr><td>млн. джа . . . .</td><td>2018</td><td colspan="2">510</td><td>2527</td></tr>
<tr><td>% . . . .</td><td>79,8</td><td colspan="2">20,2</td><td>100,0</td></tr>
<tr><td>Текстильная, швейная, обувная</td><td></td><td colspan="2"></td><td></td></tr>
<tr><td>млн. джа . . . .</td><td>10</td><td colspan="2">558</td><td>568</td></tr>
<tr><td>% . . . .</td><td>1,8</td><td colspan="2">98,2</td><td>100,0</td></tr>
<tr><td>Промышленность стройматериалов, производство предметов личного и домашнего обихода, бытовых и хозяйственных товаров</td><td></td><td colspan="2"></td><td></td></tr>
<tr><td>млн. джа . . . .</td><td>278</td><td colspan="2">231</td><td>509</td></tr>
<tr><td>% . . . .</td><td>54,6</td><td colspan="2">45,4</td><td>100,0</td></tr>
<tr><td>Полиграфическая промышленность</td><td></td><td colspan="2"></td><td></td></tr>
<tr><td>млн. джа . . . .</td><td>26</td><td colspan="2">4</td><td>30</td></tr>
<tr><td>% . . . .</td><td>86,7</td><td colspan="2">13,3</td><td>100,0</td></tr>
</table>

Отрасли	Госсектор	Кооперативный сектор	Частный сектор	Всего
Машиностроение (без транспортного), металлургия, нефтепереработка, производство промышленного сырья				
млн. джа	287	165		452
%	63,5	36,5		100,0
Транспортное машиностроение				
млн. джа	29	49		78
%	37,2	62,8		100,0
Прочие				
млн. джа	-	106		106
%	—	100,0		100,0
Всего				
млн. джа	2647	1622		4269
%	62,0	38,0		100,0
1971/72 г.				
Пищевая, табачная промышленность				
млн. джа	961	14	2377	3353
%	28,7	0,4	70,9	100,0
Текстильная, швейная, обувная				
млн. джа	228	100	238	566
%	40,3	17,7	42,0	100,0
Промышленность стройматериалов, мебельная				
млн. джа	262	1	137	400
%	65,5	0,2	34,3	100,0
Производство предметов личного и домашнего обихода				
млн. джа	143	—	8	151
%	94,7		5,3	100,0
Производство бытовых и хозяйственных товаров				
млн. джа	12	—	5	17
%	70,6		29,4	100,0
Полиграфическая промышленность				
млн. джа	44	—	4	47
%	92,3		7,7	100,0
Производство промышленного сырья (джут, сода, каучук)				
млн. джа	241	—	29	270
%	89,4		10,6	100,0
Металлургия, нефтепереработка				
млн. джа	389	—	10	400
%	97,4		2,6	100,0
Сельскохозяйственное машиностроение				
млн. джа	13	—	—	13
%	100,0			100,0
Машиностроение (без транспортного)				
млн. джа	8	—	—	8
%	100,0			100,0

Отрасли	Госсектор	Кооперативный сектор	Частный сектор	Всего
Транспортное машиностроение				
млн. джа	71	8	17	96
%	74,0	8,2	17,8	100,0
Производство электротоваров				
млн. джа	24	—	2	26
%	90,4		9,6	100,0
Прочие (мастерские, доки)				
млн. джа	53	1	81	135
%	39,5	0,7	59,8	100,0
Всего				
млн. джа	2450	124	2909	5484
% [4]	44,7	2,3	53,0	100,0

Источники: [91, 20; 97, кн. 1, 82].

Примечания:

[1] Абсолютные данные округлены и при суммировании могут не совпадать с итоговыми показателями.

[2] Классификация отраслей в 1964/65 г. была менее дробной, чем в 1971/72 г., не выделялся кооперативный сектор, который в целом по обрабатывающей промышленности составлял весьма небольшую долю, как и в 1971/72 г. (ср. с данными прил. 52). Однако примерное сравнение положения на оба хозяйственных года вполне возможно.

[3] Цифры, приводимые в источнике на 1964/65 г. по этим отраслям, вызывают сомнение. Следующий ежегодный отчет [92, 21] дает для госсектора 1773 млн. джа и для частного сектора 822 млн. джа. Но и эти данные представляются завышением доли госсектора и занижением доли частного сектора.

[4] См. прим. 2 к прил. 53.

55. Среднегодовые темпы прироста валового национального продукта Бирмы в 1948/49—1973/74 гг. по отраслям хозяйства [1]

Отрасли	1948/49—1960/61 гг. (13 лет)[2]	1961/62—1973/74 гг. (13 лет)[3]	1951/52—1960/61 гг. (10 лет)[2]	1964/65—1973/74 гг. (10 лет)[3]	Распределение прироста ВНП [1961/62—1973/74 гг. (13 лет)=100]	
					1961/62—1964/65 гг.	1964/65—1973/74 гг.
Производство	4,5	3,3	4,6	2,00	48,8	51,2
Земледелие	1,7	3,4	1,7	1,55	60,2	39,8
Животноводство и рыболовство	2,45	5,5	2,9	3,95	37,8	62,2
Лесное хозяйство	3,3	0,85	2,95	0,3	73,6	26,4
Добывающая промышленность	12,4	1,2	6,7	1,9	Падение	

Отрасли	1948/49—1960/61 гг. (13 лет)[2]	1961/62—1973/74 гг. (13 лет)[3]	1951/52—1960/61 гг. (10 лет)[2]	1964/65—1973/74 гг. (10 лет)[3]	Распределение прироста ВНП 1961/62—1973/74 гг. (13 лет)=100	
					1961/62—1964/65 гг.	1964/65—1973/74 гг.
Обрабатывающая промышленность[4]	12,55	2,55	14,45	1,9	40,3	59,7
Энергетика	26,65[5]	6,15	21,25[5]	9,8	Падение	
Строительство	11,0	2,05	3,95	2,6	5,0	95,0
Услуги	5,8	4,0	5,5	3,9	22,3	77,7
Транспорт	7,3	1,9	6,1	1,05	56,0	44,0
Связь	—	3,55	-	2,95	33,3	66,7
Финансы[6]	21,7	4,85	15,0	2,7	50,9	49,1
Социальные услуги и управление[7]	9,25	6,05	8,55	6,6	13,4	86,6
Аренда и пр.[8]	2,25	3,05	2,25	3,15	19,7	80,3
Торговля	7,7	1,5	4,7	1,05	45,0	55,0
Итого ВНП	5,55	2,95	4,8	2,2	40,0	60,0

Составлено и рассчитано по: [81, 1964, 4; 48, 20—21].

Примечания:

1 Вычислены на основе средней геометрической (сложных процентов).

2 Данные за период 1948/49—1960/61 гг. и внутри его — по валовому внутреннему продукту (gross domestic product) в ценах 1961/62 г.

3 Данные за период 1961/62—1973/74 гг. и внутри его — по валовому национальному продукту (net output) в ценах 1969/70 г.

4 В 1961/62—1973/74 гг. — «перерабатывающая и обрабатывающая промышленность».

5 Высокие темпы здесь — результат особо низкого исходного уровня.

6 В 1948/49—1960/61 гг. — «банки и страховые компании».

7 В 1948/49—1960/61 гг. — только «общее управление» без услуг.

8 В 1948/49—1960/61 гг. — «услуги и аренда».

56. Динамика населения Бирмы и валового национального продукта в 60—70-е годы (1964/65 г.=100)

	Население	Продукт		Население	Продукт
1961/62 г.	94	86	1968/69 г.	109	104
1962/63 г.	96	97	1969/70 г.	112	110
1963/64 г.	98	91	1970/71 г.	114	114
1964/65 г.	100	100	1971/72 г.	117	117
1965/66 г.	102	96	1972/73 г.	119	116
1966/67 г.	104	92	1973/74 г.	122	122
1967/68 г.	107	101	1974/75 г. (предварит.)	125	126

Источник: [97а, табл. 8].

57. Динамика предприятий обрабатывающей промышленности Бирмы в государственном, кооперативном и частном секторах в 1966/67—1974/75 гг. [1]

Год	Государственный сектор				Кооперативный сектор	Частный сектор[2]			Итого[2]
	действующие предприятия	строящиеся	национализированные вновь	всего		находящиеся под госпадзором	„чистые" частные	всего	
1966/67	887	86	—	973	...	88	16511	16599	17486[3]
1967/68	934	121	—	1055	...	92	15516	15608	16542[3]
1968/69	1154	48	238	1440	...	41	16146	16187	17579[3]
1969/70	1394	48	—	1442	20	46	15169	15215	16629[3]
1970/71	1397	50	—	1447	46	70	14463	14533	15976[3]
1971/72	1383	44	59	1486	159	37	14246	14283	15825[3]
1972/73	1475	24	—	1499	305	28	26920	26948	28728[4]
1973/74	1458	18	—	1476	305	28	27393	27421	29184[4]
1974/75	1461	21	—	1482	299	35	27223	27258	29018[4]

Источники: [95, 196, 208; 44, 218, 227; 97, кн. 1, 77, 96; кн. 2, 202, 210; 47, 103, 105; 97а, 73, 74].

Примечания:

[1] Данные собраны из серийного источника, но, за исключением 1968/69—1971/72 гг., сами не являются строго серийными. Общие данные (правая колонка) являются иногда итоговой цифрой источника, иногда результатом суммирования автором имеющихся данных по секторам. Цифры разных лет за один и тот же год нередко расходятся. Поэтому автор стремился брать данные по последнему имеющемуся источнику и при этом использовал, за исключением 1968/69 г., один и тот же источник для всех секторов. На 1968/69 г. источником по госсектору была статистика 1972/73 г., по другим секторам — статистика 1970/71 г. В источниках кооперативные предприятия обычно даются вместе с частным сектором. Здесь они по возможности выделены.

[2] Большое увеличение числа частных (а следовательно, и всех) предприятий с 1972/73 г. произошло в результате резкого расширения учета мелких частных ткацких предприятий (в основном ручных). В 1972/73—1974/75 гг. в регистрационных списках по графе «текстильная промышленность» значилось свыше 13 тыс. таких предприятий вместо примерно 670 в 1970/71 и 1971/72 гг. (см., например, прил. 60).

[3] Суммированные автором данные (без строящихся предприятий).

[4] Данные источников (без строящихся предприятий).

58. Предприятия обрабатывающей промышленности Бирмы в различных секторах собственности по числу рабочих в 1971/72 и 1974/75 гг. [1]

Число рабочих на предприятии	Госсектор		Кооперативный сектор		Частный сектор				Всего	
					Предприятия, находящиеся под госнадзором		„Чистые" частные			
	1971/72 г.	1974/75 г.	1971/72 г.	1974/75 г.	1971/72 г.	1974/75 г.	1971/72 г.	1974/75 г.	1971/72 г.	1974/75 г.
Менее 10	194	269	10	57	1	—	10630	23407[5]	10835	23733
10—50	274	514	120	158	16	26	3457	3663	3867	4361
51—100 [2]	222	267	20	28	16	7	137	129	395	431
Свыше 100	321	411	9	56	4	2	22	24	356	493
Всего	1011[3]	1461[4]	159	299	37	35	14246	27223	15453	29018

Источники: [96, кн. 1, 73; 97а, 74].

Примечания:

[1] Данные по действующим предприятиям.

[2] В более ранних источниках серии указанная группа предприятий часто обозначалась «50—100 рабочих».

[3] Включая 197 электростанций, но исключая 318 мастерских и доков (ср. прил. 59). Поэтому данные 1971/72 г. здесь отличаются от данных того же года в прил. 57 и 59.

[4] Включая 320 электростанций и 312 мастерских и доков.

[5] Об увеличении числа предприятий с 1972/73 г. в результате расширения учета см. прим. 2 к прил. 57, а также прил. 60, 62, 63.

59. Отраслевая структура предприятий обрабатывающей промышленности в госсекторе Бирмы в 1971/72 и 1974/75 гг.

Отрасли	Существующие предприятия		Строящиеся предприятия		Всего	
	1971/72 г.	1974/75 г.	1971/72 г.	1974/75 г.	1971/72 г.	1974/75 г.
Пищевая, табачная промышленность	170	164	7	4	177	168
Текстильная, швейная, обувная	63	63	4	1	67	64
Промышленность стройматериалов, мебельная	109	110	2	3	111	113
Производство предметов личного и домашнего обихода	28	15	1	1	29	16

Отрасли	Существующие предприятия		Строящиеся предприятия		Всего	
	1971/72 г.	1974/75 г.	1971/72 г.	1974/75 г.	1971/72 г.	1974/75 г.
Производство бытовых и хозяйственных товаров	10	9	1	2	11	11
Полиграфическая промышленность	27	27	—	—	27	27
Производство промышленного сырья (джут, сода, каучук)	371	406	2	3	373	409
Металлургия, нефтепереработка	19	18	-	—	19	18
Сельскохозяйственное машиностроение	3	4	2		5	4
Машиностроение (без транспортного)	7	6	-		7	6
Транспортное машиностроение	4	4	-		4	4
Другая промышленность	3	3		—	3	3
Электроэнергетика	310	320	-	1	310	321
Прочие отрасли (мастерские, доки)	318	312	25	6	343	318
Всего	1442[1]	1461	44	21	1486	1482

Источники: [96, кн. 1, 72; 97а, 73].

Примечание:
[1] Включая вновь национализированные предприятия.

60. Отраслевая структура предприятий обрабатывающей промышленности в частном и кооперативном секторах Бирмы в 1968/69 и 1974/75 гг. [1]

Отрасли	Год	Частные предприятия, находящиеся под госнадзором	„Чистые" частные предприятия	Кооперативные	Всего
Пищевая промышленность	1968/69	5	8813	—	8818
	1974/75	15	7981	134	8130
Текстильная	1968/69	14	664	—	678
	1974/75	11	12837[2]	163	13011
Металлообрабатывающая	1968/69		2347	—	2347
	1974/75	—	1977	1	1978

Отрасли	Год	Частные предприятия, находящиеся под госнадзором	„Чистые" частные предприятия	Кооперативные	Всего
Керамическая	1968/69	1	174	—	175
	1974/75	—	975	—	975
Химическая	1968/69	9	423	—	432
	1974/75	—	242	—	242
Прочие	1968/69	12	1627	—	1639
	1974/75	9	1497	1	1507
«Домашняя промышленность»	1968/69	—	2098	—	2098
	1974/75	—	1714		1714
Всего . . .	1968/69	41	16146	—	16187
	1974/75	35	27223	229	27557

Источники: [45, 227; 97а, 74].

Примечания:

[1] В бирманских источниках кооперативные предприятия обычно даются вместе с частным сектором и в его составе.

[2] Об увеличении числа предприятий с 1972/73 г. в результате расширения учета см. прим. 2 к прил. 57 (ср. прил. 58, 62, 63).

61. Отраслевая структура предприятий обрабатывающей промышленности в государственном и частном секторах Бирмы в 1971/72 г. по числу рабочих [1]

Отрасли	Менее 10 рабочих		10—50		51—100		Свыше 100		Всего	
	госуд.	частн.	госуд.	частн.	госуд.	частн.	госуд.	частн.	госуд.	частн.
Пищевая промышленность .	27	4443	175	2851	153	64	129	7	484	7365
Текстильная . .	8	392	15	223	26	34	46	12	95	661
Керамическая . .	-	352	-	35	2	16	9	2	11	405
Машиностроение (включая ремонт)	-	2023	1	56		-	20		21	2079
Металлообрабатывающая промышленность .	—	266	5	40			10	-	15	306
Химическая . . .	—	357	15	30	1	4	21	1	37	392
Прочие	1	1348	27	207	40	19	82	—	150	1574
«Домашняя промышленность» .	—	1449	—	15	—	-	—		—	1464

Отрасли	Менее 10 рабочих		10—50		51—100		Свыше 100		Всего	
	госуд.	частн.	госуд.	частн.	госуд.	частн.	госуд.	частн.	госуд.	частн.
Бумажная и родственные ей	—	—	—	—	—	—	1		1	—
Электроэнергетика	158	—	36	—	—	—	3	—	197	—
Всего	194	10630	274	3457	222	137	321	22	1011[2]	14246

Источник: [96, кн. 2, 211].

Примечания:

[1] В таблице опущены данные источника о кооперативных предприятиях и частных предприятиях, находящихся под госнадзором. Из 159 кооперативных предприятий, имевшихся в обрабатывающей промышленности Бирмы в 1971/72 г., 120 принадлежали к группе предприятий с 10—50 рабочими (причем 104 из 120 составляли предприятия пищевой промышленности); 20 — к группе предприятий с 51—100 рабочими (10—керамические и 7—пищевые). Из 37 поднадзорных частных предприятий 16 принадлежали к группе предприятий с 10—50 рабочими (9—«прочие», 4—пищевые и 3—текстильные); 16— к группе предприятий с 51—100 рабочими (9—пищевые, 4—«прочие» и 3—текстильные).

[2] Исключая 318 мастерских и доков.

62. Динамика предприятий обрабатывающей промышленности Бирмы в 1968/69—1974/75 гг. по числу рабочих

Число рабочих на предприятии	1968/69 г.[1]	1969/70 г.[1]	1971/72 г.[1]	1972/73 г.[2]	1973/74 г.[2]	1974/75 г.[2]	Индексы (1968/69 г. = 100)[3]	
							1971/72 г.	1974/75 г.
Менее 10	10976	11463	10835	14535	14976	23733	98,7	216,2
10—50	5436	3975	3867	13124	13155	4361	71,1	80,2
51—100	413	410	395	657	644	431	95,6	104,3
Свыше 100	340	359	356	412	409	493	104,7	145,0
Всего	17165	16207	15453	28728	29184	29018	90,0	169,1
В том числе предприятий с 10 и более рабочими	6189	4744	4618	14193	14208	5285	74,6	85,4

Источники: [44, 71; 45, кн. 1, 108; 96, кн. 2, 211; 97, кн. 1, 78; 47, 106; 97а, 74].

Примечания:

[1] Как следует из примечаний источников, в разбивку предприятий по числу рабочих в эти годы не включен ряд госпредприятий (ср. прил. 57).

[2] Об увеличении числа предприятий с 1972/73 г. в результате расширения учета см. прим. 2 к прил. 57 (см. также прил. 58, 60, 63).

[3] Индексы вычислены.

63. Динамика предприятий обрабатывающей промышленности в частном секторе Бирмы в 1966/67—1974/75 гг. по числу рабочих [1]

Число рабочих на предприятии	Число предприятий									Индексы (1966/67=100 [4])	
	1966/67 г.	1967/68 г. [2]	1968/69 г.	1969/70 г.	1970/71 г. [2]	1971/72 г.	1972/73 г. [3]	1973/74 г. [3]	1974/75 г. [3]	1971/72 г.	1974/75 г.
Менее 10	10378		10785	11275		10630	14131	14569	23407	102,4	255,5
10—50	5524		5176	3695		3157	12444	12482	3663	62,6	66,3
51—100	441		162	167		137	332	329	129	31,1	29,2
Свыше 100	256		23	32		22	13	13	24	8,6	9,4
Всего	16599	15516	16146	15169	14463	14246	26920	27393	27223	85,8	164,0
В том числе предприятий с 10 и более рабочими	6221		5361	3894		3616	12789	12824	3816	58,1	61,3

Источники: [44, 71; 45, кн. 1, 108; 96, кн. 2, 211; 97, кн. 1, 78; 47, 106; 97а, 74].

Примечания:

[1] Данные по «чистым» частным предприятиям (без поднадзорных и кооперативных), кроме 1966/67 г., по которому нет расчлененных данных.

[2] По этим годам соответствующими данными автор не располагает.

[3] Об увеличении числа предприятий в результате расширения учета см. прим. 2 к прил. 57 (см. также прил. 58, 60, 62).

[4] Индексы вычислены.

64. Динамика рабочей силы (экономически активного населения) Бирмы в 1964/65—1974/75 гг. по отраслям хозяйства[1], тыс. человек и %

Отрасли	1964/65 г.[2]	1967/68 г.	1968/69 г.	1970/71 г.	1971/72 г.	1972/73 г.	1973/74 г.	1974/75 г.	Прирост (+) или уменьшение (—) за 11 лет (1964/65—1974/75), тыс.	Прирост (+) или уменьшение (—) за 11 лет (1964/65—1974/75), %	Доля отрасли в чистом приросте занятых за 11 лет (1964/65—1974/75)[3], %
Земледелие	6408	6800[4]	7078[4]	7273	7393	7565	7716	7832	+1423	+22,2	64,8
% всех занятых	64,8	65,1	66,0	66,0	66,0	66,3	66,3	66,7			
Животноводство и рыболовство	147	151	168	147	148	149	152	155	+ 7	+ 5,0	0,3
%	1,5	1,4	1,4	1,3	1,3	1,3	1,3	1,3			
Лесное хозяйство	30	80	102	118	123	145	148	150	121	+405,7	5,5
%	0,3	0,8	0,9	1,1	1,1	1,3	1,3	1,3			
Добывающая промышленность	51	54	30	27	39	51	61	62	11	21,2	0,5
%	0,5	0,5	0,3	0,2	0,4	0,4	0,5	0,5			
Обрабатывающая промышленность	727	768	775	763	776	805	829	848	121	16,7	5,5
%	7,3	7,3	7,2	7,0	6,9	7,0	7,1	7,2			
Энергетика	13	10	13	14	20	12	14	14	1	+ 5,9	0,04
%	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1			
Строительство	109	110	99	181	194	181	174	176	+ 67	+ 61,7	3,0
%	1,1	1,0	0,9	1,7	1,7	1,6	1,5	1,5			
Транспорт и связь	294	313	340	370	382	392	406	410	+ 116	+ 39,4	5,3
%	3,0	3,0	3,2	3,4	3,4	3,4	3,5	3,5			

Отрасли	1964/65 г.[2]	1967/68 г.	1968/69 г.	1970/71 г.	1971/72 г.	1972/73 г.	1973/74 г.	1974/75 г.	Прирост (+) или уменьшение (—) за 11 лет (1964/65—1974/75)		Доля отрасли в чистом приросте занятых за 11 лет (1964/65—1974/75)[3], %
									тыс.	%	
Социальные услуги	501[5]	174	134	141	142	167	203	206			
%	5,1[5]	1,7	1,3	1,3	1,3	1,5	1,7	1,8	+ 16	+ 3,3	0,7
Управление		289	325	335	346	280	306	311			
%		2,8	3,0	3,1	3,1	2,5	2,6	2,6			
Торговля и финансы	734	853	956	977	1010	1015	1034	1048	+ 314	+ 42,7	14,3
%	7,4	8,2	8,9	8,9	9,0	8,9	8,9	8,9			
Не распределено по отраслям (случайные работники)	880	847	705	576	634	653	591	537	— 343	— 39,0	Абсолютное падение
%	8,9	8,1	6,6	5,3	5,7	5,7	5,1	4,6			
Всего	9894	10449	10725	10923	11207	11416	11631	11749	+1854	+18,7	100,0
%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0			
Население страны[6]	24218	25867	26444	27637	28262	28886	29521	30170	+5952	+24,6	

Источники: [91—97а; 44—48 (соответствующие таблицы)].

Примечания:

[1] Абсолютные цифры, являющиеся официальными оценками, округлены до тысячи и при сложении могут несколько расходиться с итоговыми показателями по горизонтали и вертикали. Процент вычислен по полным данным.

[2] Первый год, по которому были даны оценки структуры рабочей силы (экономически активного населения) Бирмы после оценок 1953/54 г., сделанных неофициально, на основе соответствующих частичных переписей населения.

[3] За 100% здесь принят прирост занятых (без отраслей, показавших падение), равный 2197 тыс. человек.

[4] Здесь, включая 1500 тыс. «временных сельскохозяйственных рабочих на рисовых полях», которых источник только по этим годам выделяет в особую графу. В 1967/68 г. они составляли 14,4% всей рабочей силы, в 1968/69 г. — 14,0%.

[5] Вместе с управлением. Сумма граф «государственные услуги» и «другие услуги» вместо приводимых в источниках для других лет раздельных данных. «Государственные услуги» в 1964/65 г. занимали 337 тыс. человек.

[6] Последние пересмотренные официальные данные (после переписи 1973 г.).

65. Структура рабочей силы (экономически активного населения) Бирмы в 1967/68 и 1971/72 гг. по отраслям хозяйства, секторам собственности и квалификации[1], тыс. человек

Отрасли	Работники государственного сектора							Работники частного сектора	Итого
	с университетским образованием	с техническим образованием	квалифицированные	полуквалифицированные	неквалифицированные	временные (непостоянные)	всего		
1967/68 г.									
Земледелие	0,7	0,7	2,8	11,3	5,5	8,9	30,0	6770,0[2]	6800,0[2]
Животноводство и рыболовство	0,1	0,4	0,7	0,1	0,5	1,1	3,0	148,0	151,0
Лесное хозяйство	0,3	0,9	3,3	5,3	1,6	41,5	53,0	27,0	80,0
Добывающая промышленность	0,6	0,4	1,4	2,8	5,8	6,0	17,0	37,0	54,0
Обрабатывающая промышленность	1,6	6,1	16,5	11,1	19,2	7,9	62,4	705,6	768,0
Энергетика	0,4	0,5	1,1	0,8	6,8	0,4	10,0	—	10,0
Строительство	0,6	3,5	29,0	0,3	1,1	33,9	68,4	41,6	110,0
Транспорт и связь	1,0	10,5	22,4	7,4	27,8	4,6	73,8	239,2	313,0
Социальные услуги	12,9	59,8	8,1	0,9	12,0	0,4	94,2	80,0	174,2
Управление	8,5	15,0	140,0	75,0	40,0	10,2	288,7	—	288,7
Торговля	...			...		...	82,7	770,0	852,7
Не распределено по отраслям (случайные работники)	—	—	—	—	—	—	—	847,4	847,4
Всего	26,7	97,9	225,4	115,1	120,4	115,0	783,2	9665,8	10449,0

Отрасли	Работники государственного сектора							Работники частного сектора	Итого.
	с университетским образованием	с техническим образованием	квалифицированные	полуквалифицированные	неквалифицированные	временные (непостоянные)	всего		
1971/72 г.									
Земледелие	1,2	1,4	19,8	12,5	16,3	12,4	63,6	7329,7	7393,4
Животноводство и рыболовство	0,3	0,8	1,3	1,8	1,1	—	5,4	143,0	148,4
Лесное хозяйство	0,3	0,8	3,2	3,6	75,1	—	83,0	40,1	123,1
Добывающая промышленность	1,8	0,7	5,9	13,7	14,5	0,1	36,7	1,8	38,5
Обрабатывающая промышленность	3,6	1,9	15,3	33,3	33,4	7,4	95,0	681,3	776,3
Энергетика	1,3	0,6	4,6	3,1	10,3		19,8	—	19,8
Строительство	0,8	8,1	29,9	3,4	43,1	65,1	150,3	43,6	193,9
Транспорт и связь	0,6	0,1	14,1	11,1	54,7	19,8	100,4	281,2	381,6
Социальные услуги	16,9	15,4	88,9	2,7	18,4		142,3		142,3
Управление	10,4	8,4	129,4	83,4	114,0		345,6		345,7
Торговля	5,2	0,1	45,8	40,7	19,1		111,0	898,7	1009,7
Не распределено по отраслям (случайные работники) . .					—			633,9	633,9
Всего	42,8	38,3	358,2	209,3	400,0	104,8	1153,3	10053,4	11206,7

Источники: [96, кн. 1, 6, 7; 46, кн. 1, 14—15].

Примечания:

[1] Официальные оценки. Данные округлены до тысячи и при сложении могут несколько расходиться с итоговыми показателями по горизонтали и вертикали. Здесь частный сектор включает кооперацию.

[2] Здесь включая 1500 тыс. «временных сельскохозяйственных рабочих на рисовых полях», выделенных на данный год источником в отдельную графу.

66. *Структура и доля занятых в государственном и частном секторах Бирмы (включая кооперативы) в 1967/68—1974/75 гг. по отраслям хозяйства*[1]

Отрасли	Число занятых, тыс.					Структура занятых, %		Доля занятых в данном секторе отрасли от всех занятых в отрасли, %	
	1967/68 г.	1970/71 г.	1971/72 г.	1973/74 г.	1974/75 г.	1967/68 г.	1974/75 г.	1967/68 г.	1974/75 г.
Государственный сектор									
Земледелие	30,0	64,1	63,6	107,9	109,5	3,8	9,1	0,6	1,4
Животноводство и рыболовство	3,0	4,5	5,4	4,1	4,8	0,4	0,4	2,0	3,1
Лесное хозяйство	53,0	78,9	83,0	74,4	74,4	6,8	6,2	66,3	49,5
Добывающая промышленность	17,0	25,2	36,7	59,2	60,1	2,2	5,0	31,5	96,7
Обрабатывающая промышленность	62,4	81,5	95,0	134,0	142,0	8,0	11,8	8,1	16,7
Энергетика	10,0	13,8	19,8	13,9	13,9	1,3	1,2	100,0	100,0
Строительство	68,4	138,3	150,3	129,3	130,3	8,7	10,8	62,2	74,2
Транспорт и связь	73,8	95,7	100,4	113,3	113,3	9,4	9,4	23,6	27,6
Социальные услуги	94,2	141,3	142,4	166,3	168,7	12,0	14,0	54,1	81,8
Управление	288,7	335,1	345,7	283,9	288,4	36,9	23,9	100,0	92,7
Торговля	82,7	99,6	111,0	99,1	99,1	10,5	8,2	9,7	9,5
Всего	783,2	1078,0	1153,3	1185,4	1204,5	100,0	100,0	7,5	10,3

Отрасли	Число занятых, тыс.					Структура занятых, %		Доля занятых в данном секторе отрасли от всех занятых в отрасли, %	
	1967/68 г.	1970/71 г.	1971/72 г.	1973/74 г.	1974/75 г.	1967/68 г.	1974/75 г.	1967/68 г.	1974/75 г.
Частный сектор (включая кооперативы)									
Земледелие	6770,0[2]	7208,6	7329,7	7608,2	7722,3	70,0[2]	73,3	99,4	98,6
Животноводство и рыболовство	148,0	143,0	143,0	147,5	149,8	1,5	1,4	98,0	96,9
Лесное хозяйство	27,0	39,2	40,1	73,4	75,9	0,3	0,7	33,7	50,5
Добывающая промышленность	37,0	1,8	1,8	1,9	1,9	0,4	0,02	68,5	3,1
Обрабатывающая промышленность	705,6	681,3	681,3	695,4	705,8	7,3	6,7	91,9	83,3
Энергетика	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Строительство	41,6	42,6	43,7	44,5	45,2	0,4	0,4	37,8	25,8
Транспорт и связь	239,2	274,6	281,2	292,6	296,9	2,5	2,8	76,4	72,4
Социальные услуги	80,0		—	37,0	37,6	0,8	0,4	45,9	18,2
Управление	—	—	—	22,3	22,6	—	0,2	—	7,3
Торговля	770,0	877,7	898,7	935,0	949,1	8,0	9,0	90,3	90,5
Не распределено по отраслям (случайные работники)	847,4	576,3	633,9	590,7	537,1	8,8	5,1	100,0	—
Всего	9665,8	9845,1	10053,4	10448,5	10544,2	100,0	100,0	92,5	89,7

Источники: [91—97а; 44—48 (соответствующие таблицы)].

Примечания:

[1] Абсолютные данные округлены. Проценты вычислены.

[2] С учетом «временных сельскохозяйственных рабочих на рисовых полях», идущих в 1967/68 г. отдельной графой.

67. Формирование рабочих советов в Бирме в 1967—1976 гг. (по неполным данным печати) [1]

Дата	Первичные рабочие советы		Районные рабочие советы				Центральный рабочий совет, число членов	Общее число рабочих и служащих, охваченных рабочими советами	Общее число предприятий и учреждений, охваченных рабочими советами
	число организаций	число членов руководящих органов	число организаций	из них: советов	из них: оргкомитетов	число членов руководящих органов			
1967, май	...	22437	49	...	...	3221	...	448876	...
1968, апрель	2195	58167	224	162	62	8395	471	1328551	11722
1968, сентябрь — октябрь	...	...	250	180	70	...	530	1456072	...
1969, май	2400	...	...	180	...	...	...	...	12794
1970, ноябрь	2425	...	252	180	72	...	...	...	...
1971, 1-я половина года	2526	66713	254	184	70	9629	542	...	13882
1971, ноябрь	2576	...	262	194	68	...	560	1513497	14053
1972, конец года	2747	...	271	198	73	...	...	1512000	14297
1974, декабрь	...	...	...	...	...	...	...	Свыше 1500000	...
1976, май	3231	...	...	...	...	...	642	1518000	...

Источники: [373, 19.VII.1967; 28.IV.1968; 29.IV.1968; 22.X.1968; 28.VI.1971 (прил.); 19.XI.1971; 2.III.1972 (прил.); 365, 3.XII.1974; 369, 3.V.1976].

Примечание:

[1] Хотя в таблице немало пропусков, вызванных отсутствием данных, по любой из неполных колонок можно уловить тенденцию развития и даже приблизительно представить себе отсутствующий показатель.

68. Рост рядов Партии бирманской социалистической программы в 1963—1977 гг.

Дата учета или источника	Подавшие заявления о приеме в ПБСП	Члены партии	Кандидаты	Всего членов и кандидатов[1]	Сочувствующие („друзья партии")
1963, середина года	150000				150000
1963, октябрь	...	7			...
1964	400000	27	40000	Свыше 40000	150000
1965, сентябрь	681906	20	99638	Около 99660	167447
1966, сентябрь	812611	...	185947	Около 185970	...
1969, ноябрь	985519	20	257643	Около 257660	728856
1970, июль	...	849	295471	296320	734167
1970, сентябрь	...	1125	...	...	...
1970, октябрь	...	6400	...	...	...
1970, декабрь	...	Свыше 18000	...	...	...
1971, январь	...	Свыше 55000	...	...	...
1971, май	1423211	73593	329517	403110	1093694
1971, июнь, 1-й съезд	1097359[2]	73369	260857	334226	763133
1972, июнь	...	79405	292792	372197	798765
1973, октябрь, 2-й съезд	...	107770	416180	523950[3]	825188
1974, июль[4]	...	...	...	578742	...
1975, май	...	101235[5]	520568[6]	621803[7]	...
1977, февраль, 3-й съезд	...	181617	703843	885460	861600

Источники: [59, 170; 369, 4.X.1963, 23.II.1977; 373, 5.V.1964, 19.XI.1966, 8.XI.1969, 4.IX.1970, 28.VI.1971 (прил.); 363, 1.VI.1971; 355, 1.VII.1971, 6; 159, 148; 364, 23.X.1973; 351, 1974, № 7; 364, 1.IX.1975; 365, II.1977].

Примечания:

[1] Эта колонка данных по 1970 г. представляет собой просто округленные автором суммы чисел членов и кандидатов партии. Официальные данные об общем числе членов и кандидатов вместе появились лишь начиная с 1-го съезда в 1971 г., поскольку вплоть до 1970 г. почти все входившие в состав ПБСП были кандидатами.

[2] Членов партии, кандидатов и сочувствующих («друзей партии»).

[3] Включая 57 900 членов и кандидатов, утративших, согласно источнику, связи с партией (раздельных данных о них нет).

[4] Перед чрезвычайным съездом партии в августе 1974 г.

[5] Только среди гражданских лиц, включая 8667 человек, утративших связи с партией.

[6] Включая 35 572 человека, утративших связи с партией.

[7] Результат суммирования автором.

69. Социально-профессиональный состав Партии бирманской социалистической программы в 1965—1971 гг. [1]

Социально-профессиональная группа	Численность					Удельный вес (%)				
	1965 г.[2]	1966 г.	1971 г.			1965 г.[2]	1966 г.	1971 г.		
	кандидатов	кандидатов	кандидатов	членов партии	всего	кандидатов	кандидатов	кандидатов	членов партии	всего
Крестьяне		15383	43553	8207	51760		8,3	16,7	11,2	15,5
Рабочие	34638	91999	123098	20316	143414	34,8	49,5	47,2	27,7	42,9
Народная милиция		2875	4644	308	4952		1,5	1,8	0,4	1,5
Военнослужащие	65000	54028	63537	42359	105896	65,2	29,0	24,3	57,7	31,7
Другие		21662	26025	2179	28204		11,7	10,0	3,0	8,4
Всего	99638	185947	260857	73369	334226	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источники: [159, 148; 373, 19.XI.1966; 59, 170].

Примечания:

[1] Абсолютные данные по источникам, процент вычислен.

[2] В источнике сведения за этот год только об общем числе кандидатов и о числе военнослужащих среди них. «Другие» учтены вместе с первыми тремя группами.

70. Статистика бирж труда в Бирме в 1961/62—1972/73 гг. [1]

	Биржа труда	Зарегистрированные безработные, тыс,	Трудоустроенные, тыс.
1961/62 г.	11	150,7	33,1
1962/63 г.	11	173,7	21,3
1963/64 г.	11	252,4	32,3
1964/65 г.	14	199,2	35,9
1965/66 г.	16	209,5	32,3
1966/67 г.	16	216,4	36,8
1967/68 г.	16	193,5	34,7
1968/69 г.	38	192,4	33,4
1969/70 г.	43	215,4	37,3
1970/71 г.	53	246,8	47,6
1971/72 г.	53	292,8	49,4
1972/73 г.	59	320,1	43,1

Источники: [100, 19; 95, 141; 44, 150; 96, кн. 1, 151; кн. 2, 224; 97, кн. 1, 176; 97а, 141].

Примечание:

1 Данные скорректированы по последним из имевшихся у автора источникам. Цифры округлены.

71. Число рабочих и служащих Бирмы, охваченных системой социального страхования в 1961/62—1974/75 гг. (по последним данным статистики) [1]

	Рабочие и служащие[2], тыс.		Рабочие и служащие[2], тыс.
1961/62 г.	135	1968/69 г.	186
1962/63 г.	141	1969/70 г.	193
1963/64 г.	160	1970/71 г.	206
1964/65 г.	167	1971/72 г.	218
1965/66 г.	178	1972/73 г.	222
1966/67 г.	182	1973/74 г.	231
1967/68 г.	185	1974/75 г.	251

Источники: [96, 152; 47, 226; 97, 178; 48, 189].

Примечания:

1 По системе учета, введенной с 1969/70 г. и пересмотревшей прежние показатели (см. прил. 50). В 1961/62 г. системой социального страхования были охвачены 6 городов страны, к 1975 г. — 17. С 1 января 1970 г. стали учитываться предприятия с числом работников 5 и более.

2 Указанные источники в отличие от предыдуших не дают параллельных сведений о числе предприятий и учреждений (см. прил. 72).

72. Предприятия и учреждения Бирмы и занятые на них рабочие и служащие, охваченные системой социального страхования, по секторам собственности в 1970/71—1974/75 гг. (по неполным данным печати)[1]

Год	Госсектор		Кооперативный сектор		Частный сектор		Всего	
	предприятия и учреждения	рабочие и служащие, тыс.	предприятия и учреждения	рабочие и служащие, тыс.	предприятия и учреждения	рабочие и служащие, тыс.	предприятия и учреждения	рабочие и служащие, тыс.
1970/71	...	...	...	...	...	...	5896	262,1
1971/72	658	187,1	24	2,0	5399	69,6	6081	288,8
1973/74	...	...	...	...	...	...	7451	369,5
1974/75	...	265,6	...	15,7	...	131,4	...	412,7

Источники: [373, 18.II.1971, 26.II.1972; 363, 17.III.1974; 364, 23.XI. 1975].

Примечание:

[1] Данные о числе работников округлены. В сравнении с ежегодными официальными итоговыми данными о числе работников, охваченных социальным страхованием (ср. прил. 71), приводимые в этой таблице цифры значительно больше. Это объясняется, возможно, тем, что здесь речь идет о всех предприятиях и учреждениях, подлежащих законодательству о социальном страховании, а не только о тех, где оно уже фактически действует.

73. Число предприятий и учреждений Бирмы и занятых на них рабочих и служащих, охваченных системой социального страхования, по городам в 1963 и 1971 гг.

Город	1963 г.[1]		1971 г.[2]	
	предприятия и учреждения	рабочие и служащие, тыс.	предприятия и учреждения	рабочие и служащие, тыс.
Рангун	2258	292,7	2284	186,4
Мандалай	353	28,6	1541	32,1
Бассейн	95	8,1	290	8,6
Моламьяйн (Моулмейн)	174	10,7	297	10,9
Пегу	128	6,4	333	9,8
Моунъюа	108	5,9	615	10,0
Хинтада (Хензада)	—	—	283	7,4
Мьинджан	—	—	296	4,8
Всего	3116	352,4[3]	5939	270,0

Источники: [352, октябрь 1963, 4, 9, 14, 19; 373, 13.VI.1971].

Примечания:

[1] Данные на конец августа, из официальных источников. Поскольку данные текущие, они несколько расходятся (здесь — по числу работников) с регулярными официальными данными за полный год (см. прил. 50 за 1962/63 г.).

[2] Данные на конец марта, из газет. Имеются более поздние данные официальной статистики 1972/73 г. по 17 городам. Кроме упомянутых городов в ней названы также города Ситуэ (Акьяб), Пьи (Пром), Мейтхила, Пьинмана, Таунджи, Пакхоуку, Сикайн (Сагайн), Мьянаун, Таунгу. Число застрахованных работников в каждом из них — 3—4 тыс. Однако эти данные 1972/73 г. — без соответствующих данных о числе предприятий. См. также прим. к прил. 72.

[3] Сумма подсчитана.

74. Группировка предприятий и учреждений Бирмы, охваченных системой социального страхования, по числу занятых на них рабочих и служащих в 1955/56 — 1962/63 гг.

Число занятых на предприятии или в учреждении	По стране в целом				Отдельно по городам на 31 августа 1963 г.[1]						
	1955/56 г.	1958/59 г.	1959/60 г.	1962/63 г.	Рангун	Мандалай	Бассейн	Моламьяйн (Моулмейн)	Пегу	Моунъюа	Всего
10— 25	556	972	1468	2123	1546	255	52	110	85	57	2105
26— 50	187	286	437	555	390	48	26	34	26	32	556
51— 75	58	108	163	192	127	24	9	13	9	11	193
76— 100	32	47	66	84	59	10	3	6	1	5	84
101— 125	21	22	33	37	29	1	1	3	2	1	37
126— 150	15	19	30	31	23	2 (126—175)		4	2	1	48 (126—175)
151— 175	3	8	14	18	13		2			1	
176— 200	7	7	9	12	9	2	1	1	1		14
201— 225	3	4	7	8	7						7
226— 250	3	4	5	8	6	1		1			8
251— 500	13	20	25	33	24	6		2	1		33
501— 750	5	8	11	13	9	2	1		1		13
751—1000	1	1	1	2	2						2
1001—1250	3	4	4	5	4	1					5
1251—1500	1	1	1	1	1						1
1501—1750	2	3	3	3	2	1					3
1751—2000	1	1	1	1	1		—				1
2001—3000	1	1	1	1	1						1
3001—4000			1	1	1					-	1
4001—5000		—	1	1	1						1
5001 и более	3	3	3	3	3						3
Всего . . .	915	1519	2284	3132	2258	353	95	174	128	108	3116

Источники: [115, 102; 352, октябрь 1963, 4, 9, 14, 19].

Примечание:

[1] Последние из доступных до сих пор данных в подробной разбивке. Система социального страхования в Бирме в указанное время ограничивалась названными городами. Поэтому итоговые данные по стране и по шести городам вместе являются полными. Разница в итоговых цифрах на 1962/63 г. в целом и на 31 августа 1963 г. объясняется разницей во времени учета.

75. Оценка динамики численности занятых на зарегистрированных предприятиях обрабатывающей промышленности Бирмы в 1966/67—1974/75 гг. (два варианта экстраполяции)

Год	Предприятия		Занятые, тыс.[2]			
			1-й вариант[3]		2-й вариант[4]	
	всего[1]	с 10 занятыми и более	на всех предприятиях	на предприятиях с 10 занятыми и более	на всех предприятиях	на предприятиях с 10 занятыми и более
Госсектор, кооперативный и частный секторы вместе						
1968/69	17165	6189	340—360	305	295—315	260
1969/70	16207	4744	270—290	235	255—280	220
1971/72	15453	4618	260—280	225	250—270	215
1974/75	29018	5285	330—380	260	330—380	260
Только частный сектор						
1966/67	16599	6221	335—355	305	280—300	250
1968/69	16146	5361	290—315	260	205—225	170
1969/70	15169	3894	225—245	190	165—185	130
1971/72	14246	3616	205—230	175	150—170	120
1974/75	27223	3816	255—300	185	195—240	125

Источники: [95, 209; 44, 71, 229; 45, кн. 1, 108; 96, кн. 2, 211; 48, 100].

Примечания:

[1] Данные 1968/69—1971/72 гг. по всем предприятиям не совсем полные вследствие того, что из разбивки предприятий по числу рабочих источник исключил ряд государственных (см. прил. 58, прим. 3 и прил. 61, прим. 2). Данные 1966/67 г. по частным предприятиям — с цифрами поднадзорных, данные 1968/69 — 1974/75 гг. — по «чистым» частным предприятиям.

[2] В грубом округлении (с точностью до 5 тыс.).

[3] Среднее число рабочих на предприятие с 10 рабочими и более принято за 49, как это следует из данных фабричной статистики за 1958/59—1962/63 гг.; на предприятие с 9 рабочими и менее — за 3—5, поскольку примерно около трех наемных рабочих на одно предприятие с наемным трудом приходилось по городской переписи мелкой («домашней») промышленности 1953 г. (40,6 тыс. таких рабочих на 13,1 тыс. таких предприятий), а данные о предприятиях мелкой промышленности в конце 60-х — начале 70-х годов охватывали, вероятно, более крупные по числу рабочих предприятия, чем в 1953 г. (регистрировалась, судя по всему, лишь «верхняя» часть предприятий «домашней промышленности»).

[4] Среднее число рабочих на предприятие в группах предприятий с точно определенными рамками численности рабочих принято следующее: в группе 10—50 рабочих — 30, в группе 51—100 рабочих — 75; в группе более 100 рабочих — 200 (удвоенный минимум числа рабочих на предприятие). Проверка такого рода коэффициента по материалам фабричной статистики, например, 1961/62 г. дала вполне удовлетворительные результаты. Коэффициент для предприятий мелкой промышленности взят тот же, что и в 1-м варианте.

76. Оценка динамики численности занятых на зарегистрированных частных предприятиях обрабатывающей промышленности Бирмы в 1966/67—1974/75 гг. по группам предприятий (экстраполяция)

Число рабочих на предприятии	Среднее число занятых на одно предприятие[1]	Число предприятий[2]					Число занятых, тыс.[4]				
		1966/67 г.	1968/69 г.	1969/70 г.	1971/72 г.	1974/75 г.	1966/67 г.	1968/69 г.	1969/70 г.	1971/72 г.	1974/75 г.
Менее 10	3—5	10378	10785	11275	10630	23407[3]	31—52	32—54	34—56	32—53	70—117
10—50	30	5524	5176	3695	3457	3663	166	155	111	104	110
51—100	75	441	162	167	137	129	33	12	13	10	10
Более 100	200	256	23	32	22	24	51	5	6	4	5
Всего		16599	16146	15169	14246	27223[3]	280—300	205—225	165—185	150—170	195—240
В том числе с 10 рабочими и более		6221	5361	3894	3610	3816	250	170	130	120	125

Составлено и рассчитано по: [95, 209; 45, кн. 1, 108; 96, кн. 1, 73; 48, 100].

Примечания:

[1] О коэффициентах см. прим. 3 и 4 к прил. 75.

[2] Данные по «чистым» частным предприятиям (без поднадзорных и кооперативных), кроме 1966/67 г., по которому нет расчлененных данных.

[3] Об увеличении числа предприятий после 1971/72 г. см. прим. 2 к прил. 57.

[4] В грубом округлении (по группам предприятий с точностью до 1 тыс., суммарно — до 5 тыс.).

77. Трудовые конфликты в Бирме в 1961/62—1967/68 гг.[1]

Год	Конфликты		Участники, тыс.
	всего[2]	урегулированные	
1961/62	1629	1513[2]	...
1962/63	3720	1898[3]	22,0[3]
1963/64	9380	7038[4]	87,2[4]
1964/65	11384	9759	54,9
1965/66	5256	4813	29,8
1966/67	...	4359	28,0
1967/68	...	2762	15,8
Всего в 1963/64—1965/66 гг.	26020	21610	171,9
В среднем в год в 1963/64—1965/66 гг.	8673	7203	57,3

Источники: [91, 39; 92, 44; 303, 181; 364, 28.XI.1965; 373, 28.IV.1966, 19.XI.1969].

Примечания:

[1] Использованы официальные данные, но из разных источников, публиковавших их на разной временной основе, вследствие чего некоторые данные не совсем сравнимы. В этом случае они разделяются в таблице горизонтальной чертой. По возможности использовались последние данные. Цифры участников конфликтов округлены.

[2] Имеющиеся данные ежегодных отчетов Революционного совета, в которых преобладал принцип финансового года (октябрь — сентябрь).

[3] Со 2 марта 1963 до 2 марта 1964 г.

[4] Здесь и ниже в источнике указан календарный год. В этой таблице 1964 г. приравнен к 1963/64 г., 1965 г. — к 1964/65 г. и т. д.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Работы основоположников марксизма-ленинизма[1]

1. Маркс К. Нищета философии. — Т. 4.
2. Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. — Т. 7.
3. Маркс К. Британское владычество в Индии. — Т. 9.
4. Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии. — Т. 9.
5. Маркс К. Капитал. Т. I. — Т. 23.
6. Маркс К. Капитал. Т. II. — Т. 24.
7. Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов. — Т. 46, ч. I.
8. Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. — Т. 4.
9. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. — Т. 2.
10. Энгельс Ф. Принципы коммунизма. — Т. 4.
11. Энгельс Ф. Бирма. — Т. 14.
12. Энгельс Ф. К жилищному вопросу. — Т. 18.
13. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. — Т. 19.
14. Энгельс Ф. Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.». — Т. 22.
15. Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развитие социализма от утопии к науке». — Т. 22.
16. Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Т. 1.
17. Ленин В. И. Фридрих Энгельс. — Т. 2.
18. Ленин В. И. Проект и объяснение программы социал-демократической партии. — Т. 2.
19. Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Т. 3.
20. Ленин В. И. Проект программы нашей партии. — Т. 4.
21. Ленин В. И. Учитесь у врагов. — Т. 12.
22. Ленин В. И. Революция и контрреволюция. — Т. 16.
23. Ленин В. И. Уроки революции. — Т. 19.
24. Ленин В. И. Трудовики и рабочая демократия. — Т. 21.
25. Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении. — Т. 30.
26. Ленин В. И. Привет венгерским рабочим. — Т. 38.
27. Ленин В. И. Великий почин. — Т. 39.
28. Ленин В. И. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата. — Т. 40.
29. Ленин В. И. Речь на III Всероссийском съезде профессиональных союзов 7 апреля 1920 г. — Т. 40.
30. Ленин В. И. X съезд РКП(б). — Т. 43.
31. Ленин В. И. О продовольственном налоге. — Т. 43.
32. Ленин В. И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов. — Т. 44.
33. Ленин В. И. IX Всероссийский съезд Советов. О внутренней и внешней политике республики. — Т. 44.
34. Ленин В. И. Об условиях приема новых членов в партию. — Т. 45.
35. Ленин В. И. Замечания на книгу Н. И. Бухарина: «Экономика переходного периода», май 1920 г. — «Ленинский сборник XI». М.—Л., 1931.

[1] Труды К. Маркса и Ф. Энгельса даются по второму изданию их Сочинений, В. И. Ленина (кроме п. 35) — по Полному собранию сочинений.

36. Брежнев Л. И. Решения XXIV съезда КПСС — боевая программа деятельности советских профсоюзов. М., 1972.
37. За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе. К итогам Конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин, 29—30 июня 1976 г. М., 1976.
38. Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971.
39. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.
40. Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г. М., 1969.

Источники

41. Аун Сан. Бирма бросает вызов. Статьи и речи. М., 1965.
41а. Конституция Социалистической Республики Бирманский Союз. М., 1976.
42. Не Вин. Бирма на новом пути. М., 1965.
43. Народное хозяйство СССР. 1922—1972. М., 1972.
43а. 1974 кухни алоутама схандапьяхму соунзайе комишин асийинканса... (Доклад комиссии по расследованию рабочих волнений в 1974 г. ...). [Рангун, 1975] (бирм. яз.).
44. Пьидаунзу мьямма найнган дохланйе каунси. 1970—71 кухни атуэ асоя-и я-тоун хманчей нгуэсайнн хнин паттэ-юэ пьиду-до асийинканса (Отчет народу Революционного Совета о бюджете на 1970/71 г. ...). Рангун, 1970 (бирм. яз.).
45. Пьидаунзу мьямма найнган дохланйе каунси. 1971—72 кухни атуэ пьидаунзу мьямма найнган асоя-и бандайе сибуайе лухмуйе ачейаней хнин паттэ-юэ пьиду-до асийинканса, саоу 1 (Отчет народу правительства Бирманского Союза о финансовых, экономических и социальных условиях... на 1971/72 г., кн. 1). Рангун, 1971 (бирм. яз.).
46. Пьидаунзу мьямма найнган дохланйе каунси. 1972—73 кухни атуэ пьидаунзу мьямма найнган асоя-и бандайе сибуайе лухмуйе ачейаней хнин паттэ-юэ пьиду-до асийинканса, саоу 1 (Отчет народу правительства Бирманского Союза о финансовых, экономических и социальных условиях... на 1972/73 г., кн. 1). Рангун, 1972 (бирм. яз.).
47. 1974—75 кухни атуэ пьидаунзу соушели тамада мьямма найнгандо-и бандайе сибуайе лухмуйе ачейаней хнин паттэ-ди пьиду хлудо-до асийинканса (Отчет Народному собранию о финансовых, экономических и социальных условиях Социалистической Республики Бирманский Союз на 1974/75 г.). Рангун, 1974 (бирм. яз.).
48. 1975—76 кухни атуэ пьидаунзу соушели тамада мьямма найнгандо-и бандайе сибуайе лухмуйе ачейаней хнин паттэ-ди пьиду хлудо-до асийинканса (Отчет Народному собранию о финансовых, экономических и социальных условиях Социалистической Республики Бирманский Союз на 1975/76 г.). Рангун, 1975 (бирм. яз.) [2].
49. Annual Report on the Working of the Factories Act XXV of 1934 in Burma for the Year... Rangoon.
50. Annual Survey of Manufactures. Rangoon.
51. Burma [quarterly, annual]. Rangoon.
52. Burma and the Insurrections. Rangoon, 1957.
53. Burma Facts and Figures. Factories in Burma. Rangoon, 1949.
54. Burma Gazetteer. Vol. A. Thayetmyo District. Rangoon, 1911.
55. Burma Gazetteer. Vol. A. Lower Chindwin District, Upper Burma. Rangoon, 1912.
56. Burma Gazetteer. Vol. A. Syriam District. Rangoon, 1914.
56а. Burma Gazetteer. Vol. A. Akyab District. Rangoon, 1917.
57. Burma National Economy. Rangoon, 1964.
58. The Burma Petroleum Industry. Calcutta, 1946.

---

[2] Аналогичные п. 44—48 публикации на английском языке см. п. 89—97а.

59. Burma Socialist Programme Party. Central Committee Headquarters. The First Party Congress 1971. Rangoon, 1973.
60. The Burmese Way to Socialism. The Policy Declaration of the Revolutionary Council. April 30, 1962. Rangoon.
61. Census of 1891. Provincial Tables. Burma Report. Vol. III Containing... Tables of Lower Burma. Rangoon, 1892.
62. Census of 1891. Provincial Tables. Burma Report. Vol. IV Containing... Tables of Upper Burma. Rangoon, 1893.
63. Census of India, 1901, Vol. XII. Burma. Pt. I. Report.., Rangoon, 1902.
64. Census of India, 1901. Vol. XII A. Burma. Pt II. Imperial Tables... Rangoon, 1902.
65. Census of India, 1901. Vol. XII B. Burma. Pt III. Provincial Tables. Lower Burma... Rangoon, 1905.
66. Census of India, 1901. Vol. XII C. Burma. Pt IV. Provincial Tables. Upper Burma, the Shan States, and the Chin Hills... Rangoon, 1905.
67. Census of India, 1911. Vol. IX. Burma. Pt I—Report, Pt II—Tables. Rangoon, 1912.
68. Census of India, 1921. Vol X. Burma. Pt I—Report, Pt II—Tables. Rangoon, 1923.
69. Census of India, 1931. Vol. XI. Burma. Pt I—Report, Pt II—Tables. Rangoon, 1933.
70. Comprehensive Report. Economic and Engineering Development of Burma. Prepared for the Government of the Union of Burma. Vols. I, II. August 1953. Knappen, Tippetts, Abbett, McCarthy... Aylesbury and London [1953].
71. The Constitution of the Socialist Republic of the Union of Burma. Rangoon, 1974.
72. East India (Factory Inspection). London, 1894.
73. Economic Survey of Asia and the Far East [annual]. Bangkok.
74. Economic Survey of Burma [annual]. Rangoon.
75. The Factories Act 1951. Rangoon, [б. г.].
76. Final Report of the Riot Inquiry Committee. Rangoon, 1939.
77. First Report of the Labour Legislation Committee. Rangoon, 1948.
78. Government of the Union of Burma. Census Department. Advance Publications 1953 Census Stage. Industry and Cottage Industry. [Rangoon], 1955 (mimeo).
79. Is Trust Vindicated? Rangoon, 1960.
80. List of Industrial Establishments in Burma, 1936. Rangoon, 1936.
81. The National Income of Burma [annual]. Rangoon.
82. [Philippines] '73 Year Book of Labour Statistics. Manila, 1974.
83. Pyidawtha. The New Burma. London, 1954.
84. Quarterly Bulletin of Statistics. Rangoon.
85. Report of the Ad Hoc Oilfields Enquiry Committee. Rangoon, 1951.
86. Report of an Enquiry into the Standard and Cost of Living of the Working Classes in Rangoon by J. J. Bennison. Rangoon, 1928.
87. Report of the Indian Statutory Commission. Vol. XI. London, 1930.
88. Report of the Oilfield Labour Enquiry Committee. Rangoon, 1941.
89. Report of the Revolutionary Council to the People on the Budget Estimates of the Revolutionary Government of the Union of Burma for 1963—1964. Rangoon, 1963.
90. Report of the Revolutionary Council to the People on the Budget Estimates of the Revolutionary Government of the Union of Burma for 1964—65. Rangoon, 1964.
91. Report of the Revolutionary Council to the People on the Budget Estimates of the Revolutionary Government of the Union of Burma for 1965—1966. Rangoon, 1965.
92. Report to the People by the Union of Burma Revolutionary Council on the Revolutionary Government's Budget Estimates for 1966—67. Rangoon, 1966.
93. Report to the People by the Union of Burma Revolutionary Council on the Revolutionary Government's Budget Estimates for 1967—1968. Rangoon, 1967 (mimeo).

94. Report to the People by the Union of Burma Revolutionary Council on the Revolutionary Government's Budget Estimates for 1968—1969. Rangoon, 1968 (mimeo).
95. Report to the People by the Union of Burma Revolutionary Council on the Revolutionary Government's Budget Estimates for 1969—70. Rangoon, 1969 (mimeo).
96. Report to the People by the Government of the Union of Burma on the Financial, Economic and Social Coditions for 1973—74. Books I, 2, [Rangoon], 1972.
97. Report to the People by the Government of the Union of Burma on the Financial, Economic and Social Conditions for 1973—74. Books 1, 2 [Rangoon], 1973.
97a. Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1975—76. Rangoon, 1975 [3].
98. Report on the Administration of Burma [annual]. Rangoon.
99. Report on Indian Immigration by J. Baxter. Rangoon, 1941.
100. Report on the Manpower Situation in Burma. Prepared by Dr. M. M. Mehta. Geneva, 1964.
101. Report on Mining and Mineral Production in Burma for the Year... Rangoon.
102. Report on the Settlement Operations in the Tharrawaddy District. Season 1880—81. Rangoon, 1882.
103. Report on the Settlement Operations in the Bassein and Henzada Districts. Season 1883—84. Rangoon, 1885.
104. Report on the Settlement Operations in the Bassein and Thongwa Districts. Season 1888—89. Rangoon, 1890.
105. Report on the Settlement Operations in the Mandalay District. Season 1892—93. Rangoon, 1894.
106. Report on the Revision Settlement Operations in the Hanthawaddy District. Season 1897—98. Rangoon, 1900.
107. Report on the Settlement Operation in the Sagaing District. Season 1893—1900. Rangoon, 1903.
108. Report on the Revision Settlement Operations in the Tharrawaddy District. Season 1900—1901. Rangoon, 1902.
109. Report on the Settlement Operations in the Magwe District. Season 1897—1903. Rangoon, 1903,
110. Report on the Third Settlement of the Tharrawaddy District. Season 1913—15. Rangoon, 1916.
111. Royal Commission on Agriculture in India. Vol. XII. Evidence Taken in Burma. London, 1928.
112. Royal Commission on Labour in India. Evidence. Vol. X. Burma. Pts I, II. London, 1931.
113. Second Four-Year Plan for the Union of Burma (1961—62 to 1964—65). A Draft Outline. Rangoon, 1961.
114. Statistical Abstract for British India, [разные годы]. London.
115. Statistical Year Book 1963. Rangoon.
116. The Trade Union Situation in Burma. Report of a Mission from the International Labour Organization. Geneva, 1962.
117. United Nations. Demographic Yearbook... New York.
118. United Nations. Patterns of Industrial Growth 1938—1958. New York, 1960.
119. United Nations. The Growth of World Industry 1938—1961. National Tables. New York, 1963.
120. United Nations. The Growth of World Industry 1953—1965. National Tables. New York, 1967.
121. United Nations. The Growth of World Industry. 1967 Edition. Vol. I. General Industrial Statistics 1953—1966. New York, 1969.

[3] Аналогичные п. 89—97а публикации на бирманском языке см. п. 44—48 (в русской транскрипции).

122. United Nations. Statistical Yearbook... New York.
123. United Nations. Yearbook of National Accounts Statistics 1969. Vol. II. New York, 1970.
124. Union Land and Agricultural Planning Commission. Vol. VII. Land, Labour and Cooperation. Rangoon, 1956 (mimeo).
125. Union of Burma. First Stage Census 1953. Vol. I. Population and Housing. Rangoon, 1957.
126. Union of Burma. First Stage Census 1953. Vol. II. Industry, Cottage Industry and Home Consumed Production Industry. Rangoon, 1958.
127. Union of Burma. First Stage Census 1953. Vol. III. Chin Special Division, Population, Housing and Home Economy. Rangoon, 1957.
128. Year Book of International Socialist Labour Movement 1956—1957. London, 1956.
129. Yearbook of Labour Statistics... Geneva.

Книги и статьи советских авторов [4]

130. Азовский И. П. Государственный сектор в экономике Бирмы. М., 1965.
131. Азовский И. П. Крах крупного военно-бюрократического бизнеса в Бирме. — Крупный капитал и монополии стран Азии. М., 1970.
132. Азовский И. П. Бирма. М., 1970.
133. Акатова Т. Н. О роли рабочего класса Китая и его союзе с крестьянством в революционной борьбе (1919—1949 гг.). — Ленинизм, классы и классовая борьба в странах Востока. М., 1973.
134. Алаев Л. Б. Социальная структура индийской деревни. М., 1976.
135. Аникеев Н. П., Ульяновский Р. А. Программа национального возрождения (Философия партии «Бирманский путь к социализму»). — «Народы Азии и Африки», 1964, № 4.
136. Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г. История Индии. Краткий очерк. М., 1973.
137. Арзуманян А. Проблемы современного капитализма и классовая борьба. — Проблемы современного капитализма и рабочий класс. Прага, 1963.
138. Бади Ш. М. Рабочий класс Ирана. М., 1965.
139. Бади Ш. О некоторых аспектах социально-экономической структуры Ирана. — «Народы Азии и Африки», 1969, № 5.
140. Барышникова О. Г. Сельское хозяйство Филиппин. М., 1972.
141. Барышникова О. Г. и Жулев И. Ф. Особенности формирования и структуры сельскохозяйственного пролетариата на Филиппинах. — Сельскохозяйственные рабочие в странах Азии и Африки. М., 1969.
142. Беленький А. Б. Национальное пробуждение Индонезии. М., 1965.
143. Берзин Э. О. История Таиланда (краткий очерк). М., 1973.
144. Бляхман Л. С., Шкаратан О. И. НТР, рабочий класс, интеллигенция. М., 1973.
145. Борьба классов и современный мир. М., 1970.
146. Брагинский М. И. Формирование африканского пролетариата. М., 1974.
147. Брутенц К. Н. Современные национально-освободительные революции. М., 1974.
148. Былиняк С. А. Государственные финансы независимой Бирмы. М., 1968.
149. Васильев В. Ф. Рабочий класс и национально-освободительное движение в Бирме до второй мировой войны. — «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР». Т. XX. М., 1956.
150. Васильев В. Ф. Очерки истории Бирмы. 1885—1947. М., 1962.
151. Васильев В. Ф. Бирма на новых рубежах. М., 1965.
152. Васильев В. Ф. О составе городской мелкой буржуазии в Бирме. — Ленинизм, классы и классовая борьба в странах Востока. М., 1973.

[4] Включая международные издания с участием советских авторов.

153. Васильев И. В. Государственный капитализм в современной Бирме. М., 1961.
154. Васильчук Ю. А. Основные закономерности социально-экономического развития рабочего класса при капитализме и их анализ в трудах В. И. Ленина. — Борьба классов и современный мир. М., 1970.
155. Вебер А. Б. Классовая структура общества в Западной Германии. М., 1961.
156. Вебер А. Б. Рабочий класс. — «Советская историческая энциклопедия». Т. 11. М., 1968.
157. Вяткин А. Р. Миграции населения и их влияние на социально-экономическое развитие колониальной Бирмы (конец XIX — первая половина XX в.). — Колониализм и национально-освободительное движение в странах Юго-Восточной Азии. Сборник статей памяти академика А. А. Губера. М., 1972.
158. Гаврилов Ю. Экономические преобразования в Бирме. — «Мировая экономика и международные отношения», 1965, № 4.
159. Гаврилов Ю. Н. Борьба за независимость и прогрессивные преобразования в Бирме. М., 1970.
160. Галкин А. Сдвиги в социальной структуре капитализма и рабочий класс. — «Рабочий класс и современный мир», 1972, № 3, 6.
161. Ганковский Ю. В., Гордон-Полонская Л. Р. История Пакистана. М., 1961.
162. Гаузнер Н. Д. Научно-технический прогресс и рабочий класс США. М., 1968.
163. Гафуров Б. Г., Актуальные проблемы современного национально-освободительного движения. Развивающиеся страны Азии и Африки. М., 1976.
164. Гордон Л. А. Из истории рабочего класса Индии. М., 1961.
165. Гордон Л. А., Егорова М. Н. Рабочий класс независимой Индии. М., 1968.
166. Гордон Л. А., Фридман Л. А. Особенности состава и структуры рабочего класса в экономически слаборазвитых странах Азии и Африки (на примере Индии и ОАР). — «Народы Азии и Африки», 1963, № 2.
167. Гордон Л. А., Фридман Л. А. Некоторые особенности социальной структуры развивающихся стран. — «Народы Азии и Африки», 1964, № 6.
168. Гордон Л., Фридман Л. Рабочий класс освободившихся стран. — «Мировая экономика и международные отношения», 1965, № 12, 1966, № 1.
169. Губер А. А. К вопросу об особенностях формирования классов и партий в колониальной Индонезии. — Вопросы новой и новейшей истории, М., 1958.
169а. Губер А. А. Избранные труды. М., 1976.
170. Гузеватый Я. Н. Классы и классовая борьба в экономически слаборазвитых странах, М., 1963.
171. Дилигенский Г. НТР и социальное развитие рабочего класса. — «Мировая экономика и международные отношения», 1973, № 3.
172. Динкевич А. И. Очерки экономики современной Японии. М., 1972.
173. Дольникова В. А. Рабочий класс Таиланда. М., 1971.
174. Дружинин Н. М. Особенности генезиса капитализма в России в сравнении со странами Западной Европы и США. — «Новая и новейшая история», 1972, № 4, 5.
175. Егорова М. Н. Массовая борьба индийского пролетариата в 60-е годы. — Ленинизм, классы и классовая борьба в странах Востока. М., 1973.
176. Жабреев А. Ф. Борьба против торгово-ростовщической эксплуатации в Бирме. — «Народы Азии и Африки», 1965, № 3.
177. Жабреев А. Ф. Аграрные отношения в современной Бирме. М., 1971.
178. Жеребилов В. А. Рабочий класс Малайи. М., 1962.
179. Жулев И. Ф. Некоторые вопросы формирования рабочего класса Филиппин. — Формирование рабочего класса стран Азии и Африки. М., 1971.
180. Жулев И. Ф. Рабочий класс Филиппин. М., 1975.

181. Забозлаева О. И. Формирование рабочего класса в Индонезии. — «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР». Т. XX. М., 1956.
182. Заказникова Е. П. Индонезия. — Рабочий класс стран Азии и Африки. М., 1964.
183. Заказникова Е. П. Рабочий класс и национально-освободительное движение в Индонезии. М., 1971.
184. Зарубежный Восток и современность. В 2 томах. М., 1974.
185. Иванов М. С. Рабочий класс современного Ирана. М., 1969.
186. Иоанесян С. И. Лаос. М., 1972.
187. Искендеров А. А. Национально-освободительное движение. М., 1970.
188. Искольдский В. И. Таиланд. Экономические очерки. М., 1971.
189. Ионова А. И. Индонезийская буржуазия и рабочий класс (1945—1960 гг.). М., 1966.
190. Каждан А. К вопросу об эволюции форм наемного труда. — «Рабочий класс и современный мир», 1971, № 5—6.
191. Кауфман А. С. Рабочий класс и национально-освободительное движение в Бирме. М., 1961.
192. Кауфман А. С. Успехи и трудности бирманской революции. — «Международная жизнь», 1965, № 2.
193. Кауфман А. С. Рабочее движение в странах Юго-Восточной Азии. — Рабочее движение в странах Азии и Северной Африки на современном этапе. М., 1969.
194. Кауфман А. С. Бирма: идеология и политика. М., 1973.
195. Ким Г. Ф. Рабочий класс новой Кореи. М., 1960.
196. Ким Г. Ф. В. И. Ленин о классах и классовой борьбе в странах Востока. — Ленинизм, классы и классовая борьба в странах Востока. М., 1973.
197. Ким Г. Ф., Кауфман А. С. Ленинизм и национально-освободительное движение. М., 1969.
198. Классы и классовая борьба в развивающихся странах. Т. 1—3. М., 1967.
199. Климко Г. Н. Аграрные проблемы независимой Бирмы. М., 1964.
200. Кожевников В. А., Поповкина Р. А. Современный Лаос. Справочник. М., 1966.
201. Козлова М. Г. Бирма накануне английского завоевания. М., 1962.
202. Козлова М. Г. Английское завоевание Бирмы. М., 1972.
202а. Колонтаев А. П. Низшие формы производства в странах Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1975.
203. Комар Ю. И. Рабочий класс Республики Заир. М., 1974.
204. Коминтерн и Восток. М., 1969.
204а. Коммунистические партии развивающихся стран в борьбе за единый фронт. М., 1976.
205. Косолапов Р. Проблемы анализа социальной структуры советского общества. — «Проблемы мира и социализма», 1973, № 5.
206. Кудинов В. П. Планируется будущее. — «Азия и Африка сегодня», 1972, № 3.
207. Кудинов В. П. Бирма: курсом социалистической ориентации. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 3.
208. Кузнецова С. И. Социальная структура африканского города (проблемы формирования промышленного пролетариата в тропической Африке). М., 1972.
209. Лазарев Н. И. Бирма. — Аграрные отношения в странах Востока. М., 1958.
210. Лазарев Н. И. Положение рабочих на каучуковых плантациях в Бирманском Союзе. — «Советское востоковедение», 1958, № 4.
211. Латышева И. С. Малайзия. М., 1972.
212. Левинсон Г. И. Рабочее движение на Филиппинах. М., 1957.
213. Левинсон Г. И. Филиппины на пути к независимости (1901—1946). М., 1972.
214. Левковский А. И. Особенности развития капитализма в Индии. М., 1963.

215. Левковский А. И. Третий мир в современном мире. М., 1970.
216. В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970.
217. В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970.
218. Ленинизм, классы и классовая борьба в странах Востока. М., 1973.
219. Макарова С. М. Бирма: развитие капитализма в промышленности. М., 1968.
220. Макарова С. М. Эволюция государственного капитализма в Бирме. — Экономическая политика и государственный капитализм в странах Востока. М., 1972.
221. Малов А. Важный рубеж Бирмы. — «Новое время», 1971, № 30.
222. Малов А. Бирма смотрит в будущее. — «Азия и Африка сегодня», 1971, № 11.
223. Международное рабочее движение, [разные годы]. М.
224. Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. Том первый. Возникновение пролетариата и его становление как революционного класса. М., 1976.
225. Мельников А. Изменение структуры рабочего класса США. — «Мировая экономика и международные отношения», 1969, № 1.
226. Мельников А. Интеллигенция США: численность, состав, социальная дифференциация. — «Мировая экономика и международные отношения», 1970, № 1.
227. Мельников А. Н. Современная классовая структура США. М., 1974.
228. Минц Л. Е. Трудовые ресурсы СССР. М., 1975.
229. Мирский Г. И. «Третий мир». Общество, власть, армия. М., 1976.
230. Мирский Г., Покатаева Т. Классы и классовая борьба в развивающихся странах.— «Мировая экономика и международные отношения», 1966, № 2, 3.
231. Можейко И. В., Узянов А. Н. История Бирмы (краткий очерк). М., 1973.
232. Муранова А. П. Бирма. — Рабочий класс стран Азии и Африки. М., 1964.
233. Муранова А. П. Бирма. — Развивающаяся Азия. М., 1973.
234. Мхитарян С. А. Рабочий класс и национально-освободительное движение во Вьетнаме. М., 1967.
235. Надель С. Классовая и социальная структура развитого капиталистического общества. — «Мировая экономика и международные отношения», 1970, № 12.
236. Надель С. Н. Социальная структура современной капиталистической деревни. М., 1970.
237. Надель С. Н. Научно-техническая интеллигенция в современном буржуазном обществе. — «Мировая экономика и международные отношения», 1972, № 10.
238. Национально-освободительное движение в Азии и Африке. Века неравной борьбы. М., 1967.
239. Национально-освободительное движение в Азии и Африке. Пробуждение угнетенных. М., 1968.
240. Национально-освободительное движение в Азии и Африке. На новом пути. М., 1968.
241. Новая история Индии. М., 1962.
242. Новейшая история Индии. М., 1959.
243. Основные проблемы рационального использования трудовых ресурсов в СССР. М., 1971.
244. Павлов В. И. Социально-экономическая структура промышленности Индии. М., 1973.
245. Покатаева Т. Урбанизация в развивающихся странах. — «Мировая экономика и международные отношения», 1969, № 9.
246. Положение рабочего класса и рабочее движение в странах Азии и Африки (1959—1961). М., 1962.
247. Проблемы современного капитализма и рабочий класс. Прага, 1963.

248. Проблемы экономической самостоятельности стран Юго-Восточной Азии. М., 1970.
249. Пролетариат Латинской Америки. М., 1968.
250. Рабочее движение в странах Азии и Северной Африки на современном этапе. М., 1969.
251. Рабочий класс Африки. М., 1966.
252. Рабочий класс — главная революционная сила. М., 1973.
253. Рабочий класс и рабочее движение в странах Азии и Африки. М., 1965.
254. Рабочий класс капиталистических стран и национально-техническая революция. Прага, 1969.
255. Рабочий класс стран Азии и Африки. Справочник. М., 1964.
256. Рабочий класс стран Азии и Африки. М., 1966.
257. Развивающаяся Азия. М., 1973.
258. Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М., 1974.
259. Растянников В. Г. Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. М., 1973.
260. Ребрикова Н. В. Очерки новой истории Таиланда (1768—1917). М., 1966.
261. Розалиев Ю. Н. Классы и классовая борьба в Турции. М., 1966.
262. Ростовский С. Н. Рабочее и национально-освободительное движение в странах Юго-Восточной Азии после второй мировой войны. М., 1959.
263. Руднев В. С. Роль рабочего класса в национально-освободительном движении в Малайе. — «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР». Т. XX. М., 1956.
263а. Руднев В. С. Малайя 1945—1963. М., 1963.
264. Рузиев Т. Рабочий класс Пакистана. М., 1966.
265. Румянцев А., Стребалова А. Социально-экономический курс Мао Цзэ-дуна и рабочий класс Китая. — «Мировая экономика и международные отношения», 1967, № 6.
266. Руткевич М. Социальная структура развитого социалистического общества. — «Коммунист», 1974, № 2.
267. Рябова И. А. Рабочий класс и профсоюзы Малайзии. М., 1972.
268. Сельские трудящиеся Латинской Америки. М., 1972.
269. Сельскохозяйственные рабочие в странах Азии и Африки. М., 1969.
270. Семенов В. С. Капитализм и классы. М., 1969.
271. Симония Н. А. Об особенностях национально-освободительных революций. М., 1968.
272. Симония Н. А. Страны Востока: пути развития. М., 1975.
273. Соболев А. И. Пролетариат освободившихся стран и социальный прогресс. — «Рабочий класс и современный мир». 1975, № 3.
274. Сочевко Г. Г. Современная Камбоджа. М., 1967.
275. Средние городские слои Латинской Америки. М., 1974.
276. Структура рабочего класса капиталистических стран. Прага, 1962.
277. Тимофеев Т. Т. Всемирно-историческая роль рабочего класса и актуальные вопросы идейно-теоретической борьбы. — Рабочий класс — главная революционная сила. М., 1973.
278. Тимофеев Т. Т. Ленинский классовый анализ и современный капитализм. — «Вопросы философии», 1974, № 1, 5.
279. Тимофеев Т., Черняев А. О некоторых аспектах изучения современного пролетариата. — «Рабочий класс и современный мир», 1972, № 3.
279а. Типология несоциалистических стран. М., 1976.
280. Топеха П. П. Рабочее движение в Японии. 1945—1971. М., 1973.
281. Тягуненко В. Л. Проблемы современных национально-освободительных революций. М., 1969.
282. Тягуненко В., Эльянов А. «Третий мир»: некоторые тенденции экономического развития. — «Мировая экономика и международные отношения», 1973, № 4.
283. Узянов А. Бирма сегодня. — «Политическое самообразование», 1965, № 2.

284. Узянов А. Новая конституция. — «Азия и Африка сегодня», 1973, № 1.
285. Ульяновский Р. А. Бирма на новом пути развития. — «Народы Азии и Африки», 1963, № 6.
286. Ульяновский Р. Бирманский народ находит правильный путь. — «Коммунист», 1964, № 16.
287. Ульяновский Р. А. Социализм и освободившиеся страны. М., 1972.
288. Ульяновский Р. А. Очерки национально-освободительной борьбы. Вопросы теории и практики. М., 1976.
289. Формирование рабочего класса стран Азии и Африки. М., 1971.
290. Фридман Л. А. Капиталистическое развитие Египта. М., 1963.
291. Фридман Л. А., Гордон Л. А. Социальная структура общества и рабочий класс развивающихся стран Азии и Африки. — Рабочий класс стран Азии и Африки. М., 1966.
292. Чичеров А. И. Экономическое развитие Индии перед английским завоеванием. М., 1965.
293. Шабаев Б. А. Рабочий класс стран Магриба. М., 1968.
294. Шабшина Ф. И. Союз рабочего класса с крестьянством и революционный опыт Кореи (1918—1945 гг.). — Ленинизм, классы и классовая борьба в странах Востока. М., 1973.
295. Широков Г. К. Индустриализация Индии. М., 1971.
296. Шнайдер С. С. Бирма. М., 1951.
297. Vasilyev V. F. Burma.— Southeast Asia. History, Economy, Policy. Progress Publishers. Moscow, 1972.

Книги и статьи иностранных авторов

298. Герберт Ю. Положение и роль китайского рабочего класса в 1964 и 1965 гг. — Современный Китай. Социально-экономические очерки. М., 1972.
299. Груза И. Наемные трудящиеся и рабочий класс. — Рабочий класс — главная революционная сила. М., 1973.
300. Клеер Е. Анализ общественно-политических структур «третьего мира». М., 1968.
301. Кучинский Ю. История условий труда в Великобритании и Британской империи. М., 1948.
302. Митев Д. Социальные границы современного рабочего класса. — Рабочий класс — главная революционная сила. М., 1973.
303. Такин Лвин. История рабочего движения Бирмы. М., 1972.
303а. Такин Чит Маун. Заметки о политической жизни Бирмы. 1962—1971. М., 1976.
304. Торез М. Понятие класса и историческая роль рабочего класса. —«Коммунист», 1963, № 6.
305. Сая Че. Каба алоутама тамайн (История мирового рабочего движения). Рангун, 1957.
305а. Такин Лвин. Мьямма найнган алоутама тамайн (История рабочего движения в Бирме). Рангун, 1968.
306. Andrew E. J. L. Indian Labour in Rangoon. Oxford, 1933.
307. Andrus J. R. Burmese Economic Life. Stanford, 1948.
308. Aye Hlaing [U]. Trends of Economic Growth and Income Distribution in Burma 1870—1940.—«Journal of the Burma Research Society». June 1964.
309. Ba Swe [U]. Workers' Struggles in Burma. Rangoon, 1951.
310. Burma Facts and Figures. Bombay—Calcutta, 1946.
311. Burma Rice. Bombay—Calcutta, Reprint 1956.
312. Chakravarti N. R. The Indian Minority in Burma. London, 1971.
313. Cheng Siok-Hwa. The Rice Industry of Burma. 1852—1940. Kuala Lumpur—Singapore, 1968.
314. Furnivall J. S. An Introduction to the Political Economy of Burma. 3rd Edition. Rangoon, 1957.
315. Furnivall J. S. Colonial Policy and Practice. New York, 1956.
316. Golay F. H., Anspach R., Pfanner M. R. a. o. Underdevelopment and Economic Nationalism in Southeast Asia. Ithaca — London, 1969.

317. Grant J. W. Rice Crop in Burma. Rangoon, 1932. Reprint 1949.
318. Harvey G. E. British Rule in Burma. 1824—1942. London, 1946.
319. Ma Kyan. King Mindon's Councillors.— «Journal of the Burma Research Society», June 1961.
320. Maung Shein [U]. Burma's Transport and Foreign Trade (1885—1914). Rangoon, 1964.
321. Myo Htun Lynn [U]. The Burmese Labour. Rangoon University, 1954 (typed manuscript).
322. Myo Htun Lynn [U]. The Origin of Burmese Trade Unionism.— «Commerce Magazine 1953—1954». Rangoon, [б. г.].
323. Myo Htun Lynn [U]. Labour and Labour Movement in Burma. Rangoon, 1961.
324. Pillai P. P. (Ed.). Labour in South-East Asia. New Delhi, 1947.
325. Premier Reports to the People... Translation of the Speech Delivered by the Hon'ble Prime Ministre U Nu in the Chamber of Deputies on September 27, 1957. Rangoon, 1958.
326. Richardson J. H. Wages in Burma.—«International Labour Review», 1954, № 5.
327. Spate O. H. K. Beginnings of Industrialization in Burma.—«Economic Geography». Worecester, 1941, January, № 1.
328. Stifel L. D. Economics of the Burmese Way to Socialism.— «Asian Survey». Berkeley, 1971, № 8.
329. Sundrum R. M. A Note on the Comparison of Occupational Data in the 1921 and 1931 Censuses. University of Rangoon, 1957 (mimeo).
330. Sundrum R. M. Population Statistics of Burma. University of Rangoon, 1957 (mimeo).
331. Sundrum R. M. Urbanization: the Burmese Experience. University of Rangoon, 1957 (mimeo).
332. Sundrum R. M. Census Data on the Labour Force and the Income Distribution in Burma 1953—54. University of Rangoon, 1958 (mimeo).
333. Symes M. An Account of an Embassy to the Kingdom of Ava Sent by the Governor-General of India in the Year 1795. London, 1800.
334. Thompson V. Labour Problems in Southeast Asia. New Heaven, 1947.
335. Tinker H. The Union of Burma. London, 1959.
336. Tun Wai [U]. Economic Development of Burma from 1800 to 1940. Rangoon, 1961.
337. Tun Wai [U]. Burma's Currency and Credit. Calcutta, 1953.
338. Usha Mahajani. The Role of Indian Minority in Burma and Malaya. Bombay, 1960.
339. Walinsky L. J. Economic Development in Burma 1951—1960. New York, 1962.
340. The Working Class and the Class Struggle in the United States.—«Political Affairs». New York, 1973, № 10—11, November.

Журналы, еженедельники

341. «Азия и Африка сегодня». М.
342. «Бюллетень иностранной коммерческой информации». М.
343. «За рубежом». М.
344. «Коммунист». М.
345. «Мировая экономика и международные отношения». М.
346. «Народы Азии и Африки». М.
347. «Новое время». М.
348. «Проблемы Дальнего Востока». М.
349. «Проблемы мира и социализма». М.
350. «Рабочий класс и современный мир». М.
351. «Пати йея» («Партийная жизнь»). Рангун (бирм. яз.).
352. «Burma Labour Gazette». Rangoon.
353. «Communist Review». Sydney.
354. «Journal of the Burma Research Society». Rangoon.

355. «Forward». Rangoon.
355a. «International Financial Statistics». Washington.
356. «Labour Gazette». Bombay.
357. «Labour Monthly». London.
358. «People's Age». Delhi.
359. «Political Affairs». New York.
360. «World News and Views». London.

Газеты

361 «Правда». М.
362. «Известия». М.
363. «Ботатаун» («The Vanguard»). Рангун (бирм. яз.).
364. «Лоута пьиду нейзин». Рангун (бирм. яз.).
365. «Мьямма алин» («The New Light of Burma»). Рангун (бирм. яз.).
366. «Хантавади». Мандалай (бирм. яз.).
367. «Чемоун» («The Mirror»). Рангун (бирм. яз.).
368. «The Burman». Rangoon.
369. «The Guardian». Rangoon.
370. «The Nation». Rangoon.
371. «The New Times of Burma». Rangoon.
372. «The Times». London.
373. «The Working People's Daily». Rangoon.

Справочные издания

374. Айрапетов А. М. Таблицы исчисления среднегодовых темпов роста, прироста и снижения. М., 1967.
375. Бирма. 1 : 2 000 000. Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР. М., 1970.
376. Бирманско-русский словарь. М., 1976.
377. Большая Советская Энциклопедия, изд. 3. М.
378. Народонаселение стран мира. Справочник. М., 1974.
379. Население мира. Справочник. М., 1965.
380. Население СССР. Справочник. М., 1974.
381. Общественные науки за рубежом. Серия 9. Востоковедение и африканистика. М.
382. Советская историческая энциклопедия. М.
383. Judson's Burmese-English Dictionary. Rangoon, 1953.
384. Who's Who in Burma 1961. Rangoon, 1962.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

2 р. 30 к.

В. Ф. ВАСИЛЬЕВ РАБОЧИЙ КЛАСС БИРМЫ